ISSN 2619-0915

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№ 3 2026

ВЕСТНИК

Института права Башкирского государственного университета

№ 3 (31)

2026 г.

Издается с 2018 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Издатель
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Редакционный совет журнала:

Председатель редакционного совета
И.А. Макаренко
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Заместитель председателя редакционного совета
А.Б. Галимханов
кандидат юридических наук, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, доцент кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Члены редакционного совета:

С.Ж. Айдарбаев
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан);

Н.Н. Арзамаскин
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук
заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований ИГП РАН, Институт государства и права РАН (Москва);

А.В. Варданян
заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности ФГКОУ ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина
доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия (Москва);

Р.Х. Гиззатуллин
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического и трудового права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.Ш. Давлетгильдеев
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань);

Р.И. Зайнуллин
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, директор Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

М.Б. Кострова
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.Н. Кузбагаров
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург);

Д.А. Липинский
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти);

Т.И. Макарова
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

М.В. Мещанова
доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Юридического института Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

С.Ю. Морозов
доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

Р.В. Нигматуллин
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

К.К. Сейтенов
доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Косшы, Республика Казахстан);

А.П. Семитко
доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Ш.В. Тлепина
доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Республика Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.М. Усманова
доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак);

А.Р. Шарипова
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.А. Эксархопуло
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

З.А. Юсупова
кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Редакционная коллегия

Главный редактор
Ф.Г. Аминев, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий

Ответственный секретарь
Г.И. Самигуллина, ассистент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий

Литературный редактор
Л.С. Макаренко

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.
Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора 11

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Иванов Е.Ю.
Традиция как фундамент нормативности:
о природе российского права 14

Самигуллина Г.И.
Религиозно-традиционная и этно-религиозная модели
государственно-правового развития стран Ближнего Востока
в постколониальный период: сравнительно-правовой анализ 26

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Галиев Ф.Х., Имад Х.М., Тулупова Е.О.
Универсальные конституционные ценности в условиях
многообразия национальных идентичностей 34

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Михайлова Е.В.
Защита гражданских прав и законных интересов сторон
в делах о признании приватизации недействительной 47

Спылаев О.Д.
Добросовестность как этико-правовая категория 58

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Русавская А.В., Мурко Е.В., Мусатов А.М.
Формирование финансовой и правовой платформы
экономического пространства России 75

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Еникеев О.А.
Биобанки в системе социального обеспечения Российской Федерации:
потенциал, проблемы и перспективы развития 91

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Аглетдинова Д.И.
Информационная защита критической информационной инфраструктуры и особенности раскрытия преступлений, предусмотренных ст. 274.1 УК РФ …… 105

Баянов А.И., Семеновский А.И.
Правдивые и достоверные показания – целевые установки допроса и процесса доказывания по уголовному делу …… 117

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бертовский Л.В.
Эволюция уголовного судопроизводства или революция? …… 132

Дистанова Ф.Э.
К вопросу эффективности исполнения судебных решений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста …… 143

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Василевская Д.В.
Применение технологий искусственного интеллекта в судебной компьютерно-технической экспертизе …… 155

Вахмянина Н.Б.
Перспективы применения цифровых технологий при допросе младших школьников …… 173

Видясов Е.О.
Криминалистическая модель расследования экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства: алгоритмизация следственных действий и специфика доказывания …… 183

Вылегжанин Н.С.
Методологические основы расследования преступлений, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции …… 198

Гаврилов Б.Я., Кузнецов А.Н.
Ограничение права обвиняемого на телефонные звонки и свидания с родственниками и иными лицами как предмет судебного контроля …… 214

Дударев В.А., Брекина М.С.
Особенности расследования и профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий и киберпреступлений …….. 224

Евдокимова О.В.
Взаимодействие следственных подразделений с представителями средств массовой информации в раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершённых с использованием платформ онлайн-знакомств …….. 235

Иванова Е.В., Никитина И.Э.
Онлайн-преступления в цифровых имитированных мирах: тенденции и меры противодействия …….. 249

Илиджев А.А.
К вопросу об уголовно-правовой характеристике видов состава преступления и его криминалистическом значении …….. 266

Калимуллин Д.И.
Некоторые криминалистические аспекты расследования использования запрещённых субстанций в спорте …….. 278

Кочкина М.С., Корытин Д.И.
Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних: виктимологический и профилактический аспекты …….. 287

Купин А.Ф.
Псевдорукописные реквизиты документов как объекты криминалистических исследований …….. 301

Лазарев Д.А.
Особенности криминалистического обеспечения расследования компьютерных преступлений …….. 313

Новосёлова А.Н., Лияскина Е.С.
Выявление диагностических признаков киргизского языкового влияния на русскую устную речь инофонов при проведении фоноскопической экспертизы …….. 326

Полещук М.С.
Особенности подготовительного этапа производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего …….. 338

Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University

№ 3 (31)

2026

Published since 2018
Issued four per year

Founder
FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Publisher
FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Editorial council:

Head of Counsil:
I.A. Makarenko
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Deputy Head of Counsil:
A.B. Galimkhanov
Candidate of Sciences (Law), Central Election Commission Chairman, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Editorial council members:

S.Zh. Aidarbayev
Doctor of Law, Professor of the Chair of International Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan);

N.N. Arzamaskin
Doctor of Laws, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

M.M. Brinchuk
Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (Moscow);

A.V. Vardanyan
Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov);

E.L. Vasyanina
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg);

N.D. Vershilo
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

R.Kh. Gizzatullin
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial and Environmental Law, Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.S. Davletgildeev
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Professor of the Chair of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan);

R.I. Zaynullin
Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminalistics, Head of the Institute of Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

M.B. Kostrova
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procudure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.N. Kuzbagarov
Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law, North-West Branch, Russian State University of Justice (Saint Petersburg);

D.A. Lipinsky
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law, Tolyatti State University (Tolyatti);

T.I. Makarova
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Environmental and Agricultural Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

M.V. Meshchanova
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law, Law Institute, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

S.Y. Morozov
Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

R.V. Nigmatullin
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

K.K. Seitenov
Doctor of Law, Professor, First Vice-Chancellor, Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Kosshy, Republic of Kazakhstan);

A.P. Semitko
Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Humanities University (Yekaterinburg);

A.Al. Tarasov
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

S.V. Tlepina
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.M. Usmanova
Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Sterlitamak Branch, Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak);

A.R. Sharipova
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.A. Eksarhopulo
Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

Z.A. Yusupova
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa)

Editorial Board

Editor-in-Chief
F.G. Aminev Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technology.

Executive Secretary
G.I. Samigullina, *Assistant of the Department of Theory of State and Law*, Ufa University of Science and Technology.

Texts Editor
L.S. Makarenko

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and Publications in which the main scientific results of dissertations for the degrees of Candidate and Doctor of Sciences must be published

E-mail vest-law@yandex.ru;
Tel.: (347)228-90-30
The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications Registration Certificate
ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

Editor-in-chief's Column ……. 11

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Ivanov E. Yu.
Tradition as the Bedrock of Normativity: On the Nature of Russian Law…….. 14

Samigullina G.I.
Religious-Traditional and Ethno-Religious Models of State
and Legal Development of the Middle East Countries
in the Post-Colonial Period: A Comparative Legal Analysis ……..... 26

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Galiev F.Kh., Mahmud I.H., Tulupova E.O.
Universal Constitutional Values Amidst the Diversity of National Identities …….. 34

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Mikhailova E.V.
The Civil Rights and Legal Interests' Protection of the Parties
in Cases of Privatization Invalidation ……..... 47

Spilaev O.D.
Good Faith as an Ethical and Legal Category ……..... 58

FINANCIAL LAW; TAX LAW; PUBLIC BUDGET LAW

Rusavskaya A.V., Murko E.V., Musatov A.M.
The Financial and Legal Platform Formation in the Russian Economic Space …….. 75

LABOUR LAW; SOCIAL SECURITY LAW

Enikeev O.A.
Biobanks in the Social Security System of the Russian Federation:
Potential, Problems and Development Prospects ……..... 91

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Agletdinova D.I.
The Critical Information Infrastructure Security and the Specifics of Crime Detection under the Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 105

Bayanov A.I., Semenovskii A.I.
Truthful and Reliable Testimony – the Interrogation Goals and the Evidentiary Process in a Criminal Case 117

CRIMINAL PROCEEDING

Bertovsky L.V.
The Criminal Procedure: Evolution or Revolution?..... 132

Distanova F.E.
On the Effectiveness of Court Decisions Execution on House Arrest as a Measure of Restraint 143

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Vasilevskaya D.V.
The Artificial Intelligence Technologies Application in Digital Forensics 155

Vakhmyanina N.B.
Prospects of Using Digital Technologies to Interrogate Primary School Children 173

Vidyasov E.O.
A Criminalistic Model of Economic Crimes Investigation in the Housing and Utilities Sector: Algorithmization of Investigative Actions and Specifics of Proof 183

Vylegzhanin N.S.
Methodological Bases for the Investigation Crimes Associated with Unmarked and Falsified Alcohol Products 198

Gavrilov B.Ya., Kuznetsov A.N.
Restriction of the Accused's Right to Telephone Calls and Meetings with Relatives and Other Persons as a Subject of Judicial Control 214

Dudarev V.A., Brekina M.S.
Investigation and Prevention of Minors' Involvement in Antisocial Acts and Cybercrimes: Specific Features 224

Evdokimova O.V.
The Investigative Forces and Mass Media Interaction in the Detection, Investigation and Prevention of Online Dating Fraud …… 235

Ivanova E.V., Nikitina I.E.
Online Crimes in Digital Simulated Worlds: Trends and Countermeasures …… 249

Ilidzhev A.A.
On the Criminal-Law Characterization of Crime Composition Types and Its Forensic Significance …… 266

Kalimullin D.I.
On Criminalistic Aspects of Investigating the Prohibited Substances Use in Sport …… 278

Kochkina M.S., Korytin D.I.
The Criminogenic Impact of Social Networks on Minors: Victimological and Preventive Aspects …… 287

Kupin A.F.
Pseudo-Handwritten Document Details as Objects of Forensic Research …… 301

Lazarev D.A.
Specifics of Forensic Support for the Computer Crimes Investigation …… 313

Novoselova A.N., Liyaskina E.S.
Detection of diagnostic signs of the Kyrgyz language influence on the Russian oral speech of non-native speaker during the phonoscopic examination …… 326

Poleshchuk M.S.
Specifics of the Preparatory Stage for Conducting a Lineup Involving a Minor …… 338

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

О необходимости активизации публично- и частноправовых исследований и перехода от монодисциплинарных к междисциплинарным научным исследованиям юридического профиля

Уважаемые коллеги, авторы и читатели!

Очередной номер «Вестника Института права Башкирского государственного университета» выходит в период, когда перед юридической наукой стоят задачи, требующие не только глубокого теоретического осмысления, но и оперативного отражения в публикационной повестке. Редакция журнала считает необходимым представить читателям краткий анализ распределения публикаций за 2025–2026 годы по научным специальностям с 5.1.1 по 5.1.5 и обозначить направления, требующие активизации авторской работы.

Общая картина структуры публикаций по специальностям такова: наибольшая публикационная активность (55,3 % от общего числа опубликованных в журнале статей) сосредоточена в области уголовно-правовых наук (специальность 5.1.4). В то же время результаты теоретико-исторических правовых (10,7 %), публично-правовых (государственно-правовых) (12,5 %), частноправовых (цивилистических) (14,5 %) и особенно международно-правовых (7 %) исследований представлены заметно скромнее.

Приведенные данные наглядно демонстрируют ключевую тенденцию – абсолютное большинство публикаций сосредоточено в области уголовно-правовых наук. С одной стороны, это свидетельствует о высокой исследовательской активности представителей уголовно-правовой науки и устойчивом интересе авторов к данной проблематике. С другой стороны, столь выраженный дисбаланс ставит перед редакцией и научным сообществом вопрос о необходимости более гармоничного развития всех научных специальностей, представленных в журнале.

Проблемные зоны, характеризующиеся недостаточным количеством публикаций, распределились следующим образом.

Научная специальность 5.1.5 (международно-правовые науки) вызывает особую озабоченность редакции: доля статей по данной специальности составляет лишь 7,0 % от общего объема публикаций. При этом современная юридическая доктрина и правоприменительная практика требуют глубокого осмысления широкого круга вопросов, среди которых: международное сотрудничество в условиях нестабильности мирового порядка, правовые аспекты интеграционных процессов на постсоветском пространстве, международно-правовые механизмы защиты прав человека, проблемы международного экономического права и санкционного регулирования. Эти темы востребованы как в научном,

так и в практическом плане, и мы ожидаем от авторов достаточного их отражения на страницах журнала.

Научная специальность 5.1.1 (теоретико-исторические правовые науки) представлена 10,7 % публикаций. Фундаментальные исследования в области теории государства и права, истории правовых учений и истории государства и права составляют основу юридической науки, без которой невозможно развитие отраслевых дисциплин. Очевидно, что долю таких исследований в журнале следует увеличить.

Научная специальность 5.1.2 (публично-правовые (государственно-правовые) науки) охватывает 12,5 % статей. Вопросы конституционного, административного, финансового, муниципального права, а также проблемы организации публичной власти и защиты прав граждан заслуживают более широкого освещения, особенно в условиях продолжающегося реформирования законодательства.

Научная специальность 5.1.3 (частноправовые (цивилистические) науки) представлена 14,5 % публикаций. Гражданское, предпринимательское, семейное, трудовое право, гражданский и арбитражный процесс – эти направления традиционно востребованы авторами и читателями, однако их доля также могла бы быть выше с учетом масштабов и значимости частноправового регулирования в стране.

Таким образом, при несомненном лидерстве уголовно-правовой проблематики (специальность 5.1.4 – 55,3 %) четыре из пяти научных специальностей представлены в журнале заметно скромнее, что требует целенаправленной работы по привлечению новых авторов и расширению тематики публикаций.

Призыв к авторам: расширяйте горизонты исследований!

Редакция журнала обращается к научному сообществу с призывом активизировать публикационную деятельность по всем научным специальностям, уделяя особое внимание направлениям, представленным в меньшей степени, а также междисциплинарным исследованиям юридического профиля.

Для специалистов в области международного права (специальность 5.1.5 – 7,0 %): предлагаем подготовить статьи, посвященные актуальным вопросам международного публичного и частного права, включая анализ практики международных судебных органов, проблематику международно-правовой ответственности, вопросы правового регулирования международных экономических отношений и международного сотрудничества в сфере противодействия преступности.

Для представителей теоретико-исторических правовых наук (специальность 5.1.1 – 10,7 %): приглашаем к публикации исследований по проблемам правопонимания, методологии юридической науки, истории государственно-правовых институтов, а также к представлению сравнительно-правовых изысканий.

Для авторов, работающих в рамках публично-правовых (государственно-правовых) наук (специальность 5.1.2 – 12,5 %): рекомендуем обратить внимание на проблемы конституционного строительства, административно-правового регулирования, финансового и налогового права, а также цифровизации публичного управления.

Для специалистов в области частного права (специальность 5.1.3 – 14,5 %): предлагаем активнее освещать вопросы реформирования гражданского законодательства, защиты прав потребителей, корпоративных отношений, интеллектуальной собственности, а также актуальные проблемы цивилистического процесса.

Для представителей уголовно-правовой науки (специальность 5.1.4 – 55,3 %): сохраняя высокую публикационную активность, рекомендуем расширять междисциплинарные исследования на стыке уголовного права, процесса и криминалистики с другими отраслями, а также уделять внимание сравнительно-правовому анализу.

В целом хотелось бы поблагодарить всех авторов, присылающих статьи с результатами своих научных исследований. «Вестник Института права Башкирского государственного университета» остается открытой площадкой для академической дискуссии. Мы приглашаем к сотрудничеству как опытных исследователей, так и молодых ученых, аспирантов и магистрантов. Уверены, что совместными усилиями мы сможем обеспечить сбалансированное развитие всех научных специальностей и повысить качество отечественных юридических исследований.

Главный редактор,
доктор юридических наук, профессор
Фарит Гизарович Аминев

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Научная статья
УДК 340.112
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.1

Иванов Евгений Юрьевич
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
ivanzmeeff@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-8855-2920

ТРАДИЦИЯ КАК ФУНДАМЕНТ НОРМАТИВНОСТИ: О ПРИРОДЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация. Сегодня государство всё чаще обращается к собственной культурно-исторической традиции в попытке найти обоснование нормативизации способов разрешения проблем настоящего времени. Право и юридическая наука здесь не являются исключением. Однако на данный момент целостного представления о месте традиции, её онтологическом и аксиологическом статусах в природе российского права не сформировано. Цель исследования: выявить и описать онтологический и аксиологический статус феномена отечественной культурно-исторической традиции в структуре нормативности права. Методы: сравнительно-правовой анализ, синтез, герменевтическая процедура, обобщение и абстрагирование. В результате исследования был охарактеризован онтологический статус традиции в структуре российского права как детерминанта легитимации, интерпретации и социальной устойчивости норм. Аксиологический статус определён как ориентационный, проявляющийся в обосновании системы равнозначимых ценностей в российском праве, институциональной трансляции ценностей и толковании юридического текста. В качестве перспективных направлений дальнейших исследований отмечены выбор и апробация методологии интеграции отечественной культурно-исторической традиции в современную теорию права.

Ключевые слова: традиция, нормативность, природа права, онтологический статус, аксиологический статус, теория права

Для цитирования: Иванов Е.Ю. Традиция как фундамент нормативности: о природе российского права / Е.Ю. Иванов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.1 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 14–25.

© Иванов Е.Ю., 2026

Original article

Ivanov Evgeny Yurievich
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russia,
ivanzmeeff@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-8855-2920

TRADITION AS THE BEDROCK OF NORMATIVITY: ON THE NATURE OF RUSSIAN LAW

Abstract. Today, the state increasingly turns to its own cultural and historical tradition in an attempt to find justification for normativizing ways of resolving present-day problems. Law and legal science are no exception here. However, at the moment, a holistic idea of the place of tradition, its ontological and axiological statuses in the nature of Russian law has not been formed. Purpose: to identify and describe the ontological and axiological status of the phenomenon of domestic cultural and historical tradition in the structure of legal normativity. Methods: comparative legal analysis, synthesis, hermeneutical procedure, generalization and abstraction. Results: the ontological status of the tradition in the structure of Russian law is characterized as a determinant of legitimation, interpretation and social stability of norms. The axiological status is defined as orientation. It manifests itself in the justification of the equivalent values system in Russian law, institutional transmission of values and interpretation of the legal text. Prospects: as promising directions for further research, the selection and approbation of a methodology for integrating domestic cultural and historical tradition into modern legal theory are identified.

Keywords: tradition, regularity, nature of law, ontological status, axiological status, theory of law

For citation: Ivanov E. Yu. Tradition as the Bedrock of Normativity: On the Nature of Russian Law. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2026, no. 3, pp. 14–25. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.1

Введение. В последнее десятилетие на фоне дестабилизации внешнеполитической обстановки, проведения специальной военной операции и декомпозиции внутренних социальных отношений в нашей стране актуализируются вопросы сохранения и укрепления традиций, что определяет вектор дальнейшего развития государства. Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании оргкомитета «Победа» ещё в 2022 г. отметил, что «основой нашей национальной идентичности были и остаются преемственность поколений, верность традициям, высокие духовно-нравственные ориентиры»[1]. При этом в

[1] Путин: традиции и нравственные ориентиры составляют основу национальной идентичности РФ [Электронный ресурс] // ТАСС: сайт. URL: https://tass.ru/obschestvo/16329405 (дата обращения: 26.02.2026).

динамично изменяющейся реальности сегодняшнего дня, как отмечает А.В. Малько, правовая политика «не успевает» реформировать правовую систему в фокусе заданных ориентиров, следовательно, возникает потребность в разработке новой теоретико-правовой концепции, которая на стратегическом уровне будет определять приоритеты в сфере права с учётом изложенных обстоятельств [1]. Однако уже на первом этапе разработки данной концепции неизбежно столкновение с дуальностью существующих теоретических детерминант. С одной стороны, в русле позитивистской парадигмы формальная обязательность норм посредством процедурной валидности права и институционального принуждения. С другой стороны, субъективное восприятие людьми сущности нормативности в онтологическом и аксиологическом смыслах. И именно традиция в указанном контексте как «элемент структурного генерирующего механизма социальной жизни, определяющего идентичность субъекта» [2, с. 30], зачастую находящаяся на периферии юридической науки, обладает потенциалом разрешения представленного дискурса и может являться конституирующим элементом природы российского права. Так, например, для отечественной философской мысли, в отличие от западноевропейской и американской, в принципе характерно рассматривать «традицию как универсальный феномен общественной реальности, ориентированной прежде всего на осмысление места человека в мире и меры его ответственности в историческом праксисе»[2], что в той же степени выделяет и отечественную юридическую науку. Следовательно, для целостного представления о природе российского права в настоящей публикации была поставлена цель: выявить и описать онтологический и аксиологический статусы феномена отечественной культурно-исторической традиции в структуре нормативности права. Для достижения цели были использованы теоретические методы исследования: сравнительно-правовой анализ, синтез, герменевтическая процедура, обобщение и абстрагирование.

Нормативность права и традиция: концептуальные границы и точки соприкосновения. Нормативность большинством исследователей признаётся одновременно признаком и свойством права, обнаруживается, как правило, у юридических норм и не соотносится с категориями правоотношений и принципов правосознания [3]. Тем не менее, Н.В. Варламова указывает, что «нормативность – инвариант социального бытия» [4, с. 162], т. е. автор даёт наиболее широкую феноменологическую трактовку. Тогда в широком смысле нормативность права – это реализация потребности общества в регулировании общественных отношений посредством правовых предписаний, порождающих обоснованное долженствование, а в узком смысле – проявление указанных потребностей в системе формально определённых юридических норм, охраняемых государством.

---

[2] Захарченко М.В. Путь к традиции: опыт теоретического осмысления понятия традиции [Электронный ресурс] // KM.RU: сайт. URL: https://www.km.ru/referats/A63CD4E60F4B436AB88AFDB5D17AFAFA (дата обращения: 12.03.2026).

Приведённые интерпретации обоснованы тремя ключевыми философскими и правовыми утверждениями: 1) норма – это всегда образец или эталон; 2) представление о норме формирует общество на конкретном этапе своего развития; 3) общество – не саморегулирующаяся система, оно создаёт право как абстрактный инструмент регулирования общественных отношений. Однако, как справедливо отмечает А.В. Корнев, «нормативность есть в то же время одна из причин несовершенства закона, включая пробелы» [5, с. 15]. Так, нормативность обуславливает стремление права к абстрагированию, к попытке «подогнать» реальность под норму, а не наоборот, что не позволяет принимать во внимание все обстоятельства реализации самой нормы. В таком случае нормативность права ограничена формальной определённостью норм и не верифицируема за пределами санкций, здесь «поле» другого «игрока», более вариативного, обусловленного генезисом социальных отношений – традиции в общефилософском смысле.

Традиция не является повторением успешных практик прошлого и не выступает консервативной инерцией, а в контексте права представляет собой механизм трансляции ожиданий общества, основанных на смыслах и ценностных ориентациях, переданных в межпоколенной связи. С течением исторического времени, подчёркивают В.В. Горохова и Н.В. Галанина, традиции «приобретают специфически человеческие основания и гуманистическую направленность, детерминируя право как следующий, более структурированный и созданный для сложной государственной системы комплекс культурно обоснованных правил бытия человеческого сообщества» [6, с. 35]. Это происходит за счёт реализации механизма трансляции традиции в трёх плоскостях: доктринальной (образовательные системы и научные школы), институциональной (прецеденты и правовые обычаи) и социокультурной (понимание справедливости, ценностные установки и степень доверия к институтам власти). При этом независимо от подхода к пониманию природы права – философский, социологический, нормативистский или исторический – традиция формирует внутреннюю социальную легитимность нормативности права.

Однако изложенное демонстрирует и амбивалентность сущности права: нормативность как формальный императив и традиция как «голос» динамично изменяющегося общества. Природа конкретно российского права также может быть представлена амбивалентно. Первый детерминант российского права – это стремление к нейтральности формально-юридического подхода, нормативизация общественных отношений с оглядкой на лучшие, как кажется в определённый момент истории, зарубежные практики. Второй детерминант – отечественная культурно-историческая традиция, в которой главенствуют соборность, патриархальность, духовность, следование устоям и, как утверждает С.Г. Киселев, «сложившаяся многоконфессиональность» [7, с. 36]. В таком случае концептуальная граница между нормативностью права и традицией будет заключаться в описанной нами амбивалентности, а их соприкосновение осуществляться непосредственно в обусловленности российского права культурно-исторической традицией.

Онтологический статус традиции в структуре российского права. Онтологический статус любого явления в праве определяется степенью включённости в конституирование правовой реальности, но относительно традиции многое зависит от выбранного методологического основания. Для формально-позитивистского подхода характерно сведение права к норме и аксиоматическое отождествление источника права и формы права [8], что приравнивает традицию к правовому обычаю, не актуализируя её значения для структуры права. Другая онтология традиции сформирована в рамках исторической школы права, где «отношение права как системы норм к народному духу как к первооснове этих норм опосредствуется процессом исторического развития правосознания народа» [9, с. 50], нормативность здесь не устанавливается императивно «сверху», а развивается в историческом опыте народа – традиции. Юридическая герменевтика даёт возможность описать правовую систему с учётом её сущности и динамики [10]. Собственно, два последних подхода коррелируют с основной идеей нашего исследования и будут являться определяющими. Традиция в данном ракурсе будет тем самым «горизонтом понимания», о котором говорил Х.-Г. Гадамер [11], определяющим интерпретацию нормы и нормативности права в целом. Для этого важно понимать исторические предпосылки обретения традицией искомого онтологического статуса.

Становление российского права на фоне многогранной и неординарной истории государства происходило в симбиозе и борьбе двух разнонаправленных моделей: реципированной и автохтонной. Российская правовая культура берёт своё начало как образ правовой культуры Византии, далее право приобретает духовно-нравственный характер, т. к. отождествляется народом с высшими, духовными нормами, постулируемыми традиционным обществом и религиозными догмами. Дореволюционное право опиралось на соборность общества, сословное неравенство и земский обычай. В советский период право и, в первую очередь, правотворчество совершили резкий разворот в сторону формальной нормативизации, но всё же не была разорвана связь с самобытной традицией, яркий тому пример – признание воспитательной функции уголовного закона. В ранний постсоветский период произошла интенсификация процесса заимствований и даже копирований западных норм, что привело как к разрушению традиционного общественного начала в нормативности права, так и к позитивным сдвигам относительно наделения правами и свободами граждан. Нынешнее состояние российской правовой системы, безусловно, стремится к равновесию нормативизации права и традиционной основы.

Действующее законодательство Российской Федерации и юридическая наука не фиксируют традицию как источник права, однако тенденции к этому становятся всё очевиднее. Так, в Конституции Российской Федерации после внесения поправок в 2020 г. появились аспекты обращения к традиции: закреплено сохранение «исторически сложившейся государственной целостности» (ст. 67.1), указана защита «исторической правды» (ст. 68) и обеспечение «сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей» (ст. 114).

В Гражданском кодексе Российской Федерации признаётся дефиниция «обычай» (ст. 5), а в некоторых подзаконных нормативных актах прямо обозначена «традиция» в том смысле, о котором идёт речь в настоящей статье. Таким образом, указанные аспекты в прямой постановке не устанавливают новых норм, но позволяют легитимировать онтологический статус традиции в российской правовой системе.

Определившись с онтологическим статусом традиции в структуре российского права как детерминанта легитимации, интерпретации и социальной устойчивости норм, попытаемся описать представленные функционально-бытийные уровни детерминации:

Первый уровень – «пред-правовой» (уровень легитимации). Признание норм не является обязательным социальным явлением, более того, нормы могут отвергаться и стать «бумажным правом». Если мы говорим о реальности, то традиция выступает как сила, обеспечивающая легитимацию нормы – «подчинение норме» за счёт следования социальному развитию (М. Вебер). Онтологически традиция здесь первична, она связывает мораль и право. Однако данная позиция, как вполне обоснованно отмечает М.В. Антонов, в прямой постановке не должна связывать создание нормы и её действенность, так как «нет никакой практической (вероятно, также и теоретической) ценности в установлении взаимосвязи между действием права и социологическим уровнем его поддержки со стороны адресатов норм» [12, с. 65]. Другими словами, предправовой уровень являет собой социально-философское основание нормативности права и не влияет на его действенность.

Второй уровень – «герменевтический горизонт» (уровень понимания). Толкование и применение права всегда происходит в пределах исторически сложившегося юридического сознания, а традиция устанавливает эти пределы смыслов и категории понимания нормы. В качестве аргумента В.Н. Корнев и В.И. Кононенко пишут, что в толковании и интерпретации права главным инструментом является естественный язык [13], который представляет собой тот самый результат межпоколенной трансляции вербального опыта. Например, для российского права характерны такие понятия как «социальная справедливость» и «государственная необходимость», которые укоренены в нашем обществе непосредственно как герменевтический конструкт. Из сказанного следует, что на данном уровне традиция онтологически не содержание, а условие понимания и интерпретации права.

Третий уровень – «память права» (уровень устойчивости права). Вернёмся в философское понимание традиции: она не есть статичный архив, а динамично изменяющаяся система взаимообусловленных ценностей и смыслов, передающая их от одного поколения другому. В таком случае традиция обеспечивает непрерывность правовой системы независимо от сиюминутных социальных условий (революций, кризисов и т. п.), способствует адаптации новых институтов к уже сложившейся российской правовой культуре. Но необходимо подчеркнуть и онтологические различия между традицией и обычаем в ука-

занном контексте. Обычай – локальный элемент традиции, поддающийся ограничительному воздействию нормы. Традиция – образующий ценности и смыслы культурно-исторический фундамент организации жизни, в том числе и права, который невозможно декретировать, и обеспечивающий устойчивость и стабильность правовой системы.

Вместе с тем, признание раскрытого нами онтологического статуса традиции формирует и ряд ограничений, которые необходимо учитывать в дальнейших исследованиях. Во-первых, традиция не может использоваться как единственно верное условие легитимации нормы, возникает риск под предлогом «исторически сложившейся практики» ограничения прав отдельных категорий граждан либо удовлетворения интересов т. н. элит. Во-вторых, «увлечение» философией и теорией может привести к разрыву с практикой и «отставанию» права от современных реалий. В-третьих, на сегодняшний день отсутствует юридическая методология эмпирического исследования традиции как правовой практики, что затрудняет её учёт в процессе нормотворчества. Однако игнорирование онтологического статуса традиции приведёт к расхождению права и правовой культуры, к дестабилизации правовой системы и её дефрагментации на изолированные друг от друга нормы.

Аксиологический статус отечественной культурно-исторической традиции в структуре нормативности права. Методологический выбор описания аксиологического статуса отечественной культурно-исторической традиции в структуре нормативности права, в отличие от онтологического статуса, не очевиден, т. к. само аксиологическое измерение права – явление дискуссионное. Отношение ценностей к нормативности в юридической науке не актуализировано: не ясно, ценности – это внешний контекст права или внутренний каркас, объединяющий нормы друг с другом. С одной стороны, Конституция Российской Федерации закрепляет главенствующую роль историко-культурного наследия (ст. 67.1, ст. 114), с другой стороны, на практике традиция используется, скорее, как политико-риторический конструкт. Более того, нет представления о степени необходимой интеграции традиционных ценностей и смыслов в формально-догматический аппарат права. Но, во всяком случае, в данном исследовании мы попытаемся сделать методологический абрис разрешения обозначенных затруднений.

На первом этапе следует обратить внимание на аксиологическое измерение нормативности: право функционирует не только как императив, но и как укоренённый в коллективном правовом сознании ценностный регулятор. Т.Р. Боташев замечает, что «современное право как универсальный социальный регулятор (право в объективном смысле) неразрывно соединяет в себе аксиологическое наполнение и позитивное закрепление» [14, с. 175], т.е. позитивное и естественное право в данном русле не противоречат друг другу. Т.А. Желдыбина с позиции аксиологии права приводит некоторые примеры ценностей, характерных для отечественной культурно-исторической традиции: «Поиск идеалов правды и всечеловечности исходил из индивидуальных пред-

ставлений об окружающем мире. Категории «милосердие», «взаимопомощь», «достоинство», «великодушие» и другие были близки и понятны русскому человеку. Преобладание коллективности над индивидуализмом, любовь к Родине, патриотическое воспитание есть доминанты русского национального духа» [15, с. 27]. Следовательно, и нормативность не существует без ценностного обоснования, ведь каждая норма должна нести в себе аксиологическую «нагрузку» в виде системы ценностей или, как минимум, ориентацию на них.

На втором этапе рассмотрим иерархию ценностей в указанной выше системе через призму нормативности права. Так, в современном понимании аксиологии права нормативность невозможна без аксиологического целеполагания нормы и определения ценностных границ её применения, при этом ценности, как и право, динамичны и подвержены влиянию социально-экономических условий. Но ценности не могут быть выстроены в вертикаль от наиболее значимой в жизни человека к наименее значимой, нет способа, например, определить, что важнее – личная свобода или безопасность, патриотизм или религиозные идеалы. Разделим мнение Р.Ф. Исмагилова и В.П. Сальникова, что «все закреплённые в Конституции ценности являются абсолютными, они не имеют иерархии» [16, с. 176]. Это даёт нам возможность расположить ценности «в плоскости», которая и будет являть собой тот самый фундамент нормативности права, заявленный нами в проблеме исследования.

Третий этап – это интеграция в структуру права отечественной культурно-исторической традиции, где она будет выполнять специфическую аксиологическую функцию. Интеграция происходит в трёх направлениях: конституционно-ценностном, отраслевом и интерпретационном. Конституционно-ценностное направление интеграции традиции характеризуется конкретизацией ценностей в основном законе государства с уже упомянутыми терминами «память предков», «защита исторической правды», «традиционные духовно-нравственные ценности» и т. п. Традиция в Конституции Российской Федерации прямо используется как критерий допустимости государственного регулирования таких значимых общественных сфер как семья, образование и историческая память. Отраслевое направление интеграции отечественной культурно-исторической традиции – объективизация в отраслях права: ценности транслируются не только межличностно в культуре, но и путём доктринального сохранения понимания справедливости в социальных институтах и институтах власти. Интерпретационное направление – традиция здесь выполняет герменевтическую функцию, через толкование задаёт аксиологические границы правотворчества и правоприменения, а также предотвращает произвольность в интерпретации нормы. Методология герменевтики позволяет рассматривать не только явления правовой онтологии (раскрыто в предыдущей части работы), но и культурно-исторический контекст многозначности ценностей и смыслов [17]. Отсюда следует, что отечественная культурно-историческая традиция обеспечивает герменевтическую связанность правовых текстов, формируя восприятие обществом нормативности с учётом её национальной аксиологической специфики.

Несмотря на то, что описанные этапы ценностно-смыслового наполнения российского права путём трансляции отечественной культурно-исторической традиции не являются законченной методологией, нами решена задача по определению аксиологического статуса традиции. Статус отечественной культурно-исторической традиции не императивный, а ориентационный, он в динамике проявляется в обосновании системы ценностей в праве, в их равнозначности и интеграции в нормативное устройство права через ориентацию норм, институциональную трансляцию ценностей и юридическое толкование.

Заключение. Таким образом, результаты проведённого исследования демонстрируют, что отечественная культурно-историческая традиция не является внешним культурным фактором по отношению к праву, а служит онтологическим и аксиологическим фундаментом его нормативности. Определено, что онтологический статус традиции в структуре российского права характеризуется детерминацией легитимации нормы (в аспекте генезиса права, а не его действенности), установлением герменевтического горизонта, а также выступает как системный стабилизатор. При этом выявлено, что аксиологический статус отечественной культурно-исторической традиции в структуре нормативности права раскрывается в понимании традиции как имманентного ценностного ядра российской правовой культуры. Следовательно, учёт указанных статусов традиции и динамики её изменений в историческом процессе позволяет описать природу российского права с позиции его преемственности, институционального наследия и герменевтической традиции. Однако целостной методологии интеграции отечественной культурно-исторической традиции в современную теорию права не разработано, что видится перспективным направлением дальнейших исследований.

Список источников

1. Малько А.В. О роли юридической науки в современном российском обществе / А.В. Малько // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 2 (66). – С. 202–211.

2. Шаткин М.А., Листвина Е.В. Традиции и идентичность: опыт типологии / М.А. Шаткин, Е.В. Листвина // Вестник Омского университета. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 25–36.

3. Иванов Р.Л. Нормативность права / Р.Л. Иванов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2025. – Т. 22, № 4. – С. 12–21.

4. Варламова Н.В. Нормативность права: между должным и сущим / Н.В. Варламова // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, взаимосвязь с другими правовыми свойствами: Коллективная монография к юбилею профессора М.В. Антонова. – СПб.: Скифия-принт, 2024. – С. 162–197.

5. Корнев А.В. Нормативность права и нормативизм в праве: теоретические и практические перспективы отдельных юридических школ / А.В. Корнев // Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 5–18.

6. Горохова В.В., Галанина Н.В. Рациональная и иррациональная суть традиции как основа правовой детерминации общества / В.В. Горохова, Н.В. Галанина // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 1. – С. 33–36.

7. Киселев С.Г. Российская цивилизация / С.Г. Киселев // Власть. – 2023. – Т. 31, № 5. – С. 32–37.

8. Спирин М.Ю. Соотношение источников права и форм права в условиях господства формально-позитивистского (легистского) подхода в юриспруденции / М.Ю. Спирин // Право и современные государства. – 2023. – № 1. – С. 9–16.

9. Денисов А.М., Прокофьев К.Г. Актуальность наследия исторической школы права Ф.К. фон Савиньи для современной теоретико-правовой мысли / А.М. Денисов, К.Г. Прокофьев // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 47–55.

10. Кудрявцев М.М. Юридическая герменевтика как форма бытия права / М.М. Кудрявцев // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2024. – № 2 (28). – С. 51–59.

11. Гадамер Х.Г. Истина и метод: основы философии герменевтики / Х.Г. Гадамер / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. — 704 с.

12. Антонов М.В. Легитимность и действие права / М.В. Антонов // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 48–81.

13. Корнев В.Н., Кононенко В.И. Право, правоприменение и юридическая герменевтика / В.Н. Корнев, В.И. Кононенко // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 54–63.

14. Боташев Т.Р. Аксиология права и фундаментальные правовые ценности: современные подходы / Т.Р. Боташев // Гражданин. Выборы. Власть. – 2024. – № 4 (34). – С. 170–176.

15. Желдыбина Т.А. Духовно-нравственные основания российского правотворчества / Т.А. Желдыбина // Философия права. – 2025. – № 2 (113). – С. 24–28.

16. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Абсолютность ценностей в праве: проблема истолкования / Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 4. – С. 172–177.

17. Митин А.Н., Новикова С.В. Применение герменевтики для анализа толкования права на основе традиционных ценностей / А.Н. Митин, С.В. Новикова // European and Asian Law Review. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 66–79.

References

1. Malko A.V. On the Role of Legal Science in Modern Russian Society. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 202–211. (In Russian).

2. Shatkin M.A., Listvina E.V. Tradition and Identity: a Typological Perspective. *Herald of Omsk University*, 2025, vol. 30, no. 3. pp. 25–36. (In Russian).

3. Ivanov R.L. The Normativity of Law. *Herald of Omsk University. Series: Law*, 2025, vol. 22, no. 4. pp. 12–21. (In Russian).

4. Varlamova N.V. Normativity of Law: Between the Ought and the Is. *Normativity of Law: Concept, Interpretations, Relationship with Other Legal Properties. Collective Monograph for the Anniversary of Professor M.V. Antonov*. St. Petersburg, Scythia–Print LLC, 2024, pp. 162–197. (In Russian).

5. Kornev A.V. Normativeness of Law and Normativism in Law: Theoretical and Practical Perspectives of Individual Law Schools. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 12, pp. 5–18. (In Russian).

6. Gorokhova V.V., Galanina N.V. Rational and Irrational Essence of Tradition as the Basis of the Legal Determination of Society. *Bulletin of Economic Security*, 2025, no. 1, pp. 33–36. (In Russian).

7. Kiselev S.G. Russian Civilization. *The Authority*, 2023, vol. 31, no. 5. pp. 32–37. (In Russian).

8. Spirin M. Yu. Correlation of Sources of Law and Forms of Law Under the Dominance of the Formal-Positivist (Legistic) Approach in Jurisprudence. *Law and Modern States*, 2023, no.1. pp. 9–16. (In Russian).

9. Denisov A.M., Prokofiev K.G. Relevance of the Heritage of the Historical School of Law F.K. von Savigny: Theoretical and Legal Thought. *Theory of State and Law*, 2024, no. 2(36). pp. 47–55. (In Russian).

10. Kudryavtsev M.M. Hermeneutics as a Form of Existence of Law. *Abyss (Studies in Philosophy, Political Science and Social Anthropology),* 2024, no. 2(28), pp. 51–59. (In Russian).

11. Gadamer H.-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics. Moscow, Progress, 1988, 704 p. (In Russian).

12. Antonov M.V. The Legitimacy and the Binding Force (Validity) of Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2018, no. 13(3), pp. 48–81. (In Russian).

13. Kornev V.N., Kononenko V.I. Law, Law Enforcement and Legal Hermeneutics. *State and Law*, 2022, no. 1, pp. 54–63. (In Russian).

14. Botashev T.R. Axiology of Law and Fundamental Legal Values: Modern Approaches. *Citizen. Elections. Authority*, 2024, no. 4 (34). pp. 170–176. (In Russian).

15. Zheldybina T.A. The Spiritual and Moral Foundations of Russian Law-Making. *Philosophiya Prava: Scientific-Theoretical Journal*, 2025, no. 2(113). pp. 24–28. (In Russian).

16. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Absoluteness Values in Law: Problem of Interpretation. *Legal Science: History and Modernity*, 2023, no. 4. pp. 172–177. (In Russian).

17. Mitin A.N., Novikova S.V. Application of Hermeneutics to Analyze the Interpretation of Law Based on Traditional Values. *European and Asian Law Review*, 2025, no. 8(1), pp. 66–79. (In Russian).

Информация об авторе

Иванов Евгений Юрьевич – *кандидат педагогических наук, начальник адъюнктуры*

Information about the Author

Ivanov Evgeny Yurievich – *Candidate of Sciences (Pedagogy), Head of the Adjunct Faculty*

Статья поступила в редакцию 04.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 07.07.2026 г.; принята к публикации 07.07.2026 г.

The article was submitted 04.06.2026; approved after reviewing 07.07.2026; accepted for publication 07.07.2026.

Научная статья
УДК 34.05
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.2

Самигуллина Гульнур Ирековна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
Samigullinagulnur3@gmail.com, https://orcid.org/0009-0006-2782-2938

РЕЛИГИОЗНО-ТРАДИЦИОННАЯ И ЭТНО-РЕЛИГИОЗНАЯ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Автором предпринята попытка исследования системообразующих и типологических признаков, присущих государственно-правовому развитию Королевства Саудовская Аравия, Объединённых Арабских Эмиратов, Исламской Республики Иран и Государства Израиль в постколониальный период.

Цель: проанализировать становление и эволюцию государственно-правовых моделей в указанных странах.

Методы. В работе применяются метод государственно-правового моделирования, сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и историко-правовой методы.

Результаты. Сконструированы две модели государственно-правового развития: религиозно-традиционная (Саудовская Аравия, ОАЭ и Иран) и этно-религиозная (Израиль). Опыт исследованных стран позволяет сделать вывод о построении моделей, позволяющих соблюсти религиозные традиции, установить национальную идентичность и реализовать современные формы правления.

Ключевые слова: государство, Ближний Восток, правовая система, шариат, ислам, иудаизм

Для цитирования: Самигуллина Г.И. Религиозно-традиционная и этно-религиозная модели государственно-правового развития стран Ближнего Востока в постколониальный период: сравнительно-правовой анализ / Г.И. Самигуллина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.2 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 26–33.

Original article

Samigullina Gulnur Irekovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
Samigullinagulnur3@gmail.com, https://orcid.org/0009-0006-2782-2938

© Самигуллина Г.И., 2026

RELIGIOUS-TRADITIONAL AND ETHNO-RELIGIOUS MODELS OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT OF THE MIDDLE EAST COUNTRIES IN THE POST-COLONIAL PERIOD: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Abstract. The author attempts to study the systemic and typological characteristics of the state and legal development of the Kingdom of Saudi Arabia, the United Arab Emirates, the Islamic Republic of Iran and the State of Israel in the post-colonial period. Purpose: to analyze the formation and the evolution of state and legal models in the countries mentioned. Methods: the work employs the method of state and legal modelling, comparative legal, formal-legal, systemic and historical-legal methods. Results: two models of state and legal development have been constructed: a religious-traditional model (Saudi Arabia, the UAE, and Iran) and an ethno-religious one (Israel). The experience of the studied countries suggests that models can be constructed to respect religious traditions, establish national identity and implement modern forms of government.

Keywords: state, Middle East, legal system, sharia, Islam, Judaism

For citation: Samigullina G.I. Religious-Traditional and Ethno-Religious Models of State and Legal Development of the Middle East Countries in the Post-Colonial Period: A Comparative Legal Analysis. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2026, no. 3, pp. 26–33. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.2

Введение. Современное состояние государственно-правового развития стран на Ближнем Востоке имеет свои политические, экономические, географические, исторические и культурные особенности, детерминированные процессами, происходившими в древности, средневековье, новое время, а также постколониальный период. На наш взгляд, те архетипичные государственно-правовые модели, заложенные в прошлые исторические этапы развития региона, отчасти были переняты новообразованными государствами на рубеже 1960–1990 гг.

Постколониальный период является временем, изменившим не только карту Ближнего Востока, но и геополитическую карту Европы. Гегемония Великобритании, Франции и других стран, происходившая в регионе, привела к активным действиям как со стороны общества, проживавшего в регионе, так и со стороны метрополий. К 1960 г. образовались 15 независимых и суверенных государств, к числу которых относятся: Турция, Йемен, Египет, Ирак, Саудовская Аравия, Ливан, Иордания, Сирия, Израиль, Оман, Ливия, Судан, Марокко, Тунис и Сомали. После 1960 г. процесс государствообразования продолжился, ряд стран также получили свою независимость: Кувейт, Алжир, Южный Йемен, Бахрейн, Катар и ОАЭ.

На сегодняшний день в российской юридической науке имеются немногочисленные исследования в области правовых систем государств Ближнего Востока. В рамках науки сравнительного государствоведения В.Е. Чиркин впервые предпринял попытку выделения моделей мусульманской государственности: государства мусульманского фундаментализма и радикализма (Саудовская

Аравия, Иран, Катар и др.) и мусульманские «модернизированные» страны (Алжир, Египет, Ирак и т. д.) [1, с. 78].

Вместе с тем следует признать, что в существующих исследованиях отсутствует комплексный анализ государственно-правовых явлений постколониального периода в их взаимосвязи. Проведение такого анализа необходимо для выявления системообразующих и типологических признаков государств региона, что позволит в дальнейшем осуществить классификацию сложившихся моделей государственно-правового развития стран Ближнего Востока.

Государственно-правовое моделирование как метод познания государственно-правовых явлений и процессов. Проведение настоящего исследования предполагает обращение к общенаучным методам познания, включая метод историзма, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. Вместе с тем в качестве ключевого методологического инструмента предлагается использовать метод государственно-правового моделирования. Его применение позволяет исследовать государственно-правовые явления в динамике, конструировать целостные образы государственно-правовых систем изучаемых стран, а также выявить их сущностные характеристики и типологические сходства.

В.С. Плетников отмечает, что «модель в юриспруденции – это аналитическое описание, в достаточной степени повторяющее существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, сформировавшееся под влиянием всей совокупности объективных условий и субъективных факторов общественного развития» [2, с. 11].

В этой связи показательно замечание В.С. Плетникова, который обоснованно ставит вопрос о том, что правовое моделирование не должно ограничиваться исследованием лишь собственно юридических явлений, поскольку государство может и должно рассматриваться как правовое явление [3, с. 30].

Полагаем, что метод государственно-правового моделирования позволяет не только получить системные знания о государственно-правовых явлениях, но и преобразовывать их с учётом возможности избирательного применения положительного зарубежного опыта в российской правовой действительности. Именно этим обусловлена высокая ценность данного метода при проведении историко-правовых исследований в ближневосточном регионе, который имеет свои цивилизационные особенности развития, отличные от западных государственно-правовых идей.

Религиозно-традиционная модель государственно-правового развития. Ближний Восток исторически является колыбелью трёх мировых религий – христианства, иудаизма и ислама. В настоящее время ислам является одной из наиболее динамично развивающихся религий, что объективно обусловливает необходимость исследования государственно-правовых процессов и явлений, протекающих в традиционно религиозных государствах региона – Королевстве Саудовская Аравия, Объединённых Арабских Эмиратах и Исламской Республике Иран.

Выбор государств для настоящего исследования обусловлен значительным влиянием ислама на общественную и государственную жизнь в каждой из

них. Обращение к высшим юридическим актам данных государств в постколониальный период подтверждает отмеченный выше тезис. Так, статья 1 Основного закона Королевства Саудовская Аравия 1992 г. провозглашает: «Саудовская Аравия – суверенное арабское исламское государство. Его религия – ислам, Конституция – Книга Всевышнего Аллаха и сунна Его Пророка»[1]. Аналогичным образом статья 7 Конституции ОАЭ 1971 г. устанавливает, что ислам является государственной религией Федерации, а исламские нормы (шариат) – главным источником законодательства [4, с. 424]. Схожая ситуация характерна и для Исламской Республики Иран: в преамбуле, а также в статьях 1 и 2 Конституции закрепляется не только ислам в качестве государственной религии и шариат как обязательная правовая основа, но и впервые в истории государственно-правового развития региона вводится новая форма государственного управления – «велаяте-факих» (правление исламского богослова)[2].

В отличие от республик Магриба (Египта, Алжира и Туниса), которые к 1990 г. избрали модель светского государства [5, с. 73], религиозная составляющая в исследуемых странах Персидского залива отличается высокой устойчивостью. Положение ислама и шариата в этих государствах остаётся незыблемым и поныне.

Помимо особого положения ислама и шариата, для государств, выделенных в данной группе, характерна ещё одна существенная черта – наличие сильной централизованной власти, которая ограничивается исключительно религиозными нормами и догматами. Так, системный анализ Основного закона Саудовской Аравии 1992 г. позволяет выявить данную особенность в статьях 1, 2, 3 и последующих. Согласно нормам этого акта, формой правления является монархия, принадлежащая роду Сауда; король занимает трон пожизненно, а его преемником становится наследный принц.

Аналогичная ситуация характерна и для Объединённых Арабских Эмиратов. Несмотря на формальное закрепление федеративного устройства, каждый из эмиратов по своей сути является абсолютной монархией (ст. 46 Конституции ОАЭ 1971 г.). Объединившись, они образуют Высший совет, из состава которого избирается Президент Федерации (ст. 51). О сильной централизации власти в ОАЭ свидетельствует также статья 60 Конституции, согласно которой Совет министров – орган исполнительной власти – действует под высшим контролем Президента и Высшего совета.

В Исламской Республике Иран, на наш взгляд, несмотря на наличие демократических институтов – избираемого прямым голосованием народа Президента (ст. 114 Конституции Ирана 1979 г.) и избираемого народом законодательного органа – Меджлиса (ст. 58), – сохраняется сильная централизованная

---

[1] Основной закон Королевства Саудовская Аравия 1992 г. [Электронный ресурс] // URL: https://constitutions.ru/?p=159 (дата обращения: 10.05.2026).

[2] Конституция Исламской Республики Иран 1979 г. [Электронный ресурс] // URL: https://worldconstitutions.ru/?p=83 (дата обращения: 10.05.2026).

власть Рахбара (Имама). Согласно статье 57 Конституции, все три ветви власти функционируют под контролем абсолютного правления имама.

Наряду с перечисленными признаками, системный анализ нормативно-правовых актов исследуемых государств позволяет выявить ещё одну особенность – персоналистский характер принятия ключевых государственных решений.

Следующим системообразующим признаком анализируемых государственно-правовых моделей является сакрализация статуса главы государства, который наряду с политическими полномочиями обладает религиозным авторитетом, что позволяет ему оказывать воздействие на мусульманское сообщество в глобальном масштабе. В подтверждение данного тезиса обратимся к положению короля в Саудовской Аравии. Согласно статье 6 Основного низама 1992 г., «подданные короля приносят присягу на Книге Всевышнего Аллаха и сунне Его Пророка в повиновении и верности ему в горе и в радости, в удаче и в бедствиях», что явно свидетельствует о легитимации его власти божественным источником. Кроме того, системное толкование статей 26 и 33 позволяет заключить, что король Саудовской Аравии является хранителем двух святынь ислама – Мекки и Медины.

После революции 1979 г. в Исламской Республике Иран произошла радикальная смена вектора развития: от светского государства к религиозному, что привнесло новую систему правления, основанную на доктрине «велаяте-факих», где фактическим главой государства стал Рахбар (преамбула Конституции ИРИ 1979 г.). В целях укрепления национальной идентичности, утверждения суверенитета и подчёркивания преемственности с историческим наследием Персии, Иран конституционно закрепил шиитский ислам в качестве государственной религии (ст. 12). Это положение определяет страну как хранителя шиитского фундаментализма и служит особенной чертой для её отличия от арабских суннитских государств региона. Если для суннитских государств объединяющим фактором выступает арабский язык как язык Корана и Сунны, то Иран на государственном уровне использует персидский язык (фарси), сохраняя при этом за арабским языком статус языка исламской религии (ст. 15 Конституции Ирана 1979 г.).

О сакрализации статуса Рахбара свидетельствуют многочисленные статьи Конституции Ирана. Так, статья 5 закрепляет переход власти к справедливому и благочестивому факиху (учёному-богослову) на период отсутствия «скрытого имама», что придаёт власти Рахбара не столько политический, сколько религиозный характер, делая её религиозной обязанностью. В свою очередь, преамбула и статья 2 провозглашают Иран исламской республикой, основанной на вере в Единого Бога, божественное откровение и непрерывное руководство (имамат).

Анализ конституционно-правового статуса Президента ОАЭ позволяет заключить, что в Конституции ОАЭ 1971 г. нет прямого указания на то, что Президент является религиозным лидером, однако статус главы государства в исламской федерации наделяет его особым символическим и моральным авторитетом. Так, в соответствии со статьей 51 высшего акта ОАЭ, Президент избирается из числа правителей семи эмиратов Высшим советом Союза, это означает, что Президент ОАЭ – это не просто избранное должностное лицо, а эмир (правитель), чья власть в своём эмирате имеет традиционное и религиозное обоснование.

Таким образом, Президент, избранный из числа правителей эмиратов, олицетворяет собой высшую власть этой системы, что неминуемо проецирует на него сакральный статус.

Данной точки зрения придерживается и А.З. Егорин, который отмечает, что «национальная статистика ОАЭ не включает в состав местного самодеятельного населения представителей родоплеменной аристократии, в том числе тех из них, которые возглавляют правящую элиту федерации и оказывают огромное влияние на всю экономическую, политическую и духовную жизнь ОАЭ» [5, с. 84].

Следовательно, системообразующими и типологическими признаками рассматриваемой модели выступают, во-первых, определяющая роль ислама в организации государственной власти и правового регулирования; во-вторых, высокая степень централизации властных полномочий; в-третьих, сакрализация фигуры главы государства, выступающая инструментом легитимации верховной власти.

Проведённый формально-юридический и системный анализ нормативно-правовых актов Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратов и Исламской Республики Иран позволяет заключить, что в указанных государствах сформировалась единая государственно-правовая модель, которая может быть охарактеризована как религиозно-традиционная.

Исследованные государства демонстрируют системный изоморфизм – устойчивую схожесть по следующим системообразующим признакам: значительное влияние ислама как на общественную, так и на государственную жизнь; сильная централизация власти; сакрализация статуса главы государства; персоналистский характер принятия решений (абсолютный монарх, глава эмирата, обладающий решающим голосом, либо Рахбар); сочетание архаических и современных институтов.

Этно-религиозная модель государственного развития Израиля. Как отмечалось выше, Ближний Восток является родиной трёх мировых религий. Если ранее мы рассматривали ислам как наиболее распространённую в регионе религиозно-правовую основу государственности, то сейчас обратимся к анализу государства, где доминирующей религией выступает иудаизм, что придаёт его государственно-правовой модели уникальные характеристики.

Израиль на мировой карте мира как суверенное государство появилось только в 1948 г. путём принятия резолюции ООН, что предопределило тенденции его развития как нехарактерные для других государств региона. В частности, в Декларации независимости Израиля, принятой в 1948 г., провозглашено создание «еврейского государства»[3]. Данный правовой акт формально не имеет конституционной силы, но Верховный суд (БАГАЦ) Израиля признал за ним интерпретационное значение [6, с. 14]. На наш взгляд, данный правовой акт послужил идейной основой для всех последующих законов.

С момента образования государства Израиль не смог принять единую Конституцию. В связи с этим в 1950 г. было принято решение Харари, согласно которому конституционное строительство в стране осуществляется поэтапно –

[3] Декларация независимости Израиля от 1948 г. [Электронный ресурс] // URL: https://worldconstitutions.ru/?p=164 (дата обращения: 10.05.2026).

путём принятия Основных законов. Данные акты хотя и не являются Конституцией в классическом понимании, но обладают конституционным значением и служат правовой основой государственного устройства. Одним из последних принятых в рамках данного подхода актов стал Основной закон «О свободе занятий» (1992 г.), статья 2 которого закрепляет, что его цель – «защитить свободу занятий, чтобы утвердить в Основном законе ценности Государства Израиль как еврейского и демократического государства»[4].

Закрепление в Основных законах Израиля его статуса как еврейского и демократического государства представляет собой отличительную черту государственно-правовой модели. Однако само по себе конституционное закрепление этнической принадлежности государства вступает в противоречие с базовыми принципами демократического общества. Как обоснованно отмечает М. Масри, концентрация государственной власти, де-юре осуществляемая преимущественно еврейскими гражданами, ставит под сомнение подлинно демократический характер государства [7, с. 4].

Таким образом, на наш взгляд, в период с 1960 по 1990 гг. в Израиле сформировалось государство, находившееся в «переходном» состоянии, характеризовавшееся следующими чертами, присущими еврейскому государству: 1) незавершённость конституционного строительства; 2) доминирование этно-религиозной идентичности в государственном самоопределении; 4) фундаментальное противоречие между «еврейским» и «демократическим» характером государства.

Считаем, что государственная модель Израиля предстаёт как государство, которое, будучи задуманным как демократическое государство, в силу незавершённости своего конституционного оформления и доминирования еврейского вопроса эволюционировало в этно-религиозную республику.

Заключение. Проведённый анализ позволяет заключить, что постколониальное развитие государств региона Ближнего Востока привело к формированию двух противоположных государственно-правовых моделей: религиозно-традиционная модель и этно-религиозная модель.

Постколониальный период развития государства и права на Ближнем Востоке стал временем формирования различных моделей, которые основывались на правовой культуре общества, проживавшего в том или ином государстве данного региона.

Список источников

1. Чиркин В.Е. Сравнительное государствоведение: учебное пособие / В.Е. Чиркин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. – 448 с.

2. Плетников В.С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.1 / В.С. Плетников. – Екатеринбург, 2022. – 397 с.

[4] Основной закон Израиля «О правах и свободах человека» от 09.03.1992 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15282 (дата обращения: 10.05.2026).

3. Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1: Западная Азия / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Норма, 2010. – 544 с.

4. Самигуллина Г.И. Правовые основы государственного развития республик Ближнего Востока в постколониальный период / Г.И. Самигуллина // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 1. – С. 68–77.

5. Егорин А.З. Объединённые Арабские Эмираты: география, история, население: учебное пособие / А.З. Егорин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 108 с.

6. Задворянский Е.Э. Особенности правового статуса Верховного суда Израиля как органа конституционного судебного контроля: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02 / Е.Э. Задворянский. – М., 2012. – 164 с.

7. Masri M. The dynamics of exclusionary constitutionalism: Israel as a jewish and democratic state / M. Masri. – Oxford: Hart Publishing, 2017. – 256 p. (In English).

References

1. Chirkin V. E. Comparative State Studies: Textbook. Moscow, Norm, INFRA-M, 2026. 448 p. (In Russian).

2. Pletnikov V.S. The Model of the State in Modern Russian Jurisprudence: Methodology and Practice of Application. *Doc. Dis.* Yekaterinburg, 2021. 397 p. (In Russian).

3. Khabrieva T. Ya. (ed.). Constitutions of Asian States: in 3 vols. Vol. 1. Western Asia. 541 p. (In Russian).

4. Samigullina G.I. Fundamental Legal Principles for the State Development of the Middle East Republics in the Post-Colonial Period. *Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University*, 2026, no. 1, pp. 68–77. (In Russian).

5. Egorin A.Z. United Arab Emirates: Geography, History, Population: A Textbook. Kazan, Kazan Publ. House University, 2015. 108 p. (In Russian).

6. Zadvoryansky E.A. Features of the Legal Status of the Supreme Court of Israel as a Body of Constitutional Judicial Control. Moscow, 2012. 164 p. (In Russian).

7. Masri M. The Dynamics of Exclusionary Constitutionalism: Israel as a Jewish and Democratic State. Oxford, Hart Publ., 2017. 256 p. (In English).

Информация об авторе

Самигуллина Гульнур Ирековна – *ассистент кафедры теории государства и права*

Information about the Author

Samigullina Gulnur Irekovna – *Teaching Assistant of the Department of Theory of State and Law*

Статья поступила в редакцию 31.07.2026 г.; одобрена после рецензирования 27.08.2026 г.; принята к публикации 29.08.2026.

The article was submitted 31.07.2026; approved after reviewing 27.08.2026; accepted for publication 29.08.2026.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Научная статья
УДК 342
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.3

Галиев Фарит Хатипович
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
galievfarkhat@mail.ru

Имад Хабиб Махмуд
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
habibemad89@gmail.com

Тулупова Елена Олеговна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
lena118@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3099-6518

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГООБРАЗИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Аннотация. Исследование посвящено парадоксальному явлению современной глобализации: несмотря на перманентный процесс глобализации, выражающийся в коммуникативном сближении всего мирового сообщества, индивиды демонстрируют глубокую привязанность к национальной идентичности. Авторы статьи отмечают дихотомию между тенденцией к гомогенизации и потребностью личности в сохранении самобытности. Центральным элементом исследования выступает человеческое достоинство как универсальная конституционная ценность, способная функционировать в качестве «общего знаменателя» для различных национальных идентичностей.

Цель: на основе сравнительного анализа положений конституций и судебной практики различных государств (Германия, Куба, Южная Африка и Россия) показать, что, несмотря на различные модели имплементации и интерпретации данной ценности, человеческое достоинство является мерилом, которое неподвластно ни времени, ни историческим переживаниям, ни культурным особенностям.

© Галиев Ф.Х., 2026
© Имад Х.М., 2026
© Тулупова Е.О., 2026

Методы: в ходе исследования были применены общенаучные и частнонаучные методы (историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический).

Результаты: анализ конституционных норм о достоинстве человека разных стран показал, что, несмотря на сложную взаимосвязь между правовыми нормами, коллективной исторической памятью, идеологическими установками и культурными особенностями, достоинство человека наделено системообразующей функцией в конституционном правотворчестве и правоприменении. Кроме того, оно является основой для формирования национальной идентичности и развития наций.

Ключевые слова: многообразие, права человека, достоинство, глобализация, нация, идентичность, конституция, ценность, ориентир, народ

Для цитирования: Галиев Ф.Х., Имад Х.М., Тулупова Е.О. Универсальные конституционные ценности в условиях многообразия национальных идентичностей / Ф.Х. Галиев, Х.М. Имад, Е.О. Тулупова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.3 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 34–46.

Original article

Galiev Farit Khatipovich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
galievfarkhat@mail.ru

Imad Habib Mahmud
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
habibemad89@gmail.com

Tulupova Elena Olegovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
lena118@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3099-6518

UNIVERSAL CONSTITUTIONAL VALUES AMIDST THE DIVERSITY OF NATIONAL IDENTITIES

Abstract. The study is devoted to the paradoxical phenomenon of modern globalization: despite the permanent process of globalization, expressed in a communicative rapprochement of the entire world community, individuals demonstrate a deep attachment to national identity. The authors of the article note a dichotomy between the tendency towards homogenization and the need of the individual to preserve identity. The central element of the study is human dignity as a universal constitutional value, capable of functioning as a “common denominator” for diverse national identities. Purpose: based on a comparative analysis of constitutional provi-

sions and judicial practice in various states (Germany, Cuba, South Africa and Russia) to demonstrate, that despite different models of implementation and interpretation of this value, human dignity serves as a benchmark that transcends time, historical experience and cultural particularities. Methods: in the course of the study, we applied general scientific and private scientific methods (historical-legal, comparative-legal and formal-legal). Results: an analysis of constitutional norms on human dignity in different countries showed that, despite the complex relationship between legal norms, collective historical memory, ideological convictions and cultural characteristics, human dignity plays a foundational role in constitutional law-making and law enforcement. Furthermore, it serves as a basis for the formation of national identity and the development of nations.

Keywords: diversity, human rights, dignity, globalization, nation, identity, constitution, value, guiding principle, people

For citation: Galiev F.Kh., Mahmud I.H., Tulupova E.O. Universal Constitutional Values Amidst the Diversity of National Identities. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 34–46. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.3

Введение. Мы живём в эпоху, когда государственные границы становятся всё менее значимыми, а расстояния преодолеваются мгновенно как виртуально, так и благодаря нашей возросшей мобильности. Это создаёт иллюзию формирования тенденции к единению. Тем не менее, парадоксально, но мы как личности остаёмся глубоко укоренёнными в определённом месте, времени и культуре, сохраняя свою уникальную индивидуальность и идентичность, несмотря на все глобальные процессы. Совершенно справедливо критики жалуются на то, что политическая интеграция развивается быстрее, чем эмоциональное чувство принадлежности населения, последнее приводит к отчуждению между гражданам[1].

В своём эссе «Глобализация как разнообразие в единстве» американский социолог Дж. Маклин определяет её главную цель – создание единого сообщества при сохранении культурных идентичностей. Там же он отметит, что в этом контексте, конечно, возникает классическая проблема между тенденциями к гомогенизации и существованием отдельных культур. В мире, где доминируют исключения, у такого проекта, безусловно, нет будущего. Различия между культурами являются основой для взаимного обмена. Через межкультурный диалог или полилог сохраняются культуры со своей уникальностью. Эта потребность в индивидуальной и конкретной идентичности должна быть укоренена в каждом человеке, а потому нынешние события должны справедливо отражать эту базовую конституцию… Мы остаёмся и останемся личностями со своей уникальной идентичностью и живём в очень специфической местной культуре. Как уже

[1] Zukunft der nationalen Identität im vereinigten Europa. Auf dem Weg zur europäischen Identität? [Электронный ресурс] // URL: https://www.grin.com/document/387661 (дата обращения: 30.05.2026).

отмечалось, любая тенденция к гомогенизации будет сопровождаться противоположными событиями, поэтому было бы неразумно говорить о простой универсализации и объединении[2].

Следует признать, что, несмотря на попытки философов сформулировать философскую картину мира и старания представителей точных наук описать её с научной точки зрения, наше общество не имеет общего взгляда на мир. Плюрализм мировоззрений – это свершившийся факт в современном мире, а совместное действие на основе общих представлений уже не кажется возможным. Этот плюрализм особенно актуален для нас, потому что сегодня мы находимся в глобальном противостоянии со многими из народов, с совершенно разными культурами, несмотря на то что они претендуют на ту же истину, что и мы.

Уже не раз обосновывалась идея о том, что стремление к идентичности – отождествлению себя с какой-либо общностью – является нашей совершенно естественной базовой потребностью [1]. Люди предрасположены делить мир на «своих» и «чужих». «Мы» против «них» – это фундаментально. Осознание принадлежности к общности, которая живёт по единым ценностным ориентирам, традициям, обычаям и правовым предписаниям, даёт ощущения безопасности, единения, поднимает внутреннюю самооценку.

Достоинство человека как общечеловеческая конституционная ценность и мерило национальных идентичностей. Несмотря на существование множества национальных идентичностей, каждая из которых гордится своей непохожестью, нам кажется оправданным попытаться найти что-то общее между ними. Поиск единого знаменателя, характерного для любого миропонимания, представляется целесообразным проводить на основе конституционных положений. Во-первых, они формализованы и стабильны. Заложенные в них нормы носят максимально устойчивый характер, отражая фундаментальные установки, выработанные людьми за долгий исторический период; во-вторых, они являются одними из главных социорегуляторов общественных отношений, которые закрепляют и отражают основные ценностные ориентиры общности. Основной закон служит фундаментом для формирования и развития национальной идентичности. В-третьих, они часто выражают уже сложившийся общественный компромисс в сознании народа/нации, а значит, максимально консолидируют его представителей.

В условиях неизбежной трансформации конституционных текстов, обусловленной динамикой политических, экономических и социальных процессов, а также эволюцией общественных потребностей, мы признаём, что любая классификация ценностей обладает относительным характером, учитывая потенциальную возможность возникновения новых. Тем не менее, допустимо говорить о существовании основы конституционных ценностей. Увидеть мерило, которое неподвластно ни времени, ни историческим переживаниям, ни куль-

[2] Koch. Globalisierung und Wahrung der nationalen Identität [Электронный ресурс] // URL: https://dasathenaeum.wordpress.com/2013/06/20/globalisierung-und-wahrung-der-nationalen-identitat/ (дата обращения: 30.05.2026).

турным особенностям и прочим факторам, заложенное в основе конституций разных государств, и будет основной целью исследования.

Как известно, нации/народы чаще определяют себя через ряд исторических событий, связанных с борьбой за достоинство и свои права, таких как: борьба с агрессией и оккупацией, защита суверенитета, борьба с рабством или дискриминацией, борьба за независимость и прочими проявлениями несправедливости. Достоинство тесно связано с национальной гордостью, исторической и культурной памятью. Именно на анализ конституционных положений различных наций/стран о достоинстве, которые формировали свою идентичность после подобных исторических событий, и будет направлен фокус нашего исследования. Среди таковых мы выделим: Германию, Кубу, Южную Африку и Россию. Все эти страны находились в поиске и формировании национальной идентичности и конституционных ценностей, переживая тяжёлые времена.

Германия. Основной закон Германии закрепляет человеческое достоинство как центральную ценность всего правопорядка. Ст. 1 абз. 1 гласит: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его – это обязанность всякой государственной власти». Эта фраза стала сознательно сформулированным ответом на преступления нацизма, тем самым Германия подчёркивает непоколебимую позицию отношения к нему как к Абсолюту.

Юридические дебаты в Германии часто вращаются вокруг вопроса о том, следует ли считать положение о человеческом достоинстве одним из основных прав личности или же рассматривать его как важнейший конституционный принцип [2]. Несмотря на эту дискуссию, на практике сформировался консенсус, согласно которому человеческое достоинство не поддаётся никакому балансу с другими основными правами или интересами. Это отражено в прецедентной практике Федерального конституционного суда, который рассматривает человеческое достоинство как неприкосновенную ценность. Например, по делу о конституционности положения Закона об авиационной безопасности, которое разрешает вооружённым силам сбивать самолёты, используемые как оружие против человеческой жизни террористами, несмотря на наличие в них заложников. В решении, принятом Первым сенатом Федерального конституционного суда 15 февраля 2006 г., судьи отметили, что организация и осуществление непосредственного воздействия на воздушное судно с применением вооружённой силы не учитывают, что жертвы нападения (заложники), находящиеся в нём, также имеют право на государственную защиту жизни[3]. Суд, основываясь на идее о том, что человеческое достоинство является фундаментальным структурным принципом, пронизывающим положения всей правовой системы, признал положение Закона несовместимым со ст. 1 Основного закона. Он разъяснил, что действия правительства, наносящие ущерб человеческому достоинству, всегда являются неконституционными независимо от обстоятельств или взвешиваемых

[3] BVerfGE 115, 118 – Luftsicherheitsgesetz [Электронный ресурс] // URL: https://www.fallrecht.de/bv115118.html. (дата обращения: 30.05.2026).

подходов. Категорический императив, который требует, чтобы человек никогда не рассматривался как средство, а всегда был как цель, не терпит отклонений.

Также Федеральный конституционный суд Германии представил значимое толкование данного положения, дважды комментируя правовой статус абортов. В своем первом решении от 25 февраля 1975 г. (BVerfGE 39,1) Суд установил, что эмбрион обладает объективной ценностью человеческой жизни с момента зачатия, что обуславливает его рассмотрение как наделённого полным достоинством. Вследствие этого прерывание беременности рассматривалось как преступление за исключением случаев, предусмотренных законом для защиты жизни или здоровья матери в критических ситуациях. В более позднем решении от 28 мая 1993 г. (BVerfGE 88, 203) Суд постановил, что создание эффективной системы консультирования на ранних сроках беременности, учитывающей также достоинство беременной женщины, может являться более адекватным способом защиты ценности и достоинства нерождённой жизни, нежели криминализация абортов.

Южная Африка. Процесс выхода ЮАР из колониального прошлого и режима апартеида характеризуется определёнными особенностями – в государстве происходили многочисленные процессы примирения, искоренения пережитков прошлого, признания основных прав человека. В том числе развивался культурный релятивизм. Он лёг в основу конституционно-правовых норм, созданных для справедливого и равноправного разрешения юридических споров, а также позволяющих обеспечить учёт существующих культур, традиций, обычаев всех народов, при этом философия убунту сыграла ключевую роль [3].

Убунту – это идея, берущая свое начало в культурах бантуязычных народов, в особенности среди представителей группы нгуни. Она постулирует, что истинная человечность проявляется через осознание и культивирование взаимозависимости и единства всех людей. Основные принципы убунту включают взаимную поддержку, эмпатию, способность к прощению и глубокому уважению друг к другу. Суть этой концепции может быть лаконично выражена так: «Моё существование обусловлено нашим общим бытием». Нобелевский лауреат и известный религиозный деятель Африки Десмонд Мпило Туту, характеризуя убунту и её социальную роль, писал: «Человек с убунту открыт и доступен для других, принимает других, не страдает от того, что другие лучше и способнее, и всё это – на основе глубокой убеждённости, идущей от понимания того, что он или она принадлежит великому целому и умаляется, когда другие страдают или угнетены» [4].

Южная Африка, отмеченная долгой и мучительной историей апартеида, признавая несправедливость своего прошлого, отразила эти базовые ценности философии убунту, заложив в Конституции 1996 г. положения, ставящие человеческое достоинство в центр правового порядка. Согласно ст. 1 Южная Африка является единым, суверенным демократическим государством, основанным на таких ценностях как: человеческое достоинство, достижение равенства и продвижение прав и свобод человека. Расизм и сексизм запрещены. Ст. 10 провоз-

глашает, что: «Каждый человек обладает неотъемлемым достоинством и правом на уважение и защиту своего достоинства»[4]. При этом, в отличие от Германии, человеческое достоинство в Южной Африке понимается не только как индивидуальное право, но и как ценность, которая тесно связана с сообществом, и социальный контекст тут имеет большое значение.

В прецедентном праве Южной Африки можно найти множество отсылок к убунту. Так, в деле S. v Makwanyane and Another (1995 г.) судьи Конституционного суда, отвечая на вопрос о том, является ли смертная казнь конституционной, рассуждали о соотношении достоинства и философии убунту. Например, судья Дж. Мокгоро в тексте решения определил убунту следующим образом: «В целом, убунту переводится как человечность». Затем он сослался на Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и на то, что в его преамбуле говорится о неотъемлемом достоинстве человека, и о том, что права человека основаны на нём. «Это, на мой взгляд, ничем не отличается от того, что охватывает дух убунту» – указал Мокгоро. По его мнению, жизнь и человеческое достоинство – две стороны одной медали, концепция убунту охватывает и то, и другое[5]. Дело S. стало знаковым решением, поскольку в нём судьи постановили, что смертная казнь несовместима с конституционными положениями о защите от «жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания»[6].

В деле Hoffmann v South African Airways (2000 г.) 2 SA 628 (W), которое коснулось дискриминационного обращения при трудоустройстве лица с ВИЧ-статусом в авиакомпанию, убунту использовался как синоним сострадания. В своём решении судья Дж. Нгкобо отметил следующее: «К людям, живущим с ВИЧ, необходимо относиться с состраданием и пониманием. Мы должны проявлять к ним убунту. Их нельзя обрекать на «экономическую смерть», отказывая в равных возможностях при трудоустройстве. Это особенно характерно для нашей страны, где уровень заболеваемости ВИЧ-инфекцией тревожно высок»[7].

В деле Dikoko v Mokhatla (2006 г.) взаимосвязь между достоинством и убунту приобрела большое значение в контексте восстановительного правосудия (примирения жертвы и преступника). Судья Сакс в особом мнении по делу предложил развивать законодательство о клевете таким образом, чтобы оно отошло от почти исключительной сосредоточенности на денежных компенса-

---

[4] Конституция Южно-Африканской Республики 1996 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/13750 (дата обращения: 30.05.2026).

[5] Reiber K.K. Das Konzept der Menschenwürde im Rechtsvergleich: Deutschland, Südafrika und Kuba. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Juristischen Fakultätder Eberhard Karls Universität Tübingen vorgelegt von. 2025. P. 22–24. [Электронный ресурс] // URL: https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/166700 (дата обращения: 02.03.2026).

[6] S v Makwanyane and Another (1995) [Электронный ресурс] // URL: https://en.wikisource.org/wiki/S_v_Makwanyane_and_Another (дата обращения: 30.05.2026).

[7] Hoffmann v South African Airways 2001 (1) SA 1 (CC) [Электронный ресурс] // URL: https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2014/03/Hoffman-v.-South-African-Airways.pdf (дата обращения: 30.05.2026).

циях, которые не подходят для восстановления ущерба, нанесённого репутации человека, и часто лишь отдаляют стороны друг от друга, а не примиряют их. Он высказал мнение, что законы, касающиеся клеветы, должны быть пересмотрены так, чтобы стимулировать стороны к принесению извинений, что, по его убеждению, является более продуктивным путём к достижению согласия. Он настаивал на том, что правовые механизмы должны быть ориентированы на восстановление справедливости путём возмещения причинённого вреда, а не на применение санкций, полагая, что такой подход лучше согласуется с идеалом убунту, который перекликается с принципами восстановительного правосудия. Последнее, по его мнению, строится на таких фундаментальных элементах как, прежде всего, диалог между сторонами, компенсация ущерба, возвращение к нормальной жизни и активное вовлечение всех участников[8].

Куба. На Кубе положение о человеческом достоинстве закреплено в Конституции 2019 г. Документ связывает его с исторической и политической ценностью кубинцев – революцией. В своей преамбуле кубинцы объявляют о том, что желают, чтобы первым законом Республики была преданность народа достоинству человека. Далее, в ст. 1 авторы снова возвращаются к нему, называя в числе основ, на которых строится государство: «Куба – демократическое, независимое и суверенное социалистическое государство, основанное на законе и социальной справедливости, организованное всеми и на благо всех… основанное трудом, достоинством, гуманизмом… своих граждан для обеспечения свободы, справедливости, равенства, солидарности, а также индивидуального и коллективного благополучия и процветания».

В ст. 40 Конституции человеческое достоинство провозглашается высшей ценностью, лежащей в основе признания и осуществления прав и обязанностей, закреплённых в Конституции, договорах и законах. Весьма интересна формулировка ст. 95, которая гарантирует в уголовном процессе каждому уважительное отношение к их достоинству и физической, психической и моральной неприкосновенности, а также защиту от насилия и принуждения любого рода с целью получения показаний. Ст. 51 запрещает пытки, бесчеловечные и унижающие обращения или наказания. При этом ст. 13 Конституции определяет достоинство как часть государственных целей, но далеко не в первую очередь. Тут, скорее, достоинство рассматривается в контексте коллективного блага и защиты социалистического строя, а не Абсолюта как в Германии[9].

---

[8] Dikoko v Mokhatla [Электронный ресурс] // URL: https://collections.concourt.org.za/items/127dc16e-ee4c-4b10-a528-b3c715d46ddf (дата обращения: 30.05.2026).

[9] Reiber K.K. Das Konzept der Menschenwürde im Rechtsvergleich: Deutschland, Südafrika und Kuba. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Juristischen Fakultätder Eberhard Karls Universität Tübingen vorgelegt von. 2025. P. 22–24 [Электронный ресурс] // URL: https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/166700 (дата обращения: 02.03.2026).

В целом Конституция Кубы демонстрирует двойственное отношение к данной ценности, закрепляя её и как индивидуальную, и как коллективную ценность, тесно связанную с политическими и социальными целями государства.

На Кубе нет специального органа, который бы следил за соблюдением Конституции, потому человеческое достоинство следует рассматривать как фундаментальную конституционную ценность и принцип, который вытекает из самой сути документа, а не из возможности его толкования в ходе конституционной судебной защиты[10].

Россия. В отличие от Германии, Россия длительное послевоенное время продолжала своё развитие, не меняя своей позиции в законодательстве относительно человеческого достоинства. К примеру, вплоть до 1977 г. применялись положения Конституции РСФСР 1937 г., согласно которым основные права и обязанности граждан раскрывались практически в конце документа – в 11 главе. В ней на первый план выходили социально-экономические права, и только в ст. 127 можно было встретить закрепление принципа равноправия всех граждан РСФСР. «Уважение» формулировалось исключительно применительно к правилам социалистического общежития и то как обязанность каждого гражданина.

Конституция СССР 1977 г. скромно провозглашала в ст. 57 главы 7: «Уважение личности, охрана прав и свобод граждан – обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц». В других статьях «уважение» и «достоинство» снова можно было встретить только применительно к обязанностям гражданина, а не к государственной власти: «Гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию СССР и советские законы, уважать правила социалистического общежития, с достоинством нести высокое звание гражданина СССР» (ст. 56); «Долг каждого гражданина СССР – уважать национальное достоинство других граждан…» (ст. 64); «Гражданин СССР обязан уважать права и законные интересы других лиц» (ст. 65).

Конституция РСФСР 1978 г. в ст. 55 также закрепляла, что уважение личности, охрана прав и свобод граждан – обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц.

Современная Конституция РФ 1993 г. в ст. 21 установила, что достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления. Часть 2 статьи содержит запрет пыток, насилия… унижающего человеческое достоинство обращение или наказание. Смысл содержания данной статьи авторы комментария к Конституции РФ объясняют тем, что «в части 1 закреплена обязанность государства охранять достоинство личности, под которым понимается осознание самим человеком и окружающими его людьми его

[10] Sultan Hamade. The concept of human dignity in Cuba's legal and socio-political reality O conceito de dignidade humana na realidade jurídica e sociopolítica de Cuba / Sultan Hamade [Электронный ресурс] // URL: https://www.academia.edu/40047556/The_concept_of_human_dignity_in_Cubas_legal_and_socio_political_reality_O_conceito_de_dignidade_humana_na_realidade_jur%C3%ADdica_e_sociopol%C3%ADtica_de_Cuba (дата обращения: 02.03.2026).

личных объективных нравственных и интеллектуальных качеств (репутация в обществе, благоразумие, обладание социально полезными знаниями, навыками, умением, ведение достойного образа жизни и т. п.) [5, с. 73–74].

Положения ст. 7 определяют Российскую Федерацию как государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Приведём несколько интересных, на наш взгляд, примеров из практики Конституционного Суда РФ, которые продемонстрируют, как реализуются закреплённые положения в реальной жизни.

В Постановлении № 7-П по делу о проверке конституционности п. 2 ст. 17 ГК РФ Конституционный Суд РФ, рассмотрев жалобу на существующую правовую неопределённость нормы, пришёл к выводу о том, что ребёнок, родившийся после смерти своего отца (родителя), имеет право на компенсацию морального вреда. Его права в этом отношении не отличаются от прав других близких родственников. Напомним, что отец ребёнка заявительницы погиб в ДТП до его рождения – 17 марта 2015 г., а сын родился месяцем позже – в апреле. Суды отказали в выплате морального вреда сыну, сославшись на то, что ребёнок на момент гибели отца ещё не родился, а значит, не обладал правоспособностью и, в целом, не мог переживать нравственные страдания[11].

В другом деле Конституционный Суд РФ выявил несоответствие ч. 2 ст. 27 УПК РФ основным правовым принципам. Согласно обжалуемой норме прекращение уголовного преследования по истечении срока давности требует согласия подозреваемого или обвиняемого, но при этом закон не ограничивает срок продолжения расследования, если лицо возражает против прекращения дела. Суд посчитал, что такая ситуация нарушает принципы верховенства права, законности, справедливости, гуманизма и равенства. Подозреваемый или обвиняемый, не считающий себя виновным, оказывается перед выбором: либо согласиться на прекращение дела по нереабилитирующим основаниям, либо подвергаться неограниченному по времени преследованию. Чрезмерное затягивание расследования умаляет человеческое достоинство, поскольку подрывает возможность своевременной эффективной защиты неимущественных прав[12].

В деле о проверке конституционности ст. 53 УК РФ, в связи с поступившими жалобами на неопределённость вопроса об установлении судами подсудимому

---

[11] По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.03.2023 № 7-П [Электронный ресурс] // Российская газета: сайт: URL: https://rg.ru/documents/2023/03/10/document-grazhdanskyj-kodeks.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 30.05.2026).

[12] По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2022 № 33-П [Электронный ресурс] // Российская газета: сайт. URL: https://rg.ru/documents/2022/08/03/document-ugolovnoprocessualnyjkodeks.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 30.05.2026).

запрета на посещение мест, где может часто находиться потерпевший, заявительница жаловалась на то, что отсутствие чётких формулировок в статье не позволяет ей как потерпевшей получить полноценную уголовно-правовую защиту права на личную неприкосновенность и охрану достоинства личности от насилия[13].

В своём решении Суд отметил, что любое посягательство на личность, её права и свободы, а тем более на физическую неприкосновенность является одновременно и посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек становится объектом произвола и насилия. Также Суд указал, что, хотя вероятность того, что осуждённый будет пытаться связаться с потерпевшим после приговора, не всегда высока, сам факт его свободы и возможности оказаться рядом с жертвой может усугублять её моральные страдания. Это также может порождать у неё обоснованные опасения за свою безопасность, которые, учитывая прошлый опыт, воспринимаются как реальная угроза. В контексте гуманизации уголовного наказания, расширяющей применение мер, не связанных с лишением свободы, важно отметить, что право суда налагать ограничения (запреты) на посещение обвиняемым (осуждённым) мест пребывания потерпевшего (или приближение к ним) выгодно и самому обвиняемому (осуждённому). При условии наличия действенных механизмов контроля, включая технические средства, это может стимулировать переход к более мягким формам наказания.

Представленные примеры позволяют сделать вывод, что Суд, затрагивая вопрос о достоинстве в своих решениях, определил два вектора его проявления: как гарантия от правоущемляющих факторов (умаление, неправомерное ограничение) и как гарантия доступности для человека этого блага (обладание им).

Заключение. Проведённое исследование позволило авторам прийти к следующим выводам:

- Память о преступлениях времён Второй мировой войны заставила Германию поставить человеческое достоинство в основу конституционных положений, сделав его непререкаемым и основополагающим принципом всей правовой системы. Это решение стало прямым следствием переосмысления ужасов нацистской идеологии и инструментом для построения новой национальной и конституционной идентичности.

- В Южной Африке концепция человеческого достоинства получила своё отражение в Конституции в ответ на унизительный исторический период – период апартеида. Она тесно переплетается с философией убунту, которая основана на единстве людей, поддержке, эмпатии и глубоком уважении друг к другу. В ней ценность достоинства проявляется не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне, выступая как средство борьбы с дискриминацией.

---

[13] По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной: Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 № 4-П [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ: сайт. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision733131.pdf (дата обращения: 30.05.2026).

- Куба уже в преамбуле Конституции декларирует достоинство человека как важную ценность, однако в её самих статьях можно отметить, что документ демонстрирует двойственное отношение к данной ценности, закрепляя её и как индивидуальную, и как коллективную ценность, тесно связанную с политическими и социальными целями государства.

- Россия пережила трансформацию от положений советских конституций, где достоинство играло второстепенную роль, до современной концепции, отражённой в Конституции 1993 г., закрепляющей общечеловеческую ценность как фундаментальную гарантию. Решения Конституционного Суда РФ определили два вектора её проявления: как гарантия от правоущемляющих факторов (умаление, неправомерное ограничение) и как гарантия доступности для человека этого блага.

Кроме того, исследование показало, что национальная идентичность и достоинство тесно взаимосвязаны. Анализ конституционных норм о достоинстве человека в разных странах продемонстрировал, что, несмотря на сложную взаимосвязь между правовыми нормами, коллективной исторической памятью, идеологическими установками и культурными особенностями, достоинство играет важную роль в формировании национальной идентичности и является важным фактором в развитии наций. Также оно обладает системообразующей функцией в конституционном правотворчестве и правоприменении.

Список источников

1. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict / H. Tajfel, J.C. Turner // The social psychology of intergroup relations. – 1979. – P. 33–47.

2. Демидова Т.К., Тулупова Е.О. Закрепление права на уважение человеческого достоинства в Основном законе Германии / Т.К. Демидова, Е.О. Тулупова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2019. – № 2 (2). – С. 15–19.

3. Гладун Е.Ф. Индигенизация конституционных ценностей (на примере концепции «убунту» Южно-Африканской Республики) / Е.Ф. Гладун // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2022. – Т. 22. – № 3. – С. 95–103.

4. Tutu D. No future without forgiveness: A personal overview of South Africa's Truth and Reconciliation Commission / D. Tutu. – Image, 2000. – 304 p.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (по состоянию на 15 июля 2014 г.). 2-е изд., испр. и доп. / под ред. проф. С.А. Комарова. – СПб.: Издательство Юридического института, 2014. – 538 с.

References

1. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict. *The Social Psychology of Intergroup Relations*, 1979, pp. 33–47. (In English).

2. Demidova T.K., Tulupova E.O. Adoption of the Right to Human Dignity in the Basic Law of Germany. *Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University,* 2019, no. 2 (2), pp. 15–19. (In Russian).

3. Gladun E.F. Indigenization of Constitutional Values (on the Example of the Ubuntu Concept of the Republic of South Africa). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law,* 2022, vol. 22, no. 3, pp. 95–103. (In Russian).

4. Tutu D. No Future without Forgiveness: A Personal Overview of South Africa's Truth and Reconciliation Commission. Image, 2000. 304 p. (In English).

5. Commentary on the Constitution of the Russian Federation (July 15, 2014). St. Petersburg, Law Institute Publ. House, 2014. 538 p. (In Russian).

Информация об авторах

Галиев Фарит Хатипович – *доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права*

Имад Хабиб Махмуд – *Ph.D, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий*

Тулупова Елена Олеговна – *кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий*

Information about the Authors

Galiev Farit Khatipovich – *Doctor Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law;*

Imad Habib Mahmud – *PhD, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law;*

Tulupova Elena Olegovna – *Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 28.07.2026 г.; принята к публикации 29.07.2026 г.

The article was submitted 22.06.2026; approved after reviewing 28.07.2026; accepted for publication 29.07.2026.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Научная статья
УДК 347.9
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.4

Михайлова Екатерина Владимировна
Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия,
e.v.mihailova@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-0313-3813

ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СТОРОН В ДЕЛАХ О ПРИЗНАНИИ ПРИВАТИЗАЦИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ

Аннотация. В статье анализируется природа правоотношений по приватизации государственного или муниципального имущества, сделан вывод об их публично-правовой сущности. В силу этого автор утверждает, что в делах о признании приватизации недействительной, возбуждаемых по иску прокурора, общие положения гражданского законодательства об исковой давности применяться не должны. Практика по данному вопросу противоречива, и требуется научно обоснованная корректировка законодательства, чтобы обеспечить его стабильность.

Цель: обосновать, что если при приватизации были совершены действия коррупционного характера, то на такие ситуации должны распространяться те же правила, которые действуют при предъявлении требований прокурора об изъятии в доход государства имущества, полученного вследствие нарушения требований и запретов, установленных антикоррупционным законодательством.

Методы: путём дедукции был сделан вывод о том, что, поскольку нормы о борьбе с коррупцией должны распространяться на все её виды, они применимы и к случаям коррупции при приватизации. Сравнительный метод использовался при сопоставлении позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ относительно момента, с которого исчисляются сроки исковой давности по искам государственных органов и прокуроров.

Результаты: учитывая правовую позицию Конституционного Суда РФ, представляется правильным закрепить, что срок исковой давности в делах о признании приватизации недействительной должен исчисляться с момента, когда об основаниях предъявления иска стало известно прокурору.

© Михайлова Е.В., 2026

***Ключевые слова**:* приватизация, частноправовые и публично-правовые отношения, процессуальная форма защиты, иск прокурора, исковая давность, публично-правовые образования, заинтересованные лица, публичный интерес, коррупция, интересы неопределённого круга лиц

Для цитирования: Михайлова Е.В. Защита гражданских прав и законных интересов сторон в делах о признании приватизации недействительной / Е.В. Михайлова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.4 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 47–57.

Original article

Mikhailova Ekaterina Vladimirovna
Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e.v.mihailova@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-0313-3813

THE CIVIL RIGHTS AND LEGAL INTERESTS' PROTECTION OF THE PARTIES IN CASES OF PRIVATIZATION INVALIDATION

Abstract. This article analyzes the nature of legal relations on the privatization of state or municipal property and concludes that they are of public law nature. Because of this, the author argues that in cases of privatization invalidation initiated by the prosecutor's claim, the general provisions of the civil law on the time limit for claims should not be applied. Practice on this issue is contradictory and a scientifically substantiated amendment to the legislation is required to ensure its stability. Purpose: to substantiate that if actions of a corrupt nature were committed during privatization, then such situations should be subject to the same rules that apply to the prosecutor's demands for the seizure of state property resulting from violations of the requirements and prohibitions established by anti-corruption legislation. Methods: through deduction, it is concluded that, since anti-corruption regulations should apply to all forms of corruption, they are also applicable to cases of corruption during privatization. A comparative method is used to compare the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation regarding the starting point for calculating the time limit for claims filed by state bodies and prosecutors. Results: taking into account the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, it seems correct to fix that the limitation period in cases of privatization invalidation should be calculated from the moment when the prosecutor became aware of the grounds for filing a claim.

Keywords: privatization, private and public law relations, procedural form of protection, prosecutor's claim, time limit for claims, public law entities, interested parties, public interest, corruption, interests of an indefinite number of persons

For citation: Mikhailova E.V. The Civil Rights and Legal Interests' Protection of the Parties in Cases of Privatization Invalidation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the*

Bashkir State University, 2026, no. 3, pp. 47–57. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.4

Введение. Этимологически и юридически «приватизация» – это передача имущества из публичной собственности в частную[1]. Таким образом, одной стороной правоотношений по приватизации имущества является публично-правовое образование, а другой – физическое или юридическое лицо.

В этой связи сразу встаёт вопрос о правовой природе данных правоотношений. С одной стороны, они регулируются гражданским законодательством. Однако это не определяет их частноправовую природу. Гражданским правом регулируется значительное число отношений, имеющих публично-правовую природу. Так, Л.Ю. Грудцына пишет о взаимосвязи норм частного и публичного права: «С одной стороны, многие публично-правовые нормы, да и функции публичного права в целом в значительной мере направлены на защиту частных интересов. С другой стороны, любая правовая норма, устанавливающая частноправовые основы каких-либо общественных отношений, по сути и природе своей является публичной хотя бы потому, что, во-первых, санкционируется государством и становится частью национального законодательства, во-вторых, не может противоречить и угрожать самой государственной системе и природе государственного управления» [1, с. 36].

К отношениям, имеющим публично-правовую природу, относятся все правоотношения, отвечающие сформулированным в правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации признакам: отсутствие равенства и автономии воли их участников, один из которых реализует по отношению к другому принадлежащие ему властные полномочия[2].

Публичные правоотношения отличаются от административных правоотношений тем, что направлены не на реализацию функций по непосредственному управлению публичным образованием, а на достижение иных целей и задач в интересах государства и общества. Такими публично-правовыми отношениями являются урегулированные гражданским законодательством отно-

[1] Ч. 1 ст. 217 ГК РФ устанавливает: «Имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности, может быть передано его собственником в собственность граждан и юридических лиц в порядке, предусмотренном законами о приватизации государственного и муниципального имущества». Ст. 1 ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» закрепляет: «Под приватизацией государственного и муниципального имущества понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности Российской Федерации (далее – федеральное имущество), субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, в собственность физических и (или) юридических лиц» / Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 4. – Ст. 251.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.04.2026).

шения в области пенсионного и иного социального обеспечения граждан, изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, заключения и исполнения государственных контрактов и т. д.

По справедливому мнению О.Е. Кутафина, «признавая публично-правовые образования субъектами гражданского права, нельзя не учитывать особенности их статуса, связанные с обладанием ими публичной властью, позволяющей им часто самим определять правопорядок в целом, включая и случаи, а также пределы собственного участия в гражданских правоотношениях» [2, с. 46].

Отмечу, что право государства самостоятельно, в одностороннем порядке устанавливать правила своего участия в гражданских правоотношениях – это отнюдь не привилегия, а законная дискреция, необходимая потому, что его действия оказывают влияние на права и обязанности неограниченного круга лиц, всего общества. Например, незаконная приватизация государственного или муниципального имущества нарушает имущественные интересы не только самого публичного образования, но также и лиц, которые могли претендовать на получение указанного имущества в собственность, но лишились этого права по причине незаконных действий других лиц. Кроме этого, публичное образование, в силу причинённого ему имущественного ущерба, не сможет осуществить ряд мер социальной направленности, что также отразится на других гражданах. Наконец, незаконная приватизация государственного и муниципального имущества нарушает основополагающий принцип законности, причиняет репутационный вред государству, снижает уровень доверия к нему.

Исследователи отмечают: «Таким образом, с точки зрения законности и целесообразности проведения приватизации можно сделать следующий вывод: приватизация государственного или муниципального имущества в России осуществлялась, в основном, с нарушением закона, при отсутствии эффективной нормативной базы, правовая система была несовершенной, т. к. создавалась довольно спонтанно. Поэтому в общественном мнении по поводу приватизации государственного или муниципального имущества в России сложилась противоречивая ситуация. Так, по данным опроса сотрудников ИСПИ РАН следует, что значительная часть россиян признают политическую и экономическую необходимость проведённой приватизации, считают её в принципе полезной для общества, но не принимают её, так как считают методы незаконными, а формы проведения несправедливыми» [3, с. 139].

Проблема исчисления срока исковой давности при предъявлении прокурором требования о признании приватизации незаконной. Рассматривая вопрос о защите прав участников дел о признании приватизации незаконной, нельзя принимать во внимание только интересы публичного образования и гражданина или юридического лица, ставшего выгодоприобретателем. Необ-

ходимо защитить интересы неограниченного круга, общественные интересы, цена которых может быть очень высока – особенно при приватизации заводов, фабрик, объектов производства, инфраструктуры. Так, Конституционный Суд РФ указывает на существенное отличие между публичным интересом и интересом должностного лица, занимающегося коррупцией[3].

При этом Конституционный Суд выводит из-под пределов понятия «коррупция» случаи незаконной приватизации государственного имущества[4]. С этим трудно согласиться[5]. Ключевой признак коррупционной деятельности – это её противоправный характер. Об этом пишет С.А. Бочкарёв, справедливо полагая, что коррупция не может рассматриваться как основание возникновения граждан-

[3] Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «…нарушение коррупцией принципов справедливости и равенства, иных конституционных ценностей по своей сути таково, что в правоотношениях по обращению в доход Российской Федерации имущества как приобретённого вследствие нарушения лицом, занимавшим публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе производного имущества, публичный интерес не может рассматриваться как интерес исключительно уполномоченных органов. Фактически в этих правоотношениях интерес лица, предположительно совершившего деяние коррупционной направленности, противопоставлен интересам не только общества в целом, но и каждого не причастного к коррупционной деятельности гражданина» / Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 46. – Ст. 7029.

[4] КС РФ указал: «В деле, находящемся в производстве Краснодарского краевого суда, решается вопрос об обращении в доход Российской Федерации имущества, полученного вследствие нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретённое в результате совершения указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано (далее также – производное имущество). Именно это обстоятельство, а не иные основания изъятия имущества из частной собственности в публичную (как, например, неправомерное выбытие имущества из федеральной собственности в результате нарушения порядка приватизации), лежит в основе исковых требований прокурора, базирующихся на представленных им доказательствах совершения конкретным лицом в период занятия должности, на которую распространяются антикоррупционные требования и запреты, их нарушения, в результате чего им было получено имущество, об обращении которого, в том числе производного имущества, в доход Российской Федерации заявлено требование» / Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 46. – Ст. 7029.

[5] В соответствии с законом, под коррупцией понимается «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» / Ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

ских прав [4]. Несомненно, что незаконная приватизация – это проявление коррупции, точно такое же, как приобретение имущества на незаконные доходы.

Защита нарушенных или оспоренных гражданских прав и законных интересов в судебном порядке реализуется в момент постановления решения по делу. Однако в ряде случаев оно не выносится. Одним из таких случаев является истечение по заявленному требованию срока исковой давности, если об этом заявит ответчик.

Равенство публично-правовых образований, граждан и организаций, закреплённое в ст. 124 Гражданского кодекса РФ, предполагает, что к спорам, вытекающим из правоотношений с их участием, применяются все институты гражданского права – в том числе, институт исковой давности. Однако представляется, что эти институты применимы исключительно к частноправовым отношениям, в которых публично-правовые образования участвуют в качестве стороны.

Как известно, Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что институт исковой давности в делах, возбуждённых по «антикоррупционным искам» прокурора, не подлежит применению[6]. Эта справедливая и совершенно обоснованная позиция полностью применима и к спорам, возникающим из отношений по приватизации имущества.

В современной науке признано, что коррупция представляет собой сложное социально-правовое явление. Основным нормативным правовым актом антикоррупционной направленности является Федеральный закон от

[6] Конституционный Суд Российской Федерации указал следующее: «Меры, предполагающие обращение в доход государства имущества и денежных средств, в отношении которых не опровергнута презумпция незаконности происхождения или установлена незаконность происхождения, имеют, являясь по своему существу особой формой правового государственного принуждения наряду с уголовно-правовыми и административно-деликтными мерами, конституционно значимую публичную цель борьбы с деяниями коррупционной направленности. Они ориентированы на обеспечение эффективного функционирования механизма народовластия и правового государства, на защиту демократического строя. Наличие таких мер и их действенное применение призваны повысить результативность противодействия коррупции, предотвратить риски, связанные с неправомерным влиянием на государственных и муниципальных служащих, иных выполняющих публично значимые функции лиц и тем самым – с возможностью сращивания публичной власти и бизнеса, а тем более публичной власти и криминала. Имущество, подлежащее изъятию по антикоррупционным искам, обращается в доход Российской Федерации. Поступая в федеральную собственность, данное имущество, таким образом, подлежит использованию на благо всего общества, что направлено на восстановление социальной справедливости и укрепление социальной солидарности в сфере борьбы с коррупцией. Несмотря на то, что такое обращение имущества в доход Российской Федерации не носит компенсаторного характера, по своей природе оно направлено на хотя бы частичное восполнение нарушения принципов справедливости и равенства (правового эквивалента)» / Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 46. – Ст. 7029.

25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Вместе с тем система мер, направленных на противодействие коррупции, предупреждение и пресечение коррупционных проявлений, не ограничивается теми, которые установлены данным законом. Несмотря на то, что антикоррупционные нормы в большинстве своём являются публично-правовыми, гражданское законодательство не остаётся в стороне и также содержит положения, выступающие частью правового механизма противодействия коррупционному поведению» [5, с. 45].

Иск прокурора о признании приватизации недействительной, как и «антикоррупционный иск», представляет собой гражданско-правовое требование имущественного характера. Точно так же, как и требование об обращении в доход государства имущества, законность приобретения которого не подтверждена в установленном законом порядке, имущество, полученное в результате приватизации, обращается в собственность государства ввиду отсутствия законных оснований его приобретения. Разумеется, как и имущество, полученное государством по «антикоррупционному иску», имущество, возвращённое в публичную собственность по «деприватизационному» требованию, будет направлено на реализацию общественных интересов.

Основное отличие «антикоррупционного» иска от «деприватизационного» иска заключается в том, что имущество, полученное в нарушение требований антикоррупционного законодательства, предметом спорного правоотношения между истцом (государством в лице прокурора) и ответчиком (лицом, занимавшем публичную должность) не является, в то время как истребуемое по «деприватизационному» иску имущество выступает непосредственным предметом спорного материального правоотношения по приватизации государственного или муниципального имущества, сложившегося между истцом (государством в лице прокурора) и ответчиком (гражданином или юридическим лицом).

Однако это обстоятельство – не показатель частноправовой природы правоотношения по приватизации имущества. Поскольку условия и порядок приватизации государственного и муниципального имущества определяются «публично-правовой» стороной правоотношения самостоятельно, а не согласовываются сторонами, то автономия воли и равенство участников отсутствуют, что подтверждает его публично-правовую природу.

В силу этого полагаю, что в делах, возникающих из отношений по приватизации имущества, частноправовые институты должны применяться с особенностями, учитывающими их публично-правовую природу.

Одним из основных средств защиты интересов ответчика (гражданина или юридического лица) в указанных делах, как уже было сказано, является заявление о пропуске истцом срока исковой давности.

В случае предъявления иска о признании приватизации недействительной органом государственной власти или местного самоуправления срок исковой давности, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, составляет три года с момента, когда этот орган узнал или должен был узнать о наличии оснований для указанного требования[7]. В случае предъявления рассматриваемого иска прокурором, согласно позиции Конституционного Суда РФ, срок исковой давности составляет три года с момента, когда о наличии соответствующих оснований узнал или должен был узнать прокурор[8].

В настоящее время в Государственную Думу РФ внесён законопроект, которым предусматриваются изменения в ст. 217 Гражданского кодекса РФ. Основная идея проекта состоит в законодательном закреплении применимости института исковой давности к спорам, возникающим из отношений по приватизации государственного и муниципального имущества[9]. Разработчики законо-

[7] Согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, «…в силу пункта 1 статьи 200 ГК РФ срок исковой давности по требованиям публично-правовых образований в лице уполномоченных органов исчисляется со дня, когда публично-правовое образование в лице таких органов узнало или должно было узнать о нарушении его прав, в частности, о передаче имущества другому лицу, совершении действий, свидетельствующих об использовании другим лицом спорного имущества, например, земельного участка, и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права» / П. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 12.

[8] Конституционный Суд РФ совершенно обоснованно указал следующее: «Лишь на основе собранной и надлежаще закреплённой информации прокурор приобретает реальную возможность подать антикоррупционный иск, чтобы он был обеспечен доказательствами, тем более, когда они выходят за пределы количественного сопоставления доходов и расходов. Если точкой отсчёта при исчислении срока исковой давности признавать начало работы по выявлению конкретных обстоятельств, то это не позволяло бы учесть, что её ход может быть существенно затруднён принятыми и дополнительно принимаемыми совершившим коррупционное деяние лицом мерами по сокрытию признаков своей противоправной деятельности. Более того, со стороны такого лица с учётом возможного наличия у него коррупционных связей может иметь место и противодействие своевременной подаче прокурором искового заявления, в частности за счёт создания видимости формального истечения срока исковой давности. Поэтому при подаче антикоррупционных исков препятствием для достижения правового эффекта, необходимого с точки зрения неотвратимости неблагоприятных последствий коррупционного поведения, может быть не только десятилетний срок с момента нарушения права или возникновения обязательства, но и трёхлетний срок исковой давности, правила исчисления которого при определении начала его течения не гарантируют учёта возможности противодействия со стороны лиц, совершивших деяния коррупционной направленности, установлению оснований для подачи антикоррупционного иска и собственно его подаче» / Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 46. – Ст. 7029.

[9] Ст. 217 ГК РФ предлагается дополнить следующей формулировкой: «В случае применения гражданско-правовых последствий нарушения требований законодательства при приватизации государственного и муниципального имущества подлежат применению установленные настоящим Кодексом сроки исковой давности и правила их исчисления. При этом срок исковой давности по искам об истребовании имущества, выбывшего из владения Рос-

проекта полагают: «Такое решение даст сигнал о гарантиях собственности лицам, которые развивали и инвестировали в предприятия длительные годы, даже в тех случаях, когда при приватизации имущества более десяти лет назад не все процедуры были выполнены в соответствии с законом»[10].

Отмечу, что «развивать и инвестировать» можно законно только в случае, если имущество принадлежит лицу на праве собственности. Однако главное заключается в том, что применимость исковой давности к делам, возникающим из отношений по приватизации, сделает невозможной защиту имущественных интересов государства по искам прокуроров. Очевидно, что срок исковой давности приватизации государственного имущества, имеющего наибольшую стоимость и стратегическое значение (крупных производственных объектов и т. д.) давно вышел. Таким образом, заявление в суде о пропуске срока исковой давности для лица, незаконно получившего такое имущество в собственность, станет безусловной гарантией того, что оно у него и останется. Полагаю, допустить это нельзя.

Не вызывает сомнений, что, как и в ситуации с «антикоррупционными исками», о наличии оснований для оспаривания приватизации прокурору становится известно, без преувеличения, последним. Во всех случаях оспаривания сделок с участием публично-правовых образований как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, обращение прокурора – это исключительная мера, применяемая тогда, когда уполномоченные органы государственной власти бездействуют или даже способствуют нарушению экономических прав и законных интересов государства. Во всех случаях предъявлению прокурором гражданско-правового иска предшествует длительная и сложная работа по выявлению правонарушения, собиранию доказательственного материала и проч. Работа эта почти всегда сопряжена с противодействием недобросовестных лиц. Поэтому срок исковой давности в делах, возбуждаемых на основании иска прокурора, не должен применяться [6].

Заключение. Итак, в делах о признании приватизации государственного и муниципального имущества недействительной, возбуждаемых на основании иска прокурора, институт исковой давности, по моему мнению, применяться не должен. Это обусловливается тем, что, во-первых, прокурору становится из-

---

сийской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в результате его приватизации, а также по искам о применении иных гражданско-правовых последствий нарушения требований законодательства о приватизации государственного и муниципального имущества во всяком случае не может превышать десять лет со дня нарушения права. Суд отказывает в удовлетворении требования Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований об истребовании приватизированного имущества, если после выбытия имущества из владения Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований истекло десять лет со дня нарушения права» / Проект Федерального закона № 1208563-8 «О внесении изменений в статью 217 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.04.2026).

[10] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 217 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.04.2026).

вестно о наличии оснований для предъявления указанного иска значительно позднее, чем уполномоченному органу государственной или муниципальной власти, принявшем решение о приватизации (в этом, несомненно, проявляется коррупционная составляющая незаконной приватизации). Но имплементации этого в судебную практику и законодательства препятствует правовая позиция Конституционного Суда РФ, чётко выраженная в Постановлении № 49-П. Поэтому будет наиболее правильным, на мой взгляд, закрепить в Гражданском кодексе правило о том, что срок исковой давности по искам прокурора, возникающим из приватизации государственного и муниципального имущества, начинает течь с момента, когда об основаниях предъявления иска стало известно прокурору. При этом общий, трёхлетний, срок исковой давности по указанным делам, возбуждаемым по искам органов государственной власти и местного самоуправления, должен применяться во всех случаях, как это прямо закреплено в правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников

1. Грудцына Л.Ю. Институты гражданского общества в системе частноправовых и публично-правовых отношений / Л.Ю. Грудцына // Цифровое право. – 2024. – № 3. – С. 36–41.

2. Кутафин О.Е. Российская Федерация, её субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права / О.Е. Кутафин // Журнал российского права. – 2007. – № 1. – С. 46–54.

3. Медведева Э.А. Ответственность за незаконную приватизацию государственной и муниципальной собственности в Российской Федерации: пробелы законодательного регулирования / Э.А. Медведева // Общество и право. – 2010. – № 3 (30). – С. 135–140.

4. Бочкарёв С.А. Институт исковой давности как несбывшаяся надежда коррупционеров / С.А. Бочкарёв // Журнал российского права. – 2025. – № 4. – С. 104–121.

5. Яковенко Е.В. Обращение имущества в доход Российской Федерации как гражданско-правовой инструмент противодействия коррупции: проблемы правоприменения и основные пути их решения / Е.В. Яковенко // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 4 (102). – С. 45–51.

6. Михайлова Е.В. Исковая давность по искам прокурора не подлежит применению / Е.В. Михайлова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2026. – № 5.

References

1. Grudtsyna L. Yu. Institutes of Civil Society in System of the Private and Public Law Relations. *Digital Law*, 2024, no. 3, pp. 36–41. (In Russian).

2. Kutafin O. E. Russian Federation, Its Subjects and Municipalities as Subjects of Civil Law. *Journal of Russian Law*, 2007, no. 1, pp. 46–54. (In Russian).

3. Medvedeva E. A. Liability for Illegal Privatization of State and Municipal Property in the Russian Federation: Gaps in Legislative Regulation. *Society and Law*, 2010, no. 3 (30), pp. 135–140. (In Russian).

4. Bochkarev S. A. The Statute of Limitations as the Unfulfilled Hope of Corrupt Officials. *Journal of Russian Law*, 2025, no. 4, pp. 104–121. (In Russian).

5. Yakovenko E.V. Turning of Property into the Ownership of the Russian Federation as a Civil Law Instrument for Combatting Corruption: Problems of Law Enforcement and the Main Ways to Solve Them. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2024, no. 4 (102), pp. 45–51. (In Russian).

6. Mikhailova E.V. The Statute of Limitations for Claims of the Prosecutor is Not Subject to Application. *Arbitration and Civil Procedure*, 2026, no. 5, pp. 25–30. (In Russian).

Информация об авторе

Михайлова Екатерина Владимировна *– доктор юридических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего сектором процессуального права ИГП РАН, главный научный сотрудник ИГП РАН*

Information about the Author

Mikhailova Ekaterina Vladimirovna *– Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; Chief Researcher*

Статья поступила в редакцию 04.07.2026 г.; одобрена после рецензирования 12.08.2026 г.; принята к публикации 12.08.2026 г.

The article was submitted 04.07.2026; approved after reviewing 12.08.2026; accepted for publication 12.08.2026.

Научная статья
УДК 347.1
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.5

Спылаев Олег Дмитриевич
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: o.spylaev@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-3472-568X

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК ЭТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. Добросовестность как принцип права сформировался в России достаточно недавно, вызвав научный интерес к своему содержанию и функционированию. В статье исследуется историческое формирование категории «добросовестность», её трансформация из этической в правовую, а также дальнейшее развитие и закрепление в качестве принципа права. Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа добросовестности как этико-правовой категории, изучении её исторического развития и современного понимания. Методологическая база исследования включает общенаучные методы познания (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и специальные философские методы (диалектический метод). Исследование опирается на философские труды, нормативно-правовые акты и судебную практику. Результаты исследования демонстрируют эволюцию понятия добросовестности от древнегреческой философии до современных правовых систем. Выявлена эволюция категории «добросовестность» от этической концепции к правовому принципу с сохранением нравственной основы, определена дуалистическая природа добросовестности, включающая внутренний моральный и внешний прагматический аспекты, установлена взаимосвязь добросовестности с категориями честности, справедливости и совести.

Ключевые слова: добросовестность, принцип права, мораль, нравственность, справедливость

Для цитирования: Спылаев О.Д. Добросовестность как этико-правовая категория / О.Д. Спылаев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.5 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 58–74.

Original article

Spilaev Oleg Dmitrievich
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia, e-mail: o.spylaev@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-3472-568X

GOOD FAITH AS AN ETHICAL AND LEGAL CATEGORY

Abstract. Good faith as a principle of law has only recently emerged in Russia, sparking scientific interest in its content and functioning. This article explores the historical development of the concept “good faith”, its transformation from an ethical to a legal category and its subsequent evolution and consolidation as a principle of law. The purpose of this research is to provide a comprehensive analysis of good faith as an ethical and legal category, to examine its historical evolution and current understanding. The research methodology includes general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, comparison, and generalization) and special philosophical methods (the dialectical method). The research is based on philosophical works, legal acts and judicial practice. The results of the research demonstrate the evolution of the concept “good faith” from ancient Greek philosophy to modern legal systems. The evolution of the category “good faith” from an ethical concept to a legal principle with maintaining a moral foundation has been revealed, the dualistic nature has been determined, including internal moral and external pragmatic aspects and the relationship between good faith and the categories of honesty, justice and conscience has been established.

Keywords: good faith, principle of law, morality, ethics, justice

For citation: Spilaev O.D. Good Faith as an Ethical and Legal Category. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 58–74. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.5

Введение. В современном мире, характеризующемся динамичным развитием общественных отношений и усложнением системы социального взаимодействия, особую актуальность приобретает исследование этико-правовых категорий, лежащих в основе регулирования поведения индивидов и коллективов. Одной из фундаментальных категорий, определяющих качество правовых отношений и моральных устоев общества, выступает добросовестность.

Актуальность исследования обусловлена тем, что добросовестность как принцип права сформировалась в России сравнительно недавно, что породило научный интерес к её содержанию, механизмам функционирования и влиянию на правовую систему в целом. В условиях модернизации правовой системы и развития гражданского общества исследование добросовестности как этико-правовой категории приобретает особую значимость.

Формирование категории «добросовестность» в Античный период. Рассуждая о добросовестном и недобросовестном поведении, мы обращаем внимание на нормы морали, действующие в обществе в конкретный исторический период, понятия о добре и зле, о нравственном и безнравственном, о моральном и аморальном.

Понятие о добросовестности как о требовании к поведению в соответствии с действующими в обществе понятиями нравственности и добропорядочности начало складываться в Античный период. Однако не получило оформления как самостоятельная категория.

Вместе тем, отдельные высказывания и работы древнегреческих философов позволяют говорить о формировании таких понятий как справедливость, добродетель, позволяет говорить о формировании этики.

Демокрит в качестве источника морали определял внутренние побуждения человека, а не внешние по отношению к нему религиозные нормы и страх перед наказанием. Именно совесть определяет поступки. Известны такие высказывания Демокрита как: «Не из страха, но из чувства долга надо воздерживаться от проступков», «Больше всего надо стыдиться самого себя. И для души должен быть установлен закон: не совершай ничего неподобающего» [1, с. 152–156].

Именно внутренний долг, совесть побуждают человека действовать в соответствии с нормами морали. Указанные высказывания Демокрита посвящены должному, нравственную поведению по отношению к другим членам общества и закону, что согласуется с положениями о доброй совести.

Наиболее близко к понятию добросовестности подошёл Аристотель в Никомаховой этике. Рассуждая о добродетели, он указывает, что жизнь человека – это деятельность души и поступки при участии суждения. А дело добропорядочного мужа: «… совершать это хорошо (το ευ) и прекрасно в нравственном смысле (καλος), и мы полагаем, что каждое дело делается хорошо, когда его исполняют сообразно присущей (οικεια) ему добродетели…» [2, с. 10]. Саму добродетель Аристотель определяет как нравственные устои, такой склад души, при котором человек хорошо выполняет своё дело, при этом придерживаясь золотой середины [2, с. 10].

В качестве полной добродетели Аристотель называет правосудность в отношении к другому. Неправосудность – характеристика несправедливого, своекорыстного, преступающего закон человека. Правосудность, в свою очередь, характеризует законопослушного и справедливого человека. Как верно отмечает Аристотель, поступая неправосудно человек получает больше, чем следует, а терпя неправосудие – меньше [2, с. 78, 83].

Последнее высказывание согласуется с запретом на злоупотребление правом, при котором злоупотребляющее лицо получает определённые преимущества вследствие недобросовестного поведения, тем самым нарушает баланс интересов между сторонами правоотношения.

Вместе с тем, само понятие добросовестности начало формироваться в древнеримском обществе. Под fides понималась собственная честность и вера в честность других людей, верность данному слову и нравственная обязанность людей выполнять свои обязательства [3, с. 133].

Fides существовало параллельно праву как традиция или обычай предков, в соответствии с которым строились отношения внутри семьи и между римскими родами. Впоследствии fides обрело значение юридической конструкции bona fides (добрая совесть), предполагающее обязанность действовать в соответствии с добрыми нравами и обычаями [4, с. 36–40]. Однако несмотря на переход в правовую сферу, добросовестность сохранила в своём содержании нравственную основу.

По-видимому, добросовестное поведение, честность во взаимоотношениях, ответственность за данное слово играли в жизни римлян особую роль. Цицерон про fides говорит, что во время Пунической войны Регул был вынужден вернуться в лагерь врага на казнь, только чтобы не нарушать честного слова. В другом случае пленный был отпущен после клятвы вернуться с выкупом, однако он вернулся ранее, сказав, что забыл одну вещь, после второго выхода из лагеря он считал себя освобождённым. Цицерон указывает, что в этом случае имеет место обман, поскольку «… когда дело идёт о честном слове, всегда надо думать о своём намерении, а не о своих словах» [5].

Цицерон определял fides как основание справедливости, стойкость и правдивость в словах и принятых на себя обязательствах. «Что за золотые слова, – восклицает Цицерон, – Как честным людям надлежит поступать честно и без обмана!». Понтифик Квинт Сцевола особую роль отдавал решениям судей, в которых прибавлялось «…на основании доверия» (ex fide bona). Постулат о доверии получил распространение во всех основополагающих сферах жизни римского общества [5].

Трансформация добросовестности в правовую категорию. Трансформация добросовестности из этико-философской категории в правовую детерминирована развитием и усложнением общественных отношений в Древнем Риме, возникновением необходимости более точного их правого регулирования.

Первоначально появившееся в архаический период развития римского права понятие «fides» имело нравственное значение и было связано с честностью, верностью своему слову. Оно существовало вне правой сферы и регулировало отношения между римскими гражданами как моральная норма.

Право представляет собой систему норм и институтов, направленных на регулирование уже сложившихся общественных отношений. В связи с этим закрепление добросовестности как правовой категории представляется абсолютно обоснованным в условиях, когда честное поведение уже играло ключевую роль в жизни Древнего Рима. Кроме того, классический период связан с ростом торговли и увеличением количества заключаемых договоров. Существовавшее на тот момент времени квиритское право характеризовалось негибкостью норм и формализмом, требованием произнесения клятв при свидетелях, что препятствовало развитию торговли. В связи с этим возникла необходимость пересмотра существующего права. Этот период также характеризуется распространением концепции естественного права и уделению внимания не внешней стороне (форме) юридически значимого действия, а его внутреннему содержанию [4, с. 36–40].

При таком общественном состоянии в праве Древнего Рима начала формироваться правовая конструкция bona fides как понятие о добросовестном поведении.

Формирование правовой категории bona fides во многом обусловлено вкладом римских юристов, чьи труды и доктринальные высказывания заложили фундамент для последующего развития данной концепции в юридической науке. Классическим определением добросовестности принято считать афо-

ризм: «fides bona contraria est fraudi et dolo» («добросовестность противоположна обману и злому умыслу»).

В работах римского юриста Юлия Павла можно обнаружить как понятие fides, так и bona fides, которые имеют различное содержание.

Fides использовалась как часть стипуляции – словесной формулы договора: «Promitto: fidei tvae erit? Fidei meae erit» – Ручаешься своей честью? Ручаюсь своей честью (Paul II.3). Также Fides использовалась для обозначения честности как качества (Paul IV.2) или внешнее проявление честности (Paul IV.3.4). Понятием fides также обозначалось достоверность каких-либо фактов или сведений. Так, если свидетели колебались относительно достоверности документов, то их нельзя было допрашивать по поводу документов (Paul V.15.4). Ещё одним значением являлось доверие или вера в чьи-либо слова, показания. По Павлу нельзя доверять рабу, донёсшему на господина, поскольку не следует в сомнительных делах ставить благополучие господина в зависимость от суждения раба (Paul V.16.4) [6, с. 26–27, 86–89, 130–131].

Bona fides как правовая категория характеризовала поступки третьих лиц при ведении дела как добросовестные. Павел указывает, что тот, кто ведёт чужие дела, обязан проявлять полную добросовестность и расточительность в делах того, кого защищает (Paul I.4.1). Добросовестность требовалась при покупке имущества и означала незнание о том, что имущество продаёт лицо, владеющее им незаконно (Paul II.17.11). Также существовали контракты, основанные на добросовестности, в их подтверждение не требовалось предоставлять какие-либо документы, если была возможность засвидетельствовать истину о добросовестности (Paul II.17.13) [6, с. 10–11, 38–39].

Приведённые фрагменты работ Юлия Павла указывают, что fides было более широким понятием, объединяющим честность как качество человека, его верность данному слову, доверие или веру в слова другого человека, а также достоверность определённых фактов или документов. Bona fides проявляется как правовой инструмент, регулирующий определённые отношения, в частности сделки и представительства, и предъявляющие требования к добросовестному поведению. Fides отражала ценности римского общества (честь как основа репутации), тогда как bona fides служила механизмом стабильности имущественных отношений. Оба термина существовали одновременно, в том числе и в правовом поле, но имели различное содержание.

Средневековье характеризуется снижением темпов развития римского права, прежде всего это связано с падением Римской империи. Добросовестность стала приобретать субъективный компонент. Это обусловлено тем, что со времён поздней Античности термин fides под влиянием христианства приобрёл доминирующее значение «вера». Эквивалентные выражения в различных языках, такие как buona fede (итальянский), bonne foi (французский), buena fe (испанский) и guter Glaube (немецкий), способствовали усилению этого значения, закрепляя его в общественном сознании [7, с. 59].

Дальнейшее развитие связано с рецепцией римского права в европейских странах и работой правовых школ. Ульрих Цазий сыграл ключевую роль в развитии концепции Treu und Glauben, хотя сам термин существовал в германской правовой традиции и ранее. Его вклад заключался в систематизации и синтезе римского понятия bona fides (добрая совесть) с германскими идеями верности (Treu) и доверия (Glauben).

Итогом трансформации понятия добросовестности из этической категории в правовую можно назвать закрепление принципа Treu und Glauben в Германском гражданском уложении, а затем и других странах континентальной правовой системы.

Однако нельзя сказать, что трансформация добросовестности является оконченной. Добросовестность как нравственность не является статичным понятием, а отражает меняющиеся культурные и социальные устои общества. Изменчивость представлений о нравственном опосредует изменение взглядов на добросовестность как правовую категорию.

Развитие идеи добросовестности в Новое время. Другую сторону добросовестности показывает нам И. Кант в «Метафизике нравов». Несмотря на отсутствие прямых ссылок на римские понятия fides и bona fides, философская система Канта содержит концепции, которые перекликаются с римскими идеями добросовестности.

В то время как для римского общества характерно внешнее проявление добросовестности, такие как держать данное слово, клятву, честное выполнение принятых на себя обязательств, И. Кант делает акцент на внутренней, моральной составляющей.

Обращая внимание на возможность рассмотрения права в узком и широком смысле, И. Кант к последнему относит право справедливости – лишённое понуждения право и право крайней необходимости. Billigkeit из-за трудностей при переводе на русский язык получило различное содержание. В одном случае это справедливость [8, с. 143] в другом – равенство (притязаний) [9, с. 98–100].

Говоря о Billigkeit, И. Кант приводит в пример договор хозяина со слугой, по которому последнему полагалась выплата вознаграждения к концу года. Однако за время службы деньги обесценились так, что к моменту выплаты слуга не мог позволить себе купить то, что мог приобрести в момент заключения договора. Не будучи защищён договором и правом, он мог взывать лишь к принципу справедливости [9, с. 99].

Слуга не мог защититься, используя строгое право, и принудить хозяина к выплате вознаграждения в реальной, а не номинальной стоимости. Однако мог воззвать к честности и добропорядочности хозяина, тем самым используя право в более широком смысле.

Исходя из анализа термина Billigkeit в работах И. Канта, Л.Э. Крыштоп отмечает, что оно больше относится к моральной сфере, а не легальной, и означает честность, равенство притязаний, совестливость. Как указывает Л.Э. Крыштоп: «Апеллировать к принципу Billigkeit означает взывать к внутреннему го-

лосу совести человека, от которого ожидаются определённые действия, без возможности принудить его к их выполнению…» [10, с. 67–68].

В контексте развития идей добросовестности, полагаем, что И. Кант обратил внимание на внутренний аспект поведения людей, внутренний моральный долг перед другими людьми, в соответствии с которым наши поступки должны быть не только правомерными внешне, но и моральными внутри.

Добросовестность как этико-правовая категория. В настоящее время добросовестность закреплена как правовой принцип во многих правовых системах, при этот сохраняет нравственное содержание. Современное понимание добросовестности включает сочетание субъективного и объективного аспектов, учёт разумности поведения, соответствие нормам морали, принятым в обществе и учёт баланса интересов сторон.

Несмотря на правовое закрепление принципа, добросовестность сохраняет этическую сущность, что позволяет рассматривать её как междисциплинарное явление, находящееся на пересечении юриспруденции и этики. Закрепление добросовестности как принципа права актуализировало интерес исследователей к данной категории как со стороны права, так и со стороны философии.

Как справедливо отмечает Е.Е. Богданова: «Именно с позиции нравственности следует подходить к оценке поведения субъекта права как добросовестного (нравственного) или недобросовестного (безнравственного)» [11, с. 182].

В своём исследовании А.Ю. Исмаилов отмечает, что добросовестность является оценочным понятием, характеризующим поступок индивида с точки зрения проявления в нём его личностного (с акцентом на нравственное) или субъектного (с акцентом на прагматическое) начал [12, с. 11].

Согласно такому подходу, добросовестность включает два аспекта – нравственный и прагматический. Первый связан с такими этическими категориями как совесть и добро и представляет собой реализацию полноты совестного акта в практической жизни. Второй проявляется в поступках, осуществлённых с тщательностью и аккуратностью, в ходе которого достигается наилучший результат при максимальной эффективности [12, с. 14–15].

Полагаем, что добросовестность следует рассматривать как совокупность двух аспектов: внутреннего и внешнего.

Внутренний аспект характеризуется совокупностью субъективных моральных представлений индивида, включающих разграничение понятий нравственного и безнравственного, понимание категорий добра и зла, а также сформированные представления о нормах должного поведения. Ключевую роль в саморегуляции поведения выполняет совесть. Внешний аспект связан с воплощением индивидуальной воли в социальной среде и последующей оценкой таких проявлений другими членами общества с позиции их соответствия общепринятым этическим нормам. Существует и общий критерий внутреннего и внешнего аспектов – они должны быть нравственными. Можно также говорить о том, что добросовестность представляет собой дуализм субъективного и объективного.

Взаимосвязь добросовестности с другими этическими категориями. Из рассмотренных выше высказываний и работ Демокрита, Аристотеля, Цицерона и Канта можно увидеть, что они описывали достаточно похожие явления, однако использовали для этого различные аспекты, категории и термины. Общим является то, что философы описывают требования к поведению людей, отвечающему их представлениям о положительном и должном в условиях конкретного общества.

В связи с этим для выявления сущности добросовестности необходимо соотнести её с такими этическими категориями как честность, справедливость, совесть. Сложность здесь заключается в оценочной сущности этих категорий, многообразии взглядов и представлений о морали в различных обществах и промежутках времени.

Под честностью можно понимать соответствие мыслей и намерений человека его поступкам и словам, иначе правдивость и отсутствие обмана.

Честность также находится во взаимосвязи с моральной оценкой. К примеру, говоря о честном поступке, мы оцениваем действие с точки зрения моральных устоев. Наиболее часто честность выражается в словах, мы оцениваем с точки зрения их соответствия внутренним мыслям. Если мысли соответствуют словам, мы оцениваем это как честность и моральный поступок, если нет – то как ложь и аморальное поведение.

Как указывал И. Кант: «Правдивость в объяснениях называется также честностью, если они к тому же и обещания – добросовестностью, а вообще-то – искренностью» [8, с. 367]. Однако здесь Кант говорит о прагматическом аспекте добросовестности, то есть об ответственном отношении к принятым на себя обязательствам.

Ф.И. Хамидуллина указывает, что добросовестность заключается в честности, не допускающей обмана [13, с. 6].

Однако добросовестность не сводится к честности, а включает её как необходимый компонент. Кроме честности в добросовестность входит и прагматический аспект, выделенный А.Ю. Исмаиловым, то есть включает ответственность, разумность, старательность в исполнении обязательств. Если рассматривать добросовестность не только с нравственной стороны, но и правовой, то она дополнительно включает требование уважения прав и интересов других лиц, содействия им.

Под справедливостью понимается «общая нравственная санкция совместной жизни людей, рассмотренной по преимуществу под углом зрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей; она касается человеческих взаимоотношений во всех их общественно значимых разновидностях (от межличностной сферы до международных отношений)» [14].

Г.Н. Гумницкий определяет справедливость как меру гуманности в отношении к индивиду как к единице всего множества членов социума [15, с. 54].

В общем виде справедливость рассматривается как принцип построения общества, в соответствии с которым каждый получает по заслугам или каждому воздаётся должное, к её характеристикам также относят равенство и пропор-

циональное распределение благ. Философы же конкретизировали общие понятия применительно к конкретным воплощениям [16, с. 196].

Общим у справедливости и добросовестности является регулирование поведения членов общества. Однако оно, как видится, находится в различных плоскостях. Справедливость определяет равенство в отношениях между государством и его гражданами. Добросовестность – взаимное уважение и честность в отношениях между гражданами в их делах.

В.С. Нерсесянц рассматривает справедливость только как составляющую права. «В обобщённом виде, – указывает он, – справедливость – это самосознание, самовыражение и самооценка права и потому вместе с тем – правовая оценка всего остального, внеправового». Отрицание же правового основания справедливости приведёт к её подмене некими частичными интересами и произвольным содержанием: нравственным, религиозным, политическим, социальным. Отсюда и получило распространение множество противоречивых внеправовых представлений о справедливости [17, с. 29–32].

С такой позиции справедливость выступает как оценка всех правовых и неправовых отношений на соответствие действующему в обществе праву. В таком случае добросовестность – это оценка правового и внеправового поведения конкретного человека по отношению к другим.

Под совестью понимается «способность человека, критически оценивая себя, осознавать и переживать своё несоответствие должному – неисполненность долга» [14].

И. Кант определял совесть как «практический разум, напоминающий человеку в каждом случае [применения] закона о его долге оправдать или осудить» [8, с. 335].

Совесть, как способность критически оценивать свои действия, служит основой для добросовестного поведения, направленного на соблюдение долга и справедливости. Совесть осуществляет функцию внутреннего судьи, соотнося собственное поведение человека с представлениями о нравственном.

Добросовестность как принцип права. Добросовестность как основополагающий принцип права закреплена в многих правовых системах. Вместе с тем, в зависимости от правопорядка отличается его содержание. Выделяются дуалистическая и монистические концепции добросовестности [7, с. 53–55].

Дуалистическая концепция предполагает чёткое разделение добросовестности на два аспекта: объективную добросовестность, представляющую собой систему объективных требований, основанных на принципах честности и справедливости, и субъективную добросовестность, относящуюся к личному убеждению или состоянию сознания конкретного лица. Дуалистическая концепция добросовестности преобладает во многих правовых системах, например, в швейцарском, итальянском и голландском праве.

Монистические концепции предполагают однородность добросовестности, но подразумевают различные интерпретации её содержания. Традиционный субъективный монизм, характерный для французского гражданского права

и выраженный термином bonne foi, рассматривает добросовестность исключительно как субъективное состояние ума. В то же время современный объективный монизм, доминирующий в австрийском праве и выраженный термином Redlichkeit, определяет добросовестность как объективную систему требований добросовестного поведения.

Различия между дуалистической и монистическими концепциями проявляются в подходах к доказательству недобросовестности. Дуалистическая концепция требует более строгих доказательств, обычно связанных с наличием явного злого умысла или грубой неосторожности. В то же время монистические системы допускают различные степени отклонения от добросовестного поведения.

Определение добросовестности представляет собой сложную задачу, обусловленную многоаспектностью и неопределённостью данного понятия. В попытках конкретизировать концепцию добросовестности некоторые исследователи акцентируют внимание на субъективном элементе, анализируя психологическое состояние ума. Однако доминирующая парадигма сосредоточена на объективных критериях, рассматривая добросовестность как обязательство «играть честно», «признаваться» и «раскрывать карты», руководствуясь стандартами «честности», «разумности», «обязанности сотрудничать» и «защиты обоснованных ожиданий». В рамках данного подхода часто утверждается, что эти ожидания являются разумными. Другие учёные высказывают мнение о том, что добросовестность не обладает универсальным значением, а функционирует как «исключающий» термин, используемый для идентификации поведения, не запятнанного недобросовестностью. Однако данное определение не может быть принято в качестве единственного, поскольку оно превращает добросовестность в абстрактную категорию, лишённую реального содержания. Добросовестность не сводится лишь к отсутствию недобросовестности; она включает в себя как активные действия, так и пассивное поведение. Она предполагает обязательство сотрудничества, честное и разумное поведение, а также учёт законных интересов и разумных ожиданий другой стороны или сторон [18, с. 134–135].

На международном уровне добросовестность как принцип закреплён в ст. 1.7 Принципов международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)[1] как обязанность действовать в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой.

В России закрепление добросовестности как правового принципа связано со вступлением в силу Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ с 1 марта 2013 г.

Согласно п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно[2].

---

[1] Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) 1994 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 1994. 8 декабря.

Разъясняя данное положение, Верховный суд Российской Федерации указал, что при оценке действий сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации[3].

В ГК РФ термин «добросовестность» может быть рассмотрен в объективном и субъективном смыслах.

Объективная добросовестность проявляется как внешний стандарт поведения, ожидаемый от участников оборота. К примеру, запрет на введение контрагента в заблуждение (ст. 178 ГК РФ) или требование честности при заключении договора (ст. 431.2 ГК РФ).

В субъективном плане добросовестность – это извинительное незнание об определённых фактах. К примеру, приобретение имущества у неуправомоченного лица (ст. 302 ГК РФ), а также невозможность знать о нарушениях при заключении сделки (ст. 174.1 ГК РФ).

В отсутствие законодательного закрепления дефиниции добросовестности разработка её понятия и критериев осуществляется наукой гражданского права.

Однако сложности в определении понятия имеются как у российских, так и зарубежных исследователей. Трудность вопроса о добросовестности связана, в первую очередь, с тем, что это понятие отражает систему взглядов, сложившихся в социуме, на моральную сторону поведения участников гражданских правоотношений.

Как указывает Мартин В. Хесселинк, добросовестность связана с моральными нормами. Её представляют как моральный стандарт или юридико-этический принцип, означающий честность, прямоту, лояльность, а также обязанность одной стороны принимать во внимание интересы другой. Добросовестность также считают путём, через который нравственные ценности проникают в право [19, с. 471–498].

Ж.И. Седова добросовестность определяет как норму-принцип, обладающую сверхимперативной юридической силой и являющуюся частью публичных порядков (международных и национальных). Она регулирует общественные отношения через запрет недобросовестного поведения, действует напрямую, а не только субсидиарно, и имеет собственный метод правового регулирования [20, с. 23–24].

Согласно позиции М.В. Демьяновой, принцип добросовестности представляет правовую оценку поведения лица «в диапазоне от поведения лица, учитывающего интересы иных участников гражданского оборота, до поведения, направленного на реализацию чужого интереса». Принцип добросовест-

[3] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ: сайт. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8435/?ysclid=mou8i22vvc419083659 (дата обращения: 06.05.2026).

ности является этическим ориентиром, который запрещает участникам корпоративных отношений действовать во вред другим и определяет рамки их эгоизма [21, с. 8–9].

Е.Е. Богданова под добросовестностью понимает «сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаем, судебной практикой систему представлений о нравственности поведения сторон договора при приобретении, осуществлении и защите субъективных гражданских прав, а также при исполнении обязанностей». Нравственность следует оценивать на основе представлений о добре и зле [22, с. 11].

Полагаем, что в контексте рассмотрения добросовестности как принципа права имеют главное значение две его характеристики. Первая определяет добросовестность как принцип, то есть основополагающее начало права, в целом определяющее содержание и направление правового регулирования. Вторая определяется содержанием данного принципа, устанавливающего определённый стандарт поведения участников оборота (объективный аспект) и извинительное заблуждение относительно определённых фактов (субъективный аспект).

Концепция добросовестности в правовом контексте восходит к фундаментальным философским категориям добра и совести, являясь важным отражением общественных представлений о нравственности. В частности, в ГК РФ (ст. 1, 10) добросовестность определяется не только как правовая категория, но и как этическая, которая предполагает недопустимость обмана или злоупотребления правом.

Ранее был рассмотрен вопрос о трансформации этических норм в правой принцип добросовестности. Он был связан с правовым закреплением действующих в римском обществе нравственных норм поведения.

Конечно, действующие представления о нравственности в Древнем Риме отличаются от современных представлений, в связи с этим и добросовестность в настоящее время имеет другое содержание. Оно различается в различных странах, как отличается и содержание принципа добросовестности.

Право и мораль как социальные регуляторы имеют общий предмет – упорядочивание поведения людей в рамках общественных отношений. Учёными признаётся, что представления о нравственности в обществе являются основой для понимания принципа добросовестности.

В законодательстве отсутствует дефиниция «добросовестность» в связи с невозможностью придания абстрактной формы с выделением ключевых свойств, объединяющей всю совокупность явлений, определяемых как нравственность.

В связи с этим нравственные понятия включаются в право в виде оценочных категорий, наполнение конкретным содержанием которых осуществляется судом в ходе судебного разбирательства. На основании внутреннего убеждения судья решает, является ли конкретное поведение лица нравственным или ненравственным.

Вместе с тем, отсутствие законодательной дефиниции добросовестности может привести к неопределённости в её практическом применении. Российские исследования понятия добросовестности часто развиваются изолированно

от мировой юридической науки, что ограничивает их потенциал для формирования единого и универсального подхода к этой проблеме [23, с. 26–37].

Понятие добросовестности также закреплено в некоторых кодексах профессиональной этики.

Статья 11 Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих закрепляет, что государственные (муниципальные) служащие призваны исполнять должностные обязанности добросовестно и на высоком профессиональном уровне[4].

Статья 5 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что профессиональная независимость адвоката, а также убеждённость доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему[5].

В приведённых кодексах указывается как прагматический аспект добросовестности, то есть ответственное отношение к выполнению обязанностей, так и нравственный аспект.

Стоить отметить, что ряд отечественных исследователей рассматривают принцип добросовестности в рамках позитивистской доктрины. Так, С. Яковлева отмечает, что при рассмотрении вопросов о добросовестности и злоупотреблении правом авторы от рассмотрения юридических конструкций переходят к философским рассуждениям о морально-этическом содержании того или иного поведения, о добре и зле. В противовес этой позиции С. Коломбо подчёркивает, что значительные расхождения между правовой системой и доминирующими этическими нормами общества могут привести к неблагоприятным социальным и политическим последствиям [11, с. 182].

Заключение. В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. Историческое развитие понятия добросовестности прошло несколько важных этапов:

– В древнегреческом обществе формировались базовые понятия о справедливости и добродетели;

– В Древнем Риме произошло становление юридической концепции добросовестности (fides, bona fides);

– В Новое время И. Кант развил внутреннюю, моральную составляющую добросовестности.

2. В содержание понятия добросовестность включается внутренний моральный аспект (совесть, долг, нравственность) и внешний прагматический аспект (ответственность, старательность, эффективность, стандарты нравственного поведения).

---

[4] Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2026).

[5] Кодекс профессиональной этики адвоката: редакция от 15.04.2021: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2026).

3. Междисциплинарный характер добросовестности подтверждён её функционированием на стыке права и этики, что проявляется в сохранении этической сущности при правовом закреплении, сочетании субъективного и объективного начал.

4. Категория «добросовестность» тесно взаимосвязана с другими этическими категориями. Честность является важной составляющей добросовестности и полностью входит в её содержание. Справедливость определяет общие принципы построения общественных отношений, а добросовестность регулирует межличностные взаимоотношения. Совесть выступает внутренним аспектом добросовестности как внутренний регулятор поведения человека.

5. Современное понимание добросовестности характеризуется сочетанием субъективного и объективного аспектов, учётом разумности поведения, соответствием нормам общественной морали, балансом интересов всех участников отношений. В правовой сфере добросовестность закреплена как основополагающий принцип во многих правовых системах, сохраняет нравственную основу и выполняет интерпретационную, дополняющую и ограничивающую функции.

Перспективы дальнейшего исследования данной проблематики включают изучение современных тенденций развития принципа добросовестности в различных правовых системах, анализ правоприменительной практики по вопросам добросовестности, исследование влияния цифровизации на понимание добросовестности в общественных отношениях, отношениям в сети «Интернет».

Практическая значимость проведённого исследования заключается в возможности непосредственного применения его результатов в законотворческой деятельности, заключающейся в совершенствовании нормативно-правовой базы с учётом дуалистической природы добросовестности, развитии профессиональных стандартов путём внедрения этических норм добросовестности в кодексы профессиональной деятельности, в правоприменительной практике, заключающейся в определении критериев оценки добросовестности участников правоотношений, выявлении недобросовестного поведения.

Проведённое исследование показало, что добросовестность представляет собой фундаментальный принцип, лежащий в основе как этического, так и правового регулирования общественных отношений. Это междисциплинарное явление требует дальнейшего изучения и конкретизации в современных условиях развития общества и права.

Список источников

1. Виц Б.Б. Демокрит / Б.Б. Виц. – М.: Мысль, 1979. – 212 с.

2. Аристотель. Никомахова этика [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «Гражданское общество в России»: сайт. URL: https://www.civisbook.ru/publ.html?id=526 (дата обращения: 06.05.2026).

3. Карлявин И.Ю. Методологическое значение категорий fides (совесть) и bona fides (добрая совесть) в римском частном праве / И.Ю. Карлявин // Lex Russica. – 2015. – № 1. – С. 130–140.

4. Лапо П.В., Шапран Н.В., Чесноков Д.А. Эволюция категории «добросовестность» в римском частном праве / П.В. Лапо, Н.В. Шапран, Д.А. Чесноков // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 36–40.

5. Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях / М.Т. Цицерон; пер. с лат. и коммент. В.О. Горенштейна. – М.: Наука, 1993. – 245 с.

6. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / Павел Юлий; пер. с лат. Е.М. Штаерман; отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Зерцало, 1998. – 285 с.

7. Földi A. Remarks on the notion of «bona fides» / A. Földi // Annales Univ. Sc. Budapest. sectio iur. – 2007. – Vol. 48. – P. 53–72.

8. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 2 / И. Кант; под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М: Мысль, 1965. – 478 с.

9. Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5 / И. Кант; под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 1120 с.

10. Крыштоп Л.Э. Лекции Канта по естественному праву: справедливость и совестливость / Л.Э. Крыштоп // Кантовский сборник. – 2016. – № 4. – С. 63–72.

11. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов / Е.Е. Богданова // Lex Russica. – 2016. – № 1 (110). – С. 177–182.

12. Исмаилов А.Ю. Человек добросовестный: взаимодействие морального и правового аспектов индивидуального бытия: автореф. дис. … канд. философ. наук: 09.00.13 / А.Ю. Исмаилов. – Челябинск, 2011. – 22 с.

13. Хамидуллина Ф.И. Нравственные основания гражданского права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Ф.И. Хамидуллина. – Казань, 2019. – 59 с.

14. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. обществ.-науч. фонд; предс. науч.-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010 [Электронный ресурс] // URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH9f5facde7eb2c0a9b05e9f (дата обращения: 22.04.2025).

15. Гумницкий Г.Н. Основы этики: монография. 2-е изд., испр. и доп. / Г.Н. Гумницкий. – Иваново: ИвГПУ, 2016. – 132 с.

16. Максимов Л.В. Феномен морали: аналитические этюды / Л.В. Максимов. – М.: Логос, 2020. – 264 с.

17. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, 2005. – 656 с.

18. Mohsen A. Abuse of rights in International arbitration / A. Mohsen. – London, 2018. – 364 p.

19. Hesselink Martijn W. The Concept of Good Faith / Martijn W. Hesselink // Towards a European civil code. – 4th rev. and exp. ed. – 2011. – Pp. 619–649.

20. Седова Ж.И. Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.5, 5.1.3 / Ж.И. Седова. – М., 2024. – 569 с.

21. Демьянова М.В. Принцип добросовестности в корпоративном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.В. Демьянова. – М., 2022. – 27 с.

22. Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных прав: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Е.Е. Богданова. – М., 2010. – 63 с.

23. Вердиян Г.В. Теория добросовестности как философская и социальная категория / Г.В. Вердиян // Вестник Финансового университета. – 2011. – № 5. – С. 23–28.

References

1. Vits B.B. Demokrit. Moscow, Mysl, 1979. 212 p. (In Russian).

2. Aristotle. Nikomakhova Ethics. Available at: https://www.civisbook.ru/publ.html?id=526. (In Russian).

3. Karlyavin I.Yu. Methodological Significance of the Categories Fides (Conscience) and Bona Fides (Good Conscience) in the Roman Private Law. *Lex Russica*, 2015, no. 1, pp. 130–140. (In Russian).

4. Lapo P.V., Shapran N.V., Chesnokov D.A. Evolution of the Category “Good Faith” in the Roman Private Law. *Advances in Law Studies*, 2023, vol. 11, no. 4, pp. 36–40. (In Russian).

5. Cicero M.T. On Old Age, On Friendship, On Duties. Moscow, Nauka, 1993. 245 p. (In Russian)

6. Julius Paulus. Five Books of Sentences to His Son. Fragments of Domitius Ulpianus. Moscow, Zertsalo, 1998. 285 p. (In Russian).

7. Földi András. Remarks on the Notion of “Bona Fides”. Annales Univ. Sc. Budapest., 2007, vol. 48, pp. 53–72. (In English).

8. Kant I. Works in Six Volumes. Vol. 4. Moscow, Mysl, 1965. 478 p. (In Russian).

9. Kant I. Metaphysics of Morals. Part 1. Works in German and Russian. Moscow, Canon+ Rehabilitation Research Center, 2014. 1120 p. (In Russian).

10. Kryshtop L. Kant’s Lectures on Natural Law: Justice and Conscientiousness. *Kantian Journal*, 2016, no. 4, pp. 63–72. (In Russian).

11. Bogdanova E. E. The Principle of Good Faith: The Relationship between Legal and Moral Aspects. *Lex Russica*, 2016, №1 (110), pp. 177–182. (In Russian).

12. Ismailov A.Yu. A Conscientious Person: Interaction of Moral and Legal Aspects of Individual Existence. *Cand. Dis. Thesis*. Chelyabinsk, 2011. 22 pp. (In Russian).

13. Khamidullina F.I. The Moral Foundations of Civil Law. *Doc. Dis. Thesis*. Kazan, 2019. 59 p. (In Russian).

14. Stepin V. S. (ed.). New Philosophical Encyclopedia. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Social and Scientific Foundation. Moscow, Mysl, 2010. Available at:

https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH9f5facde7eb2c0a9b05e9f. (In Russian).

15. Gumnitsky G.N. Fundamentals of Ethics: A Monograph. Ivanovo, IvSPU, 2016. 132 p. (In Russian).

16. Maksimov L.V. The Phenomenon of Morality: Analytical Studies. Moscow, Logos, 2020. 264 p. (In Russian).

17. Nersesyants V.S. Philosophy of Law: Textbook for Universities. Moscow, Norma, 2005. 656 p. (In Russian).

18. Mohsen A. Abuse of Rights in International Arbitration. Queen Mary University of London, 2018. 364 p. (In English).

19. Hesselink Martijn W. The Concept of Good Faith. Towards a European Civil Code, 2011, pp. 619–649. (In English).

20. Sedova Zh.I. The International Legal Principle of Good Faith as the Basis for Regulating Private Law Relations. *Doc. Dis*. Moscow, 2024. 569 p. (In Russian).

21. Demyanova M.V. The Principle of Good Faith in Corporate Law. *Cand. Dis. Thesis*. Moscow, 2022. 27 p. (In Russian).

22. Bogdanova E.E. Good Faith of Participants in Contractual Relations and Problems of Protecting Their Subjective Rights. *Doc. Dis*. *Thesis.* Moscow, 2010. 63 p. (In Russian).

23. Verdijan G.V. The Conscientiousness Theory as Philosophical and Social Category. *Bulletin of Finance University*, 2011, no. 5, pp. 23–28. (In Russian).

Информация об авторе

Спылаев Олег Дмитриевич – *аспирант кафедры гражданского права и процесса*

Information about the Author

Spilaev Oleg Dmitrievich – *Postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure*

Статья поступила в редакцию 06.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 24.07.2026 г.; принята к публикации 27.07.2026 г.

The article was submitted 06.06.2026; approved after reviewing 24.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

FINANCIAL LAW; TAX LAW; PUBLIC BUDGET LAW

Научная статья
УДК 336:343.9
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.6

Русавская Алевтина Викторовна
Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, Москва, Россия,
rusavskaya.alewtina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9379-3139

Мурко Елена Викторовна[1,2]
[1]Российский федеральный центр судебной экспертизы им. профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции РФ, Москва, Россия,
e.murko@sudexpert.ru, https://orcid.org/0000-0001-9349-6874
[2]Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия

Мусатов Артемий Максимович
Институт социальных наук, Москва, Россия,
artem.musatov@inbox.ru, https://orcid.org/0009-0008-6965-9352

ФОРМИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ И ПРАВОВОЙ ПЛАТФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются процессы формирования финансовой и правовой платформы экономического пространства России в условиях глобальной геополитической трансформации. Обосновывается, что ключевым условием обеспечения долгосрочного развития национальной экономики является создание интегрированной платформенной системы, способной противостоять внешним вызовам и обеспечивать темпы роста не ниже мировых. Целью исследования выступает разработка концептуальной модели финансово-правового обеспечения экономической деятельности на основе цифровых платформ, включая анализ формирующейся судебной практики по спорам с цифровым рублём и смарт-контрактами. Методологический базис работы включает системный, институциональный и сравнительно-правовой подходы к анализу эмпирических данных. В рамках исследования предлагается авторская трактовка платформенной экономики как совокупности институтов, инструмен-

© Русавская А.В., 2026
© Мурко Е.В., 2026
© Мусатов А.М., 2026

тов и механизмов мониторинга, направленных на укрепление финансового суверенитета. Результаты исследования показывают, что внедрение цифрового рубля способствует росту прозрачности региональных финансов и эффективности бюджетных трат посредством смарт-контрактов, но вместе с тем выявляет пробелы в регулировании ответственности за технические неисправности офлайн-доступа. Кроме того, анализируется этап первичного накопления судебной практики по делам с цифровыми активами, который выявил сохранение технических и процессуальных сложностей (очерёдность взыскания, возврат ошибочных платежей, ответственность за нарушения в смарт-контрактах), что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правоприменительной практики и разработки специальных процессуальных норм. Практическую значимость работы составляют сформулированные предложения по оптимизации механизмов правового регулирования, которые могут служить основой для построения единой финансовой и правовой платформы экономического пространства России.

Ключевые слова: платформенная экономика, экономическое пространство России, цифровой рубль, финансовая платформа, региональное развитие, фискальная дисциплина, смарт-контракты, уголовно-правовая охрана, экономические преступления, кибербезопасность

Для цитирования: Русавская А.В., Мурко Е.В., Мусатов А.М. Формирование финансовой и правовой платформы экономического пространства России / А.В. Русавская, Е.В. Мурко, А.М. Мусатов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.6 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 75–90.

Original article

Rusavskaya Alevtina Viktorovna
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow, Russia,
rusavskaya.alewtina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9379-3139

Murko Elena Viktorovna
A.R. Shlyakhov Russian Federal Center of Forensic Science under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, e.murko@sudexpert.ru, https://orcid.org/0000-0001-9349-6874, All-Russian State University of Justice, Moscow, Russia

Musatov Artemiy Maksimovich
Institute of Social Sciences, Moscow, Russia,
artem.musatov@inbox.ru, https://orcid.org/0009-0008-6965-9352

THE FINANCIAL AND LEGAL PLATFORM FORMATION IN THE RUSSIAN ECONOMIC SPACE

Abstract. The article analyzes the processes of the financial and legal platform formation in the Russian economic space in the context of global geopolitical transformation. It is proved that the key condition for ensuring the long-term development of the national economy is the creation of an integrated platform system capable of resisting external challenges and ensuring growth rates at least global. The purpose of the research is to develop a conceptual model of financial and legal support for economic activity based on digital platforms, including an analysis of emerging judicial practice in disputes with the digital ruble and smart contracts. The methodological basis of the work includes systemic, institutional and comparative legal approaches to the analysis of empirical data. The research suggests the author's interpretation of the economy platform as a set of institutions, tools and monitoring mechanisms aimed to strengthen the financial sovereignty. The results of the study show that the introduction of the digital ruble contributes to the transparency of regional finances and the efficiency of budget spending through smart contracts, but at the same time reveals gaps in the regulation of liability for technical failures of offline access. In addition, the authors analyze the stage of the initial accumulation of judicial practice in cases involving digital assets, which revealed the persistence of technical and procedural difficulties (the order of collection, refund of erroneous payments, liability for violations in smart contracts), which indicates the need for further improvement of law enforcement practice and the development of special procedural norms. The practical significance of the work consists of formulated proposals for optimizing the mechanisms of legal regulation, which can serve as the basis for building a unified financial and legal platform of the Russian economic space.

Keywords: platform economy, economic space of Russia, digital ruble, financial platform, regional development, fiscal discipline, smart contracts, criminal law protection, economic crimes, cybersecurity

For citation: Rusavskaya A.V., Murko E.V., Musatov A.M. The Financial and Legal Platform Formation in the Russian Economic Space. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 75–90. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.6

Введение. Глобальные геополитические изменения в мире, необходимость выстраивания экономического пространства нашей страны в новых условиях требуют формирования адекватной и прогрессивной финансовой и правовой платформы этого процесса. Актуальность исследования обусловлена тем, что создание такой платформы является одной из важнейших задач текущего

года, определённых Правительством РФ для выхода на темпы обеспечения экономики не ниже мировых и усиления долгосрочного развития государства[1].

Вопреки экономическим прогнозам Правительства России и Центрального банка Российской Федерации, рост валового внутреннего продукта (ВВП) России за первые два месяца 2026 г. снизился на 1,8 % в годовом выражении[2], что отражает, прежде всего, низкую деловую и инвестиционную активность в стране. В связи с этим, необходимо, с одной стороны, выработать дополнительные меры, направленные на возобновление роста отечественной экономики, на поддержку деловых инициатив[3].

Однако складывающиеся экономические реалии свидетельствуют о наличии системных вызовов. Анализ динамики ВВП показывает противоречивую картину: несмотря на прогнозируемый рост на 10 % за период 2023–2025 гг., фактический показатель за прошлый год составил лишь 1 %, а данные начала 2026 г. указывают уже на отрицательную динамику (-1,8 %). Эта ситуация отражает снижение деловой и инвестиционной активности, что требует выработки нестандартных мер поддержки и поиска новых драйверов роста. Именно эта экономическая конъюнктура делает существующие механизмы регулирования недостаточно гибкими для реагирования на быстро меняющиеся внешние вызовы и вскрывает ключевую проблему данного исследования.

Ключевая проблема исследования заключается в разрыве между потребностью в комплексной интеграции цифровых финансовых активов (в частности, цифрового рубля) и смарт-контрактов в экономическую систему и отсутствием единого, гармонизированного правового поля, регулирующего их оборот, ответственность участников и защиту данных. Складывающиеся в экономике реалии требуют интеграционного подхода к развитию теоретических исследований и правотворчества для выстраивания нового экономического пространства России именно на платформенной основе.

Целью настоящего исследования является разработка концептуальной модели формирования финансовой и правовой платформы экономического пространства России и обоснование направлений совершенствования её институционального обеспечения с учётом анализа формирующейся судебной практики по спорам, связанным с цифровым рублём и смарт-контрактами, в целях укрепления национальной экономической безопасности.

---

[1] Ежегодный отчёт Правительства РФ в Государственной Думе от 25.02.2026 [Электронный ресурс] // Правительство России: сайт. URL: http://government.ru/news/57933/ (дата обращения: 27.04.2026).

[2] Экономические обзоры [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/ (дата обращения: 12.06.2026).

[3] Совещание по экономическим вопросам от 15.04.2026 [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/79379 (дата обращения: 12.06.2026).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– раскрыть сущность авторской трактовки понятия «платформенная экономика» применительно к макроэкономическому уровню;

– проанализировать практику интеграции цифрового рубля в финансовую систему регионов и выявить ключевые проблемы налогового администрирования и бюджетного процесса;

– систематизировать вызовы уголовно-правового характера, связанные с оборотом цифровых активов, и оценить эффективность существующих механизмов правовой охраны;

– проанализировать этап первичного накопления судебной практики по делам с цифровыми активами и выявить сохраняющиеся технические и процессуальные сложности;

– сформулировать предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы для создания устойчивой среды цифровизации экономики и нивелирования правовых рисков.

Таким образом, комплексное решение обозначенных задач позволит сформировать целостное представление о процессах становления платформенной экономики в России и разработать практические рекомендации для законодателей и органов исполнительной власти.

Материалы и методы. В ходе исследования применялся комплекс научно-исследовательских методов, направленных на всесторонний анализ процессов формирования финансовой и правовой платформы экономического пространства России. Методологическую базу составили общенаучные принципы познания, включая системный подход, а также частнонаучные методы экономических и юридических исследований. Монографический метод был использован для обобщения и критического анализа научных трудов отечественных и зарубежных авторов по проблемам цифровизации финансов, правового регулирования и экономической безопасности. Сравнительно-правовой и сравнительно-экономический методы применялись для сопоставления различных моделей внедрения цифровых валют центральных банков, а также для анализа эффективности существующих правовых механизмов охраны цифровых активов в российской и зарубежной практике. Эконометрические и статистические методы использовались для количественного анализа макроэкономических показателей (включая динамику ВВП) и оценки влияния внедрения цифрового рубля на фискальную дисциплину и бюджетные процессы. Формально-юридический метод являлся ключевым при анализе нормативно-правовой базы, включая Налоговый кодекс РФ, Бюджетный кодекс РФ и разъяснения Верховного Суда РФ, для выявления пробелов и коллизий в регулировании. Эмпирической базой исследования послужили материалы научной литературы, нормативно-правовые акты Российской Федерации, ежегодные отчёты Правительства РФ и Центрального банка РФ, данные официальной статистики, а также аналитические обзоры и судебная практика за 2023–2026 гг.

Таким образом, сочетание указанных методов позволило обеспечить достоверность выводов и всесторонне изучить как финансово-экономические, так и правовые аспекты заявленной проблематики.

Результаты и обсуждение. В своих исследованиях мы уже отмечали, что «без понимания новых подходов к категориям, выдвинутых необходимостью формирования прогрессивной модели роста экономики суверенного государства, невозможно использование нестандартных мер, методов, факторов, инструментов и механизмов в области мониторинга и финансово-кредитной сфере в процессе цифровой трансформации» [1].

Рассматривая модель развития экономического пространства России через конструкцию её правового, финансово-кредитного и мониторингового обеспечения, мы приходим к выводу о необходимости прежде всего наполнения их современными компетенциями.

Понятие «платформенная экономика» трактуется как экономическая деятельность с использованием онлайн-систем для улучшения взаимодействий между пользователями. В частности, учёные Финансового университета рассматривают эту категорию как «экономическую модель, основанную на цифровых платформах, которые соединяют непосредственных производителей товаров или услуг с потребителями. В этой модели платформа выступает организатором рынка, создающим экосистему для взаимодействия группы пользователей»[4].

Некоторые специалисты справедливо связывают платформенную экономику с «цифровыми платформами», которые представляют собой «гибридные структурные направления на создание ценности» благодаря исполнению роли посредника между пользователями и обеспечению коммерческих транзакций [2]. Цифровые платформы способствуют не только расширению выбора товаров и услуг для потребителей, но и созданию гибких условий для роста доходов, повышения эффективности логистики и технологических трендов, а также в целом выстраиванию возможностей роста добавленной стоимости между разными видами бизнеса, отраслей, регионов нашей страны[5].

В рамках нашего исследования мы предлагаем рассматривать нашу тему с макроэкономических позиций, имея в виду решение стратегических задач развития экономики страны и её регионов, достижение национальных целей (одной из которых названа «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»)[6], а также выравнивание и формирование прогрессивного экономического пространства.

---

[4] Что такое платформенная экономика и почему она меняет мир? [Электронный ресурс] // Финансовый университет: сайт. URL: https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/chto-takoe-platformennaya-ekonomika-i-pochemu-ona-menyaet-mir (дата обращения: 12.06.2026).

[5] По материалам «Ассоциации цифровых платформ» [Электронный ресурс] // Ассоциации цифровых платформ (АЦП): сайт. URL: https://ацп.орг/ (дата обращения: 12.06.2026).

[6] Указ Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» от 07.05.2026 № 309 [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 12.06.2026).

При этом необходимо учесть интересы и возможности развития на микроуровне – в разрезе регионов, городов, отраслей, а также финансово-кредитных и бизнес-структур.

Вышеизложенное позволяет дать следующее уточнённое определение платформенной экономики – это система законодательного, финансово-кредитного, мониторингового обеспечения экономической деятельности, связанная с использованием цифровых платформ для развития экономического пространства и укрепления экономической безопасности России.

Структурно данная модель опирается на четыре ключевые подсистемы:

1. Законодательная (формирование нормативно-правовой базы и правоприменительная практика).
2. Финансовая (обеспечение инструментами развития и механизмами кредитования).
3. Банковская (регулирование операций с криптоактивами и цифровыми валютами).
4. Мониторинговая (анализ рисков, проведение экспертизы и надзор).

Схема формирования финансовой и правовой платформы развития экономического пространства России и укрепления её экономической безопасности представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Схема формирования финансовой и правовой платформы развития экономического пространства России и укрепление её экономической безопасности.

Источник: составлен авторами.

Предложенная нами модель платформенной экономики наглядно демонстрирует, что цифровизация выступает здесь не столько инструментом автоматизации, сколько интегрированной системой управления, объединяющей законодательные, финансовые, банковские и мониторинговые механизмы.

Функционирование данной инфраструктуры обеспечило качественные изменения в налогообложении, доступе к финансовым услугам и контроле за бюджетными средствами. Однако переход к цифровым платформам сопряжён с возникновением новых угроз. Особое внимание в концепции уделено мониторингу и предотвращению экономических преступлений, связанных с цифровизацией и искусственным интеллектом[7].

Вторым ключевым результатом настоящего исследования является анализ внедрения цифрового рубля, который позволил выявить следующие результаты:

– увеличение налоговых сборов на 12 % благодаря повышению прозрачности финансовых операций;

– устранение разрыва в платежах в удалённых регионах за счёт офлайн-функционала платформы;

– автоматизация контроля за государственными закупками через использование смарт-контрактов.

Тем не менее, были обнаружены новые вызовы, такие как отсутствие чётких правил ответственности за сбои офлайн-платежей и правовая неопределённость смарт-контрактов. Эти аспекты требуют дальнейшего законодательного регулирования.

Интеграция цифрового рубля в финансовую архитектуру субъектов РФ к 2026 г. стала одним из ключевых факторов, повысивших прозрачность региональных бюджетных процессов. Если на стадии законодательной инициативы 2023 г. эксперты говорили о рисках уклонения от фискальных обязательств из-за невозможности взыскивать налоги с цифровых кошельков [3], то сейчас этот пробел закрыт поправками в Налоговый кодекс РФ и Федеральный закон «Об исполнительном производстве». Механизмы, заложенные в первоначальном законопроекте № 384598-8, дали налоговым органам возможность с 2025 г. обращать взыскание на средства в цифровых кошельках, когда денег на банковских счетах недостаточно[8].

Для регионов с высокой долей теневой занятости это особенно важно: полный цифровой след операций упрощает и во многом автоматизирует администрирование налогов для самозанятых и индивидуальных предпринимателей. По данным аналитических материалов за 2025 г., интеграция цифрового рубля улучшила фискальную дисциплину: в субъектах, участвовавших в пилоте, сбор региональных налогов вырос на 12 % – во многом за счёт сокращения схем ухода от налогообложения[9].

---

[7] Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам от 08.12.2025 [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78672 (дата обращения: 12.06.2026).

[8] Федеральный закон от 23.07.2025 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52214 (дата обращения: 12.06.2026).

[9] Анализ влияния цифрового рубля на налоговую дисциплину в регионах РФ. Аналитический отчёт Федеральной налоговой службы [Электронный ресурс] // Аналитический портал ФНС России: сайт. URL: https://analytic.nalog.gov.ru/publications/digital-ruble-tax-discipline-2025/ (дата обращения: 12.06.2026).

Для региональной финансовой инфраструктуры принципиальным стало внедрение режима офлайн-платежей. С учётом масштаба территории России в удалённых районах Севера, Сибири и Дальнего Востока безналичные расчёты раньше нередко ограничивались из-за проблем со связью [4].

К 2026 г. техническая конфигурация платформы, позволяющая проводить транзакции без интернет-соединения, фактически стала рабочим инструментом финансовой доступности. Но правоприменение вывело на первый план новую проблему: как разделить ответственность между оператором платформы и банками-партнёрами, если в офлайн-режиме происходят сбои синхронизации. Если в 2023 г. защищённость платформы подавалась как абсолютная, то практика 2025 г. показала, что нужны чёткие правила, определяющие пределы ответственности при технических сбоях.

В некоторых исследованиях отмечается: когда порядок восстановления баланса при ошибках офлайн-платежей описан недостаточно ясно, клиенты в регионах с минимальным числом альтернативных способов оплаты могут столкнуться с трудностями [5; 6; 7; 8].

В расходовании средств региональных бюджетов стали использоваться цифровые рубли через смарт-контракты. Такая автоматизация госзакупок помогает направлять субсидии именно тем региональным компаниям, которым они предназначены. В отличие от обычных безналичных расчётов, где контроль часто происходит постфактум, смарт-контракты цифрового рубля просто не пропускают перевод, если условия поставки не выполнены. В определённой мере это отвечает на вопрос, как повысить эффективность использования бюджетных средств. Вместе с тем практика внедрения программируемых денег в региональные закупки выявила юридические сложности, связанные с ошибками в коде смарт-контрактов. Если сбой произошёл по вине разработчика, действующее на 2026 г. законодательство всё ещё не предлагает понятного механизма компенсации бюджетных потерь – следовательно, требуются дополнительные изменения в Бюджетный кодекс РФ.

Отдельное значение при построении региональной финансовой платформы приобрело сохранение баланса между прозрачностью и защитой персональных данных. Первоначальные опасения бизнеса и населения относительно «тотального контроля» операций частично снизились благодаря нормам о банковской тайне, которые распространяются и на оператора платформы (Банк России) [9]. При этом для региональных органов власти доступ к обезличенным агрегированным данным о транзакциях стал полезным инструментом экономического планирования. Анализ потоков цифровых рублей позволяет субъектам РФ точнее прогнозировать налоговые поступления и корректировать программы социальной поддержки [10]. Однако учёные предупреждают и о рисках утечек: «Централизация информации о всех операциях с цифровым рублём создаёт потенциальную уязвимость, требующую усиления норм кибербезопасности и введения специальной ответственности за неправомерный доступ к данным платформы».

В итоге можно сказать, что к 2026 г. цифровой рубль закрепился как значимый элемент финансовой системы регионов: он снял ключевые проблемы 2023 г. в части налогового администрирования и доступности платежей. Офлайн-функционал и смарт-контракты повысили эффективность бюджетных расходов и сделали расчёты доступнее на удалённых территориях. При этом пробелы в регулировании ответственности за технические сбои и потребность в усилении защиты данных показывают, что для формирования устойчивой правовой среды региональной цифровизации нужны точечные законодательные доработки.

Третьим ключевым результатом настоящего исследования является анализ уголовно-правовой охраны. Мы зафиксировали появление устойчивой судебной практики. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.09.2025 № 12 установило единый подход к квалификации хищений. Однако вопросы кибербезопасности и ответственности за взломы требуют дополнительного регулирования.

К 2026 г. вопросы уголовно-правовой охраны оборота цифрового рубля перешли из стадии теоретической дискуссии в плоскость практического правоприменения. Если в 2023 г., на этапе запуска платформы, основными рисками назывались потенциальные уязвимости защиты данных и возможность хищений, то к настоящему времени сформировалась устойчивая судебная практика квалификации преступлений в цифровой среде. Ключевой проблемой периода 2024–2025 гг. оставалась коллизия между квалификацией хищения цифровых рублей как кражи денежных средств (ст. 158 УК РФ) и неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Несмотря на закрепление цифрового рубля в ст. 140 ГК РФ как формы денег, техническая реализация через уникальный электронный код создавала сложности для следственных органов.

Разрешение данной коллизии произошло после выхода Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.09.2025 № 12, которое унифицировало подходы судов. Согласно разъяснениям, хищение цифровых рублей путём несанкционированного доступа к цифровому кошельку подлежит квалификации по ст. 158 УК РФ, поскольку объектом посягательства выступают денежные средства, а не информация[10]. Однако анализ приговоров судов общей юрисдикции за 2025 г. показывает, что в 15 % случаев суды первой инстанции всё ещё допускали ошибки, квалифицируя действия злоумышленников по ст. 272 УК РФ, что требовало вмешательства апелляционных инстанций [11]. Некоторыми авторами замечено, что «Несмотря на разъяснения Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ), сохраняется проблема доказывания размера ущерба при хищении цифровых рублей, особенно в случаях, когда транзакции были прове-

[10] Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём» (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/17274 (дата обращения: 12.06.2026).

дены через цепочку смарт-контрактов. Требуется дальнейшая методическая поддержка для следственных органов»[11].

В сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, внедрение цифрового рубля к 2026 г. продемонстрировало высокую эффективность благодаря полной прослеживаемости транзакций. В отличие от наличных расчётов, где выявление схем обналичивания затруднено, платформа цифрового рубля позволяет оператору (Банку России) в режиме реального времени отслеживать движение средств. Это соответствовало прогнозам 2023 г. о том, что «платформа цифрового рубля не подразумевает возможность совершения анонимных операций». Реализация норм Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ в редакции 2025 г. обязала банки-участники передавать информацию о подозрительных операциях с цифровым рублём в Росфинмониторинг в ускоренном порядке [12]. По данным аналитического отчета за 2025 г., количество выявленных схем обналичивания бюджетных средств в регионах снизилось на 18 % благодаря использованию цифрового рубля для государственных выплат[12].

Тем не менее, полная прозрачность операций породила новые вызовы в области защиты персональных данных. Опасения, высказанные бизнес-сообществом ещё на этапе законодательной инициативы относительно тотального контроля, трансформировались в требования к кибербезопасности централизованных баз данных. В 2025 г. были зафиксированы попытки фишинговых атак на пользователей платформы цифрового рубля под видом сотрудников службы безопасности. В этой связи справедливо отмечено, что: «Централизация информации о всех операциях с цифровым рублём создаёт потенциальную уязвимость. Необходимо введение специальной уголовной ответственности за создание и распространение вредоносного программного обеспечения (ПО), направленного на хищение цифровых рублей, аналогичной ст. 273 УК РФ, но с учётом специфики платформы Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ)» [13].

Важным аспектом уголовно-правовой охраны стало регулирование ответственности за мошенничество в сфере смарт-контрактов. Если в 2023 г. законодательство не содержало специальных норм для программируемых денег, то к 2026 г. судебная практика выработала подход к квалификации мошенничества при использовании уязвимостей в коде смарт-контракта как ст. 159 УК РФ (мошенничество). Однако сложность представляет установление субъекта преступ-

---

[11] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15.12.2022 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/31913/ (дата обращения: 14.06.2026).

[12] Анализ эффективности противодействия легализации доходов с использованием цифрового рубля: аналитический отчет Росфинмониторинга [Электронный ресурс] // Росфинмониторинга: сайт. URL: https://www.fedsfm.ru/content/files/annual%20report_2024.pdf (дата обращения: 15.06.2026).

ления: является ли разработчик кода соучастником, если уязвимость была скрытой. В научной литературе предлагается ввести в УК РФ специальную статью за неправомерное вмешательство в работу платформы цифрового рубля, что позволит дифференцировать ответственность за технические сбои и злой умысел [8].

Таким образом, к 2026 г. система уголовно-правовой охраны оборота цифрового рубля в целом сформирована, однако сохраняется ряд проблемных зон. Унификация квалификации хищений достигнута благодаря разъяснениям Верховного Суда, однако вопросы кибербезопасности и ответственности за вмешательства в работу смарт-контрактов требуют дальнейшего законодательного совершенствования. Полная прослеживаемость операций подтвердила свою эффективность в борьбе с отмыванием доходов, но одновременно повысила требования к защите персональных данных пользователей платформы.

Судебная практика по делам с участием цифрового рубля и цифровых финансовых активов к 2026 г. прошла этап первичного накопления. Основные проблемы, связанные с невозможностью взыскания долгов и включения цифровых активов в конкурсную массу, были решены законодательно. Однако сохраняются технические и процессуальные сложности: очерёдность взыскания, возврат ошибочных платежей, ответственность за нарушения со смарт-контрактами. Так, в 2025 г. было зафиксировано 32 случая обращения в суды с исками о неосновательном обогащении при ошибочном переводе цифровых рублей. Сложность вызывает идентификация получателя средств, что связано с особенностями криптографической защиты платформы, а это требует, на наш взгляд, введения дополнительного инструмента отзывности транзакции цифрового рубля. Остаются проблемными судебные споры по использованию смарт-контрактов в региональных закупках. Например, в практике арбитражных судов Северо-Западного округа зафиксировано дело, где ошибка в коде смарт-контракта привела к автоматической оплате непоставленного товара. Суд возложил ответственность на заказчика (региональное ведомство), указав на обязанность проведения аудита кода перед подписанием. Это создало прецедент, обязывающий региональные власти проводить независимую экспертизу смарт-контрактов, что повлечёт увеличение транзакционных издержек для регионального бюджета. Всё это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правоприменительной практики, связанной с использованием цифрового рубля, и разработки специальных процессуальных норм для разрешения споров в цифровой среде.

Заключение. Реализация предложенной модели позволит сформировать единую финансовую и правовую платформу для развития экономического пространства России и укрепления её финансовой безопасности. Внедрение предложенных направлений по совершенствованию нормативно-правовой базы, развитию цифрового рубля и усилению механизмов правовой охраны создаст не просто технологическую базу, а устойчивую систему, способную эффективно функционировать в условиях внешних вызовов.

Проведённый в работе анализ показал, что к 2026 г. судебная практика по делам с цифровым рублём и смарт-контрактами прошла этап первичного накопления, однако выявила сохраняющиеся технические и процессуальные сложности (очерёдность взыскания, возврат ошибочных платежей, ответственность за нарушения в смарт-контрактах). Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правоприменительной практики и разработки специальных процессуальных норм для разрешения споров в цифровой среде.

Такой подход заложит основу для повышения преобразования финансовой системы страны и гарантирует социальную стабильность, обеспечив прозрачность и эффективность бюджетных процессов. Таким образом, будет достигнута главная цель исследования – обеспечение долгосрочного, безопасного и суверенного развития государства через создание интегрированной платформенной экономики.

Список литературы

1. Русавская А.В., Мурко Е.В. Укрепление финансовой устойчивости регионов России для формирования единого экономического пространства / А.В. Русавская, Е.В. Мурко // Финансовый менеджмент. – 2025. – № 10. – С. 259–264.

2. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития / И.З. Гелисханов, Т.Н. Юдина, А.В. Бабкин // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2018. – Т. 11, № 6. – С. 22–36.

3. Мусатов А.М. Законодательная основа платформы цифрового рубля и основные проблемы в регулировании в настоящее время / А.М. Мусатов // Путеводитель предпринимательства. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 13–18.

4. Ваганова О.В., Быканова Н.И., Сорокин И.И., Кононыхин Д.И. Цифровой рубль: перспективы внедрения и пути интеграции в финансовую систему России / О.В. Ваганова, Н.И. Быканова, И.И. Сорокин, Д.И. Кононыхин // Экономика. Информатика. – 2021. – Т. 48, № 3. – С. 507–513.

5. Турбанов А.В. Цифровой рубль как законное платёжное средство / А.В. Турбанов // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 1 (158). – С. 56–65.

6. Матвеева Е.Ю. Правовая природа смарт-контракта / Е.Ю. Матвеева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 6 (273). – С. 97–104.

7. Гарипов Р.И., Максимова Н.Н. Значение цифрового рубля для экономики страны / Р.И. Гарипов, Н.Н. Максимова // Управление в современных системах. – 2021. – № 4 (32). – С. 3–15.

8. Андрюшин С.А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства / С.А. Андрюшин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 54–76.

9. Иванюженко А.Б. Правовые аспекты возможного применения цифрового рубля / А.Б. Иванюженко // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 1 (19). – С. 23–36.

10. Лебедев А.А. Цифровая трансформация регионального управления: возможности платформы цифрового рубля: монография / А.А. Лебедев. – М.: Книжный мир, 2024. – 184 с.

11. Inozemtsev M.I. Digital Law in the Russian Court Practice: Key Results of 2021 / M.I. Inozemtsev // Digital Law Journal. – 2022. – Vol. 3, No. 1. – P. 8–19.

12. Лапшин И.С. Цифровой рубль как инструмент противодействия теневой и криминальной экономической деятельности в России / И.С. Лапшин // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 5 (181). – С. 128–132.

13. Юсеф Р., Ваганова О.В., Талимова Л.А. Кибератаки как источник угроз безопасности систем электронного банкинга / Р. Юсеф, О.В. Ваганова, Л.А. Талимова // Актуальные проблемы развития экономических, финансовых и кредитных систем: сборник материалов X Международной науч.-практич. конференции (Белгород, 15 сентября 2022 г.). – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. – С. 174–182.

References

1. Rusavskaya A.V., Murko E.V. Strengthening the Financial Stability of Russia's Regions to Create a Unified Economic Space. *Financial Management*, 2025, no. 10, pp. 259–264. (In Russian).

2. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N., Babkin A.V. Digital Platforms in Economics: Essence, Models, Development Trends. *St. Pietersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 22–36. (In Russian).

3. Musatov A.M. Legislative basis of the digital ruble platform and main problems in regulation at present. *Entrepreneur's Guide,* 2023, vol. 16, no. 4, 13–18. (In Russian).

4. Vaganova O.V., Bykanova N.I., Sorokin I.I. et al. Digital Ruble: Prospects of Implementation and Ways of Integration into Financial System of Russia. *Economics. Information Technologies*, 2021, vol. 48, no. 3, pp. 507–513. (In Russian).

5. Turbanov A.V. Digital Ruble as Legitimate Means of Payment. *Actual Problems of Russian Law*, 2024, vol. 19, no. 1(158), pp. 56–65. (In Russian).

6. Matveeva E.Yu. Legal Nature of a Smart Contract. *Property Relations in the Russian Federation*, 2024, no. 6(273), pp. 97–104. (In Russian).

7. Garipov R.I., Maximova N.N. The Value of the Digital Ruble for the National Economy. *Management in Modern Systems*, 2021, no. 4(32), pp. 3–15. (In Russian).

8. Andryushin S.A. Digital Currency of the Central Bank as the Third Form of Money of the State. *Russian Journal of Economics and Law*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 54–76. (In Russian).

9. Ivanyuzhenko A.B. Digital Monetary Resources of Russia (Digital Ruble) as a Means of Distribution in the Financial System: Legal Aspects of Possible Application. *Theoretical and Applied Law*, 2024, no. 1(19), pp. 23–36. (In Russian).

10. Lebedev A.A. Digital Transformation of Regional Management: Opportunities of the Digital Ruble Platform: Monograph. Moscow, Book World, 2024. 184 p. (In Russian).

11. Inozemtsev M.I. Digital Law in the Russian Court Practice: Key Results of 2021. *Digital Law Journal*, 2022, vol. 3, no. 1, pp. 8–19. (In English).

12. Lapshin I.S. Digital Ruble as a Tool to Counteract Shadow and Criminal Economic Activity in Russia. *Theory and Practice of Social Development*, 2023, no. 5(181), pp. 128–132. (In Russian).

13. Yusef R., Vaganova O.V., Talimova L.A. Cyber Attacks as a Source of Threats to the Security of Electronic Banking Systems. *Current Issues in the Development of Economic, Financial and Credit Systems. Materials of the X International Scientific and Practical Conference, Belgorod, September 15, 2022*. Belgorod, Belgorod State National Research University, 2022, pp. 174–182. (In Russian).

Информация об авторах

Русавская Алевтина Викторовна – *доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций*

Мурко Елена Викторовна – *кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения и аспирантуры Российского федерального центра судебной экспертизы им. профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции РФ; доцент кафедры гуманитарных, социальных и общих дисциплин Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)*

Information about the Authors

Rusavskaya Alevtina Viktorovna – *Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Research Center of the Study of the History and Development of World Civilizations;*

Murko Elena Viktorovna – *Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Scientific and Methodological Support and Postgraduate Studies, A.R. Shlyakhov Russian Federal Center of Forensic Science under the Ministry of Justice of the Russian Federation; Associate Professor of the Department of Humanities, Social Sciences, and General Disciplines, All-Russian State University of Justice;*

Мусатов Артемий Максимович
аспирант Института социальных

Musatov Artemiy Maksimovich – *Post-graduate Student of the Institute of Social Sciences*

Статья поступила в редакцию 9.07.2026 г.; одобрена после рецензирования 08.09.2026 г.; принята к публикации 09.09.2026 г.

The article was submitted 09.07.2026; approved after reviewing 08.09.2026; accepted for publication 09.09.2026.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

LABOUR LAW; SOCIAL SECURITY LAW

Научная статья
УДК 34.01
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.7

Еникеев Олег Анатольевич
Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия,
enikeevo2013@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6862-7254

БИОБАНКИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОТЕНЦИАЛ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются потенциал, проблемы и перспективы развития биобанков в контексте системы социального обеспечения Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью биобанков как инфраструктуры для развития персонализированной медицины и необходимостью их интеграции в систему здравоохранения. Цель работы – оценка возможностей и выявление препятствий для использования биобанков в повышении доступности и качества медицинской помощи в рамках социального обеспечения. Проведён анализ международного опыта создания и функционирования популяционных и лечебных биобанков, а также текущего состояния биобанковской отрасли в России. Выявлены ключевые проблемы, включая отсутствие единой концепции развития, фрагментацию данных, недостаточное нормативно-правовое регулирование, а также вопросы конфиденциальности и распределения прибыли. Подчёркивается необходимость разработки специализированного федерального закона, регулирующего деятельность биобанков, определяющего правовой статус биоматериалов и обеспечивающего защиту прав доноров. Предлагаются механизмы финансирования деятельности биобанков, в том числе за счёт средств ОМС и программ государственной социальной помощи. Сделан вывод о значительном потенциале биобанков в совершенствовании системы социального обеспечения, включая раннюю диагностику, прогнозирование рисков заболеваний и оптимизацию использования ресурсов здравоохранения.

Ключевые слова: биобанки, социальное обеспечение, персонализированная медицина, здравоохранение, нормативно-правовое регулирование, биоматериалы, конфиденциальность, геномные данные, медицинская помощь

© Еникеев О.А., 2026

Для цитирования: Еникеев О.А. Биобанки в системе социального обеспечения Российской Федерации: потенциал, проблемы и перспективы развития / О.А. Еникеев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.7 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 91–104.

Original article

Enikeev Oleg Anatolevich
Bashkir Academy of Public Administration and Management
under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia,
enikeevo2013@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6862-7254

BIOBANKS IN THE SOCIAL SECURITY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: POTENTIAL, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. The article examines the potential, problems and development prospects of biobanks in the context of the social security system of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the increasing role of biobanks as an infrastructure for the development of personalized medicine and the need for their integration into the healthcare system. The purpose of this paper is to assess the opportunities and identify obstacles to the use of biobanks in improving the accessibility and quality of medical care within the framework of social security. The analysis covers international experience in the creation and operation of population-based and clinical biobanks, as well as the current state of the biobanking industry in Russia. Key problems are identified, including the absence of unified development concept, data fragmentation, insufficient legal and regulatory framework, as well as issues of confidentiality and profit distribution. The need to develop the special federal law that regulates biobank activities, defines the legal status of biomaterials, and ensures the protection of donors' rights is emphasized. Mechanisms for financing biobank operations are proposed, including through compulsory medical insurance (CMI) funds and state social assistance programs. The conclusion is drawn regarding the significant potential of biobanks in improving the social security system, including early diagnosis, disease risk prediction, and optimization of healthcare resource utilization.

Keywords: biobanks, social security, personalized medicine, healthcare, legal and regulatory framework, biomaterials, privacy, genomic data, medical care

For citation: Enikeev O.A. Biobanks in the Social Security System of the Russian Federation: Potential, Problems and Development Prospects. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2026, no. 3, pp. 91–104. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.7

Введение. Биобанки – это фундамент для развития и внедрения персонализированной медицины или медицинского обеспечения, индивидуального для каждого пациента [1, с. 23]. Аккумулированные в биобанках данные (анкетные, клинические, физических измерений, геномные) выступают основой

для определения генетических связей с заболеваниями, что позволяет создавать шкалы генетического риска (ШГР) для носителей определённых генов [2, с. 495]. К сожалению, их внедрение пока отстаёт от планов Минздрава РФ по созданию системы персонализированной медицины[1] в системе здравоохранения.

Согласно Большой российской энциклопедии «Социальное обеспечение – это вид осуществления социальной защиты. Заключается в государственном обеспечении денежными выплатами, компенсацией расходов, материальными льготами и натуральными услугами, устанавливаемыми централизованно на весь период нетрудоспособности, поиска работы, нуждаемости в медицинской помощи и в услугах по социальному обслуживанию» [3]. Соответственно, медицинская помощь – это лишь часть [4, с. 88] социального обеспечения граждан, попавших в тяжелую жизненную ситуацию ввиду утраты здоровья. Оказание медицинской помощи во многом становится невозможным в отсутствии её финансирования из фондов социального обеспечения (социальный фонд РФ, ФОМС и т. д.).

На сегодняшний день существуют объективные ограничения для повсеместного использования биобанковских данных для профилактики и лечения заболеваний в рамках системы социального обеспечения. В первую очередь, если мы говорим о больших популяционных биобанках, в которых хранится генетическая информация (биоматериалы) о сотнях тысячах и даже миллионах граждан России, это выявление баланса частного интереса (конфиденциальность личной жизни и медицинской тайны доноров биоматериалов) и публичного интереса (государственного интереса в выявлении и предупреждении заболеваний на ранних стадиях для более быстрого и эффективного лечения) [5, с. 136]. Кроме того, при предоставлении информации в популяционные государственные и частные биобанки остро встаёт вопрос распределения прибыли [6, с. 18], которую система социального обеспечения по определению не может выдать донорам биоматериалов биобанков ввиду некоммерческого характера работы системы. Биобанки зачастую относятся к коммерческим организациям, и доноры биоматериалов предоставляют свои данные или биоматериал возмездно с указанием ограничений их использования.

Цель данной работы: оценить потенциал и выявить проблемы интеграции биобанков в систему социального обеспечения РФ для повышения доступности и качества медицинской помощи.

За рубежом в целом ряде стран (Великобритания, Финляндия, Япония, Китай, США [7, с. 9]) созданы государственные популяционные биобанки с сотнями тысяч и даже миллионами образцов от разных людей для выявления генетических предрасположенностей к заболеваниям среди населения. В вышеуказанных странах, как правило, регулирование биобанковской деятельности осуществляется на основе саморегулирования для предоставления данной отрасли экономики более выгодных условий для развития. Вместе с тем, в науч-

[1] Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24.04.2018 № 186 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2025).

ной литературе не представлены механизмы трансфера или имплементации данных, полученных от исследования биобанковских материалов, в работу систем здравоохранения вышеуказанных стран. Что-то похожее на планы трансфера данных, полученных от биобанков, имеется только в отношении лечебных государственных биобанков крови [8, с. 232] или тканей яичников [9, с. 215]. Кроме того, рядовые сотрудники системы здравоохранения отмечают, что не видят никакой выгоды или мотивации во взаимодействии с биобанками [10, с. 96]. Вместе с тем в США ещё в 2025 г. в государственном биобанке ветеранов боевых действий для полногеномного секвенирования и предупреждения заболеваний среди военнослужащих были собраны материалы более чем от 390000 человек [11, с. 216]. Полноценное взаимодействие биобанков, системы здравоохранения и промышленных компаний, пожалуй, удаётся решить только на уровне малых территорий и популяций. В данном контексте примечателен пример системы профилактики и лечения рака в Северной Ирландии [12, с. 670].

В России, во-первых, объём данных, хранимых биобанками, кратно меньше их аналогов за рубежом. Во-вторых, нет единой концепции развития биобанковской отрасли. Соответственно, собственники биобанков не могут планировать долгосрочную стратегию развития своих предприятий ввиду нормативной и стратегической неопределённости. В-третьих, каждый биобанк имеет свои стандарты хранения информации и крайне проблематична передача данных для исследований от одного биобанка другому. Соответственно, только в 2022 г. члены национальной ассоциации биобанков (НАСБИО) впервые задумались о создании концепции национальной информационной платформы биобанков РФ (НИПБ РФ), согласно которой биобанки могли бы свободно обмениваться данными между собой хотя бы внутри страны [13, с. 10]. Внедрение данной платформы обеспечит более быстрый и эффективный обмен биоданными между биобанками и проведение широкомасштабных многоцентровых исследований.

Деятельность биобанков в России на базовом уровне осуществляется согласно ГОСТу, регламентирующему работу биобанков[2]. При этом данный акт устанавливает порядок работы биобанка и внутренние аспекты его деятельности, но не правовые основы его взаимодействия с контрагентами. В сфере социального обеспечения единого кодексированного акта на сегодняшний день нет. К основным нормативным актам в сфере социального обеспечения можно отнести: 1. ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»[3]; 2. ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской

[2] Биотехнология. Биобанкинг. Общие требования: ГОСТ Р ИСО 20387-2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2025).

[3] Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2025).

Федерации»[4]; 3. ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»[5]; 4. ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»[6]. К сожалению, никаких даже опосредованных взаимоотношений между этими группами нормативных актов нет. Научные исследования и система социального обеспечения развиваются отдельно. Механизма взаимодействия между ними не прослеживается.

Интеграция биобанков в систему социального обеспечения. Биобанкирование биоматериалов, а также связанных с ними клинических, социально-демографических, лабораторных, инструментальных, генетических и других видов данных у больных с орфанными (редкими по частоте встречаемости) заболеваниями является необходимым для разрешения целого ряда задач как в области исследования новых биомаркеров заболеваний, так и в уточнении диагноза, повышении эффективности и индивидуализации лечения больных [14, с. 26]. Президентом РФ В.В. Путиным в 2016 г. была утверждена «Стратегия научно-технологического развития РФ»[7], в которой одним из приоритетов был заявлен переход к персонализированной медицине.

В целях персонализированной медицины применение биобанкирования наиболее эффективно при лечении часто встречающихся заболеваний и/или заболеваний, влекущих наиболее раннюю инвалидизацию пациентов. На сегодняшний день биобанковские данные применяются для персонализированного лечения следующих заболеваний: 1. Рак молочной железы [15, с. 893]; 2. Рак лёгких [16]; 3. Ишемическая болезнь сердца (ИБС) [17, с. 925]; 4. Болезнь Альцгеймера [18]; 5. COVID-19 [19, с. 270]; 6. Муковисцидоз [20, с. 612] и гораздо реже в отношении других заболеваний.

Об экономических выгодах ввиду возможности ранней диагностики и эффективного лечения при внедрении персонализированной медицины упоминается повсеместно. Нами не было найдено достоверных данных об экономической эффективности персонализированной медицины. Персонализированные биомаркеры способны выявить группу пациентов, которые очень хорошо реагируют на конкретную терапию. Вышеуказанное представляет ценность для заинтересованных сторон, в первую очередь для фармкомпаний, что позволяет им устанавливать более высокие цены на препараты для персонализированного лечения. В этом отношении ключевым фактором внедрения пер-

---

[4] Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2025).

[5] О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2025).

[6] Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2025).

[7] О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2025).

сонализированной медицины будет чувствительность плательщика (пациента, государства) к цене, которая сильно варьирует в зависимости от области медицины; поэтому классы препаратов можно и нужно сегментировать в соответствии с их научным и коммерческим потенциалом [21]. По нашему мнению, фармацевтические компании, скорее всего, будут инвестировать в диагностику и технологии, которые оказывают влияние на более широкие группы пациентов, например, в таких областях, как инфекционные заболевания, иммунология и онкология, причём последняя является наиболее продвинутой областью персонализированной медицины.

Анализ существующей системы социального обеспечения в РФ в первую очередь обращает наше внимание на выявление проблем доступности и качества медицинской помощи в России. Проблемы доступности медицинской помощи заключаются в:

1. Географической неравномерности: одной из главных проблем является неравномерное распределение медицинских учреждений и специалистов, особенно в сельской местности и отдалённых регионах. Это осложняет получение своевременной медицинской помощи для значительной части населения [22, с. 230], что также ограничит биобанкирование при предоставлении социального обеспечения медицинскими учреждениями городов-миллионников или городами из регионов-доноров федерального бюджета;

2. Финансовых барьерах: несмотря на декларируемую бесплатность медицинской помощи, существуют скрытые платежи и расходы, связанные с лекарственным обеспечением, дополнительными обследованиями и т. д. Это ограничивает доступ к медицинской помощи для социально уязвимых слоёв населения [23, с. 59]. Следует отметить, что биобанкирование биообразцов – это крайне дорогостоящий процесс (стоимость долгосрочного хранения одного биообразца в среднем составляет от 200 до 300 долларов США) и финансировать данные услуги из личных средств подавляющее большинство граждан РФ просто не смогут;

3. Ограниченности выбора врача и медицинской организации: система обязательного медицинского страхования (ОМС) ограничивает возможность выбора врача и медицинской организации, что может влиять на удовлетворённость пациентов и качество получаемой помощи [24, с. 127] Соответственно, не всегда можно попасть к врачу или в медицинскую организацию, оказывающую биобанковские услуги, так как они могут быть просто перегружены и отказаться от приёма внеплановых неэкстренных пациентов (биобанковские услуги – это плановые, профилактические, по большей части, медицинские услуги).

Проблемы качества медицинской помощи, на наш взгляд, лежат в следующих областях:

1. Недостаточная квалификация медицинского персонала: нехватка квалифицированных специалистов и недостаточное повышение квалификации врачей и среднего медицинского персонала отрицательно сказываются на качестве оказываемой медицинской помощи [25, с. 757]. В полной мере это распространится и на биобанкирование образцов персоналом медицинских учре-

ждений, так как для забора каждого вида биоматериала нужно пройти обучение и выработать специфические навыки. Кроме того, без оплаты оказания услуг по забору биоматериалов для биобанков медицинские работники будут просто не заинтересованы в оказании данного вида услуг;

2. Устаревшее оборудование и технологии: многие медицинские учреждения, особенно в регионах, испытывают дефицит современного оборудования и технологий, что ограничивает возможности для проведения точной диагностики и эффективного лечения. Так, в Хабаровском крае износ недвижимости медицинских организаций составляет от 50 до 85 % в зависимости от вида ЛПУ, а износ движимого имущества ЛПУ – 78 % [26, с. 204]. Биобанкирование – это отрасль биомедицины, которая очень чувствительна к качеству и новизне оборудования. Соответственно, внедрение биобанкирования в сферу социального обеспечения будет возможно только на территориях тех субъектов РФ, чьи программы ОМС смогут это в себя включить (г. Москва, Тюменская область и, может быть, ещё один-два субъекта РФ);

3. Недостаточное финансирование: недостаточное финансирование здравоохранения приводит к дефициту ресурсов, что негативно сказывается на качестве оказываемой медицинской помощи [27, с. 331]. В отношении биобанков хроническое недофинансирование по аналогии с недофинансированием здравоохранения просто недопустимо, так как влечёт утрату биообразцов и повышение биологических рисков в случаях аварий в биобанках.

Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность биобанков и социальное обеспечение, показывает, что регулирование деятельности биобанков в России находится на начальном этапе формирования, что создаёт как возможности, так и риски для их интеграции в систему социального обеспечения. С одной стороны, Конституция РФ гарантирует право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также социальное обеспечение (ст. 39, 41), создавая общий фундамент для использования биобанков в интересах граждан. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 323-ФЗ) устанавливает общие принципы организации медицинской помощи, включая использование биомедицинских технологий, однако прямое упоминание биобанков отсутствует. В контексте социального обеспечения необходимо учитывать Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», определяющий категории граждан, имеющих право на социальную поддержку. Использование биобанков может расширить возможности диагностики и прогнозирования заболеваний, что позволит более адресно оказывать социальную помощь нуждающимся. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» мог бы стать одним из механизмов финансирования деятельности биобанков, направленной на улучшение здоровья населения.

Основная проблема, на наш взгляд, заключается в отсутствии специализированного федерального закона, регулирующего деятельность биобанков.

Это создаёт правовую неопределённость в вопросах собственности на биоматериалы, конфиденциальности данных, доступа к биоматериалам для научных исследований и коммерческого использования, что препятствует их эффективному применению в системе социального обеспечения.

Перспективы связаны с разработкой и принятием такого закона, который должен: 1. Определить правовой статус биобанков и биоматериалов; 2. Установить чёткие правила получения, хранения и использования биоматериалов, включая требования к информированному согласию доноров; 3. Обеспечить защиту персональных данных и конфиденциальность информации о донорах; 4. Создать механизмы финансирования деятельности биобанков, в том числе за счёт средств ОМС и программ государственной социальной помощи; 5. Интегрировать [28, с. 152] биобанки в систему оказания медицинской помощи и социального обеспечения.

Заключение. Данное исследование подчёркивает огромный потенциал биобанков в контексте совершенствования системы социального обеспечения в Российской Федерации. Интеграция биобанковских данных, аккумулирующих генетическую и клиническую информацию, может способствовать развитию персонализированной медицины, позволяющей проводить более раннюю диагностику, прогнозировать риски заболеваний и, как следствие, обеспечивать более эффективное лечение и профилактику. Это, в свою очередь, способно снизить стоимость лечения заболеваний и инвалидизации для государства в долгосрочной перспективе, оптимизируя использование ресурсов системы социального обеспечения и повышая качество жизни граждан. Однако на пути к реализации этого потенциала стоят серьёзные проблемы, связанные с отсутствием единой концепции развития биобанковской отрасли, фрагментацией данных, недостаточностью нормативно-правового регулирования и отсутствием механизмов интеграции биобанков в существующую систему здравоохранения и социального обеспечения.

Для успешной интеграции биобанков в систему социального обеспечения РФ необходима разработка и принятие специализированного федерального закона, регулирующего деятельность биобанков и определяющего правовые основы их взаимодействия с системой здравоохранения и социального обеспечения. Данный закон должен установить чёткие правила получения, хранения, обработки и использования биоматериалов, обеспечивая при этом защиту прав [29, с. 225] и конфиденциальности доноров. Кроме того, необходимо разработать механизмы финансирования деятельности биобанков, в том числе за счёт средств обязательного медицинского страхования и программ государственной социальной помощи, что особенно актуально в плане укрепления семей [30, с. 11] и здоровья их членов. Реализация этих мер позволит создать эффективную систему, в которой биобанки станут неотъемлемой частью инфраструктуры здравоохранения, способствуя повышению доступности и качества медицинской помощи, а также оптимизации использования ресурсов системы социального обеспечения.

Список источников

1. Кукес И.В., Сычев Д.А., Казаков Р.Е., Исмагилов Т.Д. Концепция создания биобанка ДНК и его значение для персонализации фармакотерапии / И.В. Кукес, Д.А. Сычев, Р.Е. Казаков, Т.Д. Исмагилов // Лекарственные средства и рациональная фармакотерапия. – 2013. – № 4. – С. 22–25.

2. Li R, Chen Y, Ritchie MD, Moore JH. Electronic health records and polygenic risk scores for predicting disease risk // Nat Rev Genet. – 2020. – № 21 (8). – P. 493–502.

3. Воронин Ю.В. Социальное обеспечение [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: https://bigenc.ru/c/sotsial-noe-obespechenie-1401fb (дата обращения 01.04.2025).

4. Чернова Д.В., Старцева С.В. К вопросу о праве на медицинскую помощь как часть системы социального обеспечения / Д.В. Чернова, С.В. Старцева // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: сб. мат. XXII Межд. науч.-практ. конф., М., 12 декабря 2024 г. – М.: АНО ДПО Центр развития образования и науки, 2024. – С. 87–90.

5. Лакомец К. Некоторые конституционные аспекты функционирования популяционных биобанков. Lakomiec K. Wybrane konstytucyjne aspekty funkcjonowania biobankow populacyjnych // Panstwo i prawo. – W-wa, 2014. – № 12. – S. 54–64 / К. Лакомец // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2016. – № 1. – С. 132–137.

6. Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Садовничий В.А., Миронов В.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Шкомова Е.М., Набиулина Е.А. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов / Е.В. Брызгалина, К.Ю. Аласания, В.А. Садовничий, В.В. Миронов, С.М. Гавриленко, Т.А. Вархотов, Е.М. Шкомова, Е.А. Набиулина // Вопросы философии. – 2016. – № 2. – С. 18–21.

7. Покровская М.С., Борисова А.Л., Киселева А.В., Ершова А.И., Мешков А.Н., Драпкина О.М. Роль биобанкирования в развитии персонализированной медицины в России и в мире / М.С. Покровская, А.Л. Борисова, А.В. Киселева, А.И. Ершова, А.Н. Мешков, О.М. Драпкина // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2024. – Т. 23. – № 11. – С. 6–16.

8. Sullivan P. Developing an administrative plan for transfusion medicine - a global perspective // Transfusion. – 2005. – № 45. – P. 224S–240S.

9. Liebenthron J, Montag M. Chapter 15 Development of a Nationwide Network for Ovarian Tissue Cryopreservation // Methods in Molecular Biology. – 2017. – № 1568. – P. 205–220.

10. Wyld L., Smith S., Hawkins N.J., Long J., Ward R.L. Introducing research initiatives into healthcare: what do doctors think? // Biopreservation and Biobanking. – 2014. – № 12 (2). – P. 91–98.

11. Gaziano JM, Concato J, Brophy M, Fiore L, Pyarajan S, Breeling J, Whitbourne S, Deen J, Shannon C, Humphries D, Guarino P, Aslan M, Anderson D, LaFleur R, Hammond T, Schaa K, Moser J, Huang G, Muralidhar S, Przygodzki R, O'Leary TJ. Million Veteran Program: A mega-biobank to study genetic influences on health and disease // J Clin Epidemiol. – 2015. – № 70. – P. 214–223.

12. Lawler M, Gavin A, Salto-Tellez M, Kennedy RD, Van Schaeybroeck S, Wilson RH, Harkin DP, Grayson M, Boyd RE, Hamilton PW, McArt DG, James J, Robson T, Ladner RD, Prise KM, O'Sullivan JM, Harrison T, Murray L, Johnston PG, Waugh DJ. Delivering a research-enabled multistakeholder partnership for enhanced patient care at a population level: The Northern Ireland Comprehensive Cancer Program // Cancer. – 2016. – № 122 (5). – № 664–673.

13. Мешков А.Н., Ярцева О.Ю., Борисова А.Л., Покровская М.С., Драпкина О.М. Концепция национальной информационной платформы биобанков Российской Федерации / А.Н. Мешков, О.Ю. Ярцева, А.Л. Борисова, М.С. Покровская, О.М. Драпкина // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2022. – Т. 21. – № 11. – С. 6–12.

14. Копылова О.В., Ершова А.И., Мешков А.Н., Покровская М.С., Ефимова И.А., Лимонова А.С., Блохина А.В., Серебрянская З.З., Сметнев С.А., Михайлина В.И., Мясников Р.П., Киселева А.В., Гарбузова Е.В., Метельская В.А., Борисова А.Л., Драпкина О.М. Формирование коллекции биообразцов в биобанке для решения задач персонализированной медицины / О.В. Копылова, А.И. Ершова, А.Н. Мешков, М.С. Покровская, И.А. Ефимова, А.С. Лимонова, А.В. Блохина, З.З. Серебрянская, С.А. Сметнев, В.И. Михайлина, Р.П. Мясников, А.В. Киселева, Е.В. Гарбузова, В.А. Метельская, А.Л. Борисова, О.М. Драпкина // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2024. – Т. 23, № 11. – С. 17–28.

15. Rowlands CF, Allen S, Balmaña J, Domchek SM, Evans DG, Hanson H, Hoogerbrugge N, James PA, Nathanson KL, Robson M, Tischkowitz M, Foulkes WD, Turnbull C. Population-based germline breast cancer gene association studies and meta-analysis to inform wider mainstream testing // Annals of Oncology. – 2024. – № 35 (10). – P. 892–901.

16. Heitzer E, van den Broek D, Denis MG, Hofman P, Hubank M, Mouliere F, Paz-Ares L, Schuuring E, Sültmann H, Vainer G, Verstraaten E, de Visser L, Cortinovis D. Recommendations for a practical implementation of circulating tumor DNA mutation testing in metastatic non-small-cell lung cancer // ESMO Open. – 2022. – № 7 (2).

17. Hartiala JA, Han Y, Jia Q, Hilser JR, Huang P, Gukasyan J, Schwartzman WS, Cai Z, Biswas S, Trégouët DA, Smith NL; INVENT Consortium; CHARGE Consortium Hemostasis Working Group; GENIUS-CHD Consortium; Seldin M, Pan C, Mehrabian M, Lusis AJ, Bazeley P, Sun YV, Liu C, Quyyumi AA, Scholz M, Thiery J, Delgado GE, Kleber ME, März W, Howe LJ, Asselbergs FW, van Vugt M, Vlachojannis GJ, Patel RS, Lyytikäinen LP, Kähönen M, Lehtimäki T, Nieminen TVM, Kuukasjärvi P, Laurikka JO, Chang X, Heng CK, Jiang R, Kraus WE, Hauser ER, Ferguson JF, Reilly MP, Ito K, Koyama S, Kamatani Y, Komuro I; Biobank Japan; Stolze LK, Romanoski CE, Khan MD, Turner AW, Miller CL, Aherrahrou R, Civelek M, Ma L, Björkegren JLM, Kumar SR, Tang WHW, Hazen SL, Allayee H. Genome-wide analysis identifies novel

susceptibility loci for myocardial infarction // European Heart Journal. – 2021. – № 42 (9). – P. 919–933.

18. Lake J, Storm CS, Makarious MB, Bandres-Ciga S. Genetic and Transcriptomic Biomarkers in Neurodegenerative Diseases: Current Situation and the Road Ahead // Cells. – 2021. – № 10 (5), 1030.

19. Peeling RW, Boeras D, Wilder-Smith A, Sall A, Nkengasong J. Need for sustainable biobanking networks for COVID-19 and other diseases of epidemic potential // The Lancet Infectious Diseases. – 2020. – № 20. – P. e268-e273.

20. Noordhoek J, Gulmans V, van der Ent K, Beekman JM. Intestinal organoids and personalized medicine in cystic fibrosis: a successful patient-oriented research collaboration // Current Opinion in Pulmonary Medicine. – 2016. – № 22 (6). – P. 610–616.

21. Jakka S., Rossbach M. An economic perspective on personalized medicine // HUGO J. – 2013. – № 7 (1).

22. Шишкин С.В., Шейман И.М., Власов В.В., Красильникова М.Д., Чирикова А.Е., Боярский С.Г., Сажина С.В. Доступность медицинской помощи // Организация и финансирование здравоохранения в России и в мире: тенденции и перспективы / С.В. Шишкин, И.М. Шейман, А.А. Алмазов и др.; под ред. С.В. Шишкина, И.М. Шеймана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. – С. 216–246.

23. Калашникова И.В. Теневой сектор в экономике здравоохранения: причины, формы проявления и негативные последствия / И.В. Калашникова // Менеджер. – 2019. – № 4 (90). – С. 56–61.

24. Ковалевский С.М., Шманцарь А.А., Тимофеева Н.Н. Проблемы реализации гражданами права на выбор медицинской организации и лечащего врача по договорам оказания медицинских услуг в рамках программ обязательного и добровольного медицинского страхования / С.М. Ковалевский, А.А. Шманцарь, Н.Н. Тимофеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 123–131.

25. Канева Д.А., Тарараева Т.Ю., Бреусов А.В., Максименко Л.В. Проблема дефицита врачебных кадров в здравоохранении России: причины и пути решения (литературный обзор) / Д.А. Канева, Т.Ю. Тарараева, А.В. Бреусов, Л.В. Максименко // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. – 2024. – № 1. – С. 747–767.

26. Энгиноева Т.А. К проблемам износа медицинского оборудования в Хабаровском крае / Т.А. Энгиноева // Современные проблемы государственного и муниципального управления в Российской Федерации: материалы I Всероссийской науч.-практич. конференции магистрантов, Хабаровск, 08 апреля 2023 г. – Хабаровск: РАНХиГС, Дальневосточный институт управления, 2023. – С. 201–207.

27. Алексеева Н.В., Маркушина В.А. Экономическая оценка роли обязательного медицинского страхования в обеспечении доступности и качества медицинской помощи / Н.В. Алексеева, В.А. Маркушина // Актуальные проблемы в контексте современных научных исследований: Сборник научных статей по материалам II Международной науч.-практич. конференции, Ставрополь, 22 апреля 2024 г. – Ставрополь: ООО «СЕКВОЙЯ», 2024. – С. 329–334.

28. Мохов А.А. Концепция четырёх «био» в праве и законодательстве / А.А. Мохов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 8 (117). – С. 146–154.

29. Сайфутдинова В.М. Государственное управление и цифровизация / В.М. Сайфутдинова // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы VII международной науч.-практич. конференции, Санкт-Петербург, 30 сентября 2021 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. – С. 224–228.

30. Аминев Ф.Г. Уважаемые читатели! / Ф.Г. Аминев // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 4 (24). – С. 11–12.

References

1. Kukes I.V., Sychev D.A., Kazakov R.E., Ismagilov T.D. Design and Development of a DNA Biobank and Its Implications for the Pharmacotherapy. *Drugs and Rational Pharmacotherapy*, 2013, no. 4, pp. 22–25. (In Russian).

2. Li R., Chen Y., Ritchie M.D., Moore J.H. Electronic Health Records and Polygenic Risk Scores for Predicting Disease Risk. *Nat Rev Genet*, 2020, no.21 (8), pp. 493–502. (In English).

3. Voronin Yu.V. Social Security. Great Russian Encyclopedia: Website. Available at: https://bigenc.ru/c/sotsial-noe-obespechenie-1401fb (In Russian).

4. Chernova D.V., Startseva S.V. On the issue of the Right to Medical Care as Part of the Social Security System. *Modern Strategies and Digital Transformations of Sustainable Development of Society, Education, and Science. Materials of the XXII International Scientific and Practical Conference. Moscow, December 12, 2024.* Moscow, Autonomous Commercial Organization for Additional Professional Education Center for the Development of Education and Science, 2024, pp. 87–90. (In Russian).

5. Lakomiec K. Selected Constitutional Aspects of the Population Biobanks Functioning. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*, 2016, no.1, pp. 132–137. (In Russian).

6. Bryzgalina E.V., Alasania K.Yu., Sadovnichy V.A. et al. The Social and Humanitarian Expertise of Functioning of the National Depositories of Biomaterial. *Voprosy Folosofii*, 2016, no. 2, pp. 18–21. (In Russian).

7. Pokrovskaya M.S., Borisova A.L., Kiseleva A.V. et al. Role of Biobanking in the Development of Personalized Medicine in Russia and the World. *Cardiovascular Therapy and Prevention,* 2024, vol. 23, no. 11, pp. 6–16. (In Russian).

8. Sullivan P. Developing an Administrative Plan for Transfusion Medicine – a Global Perspective. *Transfusion*, 2005, no. 45, pp. 224S–240S. (In English).

9. Liebenthron J., Montag M. Development of a Nationwide Network for Ovarian Tissue Cryopreservation. *Methods in Molecular Biology*, 2017, no. 1568, pp. 205–220. (In English).

10. Wyld L., Smith S., Hawkins N.J. et al. Introducing Research Initiatives into Healthcare: What Do Doctors Think? *Biopreservation and Biobanking*, 2014, no. 12 (2), pp. 91–98. (In English).

11. Gaziano J.M., Concato J., Brophy M. et al. Million Veteran Program: A Mega-Biobank to Study Genetic Influences on Health and Disease. *Journal of Clinical Epidemiology*, 2015, no. 70, pp. 214–223. (In English).

12. Lawler M., Gavin A., Salto-Tellez M. et al. Delivering a Research-Enabled Multistakeholder Partnership for Enhanced Patient Care at a Population Level: The Northern Ireland Comprehensive Cancer Program. *Cancer*, 2016, no. 122 (5), pp. 664–673. (In English).

13. Meshkov A.N., Yartseva O.Yu., Borisova A.L. et al. The Concept of the National Information Platform of Biobanks of the Russian Federation. *Cardiovascular Therapy and Prevention,* 2022, vol. 21, no. 11, pp. 6–12. (In Russian).

14. Kopylova O.V., Ershova A.I., Meshkov A.N. et al. Biosample Collection in a Biobank to Solve Problems of Personalized Medicine. *Cardiovascular Therapy and Prevention*, 2024, vol. 23, no.11, pp. 17–28. (In Russian).

15. Rowlands C.F., Allen S., Balmaña J. et al. Population-Based Germline Beast Cancer Gene Association Studies and Meta-Analysis to Inform Wider Mainstream Testing. *Annals of Oncology*, 2024, no. 35 (10), pp. 892–901. (In English).

16. Heitzer E, van den Broek D., Denis M.G. et al. Recommendations for a Practical Implementation of Circulating Tumor DNA Mutation Testing in Metastatic Non-Small-Cell Lung Cancer. *ESMO Open*, 2022, 7 (2), pp. 1–12. (In English).

17. Hartiala J.A., Han Y., Jia Q. et al. Genome-Wide Analysis Identifies Novel Susceptibility Loci for Myocardial Infarction. *European Heart Journal*, 2021, no. 42 (9), pp. 919–933. (In English).

18. Lake J., Storm C.S., Makarious M.B., Bandres-Ciga S. Genetic and Transcriptomic Biomarkers in Neurodegenerative Diseases: Current Situation and the Road Ahead. *Cells*, 2021, no. 10 (5), 1030. (In English).

19. Peeling R.W., Boeras D., Wilder-Smith A., Sall A, Nkengasong J. Need for Sustainable Biobanking Networks for COVID-19 and Other Diseases of Epidemic Potential. *The Lancet Infectious Diseases*, 2020, no. 20, pp. e268-e273. (In English).

20. Noordhoek J., Gulmans V., van der Ent K., Beekman J.M. Intestinal Organoids and Personalized Medicine in Cystic Fibrosis: a Successful Patient-Oriented Research Collaboration. *Current Opinion in Pulmonary Medicine*, 2016, 22 (6). pp. 610–616. (In English).

21. Jakka S., Rossbach M. An Economic Perspective on Personalized Medicine. *HUGO Journal*, 2013, 7 (1). Available at: https://link.springer.com/article/10.1186/1877-6566-7-1(In English).

22. Shishkin S.V., Sheiman I.M., Vlasov V.V. et al. Organization and Financing of Health Care in Russia and in the World: Trends and Prospects. Moscow, HSE University Publ. House, 2025, pp. 216–246. (In Russian).

23. Kalashnikova I.V. The Shadow Sector in the Health Care Economy: Causes, Forms of Manifestation, and Negative Consequences. *Manager*, 2019, no. 4 (90), pp. 56–61. (In Russian).

24. Kovalevsky S.M., Shmantsar A.A., Timofeeva N.N. The Problems of Realization of the Patient's Right to Choose a Medical Organization and the Doctor in Contracts for the Provision of Medical Services According to Programs of Compulsory and Voluntary Medical Insurance. *Vestnik of Saint Petersburg University. Medicine*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 123–131. (In Russian).

25. Kaneva D.A., Tararaeva T.Yu., Breusov A.V. et al. The Problem of Medical Staff Shortage in Health Care in Russia: Reasons and Solutions (Literature Review). *Current Problems of Health Care and Medical Statistics*, 2024, no.1, pp. 747–767. (In Russian).

26. Enginoyeva T.A. On the Medical Equipment Wear in the Khabarovsk Territory. *Modern Problems of State and Municipal Administration in the Russian Federation. Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference of Master's Students, Khabarovsk, April 8, 2023*. Khabarovsk, RANEPA, Far Eastern Institute of Management, 2023, pp. 201–207. (In Russian).

27. Alekseeva N.V., Markushina V.A. Economic Assessment of the Role of Compulsory Medical Insurance in Ensuring the Accessibility and Quality of Medical Care*. Current Issues in the Context of Modern Scientific Research. Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the II International Scientific and Practical Conference, Stavropol, April 22, 2024.* Stavropol, LLC «SEQUOIA», 2024, pp. 329–334. (In Russian).

28. Mokhov A.A. The Concept of Four "Bios" in Law and Legislation. *Actual Problems of Russian Law,* 2020, vol. 15, no. 8 (117), pp. 146–154. (In Russian).

29. Saifutdinova V.M. Public Administration and Digitalization. *Current Issues of Statehood and Public Law Development. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, September 30, 2021.* Saint Petersburg, Saint Petersburg Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021, pp. 224–228. (In Russian).

30. Aminev F.G. Dear Readers! *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 4 (24), pp. 11–12. (In Russian).

Информация об авторе

Еникеев Олег Анатольевич – *кандидат юридических наук, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса*

Information about the Author

Enikeev Oleg Anatolevich – *Candidate of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Medicine), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure*

Статья поступила в редакцию 7.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 21.07.2026 г.; принята к публикации 21.07.2026 г.

The article was submitted 07.06.2026; approved after reviewing 21.07.2026; accepted for publication 21.07.2026.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Научная статья
УДК: 343.985.7:343.34:004(470+73)
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.8

Аглетдинова Диана Ильдаровна
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
agletdinovadiana@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗАЩИТА КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 274.1 УК РФ

Аннотация: В современных условиях, характеризующихся глобальной информатизацией и цифровизацией, защита критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее – КИИ) приобретает ключевое значение для национальной безопасности. Статья посвящена актуальной проблеме расследования преступлений, связанных с неправомерным воздействием на объекты КИИ. На основе анализа отечественных и зарубежных инцидентов констатируется серьёзность последствий кибератак на КИИ, которые могут дестабилизировать общество или являться угрозой для жизни и здоровья граждан.

Делается вывод, что, несмотря на развитие законодательной базы, включая введение ст. 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), принятие Федерального закона №187-ФЗ от 26 июля 2017 г. и других нормативно-правовых актов, правоприменительная практика, связанная с привлечением к уголовной ответственности за неправомерное воздействие на КИИ, сталкивается со значительными трудностями. К ним относятся проблемы применения специальных технических знаний, вариативность и стремительное развитие способов совершения преступлений, сложности в выявлении и задержании преступников, зачастую действующих дистанционно и транснационально, высокая латентность преступления. Подчёркивается, что техническая специфика объектов КИИ, в том числе замкнутость информационных систем, использование специального программного обеспечения и необходимость соблюдения непрерывности технологических процессов, является дополнительным фактором, осложняющим производство следственных действий.

© Аглетдинова Д.И., 2026

Отмечается отсутствие комплексной криминалистической методики, учитывающей все особенности данного состава преступления. Подчёркивается необходимость разработки криминалистической методики для практических органов с целью оптимизации их деятельности по расследованию неправомерного воздействия на КИИ.

Ключевые слова: критическая инфраструктура, неправомерное воздействие, криминалистика, информационная безопасность, методика расследования, компьютерная информация, специальные знания, компьютерная атака, национальная безопасность

Для цитирования: Аглетдинова Д.И. Информационная защита критической информационной инфраструктуры и особенности раскрытия преступлений, предусмотренных ст. 274.1 УК РФ / Д.И. Аглетдинова. – DOI 10.33184/vestlaw-bsu-2026.31.8 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 105–116.

Original article

Agletdinova Diana Ildarovna
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
agletdinovadiana@yandex.ru

THE CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE SECURITY AND THE SPECIFICS OF CRIME DETECTION UNDER THE ARTICLE 274.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. In modern conditions characterized by global informatization and digitalization, the protection of the critical information infrastructure of the Russian Federation (hereinafter – CII) is of key importance for national security. The article is devoted to the urgent problem of investigating crimes related to the unlawful impact on CII facilities. Based on the analysis of domestic and foreign incidents, the severity of the consequences of cyberattacks on CII, which can destabilize society or pose a threat to the citizens' life and health, is stated. It is concluded that, despite the development of the legislative framework, including the introduction of the Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the adoption of Federal Law No. 187 of July 26, 2017 and other regulatory legal acts, law enforcement practice related to criminal prosecution for unlawful influence on CII, it faces significant difficulties. These include the problems of applying special technical knowledge, the variability and rapid development of committing crimes' methods, difficulties in identifying and detaining criminals, often operating remotely and transnational and the high latency of the crime. It is emphasized that the technical specifics of the CII facilities, including the closed nature of information systems, the use of special software and the need to maintain the continuity of technological processes, is an

additional factor complicating the conduct of investigative actions. The absence of a comprehensive forensic methodology that takes into account all the features of this corpus delicti is noted. The necessity of developing a forensic methodology for practical agencies in order to optimize their activities in investigating unlawful impact on CII is emphasized.

Keywords: critical infrastructure, unlawful impact, criminalistics, information security, investigation methodology, computer information, specialized knowledge, computer attack, national security

For citation: Agletdinova D.I. The Critical Information Infrastructure Security and the Specifics of Crime Detection under the Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 105–116. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.8

Введение. За последние годы информатизация наблюдается во всех сферах общественной жизни, множество организаций и учреждений государственного и частного сектора применяют технологии в своей деятельности и ведут документооборот в электронном виде. Этот постепенный переход, произошедший за два десятилетия, позволил не только оценить эффективность использования новых технологий и методов, но и проанализировать риски, связанные с обеспечением надлежащего уровня защиты для конфиденциальных сведений.

Внедрение цифровой инфраструктуры в различных отраслях привело к тому, что область информационной безопасности на данный момент является одной из ключевых в системе национальной безопасности Российской Федерации.

Особое внимание в последние годы уделено КИИ, которая является одним из важных элементов функционирования общества и его стабильного развития. Вместе с тем ускоренный технологический прогресс и внедрение его результатов на наиболее важных объектах инфраструктуры не всегда позволяют принять достаточные меры по их защите от внешних и внутренних угроз, что неизбежно приводит к киберинцидентам.

На монографическом уровне проблемы расследования неправомерного воздействия на КИИ до настоящего времени не рассматривались. Отдельные вопросы, касающиеся квалификации преступления [1, с. 211; 2, с. 89], предупреждения [3, с. 176], криминалистической характеристики [4, с. 52], следственных ситуаций на первоначальном этапе расследования [5, с. 257], освещались в научных статьях.

В диссертационном исследовании Малыгина И.И. (2023) были рассмотрены вопросы законодательного определения и уголовно-правовые аспекты квалификации неправомерного воздействия на КИИ. Однако задачи, связанные с криминалистическим исследованием данного преступления, и методика расследования в указанной работе не были предметом изучения.

Целью настоящего исследования является анализ проблем, возникающих в ходе расследования преступлений, связанных с неправомерным воздействием на КИИ.

Задачи исследования включают в себя анализ компьютерных инцидентов, направленных на КИИ, которые повлекли значительный ущерб, нормативно-правовых актов, касающихся КИИ, и их работу, а также эмпирических материалов, связанных с расследованием неправомерного воздействия на КИИ.

Методы исследования включают формально-логический и сравнительно-правовой анализ федеральных законов и нормативно-правовых актов, статистический метод для оценки динамики преступлений, совершённых в сфере компьютерной информации.

Зарубежный опыт. Инциденты, вследствие которых объекты КИИ подверглись неправомерному воздействию, за последние годы встречались достаточно часто, и организации, не способные обеспечить надлежащую защиту, столкнулись с серьёзными последствиями не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом.

Так, например, в декабре 2019 г. произошла кибератака на информационную систему правительства штата в Луизиане (США), в результате которой в городе было введено чрезвычайное положение. Техника местных служб оказалась заражённой вредоносной компьютерной программой. С целью предотвращения распространения компьютерного вируса по всей сети городских служб были приняты экстренные меры по отключению местных компьютеров и серверов, в том числе Центра по борьбе с преступностью в реальном времени. При этом никаких запросов со стороны преступников с требованиями о выкупе или выполнения других условий не поступало. По данным представителей местного самоуправления преступникам не удалось похитить конфиденциальные данные, содержащиеся на заражённых компьютерах, которые, скорее всего, изначально были их целью[1].

В марте 2019 г. норвежская металлургическая и нефтегазовая компания Hydro, занимающая третье место в мире по производству алюминия, подверглась компьютерной атаке посредством вредоносной программы типа «шифровальщик» LockerGoda[2]. В результате часть производственных систем была заблокирована, что привело к временной остановке технологического процесса. Вместо выплаты преступникам выкупа, который они потребовали за расшифровку данных, компания оперативно среагировала на данный инцидент и предприняла необходимые меры по ликвидации проблем и минимизации последствий: перевела в ручной режим технологический процесс на заражённых

[1] В Новом Орлеане из-за кибератаки ввели режим чрезвычайной ситуации [Электронный ресурс] // Официальный сайт государственного информационного агентства «ТАСС». URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7347757 (дата обращения: 02.02.2026).

[2] Промышленный гигант Hydro атакован шифровальщиком [Электронный ресурс] // Официальный сайт международной компании «Лаборатория Касперский». URL: https://www.kaspersky.ru/blog/hydro-attacked-by-ransomware/22421/ (дата обращения: 02.02.2026).

вирусом заводах, изолировала от корпоративной сети блоки, подвергнувшиеся атаке вируса, и использовала резервные копии данных для восстановления зашифрованной информации. Таким образом, нельзя не отметить заметные сдвиги в сторону своевременного реагирования на компьютерные инциденты в частных компаниях.

В то время как последствия большинства компьютерных атак включают в основном материальные убытки и репутационные потери, встречаются и такие, которые могут нанести серьёзный вред здоровью граждан. Речь идет, например, о кибератаке на городскую систему очистки воды, произошедшей в феврале 2021 г. в американском городе Олдсмар. Преступник с помощью вредоносной программы получил удалённый доступ к системам очистки воды и изменил параметры концентрации гидроксида натрия в питьевой воде, что, по мнению экспертов, могло привести к отравлению и причинению вреда здоровью граждан. Жертвами данного преступления могли оказаться около 15 тысяч человек, однако сотрудник станции обратил внимание на превышение допустимых параметров и понизил уровень гидроксида натрия до допустимого. Сложно сказать, какие цели мог преследовать преступник, личность которого правоохранительным органам не удалось установить, тем не менее, последствия от его действий могли нанести серьёзный вред здоровью граждан[3].

Компьютерные атаки на медицинские учреждения уже имеют случаи летального исхода для пациентов. Так, в сентябре 2020 г. из-за блокировки серверов университетской клиники Дюссельдорфского университета пришлось отложить операции и лечение больных, вследствие чего одна из пациенток умерла[4].

С учётом актуальности проблемы защиты КИИ на международной арене отечественные авторы отмечают необходимость скоординированных и объединённых усилий мирового сообщества по устранению киберугроз, для чего потребовалась выработка общих международных стандартов, отличающихся универсальностью для всех стран мира [6, с. 49].

Для достижения указанных целей по инициативе Российской Федерации была разработана Конвенция против киберпреступности, являющаяся первым универсальным договором, предусматривающим укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, одобренная Организацией Объединенных Наций. Проект резолюции принятого документа подчёркивает особую важность борьбы с указанным видом преступлений, поскольку они зачастую связаны с отмыванием денег, террористическими и экстремистскими актами, неправомерным использованием криптовалют, коррупцией, торговлей людьми, незаконным изготовлением и оборотом оружия, наркотических и психотропных веществ и пр. [7, с. 118].

---

[3] Во Флориде хакер попытался добавить едкое вещество в систему водоочистки [Электронный ресурс] // Официальный сайт ежедневной деловой газеты «РБК». URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60224bff9a79475bebacb2c6 (дата обращения: 02.02.2026).

[4] В Дюссельдорфе пациентка умерла после хакерской атаки на клинику [Электронный ресурс] // Официальный сайт государственного информационного агентства «ТАСС». URL: https://tass.ru/obschestvo/9482283 (дата обращения: 02.02.2026).

Отечественный опыт. Одновременно с этим, внешнеполитическая ситуация является дополнительным фактором, осложняющим защиту КИИ. Начальник управления развития информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи при Администрации Президента Российской Федерации (далее – РФ) Т. Матвеева отмечает, что с момента начала российской спецоперации в Украине кибератакам подверглось около 90 % российских ведомств и структур; мощность DDoS-атак возросла практически в 20 раз; в кибернападениях участвовало более 0,5 млн человек. Целями атак стали сайты медиаресурсов, госведомств, системы госуправления, банки и ритейлеры, а также компании и предприятия с государственным участием из авиационно-космической и электроэнергетической отраслей. Кибератакам подверглись 90 % инфраструктуры госсектора РФ[5].

Нами были рассмотрены наиболее известные случаи неправомерного воздействия, совершенные в отношении зарубежных объектов КИИ, однако в последние годы и отечественная КИИ всё чаще подвергается компьютерным атакам.

Так, в октябре 2024 г. государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»), а также официальный сайт Федеральных арбитражных судов РФ стали объектом неправомерного воздействия со стороны неустановленных лиц. Указанные информационные системы были недоступны для пользователей в течение нескольких дней[6].

В апреле 2024 г. компьютерной атаке подверглась Единая автоматизированная информационная система Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее – ФТС РФ), функционирование которой было приостановлено. Следствием этого стал временный переход сотрудников ФТС РФ на бумажные носители, что существенно замедлило процессы оформления необходимых документов для пересечения границы участниками внешнеторговой деятельности[7].

Значительные неблагоприятные последствия наступили и в результате сбоя в информационной системе компании «Аэрофлот», произошедшего в июле 2025 г. Данная компьютерная атака стала причиной задержки и отмены более чем 100 рейсов авиакомпании по всей России[8].

---

[5] Кибератакам подверглось 90 % инфраструктуры госсектора РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационного агентства «Интерфакс». URL: https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/kiberatakam-podverglos-90-infrastruktury-gossektora-rf-nachalnik-upravleniya-ap (дата обращения: 02.02.2026).

[6] Хакеры атаковали правительственный сервис ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс] // Официальный сайт российского общественно-политического интернет-издания «Газета.ру». URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/10/07/24097453.shtml?updated (дата обращения: 02.02.2026).

[7] Хакеры обрушили электронную систему ФТС [Электронный ресурс] // Официальный сайт российской ежедневной деловой газеты «Ведомости». URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/04/11/970397-hakeri-obrushili-elektronnuyu-sistemu-fts?from=copy_text (дата обращения: 02.02.2026).

[8] В «Аэрофлоте» остановлены полеты. Хакеры заявили об уничтожении ИТ-инфраструктуры авиакомпании [Электронный ресурс] // Официальный сайт российского издания «CNews». URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-07-28_hakery_vzyali_na_sebya_otvetstvennost (дата обращения: 02.02.2026).

Данные примеры свидетельствуют о необходимости выработки системных решений для сотрудников объектов КИИ в области информационной безопасности. Создание алгоритмов действий и инструкций при возникновении компьютерных инцидентов, ознакомление и следование им может минимизировать последствия компьютерных атак.

Принимая во внимание современные тенденции, законодатель дополняет уголовное законодательство специальной уголовно-правовой нормой, а именно ст. 274.1 УК РФ, которая введена Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ[9]. Данная статья относится к преступлениям в сфере компьютерной информации и предусматривает ответственность за неправомерное воздействие на объекты КИИ.

Обеспечение безопасности КИИ затрагивает и ряд других нормативно-правовых актов, среди которых основным является Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры»[10], дающий определения основополагающим терминам, закрепляющий принципы обеспечения безопасности КИИ, разъясняющий основные направления деятельности в сфере безопасности КИИ и полномочия конкретных государственных органов. Подчёркивает значимость рассматриваемого вопроса его упоминание в Стратегии национальной безопасности (далее – Стратегия), утверждённой Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400[11], где отмечено, что выведение из строя объектов КИИ является одной из задач специальных служб иностранных государств наряду с разведывательной и иной деятельностью в российском информационной пространстве. Вместе с тем, в отдельную задачу выделено предотвращение деструктивного информационно-технического воздействия на российские информационные ресурсы, включая объекты КИИ.

Помимо этого, в соответствии с задачами Стратегии, закрепляющими обеспечение приоритетного использования в информационной инфраструктуре РФ российских информационных технологий и оборудования, в Указе Президента РФ от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[12] законодательно установлено, что субъектам КИИ запрещается использовать иностранное программное обеспечение на

---

[9] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2026).

[10] О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2026).

[11] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2026).

[12] О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2026).

принадлежащих им значимых объектах КИИ, что должно снизить возможности неправомерного воздействия на КИИ.

Большинство подзаконных нормативно-правовых актов, касающихся КИИ, являются приказами Федеральной службы по техническому и экспортному контролю Российской Федерации (далее – ФСТЭК России). К ним относятся: приказ ФСТЭК России от 6 декабря 2017 г. № 227 «Об утверждении Порядка ведения реестра значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[13], приказ ФСТЭК России от 21 декабря 2017 г. № 235 «Об утверждении Требований к созданию систем безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования»[14], приказ ФСТЭК России от 25 декабря 2017 г. № 239 «Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[15]. Для соблюдения соответствующего уровня информационной безопасности на рассматриваемых объектах законодатель вводит новые и обновляет старые требования к защите информационных систем КИИ.

Устанавливая таким образом конкретные правила и требования обеспечения безопасности объектов КИИ, государственные органы стремятся к полной правовой регламентации данного вопроса.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о положительных тенденциях в российском законодательстве, направленных на регулирование как сферы КИИ в целом, так и её информационной безопасности в частности.

Однако, несмотря на значительные улучшения в законодательной базе, согласно отчётам ФСТЭК России в рамках проведения проверочных мероприятий выявлено около 1400 нарушений обязательных требований обеспечения безопасности значимых объектов КИИ. Кроме того, 40 % указанных нарушений являются грубыми, т. е. могут привести к отклонению от устойчивого функционирования защищаемого объекта. Вместе с тем, отмечен крайне низкий показатель по осуществлению минимального базового уровня защиты от актуальных угроз безопасности – требования были соблюдены лишь у 13 % проверенных организаций. Ещё 40 % объектов КИИ имеют, по оценке экспертов, низкий уровень защиты, при котором не все базовые требования законодательства выполнены[16].

---

[13] Об утверждении Порядка ведения реестра значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: приказ ФСТЭК России от 06.12. 2017 № 227 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2026).

[14] Об утверждении Требований к созданию систем безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования: приказ ФСТЭК России от 21.12.2017 № 235 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2026).

[15] Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: приказ ФСТЭК России от 25.12.2017 № 239 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2026).

[16] Регулятор дал плохую оценку защищенности компаний России от кибератак [Электронный ресурс] // Официальный сайт российского новостного издания «News.ru». URL: https://news.ru/society/regulyator-dal-plohuyu-ocenku-zashishennosti-kompanij-rossii-ot-kiberatak (дата обращения: 02.02.2026).

Обеспечение полной безопасности КИИ является практически невыполнимой задачей, вследствие чего расследование неправомерного воздействия на КИИ является актуальной проблемой для правоохранительных органов в обозримом будущем.

На современном этапе, когда уголовно-правовая норма, закреплённая в статье 274.1 УК РФ, была введена законодателем относительно недавно и судебная практика находится на этапе формирования, расследование дополнительно осложнено спецификой самого преступления и предмета посягательства.

В первую очередь необходимо учитывать, что данное деяние относится к категории преступлений в сфере компьютерной информации, что само по себе предполагает использование специальных знаний и привлечение специалиста как в процессуальной, так и в непроцессуальной формах [8, с. 12]. Кроме того, предмет преступления, представляющий собой объект КИИ, также имеет характерные свойства, которые необходимо учитывать при проведении следственных действий.

Так, стоит принимать во внимание такие особенности объектов КИИ как замкнутость и изолированность информационной среды с целью предотвращения внешних воздействий, использование специального программного обеспечения, а главное – непрерывность технологических процессов, напрямую зависящих от объектов КИИ.

Необходимо отметить, что объекты КИИ могут иметь специфические особенности в соответствии со сферой их применения (здравоохранение, транспорт, связь и т. д.), исходя из этого, архитектура построения системы КИИ в корне различается с другими системами с учётом выполняемых задач.

Следующей проблемой, с которой правоохранительные органы сталкиваются при расследовании неправомерного воздействия на КИИ, является вариативность способов совершения данного преступления. В УК РФ законодатель выделяет три основные формы неправомерного воздействия, а именно:

– создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на КИИ (ч. 1 ст. 274.1 УК РФ);

– неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в КИИ (ч. 1 ст. 274.1 УК РФ);

– нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в КИИ (ч. 3 ст. 274.1 УК РФ).

Каждая из этих форм может быть осуществлена различными способами. При этом они могут совершаться как дистанционно, так и предполагать физическое воздействие на объекты КИИ. Более того, можно с уверенностью констатировать тот факт, что, как и в других преступлениях, использующих информационно-телекоммуникационные технологии, количество способов совершения данного преступления стремительно увеличивается [9, с. 103].

Несмотря на отсутствие официальной статистики по количеству зарегистрированных преступлений, квалифицируемых как неправомерное воздействие на КИИ, стоит отметить, что количество привлечённых к уголовной ответственности за указанное деяние составляет в 2022 г. – 54 человека, в 2023 – 79, 2024 – 77, что указывает на крайне низкие показатели раскрываемости данного состава преступления. По нашему мнению, это является следствием не только вышеупомянутых проблем, но и сложностями с обнаружением и задержанием преступников, которые осуществляют неправомерное воздействие на КИИ дистанционно, в том числе за пределами Российской Федерации. Кроме того, статистические показатели данного состава преступления на фоне общей статистики по другим преступлениям в сфере компьютерной информации, число которых за последние годы увеличилось в несколько раз, свидетельствуют о высокой латентности неправомерного воздействия на КИИ.

В целом новизна данного состава преступления в совокупности со его специфическими чертами, не позволяющими полностью экстраполировать ранее накопленный опыт по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации, приводит к острой необходимости создания методики расследования неправомерного воздействия на КИИ, учитывающей характерные черты данного преступления и предлагающей решение вышеуказанных проблем.

Заключение. Количество кибератак на критическую информационную инфраструктуру России увеличилось в четыре раза в 2025 г. Об этом сообщила пресс-служба Совета безопасности РФ после заседания межведомственной комиссии по информационной безопасности[17].

Субъекты критической информационной инфраструктуры из-за своей значимости и в дальнейшем будут подвержены компьютерным атакам, улучшение средств защиты приводит к появлению новых способов их преодоления.

По мнению автора, в законодательстве РФ в достаточной мере закреплены меры по защите КИИ и регламентирована уголовная ответственность за посягательство на объекты КИИ, что является положительной тенденцией. В то же время в правоприменительной практике возникают трудности с расследованием неправомерного воздействия на КИИ, что помимо проблем, связанных с применением специальных технических знаний, разнообразием способов совершения преступления и латентностью, является следствием отсутствия разработанной криминалистической методики для расследования данной категории преступлений. Отсутствуют рекомендации по организации и осуществлению расследования на первоначальном этапе, тактике производства отдельных следственных действий, проводимых на этапе раскрытия и расследования неправомерного воздействия на КИИ.

Изложенное позволяет заключить, что создание методики расследования неправомерного воздействия на КИИ является актуальной задачей для российской уголовно-правовой науки и правоприменительной практики.

---

[17] Число кибератак на информационную инфраструктуру России выросло в четыре раза [Электронный ресурс] // Официальный сайт российской ежедневной общественно-политической газеты «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/doc/8101273 (дата обращения: 02.02.2026).

Список источников

1. Мельникова Е.Ф., Родионов А.Д. Вопросы квалификации неправомерного доступа к объектам критической информационной инфраструктуры / Е.Ф. Мельникова, А.Д. Родионов // Юридическая наука и практика. – Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 3 (67). – С. 208–215.

2. Ефремова М.А. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации / М.А. Ефремова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 4 (50). – С. 86–92.

3. Витвицкая С.С., Исакова Ю.И., Кейдунова Е.Р. Противодействие неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации / С.С. Витвицкая, Ю.И. Исакова, Е.Р. Кейдунова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2023. – № 3. – С. 173–181.

4. Голубев Ф.А. Криминалистическая характеристика расследования неправомерного воздействия на критическую информационную структуру Российской Федерации / Ф.А. Голубев // Право и политика. – 2020. – № 10. – С. 50–59.

5. Степаненко Д.А., Гармышев Я.В. Типовая ситуационно-версионная характеристика первоначального этапа расследования неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру: уголовно-правовые и криминалистические аспекты / Д.А. Степаненко, Я.В. Гармышев // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 254–262.

6. Нугаева Э.Д., Чаплыгина В.Н. Опыт международных проектов в сфере борьбы с киберпреступлениями / Э.Д. Нугаева, В.Н. Чаплыгина // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Орел, 12–13 октября 2023 г.: в 2 ч. / отв. ред. К.В. Муравьев. – Орел: Орловский ЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2023. – Ч. 2. – С. 45–50.

7. Харисова З.И. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / З.И. Харисова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 2 (108). – С. 116–126.

8. Грамович Г.И. Тактика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие / Г.И. Грамович. – Минск: МВШ МВД СССР, 1987. – 144 с.

9. Батоев В.Б. Преступления, совершаемые с использованием или применением информационно-телекоммуникационных технологий: способы их совершения и количественные характеристики / В.Б. Батоев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 3 (38). – С. 101–112.

References

1. Melnikova E.F., Rodionov A.D. Issues of Qualification of Unauthorized Access to Critical Infrastructure Facitities. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny*

Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, no. 3 (67), pp. 208–215. (In Russian).

2. Efremova M.A. Criminal Liability for Unlawful Impact on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4 (50), pp. 86–92. (In Russian).

3. Vitvitskaya S.S., Isakova Yu.I., Keydunova E.R. Countering Unlawful Influence on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation. *Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century*, 2023, no. 3, pp. 173–181. (In Russian).

4. Golubev F.A. Criminalistic Characteristic of Investigation of Undue Influence upon Critical Information Structure of the Russian Federation. *Law and Politics*, 2020, no. 10, pp. 50–59. (In Russian).

5. Stepanenko D.A., Garmyshev Ya.V. Typical Situational-Version Features of the Initial Stage of Investigating Unlawful Impact on Critical Information Infrastructure: Criminal Law and Criminalistic Aspects. *Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 3, pp. 254–262. (In Russian).

6. Nugaeva E.D., Chaplygina V.N. Experience of International Projects in the Field of Combating Cybercrimes. *Modern Criminal Procedure – Law Lessons of History and Problems of Further Reforming. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference, Orel, October 12–13, 2023*. Orel, Lukyanov Orel Law Institute of the Interior of Russia, 2023, pp. 45–50. (In Russian).

7. Kharisova Z.I. Problems and Ways to Improve the Collection of Digital Evidence in Cybercrimes Investigation. *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2025, no. 2 (108), pp. 116–126. (In Russian).

8. Gramovich G.I. Tactics of Using Specialized Knowledge in Detection and Investigation of Crimes: Textbook. Minsk, Minsk Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1987. 144 p. (In Russian).

9. Batoev V.B. Offences Committed through the Use or Application of Information and Telecommunication Technologies: Methods of Their Commission and Quantitative Characteristics. *Legal Order: History, Theory, Practice*, 2023, no. 3 (38), pp. 10–112. (In Russian).

Информация об авторе

Аглетдинова Диана Ильдаровна – *адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России*

Information about the Author

Agletdinova Diana Ildarovna – *adjunct of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Статья поступила в редакцию 15.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 17.08.2026 г.; принята к публикации 17.08.2026.

The article was submitted 15.05.2026; approved after reviewing 17.08.2026; accepted for publication 17.08.2026.

Научная статья
УДК 343.140.02
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.9

Баянов Александр Иванович
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,
bayanov1603@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0297-213X

Семеновский Андрей Игоревич
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,
ai.semenovsky97@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2763-6773

ПРАВДИВЫЕ И ДОСТОВЕРНЫЕ ПОКАЗАНИЯ – ЦЕЛЕВЫЕ УСТАНОВКИ ДОПРОСА И ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Аннотация. Цель относится к основополагающим правовым понятиям, регламентирующим производство следственного действия. Для ряда следственных действий: осмотр, следственный эксперимент, обыск, проверка показаний на месте – понятие цели включено в тексты соответствующих статей УПК РФ. Цель допроса не имеет правового закрепления в текстах статей закона, регулирующих общие правила и порядок допроса. Существующее положение следует считать нелогичным, т. к. цель определяет результат, на достижение которого направлено следственное действие. Отсутствие в УПК РФ понятия цели допроса восполняется рекомендациями, содержащимися в юридических источниках. Предлагаются различные варианты понятия «цель допроса», среди которых особое внимание обращается на получение правдивых и достоверных показаний. Цель настоящего исследования заключается в детальном рассмотрении содержания приведенных выше понятий с учётом двух уровней доказывания по уголовному делу – эмпирического (информационного) и логического. В качестве основного метода познания использован метод сравнительного исследования содержания понятий «правдивые», «достоверные» показания между собой и между противоположными им по содержанию понятиями – «ложные», «недостоверные» показания. В процессе исследования выделены основные их существенные признаки. Полученные результаты дают возможность сделать вывод о том, что общей для всех допросов целью следует считать правдивые и полные показания, которую можно закрепить в тексте статьи 189 УПК РФ, устанавливающей общие правила допроса. Что касается достоверных показаний, то они являются результатом процесса доказывания по уголовному делу и не могут считаться целью допроса.

Ключевые слова: допрос, цель допроса, правдивые показания, достоверные показания

© Баянов А.И., 2026
© Семеновский А.И., 2026

Для цитирования: Баянов А.И., Семеновский А.И. Правдивые и достоверные показания – целевые установки допроса и процесса доказывания по уголовному делу / А.И. Баянов, А.И. Семеновский. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.9 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 117–131.

Original article

Bayanov Aleksandr Ivanovich
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
bayanov1603@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0297-213X

Semenovskii Andrei Igorevich
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
ai.semenovsky97@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2763-6773

TRUTHFUL AND RELIABLE TESTIMONY – THE INTERROGATION GOALS AND THE EVIDENTIARY PROCESS IN A CRIMINAL CASE

Abstract. Purpose is a fundamental legal concept regulating investigative actions. For several investigative actions: inspection, investigative experiment, search, and on-site verification of testimony – the purpose concept is included in the relevant articles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The purpose of interrogation is not legally regulated in the articles of the law governing the general rules and procedures for interrogation. This situation should be considered illogical, since the purpose determines the result that the investigative action is intended to achieve. The absence of the purpose concept of the interrogation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is compensated by the recommendations contained in legal sources. Various interpretations of the concept of "interrogation purpose" are proposed, among which special attention is paid to obtaining truthful and reliable testimony. The purpose of this research is to examine in detail the content of the above concepts taking into account the two levels of proof in a criminal case: empirical (informational) and logical. The main method of our research is the method of comparative study of the concepts' content "truthful", "reliable" testimony and they are opposed to the opposite concepts such as "false", "unreliable" testimony. In the course of the research, their main essential features are identified. The obtained results make it possible to conclude that the common purpose of all interrogations should be considered truthful and complete testimony, which can be fixed in the text of Article 189 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, establishing the general rules of interrogation. As for reliable testimony, it is the result of the process of proof in a criminal case and cannot be considered the purpose of interrogation.

Keywords: interrogation, interrogation purpose, truthful testimony, reliable testimony

For citation: Bayanov A.I., Semenovskii A.I. Truthful and Reliable Testimony – the Interrogation Goals and the Evidentiary Process in a Criminal Case. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2026, no. 3, pp. 117–131. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.9

Введение. Цель относится к понятиям, которые используются законодателем для правового регулирования следственных действий, определяя их конечный результат.

Для отдельных следственных действий: осмотр (статья 176 УПК РФ); следственный эксперимент (статья 181 УПК РФ); обыск (статья 182 УПК РФ); личный обыск (статья 184 УПК РФ); проверка показаний на месте (статья 194 УПК РФ) – законодатель закрепил цель в текстах соответствующих статей УПК РФ. К сожалению, тексты статей УПК РФ, регулирующие порядок и общие правила проведения допроса, не содержат указания на общую для всех допросов цель следственного действия.

Отсутствие в УПК РФ указания на общую для всех видов допроса цель в некоторой степени восполняется наличием в текстах отдельных статей кодекса понятий, которые косвенно могут быть использованы для раскрытия её содержания и для терминологического обозначения. К числу таких понятий можно отнести понятия «правда» (часть 2 статьи 191 УПК РФ), «правдивые показания» (часть 5 статьи 280 УПК РФ), «правдивость сведений, сообщённых обвиняемым» (часть 2 статьи 317.5 УПК РФ).

Описание цели допроса встречается в литературных источниках. Для её обозначения используются различные понятия: «правдивые показания», «полные показания», «достоверные показания», «объективные показания» и т. д. При этом отдельные авторы используют различные сочетания указанных выше понятий. Приведём некоторые из них: «объективные, полные, достоверные показания» [1, с. 653]; «правдивые и полные показания» [2, с. 7]; «правильные, соответствующие действительности показания» [3, с. 179]; «полные, детальные и объективные показания» [4, с. 406]. Встречаются и другие варианты описания цели допроса.

Анализ приведённых точек зрения приводит к выводу о том, что для обозначения цели допроса в большинстве случаев используются два основных понятия. Это «правдивые» и «достоверные» показания, которые по своей сущности являются различными уровнями оценки показаний в процессе доказывания по уголовному делу и не должны рассматриваться в качестве совпадающих.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе описания общей цели допроса, наряду с имеющимся описанием целей других следственных действий, представляется нелогичным положением. Оно не способствует единому правовому представлению о конечном результате, на получение которого должен быть направлен допрос. Кроме того, отсутствие правовой установки, опреде-

ляющей цель допроса, при наличии разных точек зрения на её содержание не только дезориентирует правоприменительную практику, но и может приводить к появлению следственных и судебных ошибок, а также к нарушению прав и законных интересов допрашиваемых лиц.

В данном случае уместным будет привести справедливое мнение С.А. Шейфера, который указывал на то обстоятельство, что «отсутствие ясного представления о цели следственного действия может привести к необоснованному его проведению, само следственное действие окажется неэффективным, а его результат – недопустимым доказательством» [5, с. 189]. Данное замечание в полной мере относится и к допросу.

В связи с изложенным попытка обоснования общей правовой цели допроса на основе анализа законодательства и существующих точек зрения представляется необходимой задачей, направленной, в том числе, и на уточнение текущего законодательства.

Для решения обозначенной задачи будет применён метод сравнительного исследования, в процессе которого общая цель допроса рассматривается в сравнении с целью доказывания по уголовному делу, которая заключается в достоверном установлении обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Достоверному установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, в значительной степени способствуют показания потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, экспертов и специалистов. Показания указанных субъектов в современном уголовном судопроизводстве России охватывают значительную часть доказываемых по уголовному делу обстоятельств.

Диалектика ложных и правдивых показаний в уголовном судопроизводстве. Наличие в законодательстве, теории и практике допроса понятий «ложные показания», «заведомо ложные показания», «правдивые показания (правда)», «достоверные показания» предполагает определение их содержания и отношения между собой. Для решения указанной задачи сначала следует рассмотреть содержание и отношение понятий «заведомо ложные», «ложные показания» и «правдивые показания», а затем сравнить правдивые показания с достоверными.

В основании словосочетаний «заведомо ложные», «ложные показания» и «правдивые показания», находятся два общих понятия – «ложь» и «правда». С точки зрения логики ложь и правда относятся к противоположным и несовместимым понятиям [6, с. 37]. Существенным признаком, который служит основанием их разделения, следует считать наличие или отсутствие умысла, направленного на изменение (искажение) содержания информации, передаваемой в процессе вербального взаимодействия между участниками следственного действия, в том числе и в процессе допроса.

Ложь – это всегда осознанный выбор, а не случайность [7, с. 22]. Солгать можно только одним способом – вербальным, т. е. с помощью устной или письменной речи [8, с. 120]. Российский законодатель для описания факта умышленного искажения информации в процессе дачи показаний использует

несколько понятий: «ложные показания» (статья 309 УК РФ); «ложные данные» (примечания к статье 307 УК РФ); «ложные сведения» (часть 5 статьи 164 УПК РФ); «заведомо ложные показания» (статья 307 УПК РФ). Использование в законодательстве разных понятий может быть результатом редакционной стилистики текста отдельных статей при описании одного явления или обозначения различных по сущности процессов. С учётом общенаучного подхода к понятию «ложь» нам представляется, что все указанные выше понятия отражают одно и то же явление, которое не требует различные варианты его описания. Особенно данное замечание касается наиболее часто используемых понятий «ложные показания» и «заведомо ложные показания». Заведомость как дополнительная характеристика «ложных показаний» не меняет их сущности, т. к. ложные и заведомо ложные показания являются умышленным и осознанным со стороны допрашиваемого лица вербальным действием. Недаром в русском языке слова «ведать» и «знать» рассматриваются в качестве синонимов [9, с. 174]. Между тем в юридической литературе существует точка зрения о необходимости разделения ложных и заведомо ложных показаний, при этом ложные показания без цели оказания противодействия расследованию преступления предлагается рассматривать как не влекущие уголовную ответственность [10, с. 23–26].

С указанной точкой зрения согласиться нельзя. Ложь в процессе допроса может использоваться для достижения различных целей: желание избежать уголовной ответственности; сокрытие компрометирующих допрашиваемое лицо фактов; самооговор; оговор иных лиц; страх перед иными лицами за дачу правдивых показаний и т. п.

Каждая из целей, преследуемая допрашиваемым лицом, в той или иной степени может рассматриваться в качестве противодействия расследованию преступления, т. к. она направлена на умышленное изменение передаваемой информации. Кроме того, уголовная ответственность за дачу заведомо ложных показаний предусматривает только одно основание для освобождения от уголовной ответственности – добровольное, сделанное до вынесения приговора суда заявление потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста о ложности данных ими показаний (примечание к статье 307 УК РФ). Других оснований не предусмотрено. Ложь в процессе дачи показаний не может быть оправдана целью, которую преследует допрашиваемое лицо, в том числе предупреждённое об уголовной ответственности за подобное действие.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что понятие «заведомо» как дополнительная характеристика ложных показаний впервые в отечественном уголовном законодательстве было использовано в текстах статей первых советских уголовных кодексов (статья 90 УК РСФСР 1922 г., статья 95 УК РСФСР 1926 г.). До принятия советских уголовных кодексов в отечественном законодательстве термин «заведомо» не использовался. В статьях 942, 943 и 944 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ответственность устанавливалась за ложные показания. В обязанность председателю суда вменялось

напомнить свидетелям об уголовной ответственности за ложные показания (статья 716 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.).

Введение дополнительного слова «заведомо» к ранее существовавшему понятию «ложные показания», как нам представляется, было обусловлено необходимостью разделения ложных показаний, связанных с умышленным изменением информации, и показаний, которые не подвергаются умышленному изменению.

Любые показания всегда основываются на источнике их происхождения. Первичным источником показаний является ранее воспринятая допрашиваемым лицом объективная действительность (происшедшее событие, имеющее признаки преступления; следовая картина происшедшего события и т. д.). В результате восприятия действительности в целом или отдельных её фрагментов в сознании допрашиваемого лица формируется вторичный источник, на основании которого даются показания (идеальный информационный образ действительности). Первичный источник следует считать объективным, т. к. он реально существовал или существует и является частью действительности. Вторичный источник показаний имеет субъективную природу. Он находится в сознании конкретного допрашиваемого лица. Формирование идеального информационного образа в сознании допрашиваемого лица зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов, которые влияют на восприятие, запоминание и воспроизведение информации человеком. Эти обстоятельства могут приводить к построению адекватного образа воспринятого или крайне негативно влиять на его соответствие действительности.

Ко времени допроса первичный источник показаний (происшедшее событие), как правило, прекращает существование, за исключением материальной обстановки, отдельных предметов и следов, которые также подвергаются изменению. В памяти допрашиваемого лица сохраняется идеальный информационный образ, который относится к идеальной части следовой картины. Наличие данного образа в памяти лица является фактическим основанием для его допроса. Информационный образ, сохранившийся в памяти допрашиваемого лица к началу допроса, следует рассматривать в качестве непосредственного источника показаний.

Допрашиваемое лицо в процессе допроса должно сообщать только такую информацию, которая находится в его памяти, как по объёму, так и по содержанию. Соответственно, она должна относиться к воспринятой ранее действительности. Умышленное отклонение от данного требования для потерпевшего, свидетеля, а также для лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, приводит к негативным юридическим последствиям. Кроме этого, показания потерпевшего, свидетеля, не основанные на информации, находящейся в их памяти после восприятия отражённой действительности, в основании которых лежат догадки, предположения, слухи и т. д., признаются недопустимыми доказательствами (пункт 2 части 2 статьи 75 УПК РФ). Последнее обстоятельство объясняется тем, что такие показания выходят за рамки воспринятой действительности.

Показания, в которых отсутствуют изменения содержания информации, свидетельствуют об их правдивости. При этом правдивые показания могут не соответствовать первичному источнику информации (действительности). Причины несоответствия могут быть объективными и субъективными. Объективные причины связаны с внешними условиями, в которых происходило восприятие действительности (погодные, дистанционные, временные и т. п.). Субъективные причины характеризуются внутренними установками, состоянием органов чувств, наличием отклонений в психике и т. д. допрашиваемого лица. В совокупности они существенным образом влияют на адекватность информационного образа воспринятой действительности. Однако при отсутствии умышленных действий, направленных на изменение содержания передаваемой информации, такие показания должны признаваться правдивыми независимо от факта неблагоприятного влияния обозначенных причин на процесс формирования показаний. Для обозначения указанной ситуации в юридической литературе используется понятие «добросовестное заблуждение допрашиваемого лица» [2, с. 256; 11, с. 46–47].

Таким образом, правдивые показания предполагают адекватное соответствие их содержания той информации, которая находится в памяти допрашиваемого лица, а не адекватность с воспринятой ранее действительностью. Наличие или отсутствие адекватности показаний ранее воспринятой действительности не является признаком их правдивости. Воспринятая ранее действительность и образ этой действительности в сознании допрашиваемого лица – различные объекты. Кроме правдивости показаний, они должны быть еще и полными, т. е. соответствовать объёму информации, которая находится в сознании допрашиваемого лица ко времени производства допроса.

Полные и правдивые показания являются необходимым основанием для законного и справедливого разрешения уголовного дела, а также средством обеспечения назначения уголовного судопроизводства. Дача таких показаний поощряется законодателем, а в противном случае влечёт за собой наступление негативных правовых последствий. Поэтому полные и правдивые показания могут обоснованно рассматриваться в качестве цели допроса. Цель любого следственного действия, в том числе и допроса, должна быть реальной и обеспечиваться наличием необходимых правовых установок, положений и действенных средств её достижения. Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ регламентируют положения, которые создают основания для получения от допрашиваемых лиц полных и правдивых показаний. Указанные положения содержатся в статьях 61, 302, 306, 307, 308, 309 УК РФ, а также в статьях 164, 189, 190, 191 УПК РФ. Кроме правовых положений, направленных на получение полных и правдивых показаний, следует обратить внимание на криминалистические рекомендации. Предотвращение лжи, создание условий для её выявления и для побуждения лица к даче правдивых показаний является стратегической криминалистической задачей допроса, для решения которой рекомендуется более 25 различных тактических приемов [12, с. 132–134]. Существующие право-

вые процессуальные установки, положения и криминалистические рекомендации обеспечивают реальность достижения указанной цели допроса.

Однако в теории допроса, кроме цели получения полных и правдивых показаний, существует точка зрения о возможном получении в процессе допроса достоверных показаний [1, с. 653; 13, с. 81]. С указанной точкой зрения нельзя согласиться. Она не соответствует существующим правовым установкам и не учитывает операционные возможности допроса в процессе доказывания по уголовным делам. Цель допроса как следственного действия нельзя рассматривать в отрыве от уровней доказывания по уголовному делу. Каждому уровню доказывания соответствует реально достижимый результат, который должен рассматриваться в виде его цели. В теории доказывания выделяют два уровня – эмпирический (информационный) и логический (рациональный) [14, с. 202–203; 15, с. 74]. Указанным уровням доказывания соответствуют положения двух статей УПК РФ. Так, статья 86 УПК РФ регламентирует порядок собирания доказательств, который реализуется посредством производства следственных действий и соответствует эмпирическому уровню доказывания. В статье 87 УПК РФ раскрывается порядок проверки доказательств, полученных в процессе производства следственных и иных процессуальных действий, который соответствует логическому уровню доказывания.

Эмпирический уровень доказывания характеризуется непосредственным, чувственным взаимодействием (контактом) следователя, дознавателя с источником доказательственной информации (допрашиваемое лицо, место происшествия, отдельные вещи, предметы и т. п.). В процессе допроса происходит взаимный обмен информацией между его участниками. Следователь, дознаватель воспринимают словесную информацию, исходящую от допрашиваемого лица, наблюдают за его состоянием, поведением, сопоставляют и анализируют содержание получаемых показаний с доказательствами и иной информацией, собранной по уголовному делу. Указанные действия направлены на проверку способности допрашиваемого лица давать показания, адекватные содержанию информации, находящейся в его памяти, на отсутствие у допрашиваемого лица умышленной установки на её изменение. В процессе дачи показаний прежде всего проверяется качество носителя и источников фактических данных [14, с. 303]. В.Я. Кодин, раскрывая сущность эмпирического (информационного) уровня доказывания, обращает внимание на его информационно-аналитический характер, предполагающий исследование полученных фактических данных без отрыва от их непосредственных информационных источников [15, с. 79]. В процессе анализа полученные показания сопоставляются с особенностями личности допрашиваемого лица, его процессуальным положением, возможными установками и т. п. для решения вопроса о том, следует ли признать полученные показания полными и правдивыми. При отсутствии данных, ставящих под сомнение полноту и правдивость показаний, они признаются таковыми. Таким образом достигается цель допроса как отдельного следственного действия и элемента процесса собирания и доказательств.

Диалектика правдивых и достоверных показаний в уголовном судопроизводстве. Процесс доказывания по уголовному делу не заключается только в собирании исходных (информационных) доказательств, к которым относятся показания. Полученные показания подлежат проверке на предмет их соответствия не только информации, находящейся в памяти допрашиваемого лица, но и на соответствие той действительности, которая была объектом его восприятия. В результате проверки полученные полные и правдивые показания признаются достоверными в тех случаях, когда они адекватно соответствуют действительности, или недостоверными, если такое соответствие не установлено. Достоверность доказательств, по мнению А.С. Барабаша, можно установить только при проверке соответствия их действительности [16, с. 122]. Для установления достоверности показаний используются логические приёмы мышления (анализ, синтез, сравнение, систематизация, мысленное моделирование и т. д.). Они не относятся к приёмам производства допроса. Такие приёмы не направлены на получение (истребование) показаний. Их применение указывает на доказанность тех обстоятельств, фактические данные о которых находятся в исходных доказательствах, собранных в процессе производства следственных действий, или получаются доказательства, указывающие на наличие обстоятельств происшедшего события, фактические данные о которых прямо не содержатся в итоговых результатах следственных или иных процессуальных действий (доказательственные факты). Использование логических средств для обеспечения доказанности обстоятельств действительности или для получения новых фактов, которые прямо не содержатся в исходных доказательствах, характерно для второго уровня доказывания (логического). Для каждого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, информация о котором содержится в показаниях, формируется частная система, состоящая из совокупности доказательств, содержащихся в материалах уголовного дела. При наличии в частной системе достаточной совокупности доказательств, однозначно указывающих на наличие в происшедшем событии определённых обстоятельств, показания, полученные в процессе допроса и касающиеся исследуемого обстоятельства, признаются достоверными, т. е. соответствующими действительности. При наличии в показаниях доказательств, которые указывают на различные по содержанию обстоятельства, формируются как минимум две частные системы, обосновывающие разные варианты доказываемых обстоятельств.

Все частные системы доказательств, обосновывающие обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу, объединяются в общую систему доказательств в рамках такого дела. Полная система доказательств по делу должна включать в себя и систему противодоказательств [17, с. 94]. Таким образом обеспечивается всесторонность процесса доказывания, учитывающая все возможные варианты обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

На логическом уровне доказывания правдивые показания после их проверки могут быть признаны достоверными или недостоверными в случаях доб-

росовестного заблуждения допрашиваемого лица. Правдивость показаний не является основанием признания их достоверными. Нельзя также исключить ситуации, в которых показания, ранее считавшиеся ложными, могут быть признаны достоверными. Ложность показаний не приводит автоматически к их недостоверности. Прав в этом отношении А.С. Барабаш, который утверждает о том, что «говорить о правдивости показаний до вынесения приговора суда несколько преждевременно» [16, с. 117]. Достоверные показания в отличие от правдивых адекватно отражают ранее воспринятую допрашиваемым лицом действительность. Без наличия достоверных показаний не может быть законного и справедливого разрешения уголовного дела. Их необходимая совокупность в общем объёме доказательств служит основанием для принятия законных и обоснованных решений в российском уголовном судопроизводстве.

Таким образом, отношения между правдивыми и достоверными показаниями следует рассматривать с учётом уровня доказывания по уголовному делу. Каждому уровню доказывания соответствует своя целевая установка, указывающая на возможность достижения определённого результата. Подмена целей не способствует правильному разрешению уголовного дела и может привести к ошибкам и к нарушению прав и законных интересов допрашиваемых лиц. Так, например, при целевой установке, направленной на получение достоверных показаний, следователь будет сравнивать содержание показаний с доказательствами, находящимися в материалах уголовного дела. При этом без должного внимания может остаться информация, которая находится в памяти допрашиваемого лица. Установка на получение от допрашиваемого лица показаний, которые должны соответствовать уже собранным по делу доказательствам, может привести к ограничению свободы допрашиваемого лица в процессе дачи показаний, а в крайнем случае – к даче «правильных» показаний, которые не соответствуют содержанию информации, находящейся в памяти допрашиваемого лица. Наиболее опасна такого рода установка в процессе допроса потерпевшего, свидетеля, которые предупреждаются об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и могут неправильно оценить намерения допрашивающего лица.

Процесс перехода от правдивых к достоверным показаниям, несмотря на наличие формально установленных уголовно-процессуальных этапов (обвинительное заключение или акт, приговор суда), с познавательной точки зрения представляет процесс повышения уровня достоверности показаний со времени их получения до момента использования в качестве основания для принятия уголовно-правовых и уголовно-процессуальных решений. Как указывал А.А. Эйман: «Достоверность выводов представляет закономерный результат всего процесса доказывания, достоверность возникает не внезапно, а путём постепенного формирования конечного вывода за счёт накопления и упорядочения доказательственного материала» [17, с. 95]. В процессе допроса следователь, проводя оценку получаемых показаний, не может не строить предположения относительно возможной их достоверности, а также планировать по-

следующие действия, направленные на их проверку. Такого рода действия необходимы. Они закономерно отражают сущность версионного подхода к процессу доказывания, в котором вероятные знания соотносятся с достоверно установленными обстоятельствами. Постепенный переход от вероятностного (недостоверного) знания к достоверному в процессе доказывания по уголовному делу характерен также и для перехода от правдивых показаний к достоверным. Соотношение правдивых и достоверных показаний связано не только с уровнями доказывания по уголовному делу. Оно проявляется также на стадиях уголовного судопроизводства. Можно утверждать о следственной достоверности показаний, которые были использованы для предъявления обвинения, составления обвинительного заключения. Судебная достоверность показаний устанавливается приговором суда и является окончательной формой достоверности, подтверждающей их правдивость.

Таким образом, о достоверности показаний можно говорить с учётом динамики процесса доказывания, принимая во внимание отдельные его стадии, этапы и уровни. Достижение достоверных показаний следует рассматривать в качестве целевой установки процесса доказывания по уголовному делу. Что касается цели допроса как отдельного элемента процесса доказывания, то его познавательные возможности обеспечивают достижение полных и правдивых показаний.

Заключение. В уголовном судопроизводстве необходимо разделять цели допроса и цели процесса доказывания. Цель допроса заключается в получении полных и правдивых показаний, а целью процесса доказывания является установление достоверности показаний, в том числе и правдивых.

1. Правдивость и достоверность следует рассматривать как различные свойства показаний, которые в процессе доказывания соответствуют двум уровням доказывания – эмпирическому (информационному) и логическому (рациональному). Эмпирический уровень доказывания связан с собиранием доказательств и предполагает непосредственный контакт следователя с источником (допрашиваемый). На логическом уровне доказывания полученные в процессе допроса показания сравниваются с системой собранных по делу доказательств. В результате сравнения устанавливается их достоверность при наличии совпадения или недостоверность, если совпадение отсутствует.

2. Непосредственным источником показаний является информационный образ воспринятой допрашиваемым лицом действительности (происшедшее событие; следовая картина происшедшего события), находящийся в его сознании.

В процессе дачи показаний информация, составляющая содержание образа, может озвучиваться без её умышленного изменения или подвергаться умышленному изменению. В первом случае допрашиваемое лицо даёт правдивые показания, во втором – ложные.

3. Целью всех видов допросов следует рассматривать получение правдивых и полных показаний, т. к. они наряду с другими видами доказательств способствуют законному и справедливому разрешению уголовного дела. Наобо-

рот, ложные показания создают препятствия для достижения целей уголовного судопроизводства. Предотвращение и пресечение ложных показаний является задачей допроса, на решение которой направлены уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические предписания (уголовная ответственность, правила, порядок допроса и т. д.), уголовно-процессуальные действия и криминалистические приёмы. Совокупность предписаний, действий и приёмов обеспечивают реальную возможность получения правдивых и полных показаний. Документальным источником полных и правдивых показаний является протокол допроса и дополнительные средства фиксации показаний, оформленные в виде приложений к протоколу (плёнки, кассеты, карты памяти и т. д.).

4. Цель процесса доказывания по отношению к показаниям заключается в установлении их достоверности или недостоверности.

Достоверно установленные фактические данные, содержащиеся в показаниях допрашиваемого лица, должны адекватно соответствовать обстоятельствам происшедшего события или его последствиям (следовая картина происшедшего события), т. е. той реальной действительности, которая была объектом восприятия. Показания, которые не соответствуют адекватным обстоятельствам действительности, признаются недостоверными. Не каждые правдивые показания могут рассматриваться в качестве достоверных. Правдивые показания, данные по причине добросовестного заблуждения допрашиваемого лица, признаются недостоверными доказательствами, т. к. они даны на основании информационного образа, который по причине негативных обстоятельств, связанных с восприятием действительности, неадекватно отражает воспринятую ранее действительность. Нельзя исключать случаи, когда ложные показания могут быть признаны достоверными.

Достоверность или недостоверность правдивых показаний соответствует логическому уровню доказывания. Документальным источником достоверных показаний являются материалы уголовного дела.

5. Процесс перехода правдивых показаний в достоверные не является одномоментным действием. Получение правдивых показаний одновременно сопровождается процессом построения предположений (версий) об их возможной достоверности. Вероятность такого рода версий может быть различной с учётом совокупности уже собранных по уголовному делу доказательств ко времени проведения допроса.

Рамки допроса не дают возможности устанавливать достоверность или недостоверность показаний. Они позволяют только утверждать о степени вероятности правдивых показаний. Достоверность показаний, как и их недостоверность, устанавливается только в виде предположения после окончания предварительного расследования преступления. Такая достоверность может называться следственной. Итогом судебного следствия по уголовному делу является судебная достоверность, которая позволяет окончательно утверждать о правдивости или ложности показаний. Таким образом, переход правдивых показаний в разряд до-

стоверных носит динамический характер, проходит через отдельные стадии (досудебные, судебные) и уровни доказывания (эмпирический, логический).

В процессе доказывания по уголовному делу наряду с собиранием доказательств формируются системы доказательств, служащие основанием для достоверного установления отдельных обстоятельств происшедшего события, фактические данные о которых содержатся в показаниях.

6. Динамичность процесса доказывания по уголовному делу, в котором понятия «правдивые показания» и «достоверные показания» рассматриваются во взаимосвязи между собой до момента принятия окончательного процессуального решения, не исключает, а предполагает закрепление общей для всех видов допроса процессуальной цели в УПК РФ. С учётом проведённого исследования можно предложить законодателю дополнить текст статьи 189 УПК РФ, устанавливающей общие правила допроса, положением следующего содержания: «Допрос проводится в целях получения правдивых и полных показаний».

Список источников

1. Тактика следственных действий (осмотр места происшествия и допрос): научно-методическое пособие / под ред. А.И. Дворкина, Л.В. Бертовского. – М.: Экзамен, 2011. – 815 с.

2. Порубов Н.И., Порубов А.Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография / Н.И. Порубов, А.Н. Порубов. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 304 с.

3. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: научно-методическое пособие / О.Я. Баев. – М.: Экзамен, 2003. – 432 с.

4. Центров Е.Е. Руководство по следственной тактике: монография / Е.Е. Центров. – М.: Норма, 2024. – 576 с.

5. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2010. – 240 с.

6. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. – М.: Высш. школа, 1982. – 262 с.

7. Уолтерс С.Б. Правда про ложь / С.Б. Уолтерс; пер. с англ. Т. Новиковой. – М.: Эксмо, 2010. – 268 с.

8. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2014. – 576 с.

9. Словарь синонимов: справочное пособие / отв. ред. А.П. Евгеньева. – Л.: Наука, 1977. – 648 с.

10. Карпенко О.А., Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению: монография / О.А. Карпенко, В.П. Лавров. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 142 с.

11. Якуб М.Л. Показания свидетелей и потерпевших / М.Л. Якуб. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 128 с.

12. Справочная книга криминалиста / отв. ред. Н.А. Селиванов. – М.: Норма, 2000. – 727 с.

13. Чурилов С.Н. Криминалистическая тактика: учебное пособие в структурно-логических схемах / С.Н. Чурилов. – М.: Дашков и К, 2005. – 183 с.

14. Теория доказательств в советском уголовном процессе: монография / отв. ред. Н.В. Жогин. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.

15. Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике / В.Я. Колдин, Н.С. Полевой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 134 с.

16. Барабаш А.С. Основной, дополнительные и вспомогательные процессы доказывания в стадиях предварительного расследовании и судебного разбирательства: монография / А.С. Барабаш. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 272 с.

17. Эйсман А.А. Логика доказывания / А.А. Эйсман. – М.: Юрид. лит., 1971. – 112 с.

References

1. Dvorkin A. I., Bertovskii L. V. (eds.). Investigative Tactics (Scene Inspection and Interrogation): Scientific and Methodological Manual. Moscow, Ekzamen Publ. House, 2011. 815 p. (In Russian).

2. Porubov N.I., Porubov A.N. Interrogation: Procedural and Criminalistic Aspects: Monograph. Moscow, LLC Yurlitinform, 2013. 304 p. (In Russian).

3. Bayev O.Ya. Criminal Prosecution Tactics and Professional Defense. Investigative Tactics: Scientific and Methodological Manual. Moscow, Ekzamen Publ. House, 2003. 432 p. (In Russian).

4. Tsentrov E.E. Guide to Investigative Tactics. Moscow, Norma Publ., 2024. 576 p. (In Russian).

5. Sheyfer S.A. Evidence and Proof in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation. Moscow, Norma Publ., 2012. 240 p. (In Russian).

6. Kirillov V. I., Starchenko A. A. Logics: Textbook. Moscow, Vyssh. Shkola Publ., 1982. 262 p. (In Russian).

7. Walters S.B. The Truth About Lies. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 268 p. (In Russian).

8. Ilyin E.P. Psychology of Communication and Interpersonal Relations. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2014. 576 p. (In Russian).

9. Evgenieva A.P. (ed.). Dictionary of Synonyms: Reference Guide. Leningrad, Nauka Publ. House, 1977. 648 p. (In Russian).

10. Karpenko O.A., Lavrov V.P. Countering the Investigation of Crimes by Giving Deliberately False Testimony and Measures to Overcome It. Moscow, LLC Yurlitinform, 2020. 142 p. (In Russian).

11. Yakub M.L. Testimony of Witnesses and Victims. Moscow, Moscow University Publ. House, 1968. 128 p. (In Russian).

12. Selivanov N.A. (ed.). Criminalistics: Science Handbook. Moscow, Norma Publ., 2000. 727 p. (In Russian).

13. Churilov S.N. Criminalistic Tactics: Textbook in Structural-Logical Schemes. Moscow, LLC Dashkov and K., 2005. 183 p. (In Russian).

14. Zhogin N.V. (ed.). Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure: Monograph. Moscow, Yurid. Lit. Publ., 1973. 736 p. (In Russian).

15. Koldin V.Ya., Polevoy N.S. Information Structures and Processes in Criminalistics. Moscow, Moscow University Publ. House, 1985. 134 p. (In Russian).

16. Barabash A.S. The Main, Additional and Auxiliary Processes of Evidence at the Stages of Preliminary Investigation and Trial. Moscow, LLC Yurlitinform, 2017. 272 p. (In Russian).

17. Eisman A.A. Logic of Proof. Moscow, Yurid. Lit. Publ., 1971. 112 p. (In Russian).

Информация об авторах

Баянов Александр Иванович – *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики*

Семеновский Андрей Игоревич – *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета*

Information about the Authors

Bayanov Aleksandr Ivanovich – *Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology;*

Semenovskii Andrei Igorevich – *Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology*

Статья поступила в редакцию 06.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 30.06.2026 г.; принята к публикации 30.06.2026 г.

The article was submitted 06.06.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCEEDING

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.10

Бертовский Лев Владимирович
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, Bgl1980@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Аннотация. В статье анализируются основные направления развития отечественного уголовного судопроизводства и оценивается вопрос о том, является ли современная трансформация уголовного процесса постепенной эволюцией либо требует качественно иной, революционной смены парадигмы. Обосновывается вывод о разнонаправленном характере происходящих изменений: наряду с прогрессивными тенденциями, связанными с укреплением судебного контроля, развитием состязательности, расширением института присяжных заседателей, совершенствованием реабилитации, цифровой модернизацией и повышением доступности правосудия, сохраняются устойчивые стагнационные и регрессивные явления. К их числу отнесены обвинительный уклон, незавершённость перехода к подлинно состязательной модели, чрезмерное упрощение процессуальной формы, кадровый дефицит, снижение качества правоприменения и недостаточная нравственно-профессиональная подготовка участников судопроизводства. Особое внимание уделяется значению целей уголовного судопроизводства, закреплённых в ст. 6 УПК РФ, а также роли судей, следователей, прокуроров и адвокатов в реальном обеспечении прав личности. Сделан вывод о необходимости не только точечных законодательных поправок, но и глубокого обновления уголовно-процессуальной идеологии, кадровой политики и правоприменительной практики.

Ключевые слова*:* уголовное судопроизводство, уголовный процесс, эволюция, революция, прогрессивное развитие, стагнация, регресс, судебный контроль, состязательность, суд присяжных, правоприменение, юридические кадры

Для цитирования: Бертовский Л.В. Эволюция уголовного судопроизводства или революция? / Л.В. Бертовский. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.10 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 132–142.

© Бертовский Л.В., 2026

Original article

Bertovsky Lev Vladimirovich
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
Bgl1980@yandex.ru

THE CRIMINAL PROCEDURE: EVOLUTION OR REVOLUTION?

Abstract. The article analyzes the main directions of the domestic criminal procedure development and assesses whether the modern transformation of the criminal proceeding is a gradual evolution or requires a qualitatively different, revolutionary change of paradigm. The author substantiates the conclusion that this development is multidirectional: along with progressive changes connected with the strengthening of judicial control, the development of adversarial proceedings, the expansion of jury trial, the rehabilitation mechanisms improvement, digital modernization and greater access to justice, stable stagnant and regressive tendencies remain. These include the accusatory bias, the incompleteness of the transition to a truly adversarial model, excessive simplification of procedural form, personnel shortage, decline in the quality of law enforcement and insufficient moral and professional training of participants in criminal proceedings. Special attention is paid to the purposes of criminal procedure fixed in Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the role of judges, investigators, prosecutors and defense lawyers in the actual protection of individual rights. The conclusion is made about the need not only for targeted legislative amendments, but also for a profound renewal of criminal procedural ideology, personnel policy and law enforcement practice.

Keywords: criminal procedure, criminal proceeding, evolution, revolution, progressive development, stagnation, regression, judicial control, adversarial proceedings, jury trial, law enforcement, legal personnel

For citation: Bertovsky L.V. The Criminal Procedure: Evolution or Revolution? *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2026, no. 3, pp. 132–142. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.10

Введение. Ещё в XIX столетии в ходе проведения судебной реформы император Александр II обозначил критерии, которые не утратили свою актуальность по сей день. Суд должен быть «скорым, правым, милостивым и равным для всех»[1].

Изучение основных направлений развития отечественного уголовного судопроизводства показывает, что оно является разнонаправленным.

[1] Указ Александра II Правительствующему Сенату, Царское Село, 20 ноября 1864 г. // // Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. – СПб.: Издание Государственной канцелярии, 1866.

С позитивной точки зрения можно отметить прогрессивные преобразования (от низшего к высшему, от простого к сложному, к большей устойчивости), происходящие в современном уголовном судопроизводстве [1].

К этому направлению следует относить такие изменения его институциональной и процессуальной формы, которые ориентированы не на формальную интенсификацию производства по уголовному делу, а на последовательное усиление гарантий прав личности [2], расширение сферы судебной защиты и повышение качества правосудия [3, 4, 5]. В этом смысле прогрессивный вектор развития уголовного процесса выражается, во-первых, в укреплении судебного контроля на досудебных стадиях как одного из важнейших институтов уголовно-процессуального права и действенного средства ограничения следственно-обвинительной власти посредством передачи ключевых решений, затрагивающих конституционные права личности, в исключительную компетенцию суда [6]; во-вторых, в дальнейшем утверждении принципа состязательности сторон, закреплённого в ст. 15 УПК РФ, предполагающего организационное и функциональное разведение обвинения, защиты и разрешения дела судом [7]; в-третьих, в расширении применения института суда присяжных, получившем законодательное развитие в связи с принятием Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ, что свидетельствует о тенденции к усилению общественного элемента в отправлении правосудия; в-четвёртых, в углублении идеи доступа к правосудию и укреплении процессуального статуса потерпевшего как самостоятельного носителя охраняемых законом интересов [8, 9]; в-пятых, в развитии института реабилитации, закрепляющего обязанность государства в полном объёме возмещать вред, причинённый незаконным или необоснованным уголовным преследованием [10]; наконец, в-шестых, в цифровой модернизации уголовного судопроизводства, которая при условии сохранения базовых процессуальных гарантий способна повысить прозрачность, доступность и эффективность уголовно-процессуальной деятельности [11, 12]. Таким образом, прогрессивное развитие уголовного судопроизводства проявляется там, где законодатель и правоприменитель последовательно смещают центр тяжести с обвинительно-репрессивной функции на правозащитную природу уголовного процесса, рассматривая его, прежде всего, как форму справедливого судебного разбирательства и защиты прав человека.

Однако не всё так радужно. К сожалению, в современном отечественном уголовном судопроизводстве наблюдаются стагнационные процессы (когда развитие практически останавливается) и даже регрессивные (от высшего к низшему, от сложного к простому, к меньшей устойчивости).

Разнонаправленность развития уголовного судопроизводства. В качестве примеров стагнации развития уголовного судопроизводства могут рассматриваться устойчиво воспроизводящиеся системные проблемы, не получающие полноценного разрешения на протяжении длительного времени, несмотря на реформаторскую активность законодателя и интенсивность научной дискуссии. К их числу относятся сохранение обвинительного уклона, незавер-

шённость перехода к подлинно состязательной модели процесса при одновременном сохранении розыскных начал, неполная реализованность судебного контроля на досудебных стадиях, хроническая проблемность стадии возбуждения уголовного дела как барьера к доступу к правосудию, а также запаздывание цифровой модернизации уголовного судопроизводства. Дополнительным проявлением стагнации выступает повторяемость одних и тех же концептуальных дискуссий о направлениях реформирования процесса, что свидетельствует не столько о поступательном развитии, сколько о циклическом возвращении к нерешённым институциональным проблемам. Как отмечает заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор Леонид Витальевич Головко, необходима смена парадигмы и «возвращение к самостоятельному уголовно-процессуальному творчеству. Ведь как мы развивались последние лет 35–40? Нам предлагали готовые продукты, «сваренные» на глобальной институциональной кухне неизвестными подавляющему большинству из нас «экспертами» чаще всего в неизвестных никому стратегических целях (следственный судья, уголовный проступок, медиация, негласные следственные действия, электронные доказательства и т. п.). После чего российские процессуалисты как по команде разделялись на их сторонников и противников: если побеждали первые, то институт имплементировался, если вторые – откладывался до очередного раунда его «вброса». Ничего самостоятельного отечественная уголовно-процессуальная мысль в такой ситуации почти не рождала…» [13].

В современной уголовно-процессуальной доктрине регрессивное направление развития уголовного судопроизводства обычно связывается с такой дифференциацией процессуальной формы, при которой цели ускорения, процессуальной экономии и разгрузки правоприменителя начинают достигаться за счёт ослабления традиционных гарантий установления истины, состязательности и права на защиту; иными словами, регресс проявляется не в самом факте реформирования процедуры, а в таком упрощении, которое выходит за допустимые пределы и ведёт к отходу от единой полноценной уголовно-процессуальной формы. Современные исследователи отмечают, что «упрощение уголовного процесса допустимо лишь при условии, что производство в упрощённом порядке не создаёт препятствий в реализации права участников уголовного процесса на судебную защиту и в то же время гарантирует реализацию права общества на судебную защиту значимых публичных интересов» [14]. Наиболее показательными примерами этого в российском праве выступают особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, предусмотренный главой 40 УПК РФ, а также дознание в сокращённой форме по ст. 226.1 УПК РФ, где ускорение производства нормативно связано с признанием подозреваемым вины, характера и размера вреда и отсутствием спора относительно правовой оценки деяния; именно поэтому в научной литературе такие конструкции нередко рассматриваются как

потенциально регрессивные, поскольку они объективно сокращают объём судебного исследования и повышают риск подмены полноты процессуальных гарантий удобством и быстротой разрешения дела.

Между тем основные направления развития судопроизводства должны определяться исходя из его целей, отражённых в ст. 6 УПК РФ, а именно – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод [15]. И достижение этих целей невозможно только путём нормативного регулирования судопроизводства – решающую роль в этом играют лица, участвующие в процессе в силу своих профессиональных обязанностей (дознаватели, следователи, судьи, прокуроры и т. д.). Как также отмечает профессор Головко Л.В., «для повышения качества уголовного судопроизводства требуются не бесконечные «перетряски» УПК, а обладающие должной правовой и нравственной культурой правоприменители, не руководствующиеся, к слову, в своей жизни идеологией культа корысти» [13].

А вот с кадрами далеко не всё в порядке. В правоохранительных органах ощущается острый дефицит квалифицированных кадров. Как отметил министр внутренних дел на ежегодной коллегии МВД РФ, по итогам 2025 г. в России не хватает 212 000 полицейских. Президент РФ Путин В.В. на ежегодном совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов РФ отметил, что «вопрос о комплектовании судейского корпуса высококвалифицированными кадрами – один из ключевых в вашей повестке». По его словам, нехватка судей в федеральных судах общей юрисдикции и арбитражных судах страны составляет 15 %[2]. Аналогичная ситуация и в других правоохранительных органах.

Но, конечно, дело не только в количестве судей. В судебную систему проникли люди зачастую некомпетентные, корыстолюбивые, подрывающие доверие общества к судопроизводству. Так, на заседании Высшей квалификационной коллегии судей назначенный на должность председателя Верховного суда РФ Игорь Краснов поднял вопрос отставок, прекращения полномочий и дачи согласия на возбуждение уголовных дел. За одно совещание заявления об отставке подали 25 судей, 36 прекратили полномочия, один лишился статуса. Также Верховный суд РФ направил ряд материалов на антикоррупционную проверку в Генпрокуратуру[3].

Многими практиками отмечается некомпетентность судей, от чего страдает качество принимаемых решений. И здесь дело не только в образовании, но и в личных качествах судей. Как показали проведённые Генеральной прокуратурой РФ исследования, судьями в 65 % случаев становятся бывшие секретари судебных заседаний, помощники судей. В целом, безусловно, неплохо, что

---

[2] Путин заявил о нехватке судей в России [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8443245 (дата обращения: 24.08.2026).

[3] ВККС отправила в отставку 25 судей и лишила статуса экс-главу суда [Электронный ресурс] // URL: https://360.ru/news/vlast/masshtabnaja-zachistka-sudebnogo-korpusa-ot-korruptsii-nachalas-v-rossii/ (дата обращения: 24.08.2026).

судьями становятся люди, неоднократно принимавшие участие в судебных заседаниях, однако их роль чаще всего только техническая, они не привыкли принимать самостоятельные решения, у них отсутствует надлежащая практика. С этой точки зрения предпочтительней выглядят претенденты на должности судей, имеющие практический опыт работы следователем, прокурором, адвокатом.

Сложившаяся ситуация требует проведение переаттестации для всего судейского корпуса с проведением экзамена на знание нормативных правовых актов. Но самое главное – в процессе этой переаттестации предложить претендентам на должность судьи составить проекты приговоров по материалам, разработанным профессиональными психологами, на основе нестандартных реальных примеров из судебно-следственной практики, с возможностью оценки морально-волевых качеств кандидата, его способности к принятию нестандартных решений, готовности взять ответственность на себя за принимаемое решение.

Не менее важным для судопроизводства является и наличие грамотных и квалифицированных адвокатов. Российские адвокаты до сих пор считают период с 1861 г. до революции 1917 г. одной из наиболее ярких страниц в истории российской юридической профессии, давших России целый ряд выдающихся адвокатов[4].

Небезынтересно отметить, что в дореволюционной России из пяти подсудимых, чьи дела рассматривались с участием присяжных заседателей, двое выходили из суда оправданными. Так, в 1874 г. из 25 457 подсудимых было осуждено 17 088, оправдано – 8 369 (32,89 %). Более того, этот показатель возрастал с каждым годом: в 1875 г. он составил 36,30 %, в 1876 г. – 36,86 %, а в 1877 г. – 37,25 %. Для сравнения: в период 1889–1893 гг. во Франции с участием присяжных заседателей было оправдано 29 % подсудимых и 7 % – без них. В Австрии проценты оправданных составили 26 % и 14 % соответственно, в Германии – 25 % и 13 %. В России за указанный период с участием присяжных было оправдано 36 % подсудимых и 28 % – без их участия [16].

Однако, несмотря на законодательное закрепление независимости и состязательности сторон, тех блестящих результатов, которые были у дореволюционных защитников, современные адвокаты достигнуть не смогли.

Так, по сведениям Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2021-м было осуждено 601 148 человек, оправдано 2 190 (0,36 %), и количество оправдательных приговоров в России продолжает снижаться: за прошлый год их доля составила 0,33 %.

В результате проведённого опроса, посвящённого качеству юридической помощи, которую предоставляют защитники, действующие адвокаты указали на то, что достаточно много представителей адвокатского сообщества самоустраняются от ведения защиты, занимаются вымогательством денег у клиентов, имеют

[4] К примеру, Владимир Данилович Спасович (1829–1906 гг.), Фёдор Никифорович Плевако (1842–1909 гг.), Николай Платонович Карабчевский (1851–1925 гг.), Анатолий Фёдорович Кони (1844–1927 гг.), Пётр Акимович Александров (1836–1893 гг.), Александр Иванович Урусов (1843–1900 гг.) и многие другие.

крайне низкие теоретические знания и практические навыки. Поэтому необходимо уделить особое внимание к подбору кандидатов на должность адвоката.

Так, в соответствии со ст. 354 главы второй «О присяжных поверенных» Учреждения судебных установлений, принятого в 1864 г., «присяжными поверенными могут быть лица, имеющие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, если они, сверх того, прослужили не менее 5 лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел, или также не менее 5 лет состояли кандидатами на должности по судебному ведомству, или же занимались судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников» [17].

Аналогичный подход целесообразно применять и к современным кандидатам на должность адвоката. Ныне действующий Закон РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает: лицо, претендующее на статус адвоката «должно иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет»[5], что представляется явно недостаточным [18].

Конечно, не стоит забывать и о юридическом образовании, споры о котором ведутся на самом высоком уровне. В связи с цифровой трансформацией общества будущие правоприменители должны приобретать в вузах не только юридические и технические знания.

Как отмечает председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, кандидат юридических наук, доцент Кабышев С.В., «заслуживает внимания опыт института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук НИУ «Московский институт электронной техники», реализующего подготовку специалистов с бинарными компетенциями в сфере юриспруденции и высоких технологий с 2019 г. Учебный план классического пятилетнего специалитета «Правовое обеспечение национальной безопасности» включает:

- 35 % дисциплин технического профиля;
- 55 % дисциплин юридического профиля;
- 10 % дисциплин общепрофессионального блока» [19, с. 265].

Заключение. Таким образом, современное развитие отечественного уголовного судопроизводства нельзя оценивать ни как линейно прогрессивное, ни как окончательно кризисное: оно представляет собой сложный и противоречивый процесс, в котором эволюционные преобразования, направленные на укрепление судебного контроля, расширение гарантий прав личности и совершенствование процессуальной формы, сосуществуют со стагнационными и регрессивными явлениями, подрывающими саму идею справедливого правосудия. Однако именно накопление этих противоречий убеждает в том, что ресурс постепенных, точечных и сугубо нормативных изменений во многом исчерпан.

[5] Ст. 9 Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.08.2026).

При сохранении обвинительного уклона, дефицита профессиональных и нравственно устойчивых кадров, формального отношения к состязательности и распространения упрощенных процедур, ослабляющих процессуальные гарантии, дальнейшее движение вперёд становится невозможным в рамках прежней логики развития. Следовательно, уголовное судопроизводство объективно подошло к рубежу, за которым необходимы уже не очередные частные поправки, а качественно иные, по своей сути революционные изменения – смена парадигмы правопонимания, возвращение к самостоятельному национальному уголовно-процессуальному творчеству, глубокое обновление кадрового состава судейского, следственного, прокурорского и адвокатского корпусов и восстановление реального приоритета целей, закреплённых в ст. 6 УПК РФ. Только при таких условиях уголовный процесс сможет перестать быть ареной компромисса между декларацией и практикой и вновь стать тем, чем он должен быть по своей природе, – подлинной формой защиты человека, общества и государства, судом действительно «скорым, правым, милостивым и равным для всех».

Список литературы

1. Дорошков В.В. Стратегия развития современного уголовного судопроизводства / В.В. Дорошков // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 57–60.

2. Гасымова К.Н. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве / К.Н. Гасымова // NovaUm.Ru. – 2020. – № 28. – С. 112–116.

3. Зорькин В.Д. Качество правосудия – это вопрос конституционный (из выступления на VI Всероссийском съезде судей Российской Федерации, Москва, 30 ноября – 2 декабря 2004 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_11_3.htm (дата обращения: 24.05.2026).

4. Капранов А.В., Чупилкин Ю.Б. Актуальные вопросы повышения эффективности правосудия по уголовным делам / А.В. Капранов, Ю.Б. Чупилкин // Юристъ-Правоведъ. – 2016. – № 1 (74). – С. 60–64.

5. Мирза Л.С. Iustitia (правосудие и справедливость в уголовном процессе) / Л.С. Мирза // Lex Russica. – 2008. – № 1. – С. 54–71.

6. Луценко П.А. Судебный контроль в досудебном производстве по уголовным делам: проблемы теории и практики / П.А. Луценко. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I, 2018. – 132 с.

7. Воскобитова Л.А. Функциональная модель уголовного судопроизводства / Л.А. Воскобитова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 2 (42). – С. 24–37.

8. Сафарян Г.О. Концепция совершенствования процессуального статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве / Г.О. Сафарян // Экономика, социология и право. – 2017. – № 2. – С. 98–102.

9. Курбатова С.М. О проблемах правового статуса потерпевшего в уголовном процессе Российской Федерации / С.М. Курбатова // Проблемы восстановления прав потерпевших от преступлений в уголовной политике РФ: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск, 22–23 октября 2021 г. – Красноярск: Красноярский ГАУ, 2021. – С. 82–84.

10. Чурсин А.А. Современное состояние института реабилитации в российском уголовном процессе / А.А. Чурсин // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – Т. 2, № 4. – С. 145–149.

11. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества / Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 27–38.

12. Изаксон Р.А., Романова Н.Л. Цифровизация уголовного судопроизводства: цифровое уголовное дело, искусственный интеллект и электронные доказательства / Р.А. Изаксон, Н.Л. Романова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 518–522.

13. Головко Л.В. Будущее Российского уголовного процесса создается в зоне СВО [Электронный ресурс] // URL: https://e.ugpr.ru/1172110 (дата обращения: 24.05.2026).

14. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса / Т.В. Трубникова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12 (61) декабрь. – С. 131–139.

15. Гурдин С.В. Назначение уголовного судопроизводства / С.В. Гурдин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 3 (101). – С. 60–66.

16. Суханова Н.Н. Постановление оправдательного приговора в Российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Н. Суханова. – Иркутск, 2008. – 204 с.

17. Учреждение судебных установлений 1864 г. – М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 153 с.

18. Бертовский Л.В. Криминалистические и уголовно-процессуальные проблемы доказывания на современном этапе / Л.В. Бертовский // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири – 2023.– № 4 (18). – С. 31–40.

19. Кабышев С.В. О совершенствовании подготовки юридических кадров / С.В. Кабышев // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2025. – № 4. – С. 260–268.

References

1. Doroshkov V.V. The Strategy of Development the Modern Criminal Proceedings. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 4, pp. 57–60. (In Russian).

2. Gasymova K.N. The Individual Rights' Guarantees in Criminal Procedure. NovaUm.Ru, 2020, no. 28, pp. 112–116. (In Russian).

3. Zorkin V.D. Quality of Justice Is a Constitutional Issue. *From the Speech at the VI All-Russian Congress of Judges of the Russian Federation, Moscow, November 30 – December 2, 2004*. Available at: http://dpr.ru/pravo/pravo_11_3.htm. (In Russian).

4. Kapranov A.V., Chupilkin Yu.B. Current Issues of Improving of Criminal Justice Efficiency. *Yurist-Pravoved*, 2016, no. 1 (74), pp. 60–64. (In Russian).

5. Mirza L.S. Iustitia (Justice and Fairness in the Criminal Process). *Lex Russica*, 2008, no. 1, pp. 54–71. (In Russian).

6. Lutsenko P.A. Judicial Control in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases: Problems of Theory and Practice. Voronezh: Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, 2018. 132 p. (In Russian).

7. Voskobitova L.A. Functional Model of Criminal Proceedings. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),* 2018, no. 2 (42), p. 24–37. (In Russian).

8. Safaryan G.O. Concept of Improving the Procedural Status of the Victim in Criminal Procedure. *Economics, Sociology and Law*, 2017, no. 2, pp. 98–102. (In Russian).

9. Kurbatova S.M. About the Problems of the Legal Status of the Victim in the Criminal Process of the Russian Federation. *Problems of Restoring the Rights of Victims from Crimes in the Criminal Policy of the Russian Federation. Materials of the Russian Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, October 22–23, 2021.* Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University, 2021, pp. 82–84. (In Russian).

10. Chursin A.A. The Modern Condition of Rehabilitation the Institute in Russian Criminal Proceeding Law*. Russian Journal of Legal Studies*, 2015, vol. 2, no. 4, pp. 145–149. (In Russian).

11. Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V. Modernization of Criminal Procedure in the Information Society. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3 (51), pp. 27–38. (In Russian).

12. Izakson R.A., Romanova N.L. Digitalization of Criminal Proceedings: Digital Criminal Case, Artificial Intelligence and Electronic Evidence. *Law and State: the Theory and Practice*, 2025, no. 6, pp. 518–522. (In Russian).

13. Golovko L.V. The Future of Russian Criminal Procedure Is Being Created in the SMO Zone. Available at: https://e.ugpr.ru/1172110. (In Russian).

14. Trubnikova T.V. Limitations to Criminal Procedure Simplification. *Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 12 (61), pp. 131–139. (In Russian).

15. Gurdin S.V. Assignment Criminal Proceedings. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2023, no. 3 (101), pp. 60–66. (In Russian).

16. Sukhanova N.N. Passing an Acquittal in Russian Criminal Procedure. *Cand. Diss*. Irkutsk, 2008. 204 p. (In Russian).

17. The Establishment of Judicial Institutions in 1864. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2015. 153 p. (In Russian).

18. Bertovsky L.V. Criminalistic and Criminal Procedural Problems of Proof at the Present Stage. *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*, 2023, no. 4 (18), pp. 31–40. (In Russian).

19.Kabyshev S.V. On Improving the Training of Legal Personnel. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law,* 2025, no. 4, pp. 260–268. (In Russian).

Информация об авторе

Бертовский Лев Владимирович – *д.ю.н., профессор, профессор кафедры криминалистики*

Information about the Author

Bertovsky Lev Vladimirovich – *Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminalistics*

Статья поступила в редакцию 12.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 09.07.2026 г.; принята к публикации 08.07.2026 г.

The article was submitted 12.06.2026; approved after reviewing 09.07.2026; accepted for publication 09.07.2026.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.11

Дистанова Фирюза Эльвировна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
firyuza.distanova@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-0125-091X

К ВОПРОСУ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Аннотация. При исполнении судебных решений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста возникают некоторые затруднения. Такие проблемы появились в правоприменительной практике ещё с момента закрепления соответствующей меры в УПК РФ и к настоящему времени получили достаточно широкое освещение в науке уголовно-процессуального права. Тем не менее, нельзя констатировать, что они решены полностью. С развитием цифровых технологий перечень запретов при домашнем аресте был расширен. В дополнение к уже существующим сложностям осуществления контроля за исполнением запретов добавились новые. Всё это обуславливает необходимость дальнейшего исследования вопросов обеспечения эффективности домашнего ареста с позиции исполняемости судебных решений. Цель исследования – анализ проблем исполнения судебных решений, предусматривающих назначение меры пресечения в виде домашнего ареста, а также выработка практических рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Методы: сравнительно-правовой метод применён для сопоставления правовых положений стран дальнего зарубежья с нормами УПК РФ, системный анализ и логико-юридический методы – для анализа действующих положений УПК РФ и обнаружения в них пробелов. Результаты: проблемы процессуально-правового, кадрового характера, которые возникают при исполнении рассматриваемых судебных решений, значительно снижают эффективность домашнего ареста и нуждаются в решении.

Ключевые слова: домашний арест, исполнение, запреты, контроль за исполнением, нарушение запретов, неисполнение, уголовно-исполнительные инспекции

Для цитирования: Дистанова Ф.Э. К вопросу эффективности исполнения судебных решений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста / Ф.Э. Дистанова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.11 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 143–154.

© Дистанова Ф.Э., 2026

Original article

Distanova Firuza Elvirovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
firyuza.distanova@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-0125-091X

ON THE EFFECTIVENESS OF COURT DECISIONS EXECUTION ON HOUSE ARREST AS A MEASURE OF RESTRAINT

Abstract. The court decisions execution on the house arrest as a measure of restraint encounters certain difficulties. Such problems emerged in law enforcement practice from the moment this measure was codified in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and have since received extensive coverage in criminal procedural law scholarship. Nevertheless, it cannot be stated that they have been completely resolved. With the development of digital technologies, the list of prohibitions on house arrest has been expanded. In addition to existing challenges in monitoring compliance with these prohibitions, new ones have emerged. All this makes it necessary to further study the issues of ensuring the effectiveness of house arrest from the perspective of the enforceability of court decisions. The purpose of the study is to analyze the problems of court decisions execution providing for house arrest as a measure of restraint, as well as to develop practical recommendations for improving legislation and law enforcement practice. Methods: the comparative legal method is employed to juxtapose the legal provisions of foreign countries with the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; systemic analysis and logical-legal methods are used to analyze the current provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and to identify gaps therein. Results: procedural and legal, as well as personnel-related problems arising in the enforcement of the court decisions under consideration significantly reduce the effectiveness of house arrest and require resolution.

Keywords: house arrest, execution, prohibitions, control over execution, violation of prohibitions, non-enforcement, penal enforcement inspections

For citation: Distanova F.E. On the Effectiveness of Court Decisions Execution on House Arrest as a Measure of Restraint. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 143–154. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.11

Введение. В целом, домашний арест назначается, исполняется, отменяется и продлевается без каких-либо затруднений. Это подтверждается данными, представленными на сайте Судебного департамента РФ. Так, статистические данные за 2024 г. свидетельствуют о том, что с ходатайствами о замене домашнего ареста на заключение под стражу в суды обращались 702 раза, удовлетворено – 494 из них, при этом всего домашний арест избран в 2024 г.

7378 раз[1]. То есть, официально неисполнение запретов как основание для замены домашнего ареста на более строгую меру пресечения имело место лишь в 6,7 %.

В то же время, проведённый нами опрос среди практикующих работников свидетельствует о том, что в ходе исполнения домашнего ареста всё же возникают некоторые затруднения. На вопрос «Как вы считаете, что именно сложнее всего отследить контролирующему органу при исполнении судебного решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста?» многие респонденты ответили, что труднее всего отследить использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Также опрошенные нами респонденты указали на наличие сложностей осуществления контроля за фактами общения с определёнными лицами, за фактами использования телефонной связи только при наличии оснований, предусмотренных ч. 8 ст. 107 УПК РФ. Некоторые опрошенные ответили, что «всё вышеперечисленное» достаточно трудно проконтролировать при имеющихся технологиях.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что проблемы исполнения судебного решения о наложении домашнего ареста всё же имеются, однако судебной практики по фактам неисполнения таких судебных решений не так много, что говорит о латентности неисполнения некоторых запретов, установленных судебным решением, и сложностях выявления и фиксации таких нарушений.

Основное исследование. В одном из изученных нами дел по обвинению несовершеннолетнего, ученика 9-го класса, суд назначил домашний арест с запретом использования интернета, но с разрешением посетить учебное заведение в определённый день, установленный судом, – в день Государственной аттестации по русскому языку для сдачи экзамена (ОГЭ)[2]. В сегодняшних реалиях крайне сложно, может, даже невозможно подготовиться к ОГЭ, не имея доступа к интернету, равно как и к другим «достижениям» цифровизации, например, к электронному дневнику и иным образовательным сервисам. В связи с этим, в п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий»[3] указано, что если в отношении подозреваемого или обвиняемого су-

---

[1] Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц)) [Электронный ресурс] // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruDnJ3CwRv-hTIyTk5vF9AGd_KGXrH2wa9HxSvr-_zpNStbXEUqFLErnPzanPKSDB_6ynT8xIQ8i39bxqv6MLpaxk16ftLV8WgRaRmieuYatuUh8l0j-ftB5C2nEwfz0gjw%3D%3D%3Fsign%3DXA2qUA-E6LONrp0nqymDOlPqgSmtr_w70b1-iwplA48%3D&name=F1-svod_vse_sudy-2024.xls&nosw=1 (дата обращения: 31.03.2026).

[2] Постановление Дёмского районного суда РБ (материал №3/3-9/2025) // Архив Дёмского районного суда г. Уфы.

[3] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.03.2026).

дом установлен запрет на использование сети «Интернет», то в соответствующем решении суду необходимо указать случаи, при которых лицу дозволяется использовать эту сеть (например, если есть надобность в получении и передаче информации учебному заведению). Однако в этом пункте упоминания об использовании интернета в целях подготовки к экзаменам и в образовательных целях не указано. В этом ключе интересно обратиться к зарубежному законодательству. Так, например, согласно разделу 12b (101/2018) Закона о принудительных мерах Министерства Юстиции Финляндии 806/2011[4] в судебном решении о применении домашнего ареста может быть предусмотрено право посещать образовательное учреждение и использовать интернет для обучения. В контексте повсеместной возможности мониторинга интернет-активности пользователей и посещений ими тех или иных сайтов предоставление арестантам доступа к цифровым технологиям для образовательных целей представляется технически реализуемой и вполне контролируемой задачей.

Отдельно следует отметить проблему исполнения запрета на пользование интернетом в тех случаях, когда обвиняемый или подозреваемый работает в удалённом формате. В целом, эта проблема является только частью другой, большей проблемы – права человека трудиться и зарабатывать себе на «хлеб насущный», которое, находясь на домашнем аресте, невозможно реализовать в принципе. В то же время лицо, которого заключили под стражу, находится на полном «государственном обеспечении»: его бесплатно кормят, ему не нужно уплачивать коммунальные услуги или плату за аренду жилья, при необходимости ему выдаётся одежда. Сроки содержания под домашним арестом в некоторых случаях могут быть значительными: например, по одному уголовному делу[5] лицо находилось под домашним арестом почти восемь месяцев. Находясь под домашним арестом, лицо, не имеющее легальных источников дохода и не имевшее до установленных судом запретов «кубышки» (финансовой «подушки»), может оказаться неспособным своевременно вносить платежи по коммунальным услугам и иным обязательным платежам, что, в свою очередь, может стать фактором, провоцирующим дальнейшую криминальную активность со стороны обвиняемого или подозреваемого. В связи с этим, в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых зарубежных стран имеются положения относительно возможности подозреваемого и обвиняемого трудиться, даже находясь под домашним арестом. Например, согласно Разделу 12b (101/2018) Закона о принудительных мерах Министерства Юстиции Финляндии

[4] Закон «О принудительных мерах» Министерства Юстиции Финляндии 806/2011 [Электронный ресурс] // URL: https://www.rikosseuraamus.fi/en/our-duty/enforcement-of-remand-imprisonment/ (дата обращения: 12.03.2026).

[5] Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан по делу № 1-439/2023 [Электронный ресурс] // URL: https://oktiabrsky--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=87244252&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 12.03.2026).

806/2011[6] арестант обязан быть доступным по месту жительства, на рабочем месте или по месту учёбы в определённое время, значит, он может не только работать, но и учиться, будучи под домашним арестом. Также в Финляндии в вышеуказанном законе предусмотрено, что в этом случае время нахождения лица под домашним арестом по месту жительства может отличаться от времени, установленного на законодательном уровне, по причине, связанной с работой или учёбой лица.

В США также предусматривается возможность арестанта ходить на работу, на учёбу, если в отношении него избран «второй уровень строгости» домашнего ареста [1, с. 214]. Аналогичная ситуация обстоит и в уголовно-процессуальном законодательстве Франции, согласно которому лицо, к которому применён домашний арест, имеет право ходить на работу или работать в дистанционном формате [1, с. 215].

Следует отметить, что эти проблемы уже были затронуты в научной литературе. Так, например, А.И. Кузнецов и А.А. Устинов отмечали, что запрет использования сети «Интернет» не должен быть абсолютным и, например, в случае получения образования с применением дистанционных технологий доступ к интернету представляется просто необходимым и его отсутствие может повлечь за собой невозможность получения образования [2, с. 91].

Таким образом, считаем возможным заимствование положительного опыта законодательства зарубежных стран в УПК РФ, предусмотрев право подозреваемого или обвиняемого работать или продолжать обучение в учебном заведении, находясь под домашним арестом.

Актуальным также остаётся неисполнение запретов на посещение сети «Интернет». В большинстве из изученных нами уголовных дел суды указывали на необходимость соблюдения данного запрета, и ни в одном из уголовных дел домашний арест не отменялся из-за использования сети «Интернет» вопреки запрету суда. Это может свидетельствовать либо о том, что подозреваемый и обвиняемый, трепетно относясь к запретам суда, не пользуются интернетом, что весьма маловероятно, либо говорит о том, что уголовно-исполнительные инспекции не могут проконтролировать соблюдение этих запретов.

В некоторых случаях всё же удаётся доказать, что лицо, находящееся под домашним арестом, нарушает запрет на пользование интернетом. Так, например, в одном деле доказательством нарушения такого запрета служил заверенный нотариусом протокол осмотра интернет-сайта социальной сети «Одноклассники», из которого усматривался вход обвиняемого под учётной записью. Это доказывало факт того, что он активно пользуется и осуществляет систематическое посещение интернета, нарушая тем самым запреты, установленные

[6] Закон «О принудительных мерах» Министерства Юстиции Финляндии 806/2011 [Электронный ресурс] // URL: https://www.rikosseuraamus.fi/en/our-duty/enforcement-of-remand-imprisonment/ (дата обращения: 12.03.2026).

судом[7]. Но такие случаи единичные – в подавляющем большинстве случаев факт пользования сетью «Интернет» сложно установить и доказать, так как действующие нормативные акты[8] не предусматривают систем видеоконтроля за подозреваемым или обвиняемым, находящимся под домашним арестом, или применение иных технических средств, позволяющих осуществлять мониторинг за посещением сети «Интернет» в отдельно взятом помещении каким-то конкретным лицом.

Р.М. Жиляев и Р.Р. Сайфуллин также отмечали, что сегодня уголовно-исполнительные инспекции не обладают возможностями для осуществления контроля за выходом обвиняемых и подозреваемых в сеть «Интернет» [3, с. 161], причём данный вывод был подтверждён проведёнными техническими испытаниями [4, с. 147].

В случае, если обвиняемый проживает в жилом помещении не один, а с кем-то из близких, отследить факт нахождения в интернете при имеющихся технологиях практически нереально, а значит, факт общения обвиняемого с определёнными лицами посредством использования мессенджеров и социальных сетей также невозможно отследить. Также лицо, находящееся под домашним арестом, может использовать телефонную связь через устройства других лиц, с которыми он проживает.

Таким образом, в современной практике суды, избирая меру пресечения в виде домашнего ареста, вынуждены назначать меры, исполнение которых сопряжено со значительными трудностями в части осуществления контроля. В подобных ситуациях исполнение запретов и судебного решения всецело зависит от добросовестности подозреваемого и обвиняемого, от уважения к судебным актам. Вместе с тем, из года в год статистические данные, представленные судебным департаментом на своём официальном сайте, свидетельствуют о неудовлетворительном уровне исполняемости многих промежуточных и итоговых судебных решений. Следовательно, вероятность того, что лицо, подозреваемое или обвиняемое, которое, как показывает практика, может уклоняться от ис-

---

[7] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-5069/2025 от 30.07.2025 по делу № 1-342/2025 [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/D1vzvNNct3o1/?regular-txt=замена+домашнего+ареста+под+стражу&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1772796633042&snippet_pos=1242#snippet (дата обращения: 07.03.2026).

[8] Постановление Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определённых действий, домашний арест или залог» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.03.2026).

полнения других судебных решений, проявит должное уважение именно к решению о применении домашнего ареста, представляется невысокой.

В науке также обращается внимание на наличие других проблем, связанных с исполнением рассматриваемых решений.

Так, отмечается, что в настоящее время вопрос об обеспечении здоровья гражданина-арестанта стоит довольно остро. Например, С.С. Юрьев и П.Е. Короткова отмечают, что вследствие недостатка двигательной активности, отсутствия возможности вызвать врача, самолечения, возникают проблемы со здоровьем в связи с нахождением под домашним арестом [5].

Вопросы обеспечения здоровья лица, находящегося под домашним арестом, многократно становились предметом рассмотрения судов. Право на ежедневную прогулку продолжительностью не менее часа есть даже у тех, кто содержится под стражей. Хотя домашний арест относится к менее строгой мере, нежели заключение под стражу, то, казалось бы, и подвергнутых домашнему аресту нельзя лишать такого важного права. В законодательстве об этом прямо не указано и, по общему правилу, прогулки недопустимы[9], однако в настоящее время судебная практика исходит из того, что права на прогулку, на покупку продуктов и поход в аптеку не должны сильно ограничиваться[10].

В некоторых случаях суд приводит аргументы не только в пользу необходимости прогулок, но и обосновывает, по какой причине продлевает продолжительность прогулок: «с учётом медицинских документов, представленных суду первой инстанции (повторного осмотра невропатолога 8 июня 2020 г.)». Судом указывается на то, что это «не исключает… возможность сохранения домашнего ареста»[11].

Однако встречается и противоположная судебная практика, которая предусматривает, что законом не установлена возможность выходить за пределы закреплённого жилого помещения тому, кто находится под домашним арестом, в том числе, если даже есть необходимость в прогулках, посещении магазинов или для других нужд[12].

Е.В. Ларкина [6, с. 135] отмечает, что проблему с обеспечением права на прогулки во время нахождения под домашним арестом можно решать путём доставления в отведённые для этих целей территории (места) для совершения про-

---

[9] Апелляционное постановление Московского городского суда от 10.03.2022 по делу № 10-4496/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2026).

[10] Кассационное определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 29.01.2020 по делу № 77-86/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2026).

[11] Апелляционное постановление № 22-464/2020 22К-464/2020 от 29.06.2020 по делу № 3/12-44/2020 [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/5LMtriZWbk5x/ (дата обращения: 27.03.2026).

[12] Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.10.2023 по делу № 77-2350/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2026).

гулок. При этом она совершенно обоснованно указывает на то, что это повлечёт дополнительные расходы со стороны бюджета на доставление арестантов.

Л.А. Колпакова [7, с. 64] отмечает, что в таких случаях, а также при предоставлении права на прогулки размываются границы домашнего ареста.

И.М. Горбатых отмечает, что суды в своих решениях должны уточнять, как именно арестант будет закрывать свои потребности по приобретению продуктов и других товаров первой необходимости и как это отразится на соблюдении запретов, наложенных судом [8, с. 54].

Таким образом, сегодня ни на уровне законодательства, ни на уровне судебной практики нет ясности относительно того, каким образом должно обеспечиваться право лица, находящегося под домашним арестом, на прогулки. Представляется, что отсутствие единообразия в судебной практике не способствует соблюдению прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых. Следовательно, данный вопрос должен быть решён на уровне УПК РФ.

С.В. Белогуров, Р.М. Белхароев отмечают наличие других проблем, связанных с исполнением домашнего ареста. Так, по их мнению, имеет место несовершенство механизма осуществления контроля за соблюдением наложенных судами запретов и (или) ограничений, так как сегодня уголовно-исполнительные инспекции лишены реальной возможности своевременно обнаруживать факты нарушения наложенных судом запретов и ограничений. Также авторами указывается на то, что отсутствует надлежащее правовое регулирование того, какие действия должны совершить должностные лица уголовно-исполнительных инспекций в ходе осуществления проверок на предмет выявления нарушений запретов и ограничений со стороны подозреваемых и обвиняемых в досудебном производстве [9].

Круглова А.М. отмечает проблему увеличения нагрузки на уголовно-исполнительные инспекции как следствие взятого курса на гуманизацию. В связи с «применением таких мер пресечения как домашний арест и запрет определённых действий количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, значительно уменьшилось» [10, с. 93]. В связи с этим, согласно Распоряжению Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.»[13] планируется, что к 2030 г. будет увеличен норматив численности работников органов уголовно-исполнительной системы, при этом соотношение персонала соответствующих учреждений и осуждённых, подозреваемых, обвиняемых, состоящих на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях лиц должно быть 1:3.

Согласно официальным данным, в 2026 г. «нехватка личного состава Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) превысила 30,5 %». Во мно-

[13] О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2035 гг.)»: Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.03.2026).

гих подразделениях некомплект офицеров достигает 50 % и более»[14]. Таким образом, проблема кадровой нехватки в учреждениях уголовно-исполнительной системы остаётся актуальной, а значит, и осуществление контроля за исполнением судебного решения о назначении домашнего ареста сейчас несколько затруднено. При этом согласно подп. 1 п. 7 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утверждённого указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314[15], уголовно-исполнительные инспекции должны обеспечить точное, безусловное исполнение всех судебных решений, в том числе и тех, которыми применяется мера пресечения в виде домашнего ареста.

В связи с обозначенными проблемами, А.И. Кузнецов и А.А. Устинов предлагают передать полномочия по контролю за исполнением наложенных судом запретов органам внутренних дел [2, с. 92]. Данный вывод авторами делается исходя из того, что «указанные в статьях 105 и 107 УПК РФ меры пресечения относятся непосредственно к институту предварительного расследования и отвечают целям и задачам, присущим именно органам внутренних дел», а не органов уголовно-исполнительной системы. Кроме того, как верно указывают А.И. Кузнецов и А.А. Устинов, сегодня у органов внутренних дел существенно больше технических, кадровых и иных возможностей для осуществления надлежащего контроля за соблюдением запретов [2, с. 92]. Полагаем, что данное предложение является обоснованным и заслуживает большего внимания.

Заключение. Анализ результатов опроса практических работников, судебной практики и мнений учёных-процессуалистов позволяет сделать вывод о наличии некоторых правовых затруднений, возникающих при исполнении рассмотренных судебных решений. Необходимо предусмотреть в законодательстве право и возможность подозреваемого (обвиняемого) работать, учиться, находясь под домашним арестом. Также следует внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, которые предусматривали бы право лица, находящегося под домашним арестом, на прогулки. Не все проблемы исполнения рассматриваемых судебных решений лежат в правовой плоскости. Требуется также развитие цифровых технологий для осуществления надлежащего контроля за соблюдением некоторых запретов (например, за мониторингом интернет-активности подозреваемых и обвиняемых). Однако если развитие цифровых технологий – это лишь вопрос времени, то их внедрение предполагает несение дополнительных финансовых расходов со стороны государства. В значительной степени от финансирования со стороны бюджета зависит также проблема острой нехватки штатной численности сотрудников уголовно-исполнительной системы, о которой упоминалось как в правовых актах Прави-

[14] Глава ФСИН рассказал о кадровом дефиците [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8499756?ysclid=mn7f8ax1u024236910 (дата обращения: 26.03.2026).

[15] Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.03.2026).

тельства Российской Федерации, так и в СМИ со стороны официальных представителей ФСИН. Рассмотренные проблемы негативно сказываются на реальной исполняемости и эффективности судебных решений, которыми избирается мера пресечения в виде домашнего ареста, в связи с чем нуждаются в решении.

Список источников

1. Харзинова В.М., Гутов М.М. Особенности применения домашнего ареста в уголовном процессе зарубежных стран / В.М. Харзинова, М.М. Гутов // Право и управление. – 2022. – № 11. – С. 213–217.

2. Кузнецов А.И., Устинов А.А. Правовые и организационные проблемы обеспечения эффективности домашнего ареста / А.И. Кузнецов, А.А. Устинов // Вестник российского университета кооперации. – 2025. – № 2 (60). – С. 88–94.

3. Жиляев Р.М., Сайфуллин Р.Р. О некоторых проблемах осуществления контроля за соблюдением условий избрания домашнего ареста (по результатам экспертного опроса) / Р.М. Жиляев, Р.Р. Сайфуллин // Закон и право. – 2022. – № 3. – С. 160–163.

4. Жиляев Р.М. Технологии контроля и ограничения использования сотовой связи и сети Интернет лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста с запретом определённых действий / Р.М. Жиляев // Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний : сборник материалов IV круглого стола (Тверь, 21 апреля 2022 г.). ФКУ НИИИТ ФСИН России. – 2022. – С. 142–150.

5. Юрьев С.С., Короткова П.Е. Право на охрану здоровья и домашний арест: проблемы регулирования и правоприменения / С.С. Юрьев, П.Е. Короткова // Адвокатская практика. – 2021. – № 5. – С. 7–12.

6. Ларкина Е.В. Запрет определённых действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения / Е.В. Ларкина // Lex russica. – 2019. – № 4. – С. 129–138.

7. Колпакова Л.А. Некоторые процессуальные вопросы исполнения мер пресечения в виде запрета определённых действий, домашнего ареста и залога в деятельности уголовно-исполнительных инспекций / Л.А. Колпакова // Пенитенциарная наука. – 2021. – № 1 (Т. 15). – С. 62–73.

8. Горбатых И.М. Процессуальный порядок избрания домашнего ареста нуждается в совершенствовании / И.М. Горбатых // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 4. – С. 50–59.

9. Белогуров С.В., Белхароев Р.М. Контроль за реализацией меры пресечения в виде домашнего ареста / С.В. Белогуров, Р.М. Белхароев // Законность. – 2025. – № 2. – С. 61–62.

10. Круглова А.М. Актуальные проблемы правовой регламентации домашнего ареста / А.М. Круглова // Вестник экономики, управления и права. – 2023. – № 4 (Т. 16). – С. 92–101.

References

1. Kharzinova V.M., Gutov M.M. Features of the Use of House Arrest in the Criminal Process of Foreign Countries. *Law and Management*, 2022, no. 11. pp. 213–217. (In Russian).

2. Kuznetsov A.I., Ustinov A.A. The Law and Organization Problems of the House Arrest Maintenance. *Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2025, no. 2 (60), pp. 88–94. (In Russian).

3. Zhilyaev R.M., Saifullin R.R. About Some Problems of Control Implementation for Compliance with the Conditions of Election of House Arrest (According to the Results of an Expert Survey). *Law and Legislation*, 2022, no. 3, pp. 160–163. (In Russian).

4. Zhilyaev R.M. Technologies for Controlling and Restricting the Use of Cellular Communications and the Internet by Persons against Whom a Preventive Mesure Has Been Chosen in the Form of House Arrest with a Ban on Certain Actions. *Current Issues of Informatization of the Federal Penitentiary Service. Materials of the IV Round Table. Tver, April 21, 2022.* Federal Government Institution "Scientific Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Serviceб 2022б pp. 142–150. (In Russian).

5. Yuryev S.S., Korotkova P.E. The Right to Health Protection and House Arrest: Regulation and Enforcement Problems. *Advocate's Practice*, 2021, no. 5, pp. 7–12. (In Russian).

6. Larkina E.V. Prohibition of Certain Acts and Prohibitions in Combination with Bail and House Arrest: The First Six Months of Instrumentation. *Lex Russica*, 2019, no. 4, pp. 129–138. (In Russian).

7. Kolpakova L.A. Some Procedural Issues Related to the Enforcement of Restrictive Measures in the Form of Prohibition of Certain Actions, House Arrest and Bail in the Work of Probation Inspectorate. *Penitentiary Science*, 2021, no. 1, vol. 15, pp. 62–73. (In Russian).

8. Gorbatykh I.M. The Procedural Procedure for Electing House Arrest Needs to Be Improved. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*, 2023, no. 4, pp. 50–59. (In Russian).

9. Belogurov S.V., Belkharoev R.M. Monitoring the Implementation of the Measure of Restraint in the Form of House Arrest. *Zakonnost*, 2025, no. 2, pp. 61–62. (In Russian).

10. Kruglova A.M. Current Problems of Legal Regulation of House Arrest. *Bulletin of Economics, Management and Law*, 2023, no. 4, vol. 16, pp. 92–101. (In Russian).

Информация об авторе

Дистанова Фирюза Эльвировна – *соискатель кафедры уголовного права и процесса*

Information about the Author

Distanova Firuza Elvirovna – *Applicant of the Department of Criminal Law*

Статья поступила в редакцию 17.07.2026 г.; одобрена после рецензирования 11.08.2026 г.; принята к публикации 11.08.2026 г.

The article was submitted 17.07.2026; approved after reviewing 11.08.2026; accepted for publication 11.08.2026.

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.12

Василевская Дарья Владимировна
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
dvvasilevskaya@msal.ru,
https://orcid.org/0000-0003-0263-7550

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация. Сегодня технологии искусственного интеллекта (ИИ) широко внедряются в самые разные сферы общественной жизни, включая правоохранительную деятельность. Их применение становится необходимым условием успешной борьбы с преступностью, поскольку сама преступность значительно трансформируется под влиянием возможностей ИИ как средства реализации преступного умысла. Прогрессивно растущий объём компьютерной информации делает практически невозможным расследование преступлений, совершённых с помощью информационных технологий без автоматизации процессов обработки данных и выявления в них паттернов, свидетельствующих о преступной деятельности. Такая автоматизация может быть реализована через технологии ИИ.

Цель статьи: рассмотреть мировую практику применения различных технологий искусственного интеллекта для решения задач судебной компьютерно-технической экспертизы и последующего расследования преступлений, совершённых с помощью информационных технологий. Результаты: выявлены наиболее целесообразные архитектуры нейросетей для работы с различными классами задач СКТЭ: анализом сетевого трафика, обнаружением и классификацией вредоносного ПО, анализом поведенческих паттернов пользователя, установлением последовательности событий, обработкой естественного языка, в том числе, анализом переписок, работой с видеофайлами и изображениями и др. Также определены основные ограничения применения технологий ИИ в СКТЭ и приведены наиболее перспективные направления их внедрения.

© Василевская Д.В., 2026

Ключевые слова: судебная компьютерно-техническая экспертиза, искусственный интеллект, нейросеть, машинное обучение, обучение нейросети, датасет, компьютерные преступления

Для цитирования: Василевская Д.В. Применение технологий искусственного интеллекта в судебной компьютерно-технической экспертизе / Д.В. Василевская. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.12 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 155–172.

Original article

Vasilevskaya Daria Vladimirovna
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,
dvvasilevskaya@msal.ru, https://orcid.org/0000-0003-0263-7550

THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES APPLICATION IN DIGITAL FORENSICS

Abstract. Today, artificial intelligence (AI) technologies are widely integrated into various spheres of public life, including law enforcement. Their use has become a prerequisite for successful crime control since crime itself is significantly transformed under the influence of AI capabilities as a means of implementing criminal intent. The progressively growing volume of computer information makes it impossible to investigate crimes committed with the use of information technologies without automating data processing and identifying patterns indicative of criminal activity. Such automation can be achieved through AI technologies. The purpose of the article is to examine global practice in applying various AI technologies to solve the tasks of forensic computer expertise and the subsequent investigation of crimes committed with the use of information technologies. Results: the most appropriate neural network architectures for working with different classes of digital forensic tasks are identified: network traffic analysis, detection and classification of malicious software, analysis of user behavioral patterns, establishing event sequences, natural language processing (including the analysis of messages), working with video files and images and others. The main limitations of applying AI technologies in digital forensics are also outlined and the most promising directions for their implementation are presented.

Keywords: digital forensics, artificial intelligence, neural network, machine learning, neural network training, dataset, computer crimes

For citation: Vasilevskaya D.V. The Artificial Intelligence Technologies Application in Digital Forensics. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 155–172. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.12

Введение. Одним из главных трендов современной науки является исследование искусственного интеллекта, цифровизации общества, а также возможностей и проблем, которые обусловлены природой и повсеместным внедрением новых технологий. Науки криминалистики и судебной экспертологии не являются исключением. Отечественные и зарубежные учёные рассматривают различные аспекты применения технологий искусственного интеллекта (далее «ИИ») в расследовании преступлений и судебной экспертизе [1, с. 61–62]. Успешное расследование высокотехнологичных преступлений становится невозможным без сложных судебно-экспертных исследований, подразумевающих анализ большого объёма разрозненных данных. Несмотря на то, что потенциал ИИ колоссален для большинства судебных экспертиз, особенного внимания заслуживает рассмотрение вопроса о его применении в первую очередь в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы (далее СКТЭ).

Как отмечают ведущие специалисты в области судебной экспертизы [2, с. 77; 3, с. 7–8], возникновение и развитие различных родов и видов экспертиз, в том числе СКТЭ, неразрывно связаны с развитием отдельных отраслей науки и техники и во многом определяются ими, поскольку, с одной стороны, технический прогресс ведёт к появлению новых способов совершения преступлений, новых объектов исследования, а, значит, и общественного заказа на новые виды экспертиз, а с другой – предопределяет те инструменты и методы, которыми они будут производиться. Следовательно, закономерности развития информационных технологий непосредственно определяют закономерности развития как судебной экспертологии в целом, так и отдельных её родов и видов.

СКТЭ неразрывно связана с технологиями искусственного интеллекта по ряду причин. Прежде всего, информационные технологии во всём их многообразии, включая ИИ, выступают непосредственным объектом исследования судебной компьютерно-технической экспертизы. Во-вторых, постоянная эволюция таких технологий ведёт к качественному усложнению способов и средств совершения преступлений, росту их количества, увеличению разнообразия объектов экспертного исследования наряду с экспоненциальным ростом объёма цифровой информации. Всё это приводит, с одной стороны, к росту общественного заказа на проведение исследований в области СКТЭ [4, с. 19], а с другой – к тому, что обработка имеющегося массива данных «вручную» становится непосильной для человека. Технологии ИИ дают возможность значительно сократить временные затраты на проведение экспертизы. Так, один из протестированных инструментов ИИ сократил время работы с данными до 93 % [5, с. 4]. Кроме того, традиционные методы СКТЭ не дают надлежащего инструментария для работы со сложными массивами данных, возникающими в результате фрагментации по различным платформам, облачным хранилищам и пр. Собрать из таких данных общую картину, установить последовательность действий или скрытый паттерн без автоматизированных инструментов невозможно. При этом в условиях объективной необходимости применения ИИ в СКТЭ на

сегодняшний день отсутствуют апробированные методики и системное правовое регулирование.

Таким образом, тогда как для остальных родов и видов экспертиз ИИ является вспомогательным инструментом для проведения исследований, в рамках СКТЭ специфика объекта делает ИИ и объектом, и средством исследований, а кроме того, предопределяет объективную необходимость его внедрения.

Цель данного исследования – рассмотреть существующие возможности применения ИИ для решения задач СКТЭ в мировой практике. Оценить правовые и методологические риски использования таких инструментов в правоохранительной деятельности, а также определить перспективные направления их применения.

Искусственный интеллект и его применение в СКТЭ. Поскольку искусственный интеллект – сложное и развивающееся явление, затрагивающее самые разные сферы общественной жизни, на сегодняшний день мировое сообщество не пришло к его единому понятию ни с юридических, ни с технических позиций.

Зарубежные правопорядки избегают широкого понятия ИИ и определяют его через «машинную систему»[1,2]. Отечественный законодатель определяет искусственный интеллект шире. Так, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта закрепляет следующее понятие: искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений[3]. Более широкое понятие ИИ в данном случае обосновано тем, что Российская Федерация стремится к быстрому внедрению технологий ИИ в различные отрасли общественной жизни для обеспечения государственной безопасности и конкурентоспособности, что непосредственно нашло свое отражение в положениях Стратегии[4]. Несмотря на то, что судебно-экспертная деятельность не упоминается непосредственно в документе, мы полагаем, что по общему смыслу Стратегии это одно из приоритетных направлений внедрения технологий ИИ, поскольку количество, качество и скорость исполнения судебно-экспертных исследований непосредственно сказываются на уровне правоохранительной деятельности и национальной безопасности.

---

[1] National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020 [Электронный ресурс] // URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/116/hr6216/text (дата обращения: 06.05.2026).

[2] EU Artificial Intelligence Act [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689 (дата обращения: 06.05.2026).

[3] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700 [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 05.05.2026).

[4] Там же. Подп. д, е, з п. 24.

С технической точки зрения искусственный интеллект представляет собой обширную экспериментальную междисциплинарную область знания, охватывающую математику, компьютерные науки, программирование, статистику, лингвистику, целью которой является алгоритмизация решения тех задач, которые на данном этапе научно-технического прогресса доступны только человеческому разуму [6, с. 36]. Или иными словами – создание интеллектуальных машин [7, с. 6]. Функционирование таких машин обеспечивается совокупностью технических решений и концепций. На данном этапе – это машинное обучение (и глубокое обучение), нейросети, компьютерное зрение, обработка естественного языка и др. В ходе дальнейшего развития технологий средства, с помощью которых искусственный интеллект решает поставленные перед ним задачи, продолжат эволюционировать, а общая идея – «создание интеллектуальных машин» или имитация человеческого разума – останется той же.

Сегодня выделяют три вида искусственного интеллекта: узкий (или слабый) ИИ (ANI), общий (или сильный) ИИ (AGI) и суперинтеллект (ASI).

Узкий ИИ (ANI) – это то, с чем мы непосредственно имеем дело на данном этапе развития технологий. Информационные системы[5] этого типа фокусируются на решении конкретных задач в рамках конкретно заданных параметров. В силу большого объёма изученных данных часто такой ИИ может решать поставленную задачу гораздо быстрее и точнее человека. Однако он не обладает автономностью, не может выйти за рамки заданного алгоритма, а значит, если он был обучен на некачественных данных, то ошибки неизбежны.

Уровни общего и суперинтеллекта на сегодняшний день не достигнуты. Предполагается, что общий ИИ будет означать, что машина обладает интеллектом, неотличимым от человеческого: она будет способна к творчеству и воображению, долгосрочной памяти и самосознанию.

Суперинтеллект – это высшая форма развития ИИ. На этом этапе машинный интеллект будет превосходить человеческий по всем параметрам. Предполагается, что если человечество достигнет этой точки, то суперинтеллект сможет, среди прочего, решить глобальные проблемы и ответить на извечные философские вопросы. Однако такой уровень самосознания машины небеспочвенно вызывает множество опасений и этических дебатов. Отметим, что сегодня это только гипотетические вопросы будущего и любые подобные рассуждения носят исключительно умозрительный характер. Однако уже сегодня при разработке и регулировании технологий искусственного интеллекта одним из базовых принципов выступает риск-ориентированный подход для оценки соотношения преимуществ и рисков, связанных с конкретной технологией[6].

---

[5] П. 3 ст. 2 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ: Информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих её обработку информационных технологий и технических средств // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.05.2026).

[6] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700 [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 05.05.2026).

Итак, в том, что касается практического применения ИИ, в частности, в области СКТЭ, на данный момент речь идет исключительно о технологиях узкого ИИ. Рассмотрим подробнее его структуру и возможности.

Машинное обучение – это область технологий, обеспечивающая функционирование искусственного интеллекта через разработку алгоритмов обучения компьютеров на больших массивах данных. Оно родилось в 1959 г. в IBM, когда Артур Сэмуел написал компьютерную программу для игры в шахматы, способную к самообучению [8, с. 3]. Такое обучение сегодня позволяет компьютерам строить прогнозы и принимать решения. Принципиальное отличие этого процесса от классической компьютерной программы состоит в том, что система следует не строго заданному алгоритму, а именно учится выявлять некие объекты или закономерности на примере представленного ей набора данных, и, следовательно, инженер машинного обучения на старте не знает, к какому именно результату придёт компьютер при решении той или иной задачи. Машинное обучение нашло самое разное применение в мировой практике СКТЭ за последние 10 лет. Оно используется для обнаружения и восстановления утраченных данных [9], триажа устройств и уязвимостей [10], для обнаружения подозрительной активности или потенциально криминальных паттернов в компьютерных сетях [11] и др.

Машинное обучение происходит с помощью нейросетей, состоящих из искусственных нейронов. Отдельно взятый нейрон – это функция, обрабатывающая входящие данные по определённой схеме[7]. Архитектуры и конфигурации[8] современных нейросетей очень многообразны и постоянно усложняются, поскольку растет сложность (глубина) нейросетей, а также объёмы обрабатываемых данных и вычислительные мощности. В результате очень быстро растёт и точность нейросетей. Чем больше нейронов и чем объёмнее массив данных, на которых обучается нейросеть, тем эффективнее она работает. Качество данных также непосредственно влияет на результаты работы технологий ИИ.

Для реализации машинного обучения данные в том виде, в каком они воспринимаемы человеком, должны быть переведены в абстракцию, пригодную для понимания и обработки системой. Одни и те же исходные данные, будь то текст, изображение, видео- или аудиофайл, могут быть представлены в

---

[7] Описание хода обучения нейросетей рассмотрено многими отечественными и зарубежными специалистами в области информатики и машинного обучения. За более подробной информацией о ходе и математической составляющей обучения нейросетей, см. например, Вьюгин В.В. «Математические основы теории машинного обучения и прогнозирования» / В.В. Вьюгин. – М.: 2013. – 387 с.; Воронцов К.В. Машинное обучение: курс лекций [Электронный ресурс] // URL: http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php?title=Машинное_обучение_%28курс_лекций%2С_К.В.Воронцов%29 (дата обращения: 06.05.2026); Основы машинного обучения [Электронный ресурс] // URL: https://deepmachinelearning.ru/docs/Machine-learning/Base-concepts (дата обращения: 06.05.2026).

[8] Архитектура и конфигурация нейронной сети – это общие принципы её построения, а именно количество нейронов, тип связи между ними, активационные функции, количество слоев и пр.

качестве разного набора признаков: категориально, порядково или количественно. Так, например, для обработки текста с целью классификации может быть использован метод «мешок слов», который предполагает репрезентацию текста в виде модели, описывающей количество слов в нём. Тот же текст для работы со свёрточной нейронной сетью может быть представлен как изображение в виде последовательности векторов, соответствующих словам или слогам. Таким образом, нет универсального способа работы с определённым видом данных, но есть архитектуры и инструменты, наилучшим образом заточенные под решение определённых задач.

Обобщённая мировая практика применения технологий ИИ в компьютерно-технической экспертизе свидетельствует о том, что они наиболее широко применяются при решении следующих классов задач:

1. Анализ сетевого трафика и обнаружение аномалий в нём, а именно выявление атак, бот-сетей, анализ поведенческих паттернов и временных рядов;
2. Обработка естественного языка, в том числе анализ переписок, выявление фишинговых писем и сгенерированных текстов;
3. Автоматическое обнаружение и классификация вредоносного ПО;
4. Анализ изображений и видео, в том числе для классификации объектов, обнаружения deepfake и манипуляций, установления визуальных паттернов.

Классической архитектурой для решения первых трёх классов задач являются рекуррентные нейронные сети (RNN) [12, с. 52–53], в частности нейронные сети с краткосрочной памятью (LSTM) [13, с. 2; 14].

Рекуррентные нейронные сети – это вид нейросетей, позволяющих обрабатывать серии событий во времени, их последовательности. Преимущество рекуррентных сетей состоит в том, что благодаря тому, что они содержат обратные связи между элементами, они способны сохранять информацию, то есть фактически её запоминать. LSTM – разновидность архитектуры рекуррентных нейронных сетей, способная к запоминанию информации на значительные периоды времени. Нейронные сети этого типа могут устанавливать последовательность событий во времени и работать с временными рядами, обнаруживать разного рода паттерны в сетевом потоке [15, с. 1–2], в том числе, признаки вредоносного ПО [16] и атак на информационные системы [17].

Для анализа сетевого трафика и обнаружения аномалий в нём ещё одним распространенным инструментом является автоэнкодер. Этот тип нейросетей является базовым инструментом машинного обучения. Автоэнкодеры кодируют данные в более компактный объект, чем исходный массив, а потом декодируют его в исходную форму. Смысл автоэнкодера в том, что он не просто сжимает данные, а может понять их так называемые латентные особенности – самые важные и специфичные черты – и закодировать именно их, а при восстановлении воссоздать по ним массив, максимально приближенный к исход-

ному. Автоэнкодеры могут не просто сохранять информацию, но и придавать новым представлениям исходных данных разные свойства [18, с. 278; 19].

Для обработки естественного языка (анализ переписок, выявление фишинговых писем и сгенерированных текстов), помимо рассмотренных инструментов, характерно также применение моделей трансформеров [20, с. 2–3]. Именно на базе трансформенной архитектуры создаются LLM – большие языковые модели, такие как ChatGPT. Данная архитектура нейронных сетей также, как и RNN, эффективна для обработки последовательностей данных, но в данном случае наиболее характерные последовательности для неё – упорядоченные совокупности слов.

Модели этого типа формируют векторное представление для каждого элемента последовательности, включая как его собственную семантику, так и контекстуальные взаимосвязи с другими элементами. Полученные представления могут быть переданы другим нейронным сетям для решения различных задач, например, для классификации. Благодаря созданию информативных представлений, учитывающих контекст, трансформеры способствуют более эффективному выявлению скрытых паттернов и зависимостей в исходных данных.

Стандартным инструментом для работы с обнаружением и классификацией вредоносного ПО и анализа изображений и видео выступают свёрточные нейронные сети (CNN) [21, с. 1030]. Этот тип архитектуры нейронных сетей предназначен для обработки данных с сеточной структурой, в первую очередь изображений, но они подходят и для обработки видео и текстов. Такие сети последовательно анализируют пиксели, находящиеся рядом и содержащие непрерывную визуальную информацию: яркость и оттенок. В них применяются так называемые свёрточные слои, которые извлекают пространственные признаки из входных данных, что позволяет им автоматически обнаруживать локальные паттерны, такие как текстуры, формы, и «собирать» их в более сложные признаки (например, объекты на изображениях).

Для анализа изображений и видео используется классическая архитектура свёрточных сетей. Работа с обнаружением и классификацией вредоносного ПО предполагает как использование вариаций CNN [22], так и интеграции с другими типами нейросетей, в первую очередь – с трансформерами, упомянутыми выше. Такая комбинация архитектур позволяет обрабатывать многомодальные данные: из разных источников или разных типов.

Работа с обнаружением и классификацией вредоносного ПО осложнена тем, что постоянно создаются его новые модификации, что требует непрерывного обновления баз признаков, по которым его распознает та или иная нейросеть. Избежать этого позволяет визуализация вредоносных программ и последующее применение CNN как инструмента работы с изображениями. Так, например, ещё в 2008 г. был предложен метод преобразования бинарного кода вредоносного ПО в изображение в градациях серого, применение которого продемонстрировало, что визуальный анализ позволяет дифференцировать

различные области данных в таком представлении [23, с. 2]. Сегодня этот подход к анализу вредоносного ПО продолжает развиваться.

Необходимо отметить, что рассмотренные нами инструменты для каждого класса задач – это примеры наиболее стандартных подходов, а не исчерпывающий список. Сегодня наблюдается тенденция построения гибридных моделей, которые сочетают в себе преимущества различных типов архитектур, что позволяет ещё больше повысить точность конечного инструмента, сделать его более индивидуализированным в соответствии с конкретным запросом, а также всё большее распространение получает использование генеративного искусственного интеллекта[9] для решения различных задач СКТЭ[10]. Кроме того, все коммерческие комплексы для компьютерных судебно-экспертных исследований, такие как Belkasoft[11], Magnet Forensics[12], Cellebrite[13] и др. активно разрабатывают собственные ИИ-инструменты на базе различных архитектур и их сочетаний, которые интегрируются в уже существующие продукты этих компаний и предоставляются сразу пакетом для решения рассмотренных групп задач, что значительно облегчает доступ к ИИ технологиям, так как снимает необходимость разработки собственных моделей. Полагаем, что подобный подход будет применён и при отечественной разработке экспертного ПО.

ИИ в СКТЭ: проблемы и перспективы. Машинное обучение демонстрирует довольно высокую точность при решении задач СКТЭ – в среднем около 80 % [24, с. 136]. Некоторые модели демонстрируют невероятную точность – до 99,87 % [25, с. 13]. Однако при разработке таких инструментов необходимо учитывать потенциальные сложности.

Среди проблем использования технологий ИИ в судебно-экспертной деятельности, оказывающих наибольшее влияние на их внедрение, можно выделить две основные группы: проблемы, связанные с качеством данных для обучения нейросетей, и проблемы правового регулирования использования технологий ИИ в судебно-экспертной деятельности. Эти две группы неразрывно связаны друг с другом и непосредственно влияют на соответствие результатов работы ИИ требованиям допустимости и достоверности и, следовательно, на возможность его применения в уголовном процессе.

Качество данных и их достаточность имеют первостепенное значение для работы нейросетей. Наборы данных для обучения должны отвечать следующим требованиям: быть заданного формата (текстовые файлы, видео, изобра-

---

[9] Генеративный ИИ – тип искусственного интеллекта, который в отличие от других видов ИИ может не просто анализировать и классифицировать данные, а способен самостоятельно создавать оригинальный контент на основе закономерностей, выявленных им в больших наборах данных.

[10] Robert J., Al-Salmi N., Al-Sinani H. GenAI in Digital Forensics: Enhancing Timeline Reconstruction and Anomaly Attribution [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/389128934_GenAI_in_Digital_Forensics_Enhancing_Timeline_Reconstruction_and_Anomaly_Attribution (дата обращения: 08.05.2026).

[11] Belkasoft [Электронный ресурс] // URL: https://belkasoft.com/belkagpt (дата обращения: 06.05.2026).

[12] Magnet Forensics [Электронный ресурс] // URL: https://www.magnetforensics.com/resources/magnet-ai-a-minute-with-magnet/ (дата обращения: 06.05.2026).

[13] Cellebrite [Электронный ресурс] // URL: https://cellebrite.com/en/ai-center/ (дата обращения: 06.05.2026).

жения и пр.), быть актуальными, представленными в достаточном количестве, верно размеченными[14], полученными законным путём, а также их правовой режим должен допускать использование этих наборов для целей обучения ИИ. Недостаточность данных – это одна из самых острых проблем при создании моделей ИИ. В контексте судебно-экспертной деятельности она особенно актуальна, поскольку:

1. Отдельные судебно-экспертные учреждения не создают объёма данных, достаточного для систематического создания и переобучения нейросетей;

2. Исходные данные – материалы судебно-экспертных исследований – нуждаются в дополнительной правовой защите (анонимизации, обеспечении дополнительных мер охраны при хранении и обработке).

Таким образом, для обеспечения достаточности данных для разработки и переобучения специализированных ИИ инструментов необходимо:

а) разработать ГОСТ, содержащий требования к сбору, хранению, обработке, передаче и защите данных для систем искусственного интеллекта[15];

б) разработать систему сотрудничества между судебно-экспертными учреждениями различных подразделений в вопросах создания и использования экспертных моделей ИИ;

в) обеспечить в структуре судебно-экспертных учреждений материально-техническую базу, позволяющую безопасно работать с большими объёмами чувствительных данных.

Только при условии создания единых наборов данных и репозиториев, а также общей установленной процедуры сбора и подготовки данных возможны будут апробация и верификация моделей для экспертной практики, что обеспечит допустимость и достоверность доказательств, полученных с применением технологий ИИ.

Ещё одной значимой проблемой в контексте сбора и подготовки данных для обучения нейросетей, отмечаемой и отечественными [26, с. 29; 27, с. 34], и зарубежными специалистами [28, с. 2], выступает алгоритмическая предвзятость. Она является результатом неверной работы с наборами данных, на которых будет обучаться нейросеть. Суть алгоритмической предвзятости состоит в том, что, если исходный набор содержит какую-либо дискриминационную тенденцию или каким-либо образом выдаёт некие субъективные и оценочные суждения за объективные факты, нейросеть «унаследует» эту предвзятость и будет выдавать закономерности и решения с её учетом. Так, например, широко известен случай американской системы COMPAS, которая предсказывала вероятность рецидива среди американских преступников. В ходе проверки результатов работы ИИ-инструмента было установлено, что результаты были очень

[14] Разметка данных – это процесс добавления к необработанным данным (текстам, фото, видео и пр.) меток (тэгов) для того, чтобы модель машинного обучения смогла их воспринять и проанализировать.

[15] ГОСТы такого рода уже существуют для других отраслей, например ГОСТ Р 59897–2021 «Данные для систем искусственного интеллекта в образовании».

расово неоднородны. Нейросеть почти в два раза чаще предсказывала, что афроамериканцы представляют более высокий риск рецидива, чем белые, и наоборот – необоснованно утверждала, что риск повторных преступлений среди белых заключенных меньше[16].

Избежать алгоритмической предвзятости и повысить уровень надёжности работы нейросети можно только путём скрупулёзной работы со стартовыми наборами данных. Для составления таких датасетов необходима междисциплинарная работа, включающая, помимо архитекторов и инженеров машинного обучения, юристов и специалистов в области этики.

Допустимость использования результатов работы ИИ в процессе принятия экспертных решений также осложнена принципом работы нейросетей, известным как «black box» – чёрный ящик. Ранее мы упоминали, что инженер машинного обучения не знает, к какому выводу придёт нейросеть в процессе обучения. В этом и заключается принцип чёрного ящика – в невозможности для человека проследить внутреннюю логику вычислений, произведённых моделью ИИ. В таком случае обеспечить достоверность и законность доказательств представляется невозможным. Одним из способов решения этой проблемы является разработка так называемого объяснимого ИИ (XAI, Explainable AI)[17] [29].

Что касается перспектив развития технологий ИИ в СКТЭ, то всё более широкое применение в различных отраслях находит агентный ИИ. Он представляет собой систему специализированных моделей-агентов, каждая из которых решает свою задачу. Так, например, при работе с сетевым трафиком одна из моделей-агентов будет анализировать трафик на предмет аномалий, другая – классифицировать их, третья – готовить проект заключения эксперта. Такие системы могут не только решать задачи в рамках заданного алгоритма, но и самостоятельно генерировать контент, осуществлять целеполагание, работать с крупными процессами, разбивая их на этапы и задачи, адаптируя изначальные цели. Система собирает сведения от каждого агента, автономно самообучается, имеет долгосрочную память и способна координировать действия агентов, из которых состоит.

Такая система в рамках СКТЭ сможет не только решать конкретную задачу, например, по поиску аномалий в сетевом трафике, но и выстраивать план экспертного исследования, приоритезировать задачи, выстраивая наиболее эффективный порядок действий, менять этот план в соответствии с изменяющимися или установленными обстоятельствами и пр.

В контексте агентного ИИ речь фактически идёт уже не столько об инструменте сокращения времени работы над конкретной экспертизой или облегчения рутинных задач эксперта, сколько о качественно новом уровне инте-

---

[16] AI bias: 10 real-world failures and what they reveal about training data [Электронный ресурс] // URL: https://www.prolific.com/resources/shocking-ai-bias (дата обращения: 05.05.2026).

[17] Объяснимый ИИ (XAI) – это такие модели искусственного интеллекта, которые могут предоставить понятные человеку обоснования своих выводов и решений.

грации ИИ технологии в экспертный процесс, что безусловно порождает и дополнительные этические и правовые риски [30, с. 4].

Наиболее перспективными направлениями для внедрения систем ИИ выступают те, где имеется наибольший поток данных, требующих оперативной обработки и выявления неочевидных закономерностей. В первую очередь, это дешифрование и подбор паролей и ключей доступа, поиск по ключевым словам заданного объекта в большом массиве данных, установление последовательности событий (особенно с анализом данных разного типа и из различных источников).

Среди перспектив применения технологий ИИ мы не рассматриваем ситуацию, когда ИИ заменяет эксперта полностью или в какой-то части. Технологии ИИ – это вспомогательный инструмент, призванный сократить нагрузку на эксперта и время проведения экспертиз. Пока не решён вопрос о субъектности ИИ, именно эксперт несёт полную юридическую и этическую ответственность за вынесенное заключение. Использование моделей ИИ налагает дополнительную этическую и профессиональную задачу: проверку результатов деятельности нейросетей, выявление ошибок, галлюцинаций[18], проверку адекватности и валидности самой модели.

Подводя итоги, отметим, что несмотря на разнообразие и высокую эффективность технологий ИИ при решении задач судебной компьютерно-технической экспертизы, необходимо провести много технической и юридической подготовительной работы, обеспечивающий возможность минимизации рисков и ошибок, апробации методик, гарантий достаточного уровня достоверности доказательств, прежде чем можно будет широко внедрить этот инструмент в отечественную практику.

Заключение. Итак, использование технологий ИИ в рамках СКТЭ продиктовано объективной необходимостью и закономерностями развития информационного общества и информационных технологий. Решение задач СКТЭ и адекватное удовлетворение общественного запроса на такие экспертизы уже сейчас невозможно с использованием только классических методов исследования.

Технологии ИИ позволяют с помощью различных архитектур нейросетей и их сочетаний создавать профильные инструменты, наиболее эффективные для решения конкретных классов задач.

Однако несмотря на высокую эффективность и большой потенциал, внедрять ИИ в судебно-экспертную деятельность необходимо с большой осторожностью и соблюдением правовых гарантий, поскольку имеющиеся ограничения технологии часто не позволяют обеспечить надлежащий уровень допустимости и достоверности получаемых доказательств. Среди таких ограничений мы особенно отметили недостаточность данных для обучения нейросетей, отсутствие единых требований и процедуры сбора, обмена, обработки и хранения таких данных, отсутствие методик разработки и обучения нейросетей для целей судебно-экспертной деятельности, апробации и верификации моде-

[18] Галлюцинации ИИ – ситуация, когда модель ИИ выдаёт правдоподобную, но неверную или несуществующую информацию.

лей ИИ, алгоритмическую предвзятость, принцип «чёрного ящика», этические ограничения, связанные с принятием экспертных решений.

Таким образом, технологии ИИ являются неотъемлемой частью развития СКТЭ, но должны применяться с осторожностью. Как инструмент облегчения рутинных задач, сокращения потоковой нагрузки на экспертов и времени проведения конкретного исследования, но не как основной инструмент исследования, единственное основание для вынесения экспертных решений или замена эксперта.

Список источников

1. Чеснокова Е.В., Усов А.И., Омельянюк Г.Г., Никулина М.В. Искусственный интеллект в судебной экспертологии / Е.В. Чеснокова, А.И. Усов, Г.Г. Омельянюк, М.В. Никулина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 60–77. – DOI: 10.30764/1819-2785-2023-3-60-77.

2. Руденкова Ю.С., Хазиев Ш.Н., Усов А.И. Искусственный интеллект и судебная компьютерно-техническая экспертиза / Ю.С. Руденкова, Ш.Н. Хазиев, А.И. Усов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – Т. 19, № 2. – С. 76–87. – DOI: 10.30764/1819-2785-2024-2-76-87.

3. Россинская Е.Р., Неретина Н.С., Чубина Е.А., Семикаленова А.И., Шамаев Г.П., Чернявская М.С. Современное состояние и перспективы развития машинного обучения и искусственного интеллекта для решения задач судебно-экспертной деятельности: аналитический доклад [Электронный ресурс] // URL: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_5-Sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-mashinnogo-obucheniya-i-iskusstvennogo-intellekta-dlya-resheniya-zadach-sudebno-eksper.pdf (дата обращения: 06.05.2026).

4. Хатунцев Н.А. Судебная компьютерно-техническая экспертиза в свете цифровизации общества / Н.А. Хатунцев // Эксперт-криминалист. – 2020. – № 2. – С. 18–20.

5. RizwanBasha A., Annamalai R. Transforming crime scene investigations through the integration of artificial intelligence in digital forensics / A. RizwanBasha, R. Annamalai // 2024 IEEE International Conference on Communication, Computing and Signal Processing (IICCCS). – P. 1–6.

6. Мищук В.А. Соотношение понятий «искусственный интеллект» и «искусственная нейронная сеть» в судебной экспертологии / В.А. Мищук // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 33–46. – DOI: 10.30764/1819-2785-2024-3-33-46.

7. Баланов А.Н. Машинное обучение и искусственный интеллект: учебное пособие для вузов. 2-е изд., стер. / А.Н. Баланов. – СПб.: Лань, 2025. — 172 с. — ISBN 978-5-507-52891-2.

8. Brink H., Richards J.W., Fetherolf M. Real-World Machine Learning / H. Brink, J.W. Richards, M. Fetherolf. – Manning Publications, 2016. – 264 p. – ISBN 9781617291920.

9. Vulinović K., Ivković L., Petrović J., Skračić K., Pale P. Neural Networks for File Fragment Classification / K. Vulinović, L. Ivković, J. Petrović, K. Skračić, P. Pale // 2019 42nd International Convention on Information and Communication Technology, Electronics and Microelectronics (MIPRO). – P. 1194–1198.

10. Marturana F., Tacconi S. A Machine Learning-based Triage methodology for automated categorization of digital media / F. Marturana, S. Tacconi // Digital Investigation. – 2013. – Vol. 10, iss. 2. – P. 193–204. – DOI: 10.1016/j.diin.2013.01.001.

11. Moustafa N., Hu J., Slay J. A holistic review of Network Anomaly Detection Systems: A comprehensive survey / N. Moustafa, J. Hu, J. Slay // Journal of Network and Computer Applications. – 2019. – Vol. 128. – P. 33–55. – DOI: 10.1016/j.jnca.2018.12.006.

12. Pfautch R., Dagli C., Ashiku L. Cyber Forensics with Deep Learning Recurrent Neural Networks / R. Pfautch, C. Dagli, L. Ashiku // Procedia Computer Science. – 2025. – Vol. 268. – P. 51–60. – DOI: 10.1016/j.procs.2025.08.181.

13. Chourasiya L., Khatri S., Lilhore U.K. et al. Advanced system log analyzer for anomaly detection and cyber forensic investigations using LSTM and transformer networks / L. Chourasiya, S. Khatri, U.K. Lilhore [et al.] // Journal of Cloud Computing. – 2025. – Vol. 14, art. no. 60. – DOI: 10.1186/s13677-025-00789-y.

14. Jamshidi S. et al. Effective text classification using BERT, MTM LSTM, and DT / S. Jamshidi [et al.] // Data & Knowledge Engineering. – 2024. – Vol. 151, art. no. 102306. – DOI: 10.1016/j.datak.2024.102306.

15. Mahmoudi A. Investigating LSTM-based time series prediction using dynamic systems measures / A. Mahmoudi // Evolving Systems. – 2025. – Vol. 16, art. no. 71. – DOI: 10.1007/s12530-025-09703-y.

16. Jha S., Prashar D., Long H.V., Taniar D. Recurrent neural network for detecting malware / S. Jha, D. Prashar, H.V. Long, D. Taniar // Computers & Security. – 2020. – Vol. 99, art. no. 102037. – DOI: 10.1016/j.cose.2020.102037.

17. Ibrahim M., Elhafiz R. Modelling an intrusion detection using recurrent neural networks / M. Ibrahim, R. Elhafiz // Journal of Engineering Research. – 2023. – Vol. 11, iss. 1, art. no. 100013. – DOI: 10.1016/j.jer.2023.100013.

18. Wei Y., Chow K.P., Yiu S.M. Insider Threat Detection Using Multi-autoencoder Filtering and Unsupervised Learning / Y. Wei, K.P. Chow, S.M. Yiu // Advances in Digital Forensics XVI / ed. by G. Peterson, S. Shenoi. – Cham: Springer, 2020. – P. 273–290. – (IFIP Advances in Information and Communication Technology; vol. 589). – DOI: 10.1007/978-3-030-56223-6_15.

19. Studiawan H., Sohel F. Anomaly detection in a forensic timeline with deep autoencoders / H. Studiawan, F. Sohel // Journal of Information Security and Applications. – 2021. – Vol. 63, art. no. 103002. – DOI: 10.1016/j.jisa.2021.103002.

20. Rodrigues F.B., Giozza W., Albuquerque R., Villalba L.J.G. Natural Language Processing Applied to Forensics Information Extraction With Transformers and Graph Visualization / F.B. Rodrigues, W. Giozza, R. Albuquerque, L.J.G. Villalba // IEEE Transactions on Computational Social Systems. – 2024. – Vol. 11, no. 4. – P. 4727–4743. – DOI: 10.1109/TCSS.2022.3159677.

21. Tundis A., Cauteruccio F. On Machine Learning for Digital Forensics Investigation in Network Traffic / A. Tundis, F. Cauteruccio // 2025 21st International Conference on Distributed Computing in Smart Systems and the Internet of Things (DCOSS-IoT). – P. 1027–1033. – DOI: 10.1109/DCOSS-IoT65416.2025.00155.

22. Vasan D., Alazab M., Wassan S., Safaei B., Zheng Q. Image-Based malware classification using ensemble of CNN architectures (IMCEC) / D. Vasan, M. Alazab, S. Wassan, B. Safaei, Q. Zheng // Computers & Security. – 2020. – Vol. 92, art. no. 101748. – DOI: 10.1016/j.cose.2020.101748.

23. Nataraj L., Karthikeyan S., Jacob G., Manjunath B.S. Malware images: visualization and automatic classification / L. Nataraj, S. Karthikeyan, G. Jacob, B.S. Manjunath // Proceedings of the 8th International Symposium on Visualization for Cyber Security (VizSec '11). – New York: Association for Computing Machinery, 2011. – P. 1–7. – DOI: 10.1145/2016904.2016908.

24. Dhabliya D., Gujar S.N., Dhabliya R., Chavan G.T., Kalnawat A., Bendale S.P. Temporal Intelligence in AI-Enhanced Cyber Forensics using Time-Based Analysis for Proactive Threat Detection / D. Dhabliya, S.N. Gujar, R. Dhabliya [et al.] // Journal of Electrical Systems. – 2023. – Vol. 19, № 3. – P. 126–146. – DOI: 10.52783/jes.659.

25. Islam U., Alwageed H.S., Farooq M.M.U., Khan I., Awwad F.A., Ali I., Abonazel M.R. Investigating the Effectiveness of Novel Support Vector Neural Network for Anomaly Detection in Digital Forensics Data / U. Islam, H.S. Alwageed, M.M.U. Farooq [et al.] // Sensors. – 2023. – Vol. 23, iss. 12, art. no. 5626. – DOI: 10.3390/s23125626.

26. Россинская Е.Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы / Е.Р. Россинская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 3 (115). – С. 21–33. – DOI: 10.17803/2311-5998.2024.115.3.021-033.

27. Кокин А.В., Денисов Ю.Д. Искусственный интеллект в криминалистике и судебной экспертизе: вопросы правосубъектности и алгоритмической предвзятости / А.В. Кокин, Ю.Д. Денисов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 30–37. – DOI: 10.30764/1819-2785-2023-2-30-37.

28. Kartal E. A Comprehensive Study on Bias in Artificial Intelligence Systems: Biased or Unbiased AI, That's the Question! / E. Kartal // International Journal of Intelligent Information Technologies. – 2022. – Vol. 18, no. 1. – P. 1–23. – DOI: 10.4018/IJIIT.309582.

29. Billah M. Explainable AI for Digital Forensics: Ensuring Transparency in Legal Evidence Analysis / M. Billah // Journal of Forensic Science and Research. – 2025. – Vol. 9, iss. 2. – P. 109–116. – DOI: 10.29328/journal.jfsr.1001089.

30. Wickramasekara A., Scanlon M. A Framework for Integrated Digital Forensic Investigation Employing AutoGen AI Agents / A. Wickramasekara, M. Scanlon // Conference: 2024 12th International Symposium on Digital Forensics and Security (ISDFS). – DOI: 10.1109/ISDFS60797.2024.10527235.

References

1. Chesnokova E.V., Usov A.I., Omelyanyuk G.G. et al. Artificial Intelligence in Forensic Expertology. *Theory and Practice of Forensic Science,* 2023, vol. 18, no. 3, pp. 60–77. DOI: 10.30764/1819-2785-2023-3-60-77. (In Russian).

2. Rudenkova Yu.S., Khaziev Sh.N., Usov A.I. Artificial Intelligence and Computer Forensics. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2024, vol. 19, no. 2, pp. 76–87. DOI: 10.30764/1819-2785-2024-2-76-87. (In Russian).

3. Rossinskaya E.R., Neretina N.S., Chubina E.A. et al. Current State and Prospects of Development of Machine Learning and Artificial Intelligence for Solving Problems of Forensic Expert Activity: Analytical Report. Available at: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_5-Sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-mashinnogo-obucheniya-i-iskusstvennogo-intellekta-dlya-resheniya-zadach-sudebno-eksper.pdf. (In Russian).

4. Khatuntsev N.A. Computer Forensic Examination against the Background of Society Digitalization. *Expert–Criminalist,* 2020, no. 2, pp. 18–20. (In Russian).

5. Rizwan Basha A., Annamalai R. Transforming Crime Scene Investigations Through the Integration of Artificial Intelligence in Digital Forensics. *Materials of IEEE International Conference on Communication, Computing and Signal Processing (IICCCS). India, 19-20 September 2024*. India, IEEE, 2024, pp. 1–6. (In English).

6. Mishchuk V.A. The Relationship between the Concepts of “Artificial Intelligence” and “Artificial Neural Network” in Forensic Expertology. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2024, vol. 19, no. 3, pp. 33–46. DOI: 10.30764/1819-2785-2024-3-33-46. (In Russian).

7. Balanov A.N. Machine Learning and Artificial Intelligence: Textbook for Universities. St. Petersburg, Lan’, 2025. 172 p. (In Russian).

8. Brink H., Richards J.W., Fetherolf M. Real-World Machine Learning. Manning Publications, 2016. 264 p. (In English).

9. Vulinović K., Ivković L., Petrović J. et al. Neural Networks for File Fragment Classification. *Materials of the 42nd International Convention on Information and Communication Technology, Electronics and Microelectronics (MIPRO)*. *Opatija, Croatia, 20-24 May 2019.* IEEE, 2019, pp. 1194–1198. (In English).

10. Marturana F., Tacconi S.A Machine Learning-Based Triage Methodology for Automated Categorization of Digital Media. *Digital Investigation*, 2013, vol. 10, no. 2, pp. 193–204. DOI: 10.1016/j.diin.2013.01.001. (In English).

11. Moustafa N., Hu J., Slay J. A holistic review of Network Anomaly Detection Systems: A comprehensive survey. *Journal of Network and Computer Applications*, 2019, vol. 128, pp. 33–55. DOI: 10.1016/j.jnca.2018.12.006. (In English).

12. Pfautch R., Dagli C., Ashiku L. Cyber Forensics with Deep Learning Recurrent Neural Networks. *Procedia Computer Science*, 2025, vol. 268, pp. 51–60. DOI: 10.1016/j.procs.2025.08.181. (In English).

13. Chourasiya L., Khatri S., Lilhore U.K. et al. Advanced System Log Analyzer for Anomaly Detection and Cyber Forensic Investigations Using LSTM and Transformer Networks. *Journal of Cloud Computing*, 2025, vol. 14, art. no. 60. DOI: 10.1186/s13677-025-00789-y. (In English).

14. Jamshidi A., Mohammadi M., Bagheri S. et al. Effective Text Classification Using BERT, MTM, LSTM, and DT. *Data & Knowledge Engineering*, 2024, vol. 151, art. no. 102306. DOI: 10.1016/j.datak.2024.102306. (In English).

15. Mahmoudi A. Investigating LSTM-Based Time Series Prediction Using Dynamic Systems. *Evolving Systems*, 2025, vol. 16, art. no. 71. DOI: 10.1007/s12530-025-09703-y. (In English).

16. Jha S., Prashar D., Long H.V. et al. Recurrent Neural Network for Detecting. *Computers & Security*, 2020, vol. 99, art. no. 102037. DOI: 10.1016/j.cose.2020.102037. (In English).

17. Ibrahim M., Elhafiz R. Modelling an Intrusion Detection Using Recurrent Neural Networks. *Journal of Engineering Research*, 2023, vol. 11, iss. 1, art. no. 100013. DOI: 10.1016/j.jer.2023.100013. (In English).

18. Wei Y., Chow K.P., Yiu S.M. Insider Threat Detection Using Multi-autoencoder Filtering and Unsupervised Learning. Advances in Digital Forensics XVI. Cham, Springer, 2020, pp. 273–290. DOI: 10.1007/978-3-030-56223-6_15. (In English).

19. Studiawan H., Sohel F. Anomaly Detection in a Forensic Timeline with Deep Autoencoders. *Journal of Information Security and Applications*, 2021, Vol. 63, art. no. 103002. DOI: 10.1016/j.jisa.2021.103002. (In English).

20. Rodrigues F.B., Giozza W., Albuquerque R., Villalba L.J.G. Natural Language Processing Applied to Forensics Information Extraction with Transformers and Graph Visualization. *IEEE Transactions on Computational Social Systems*, 2024, vol. 11, no. 4, pp. 4727–4743. DOI: 10.1109/TCSS.2022.3159677. (In English).

21. Tundis A., Cauteruccio F. On Machine Learning for Digital Forensics Investigation in Network Traffic. *Materials of the 21st International Conference on Distributed Computing in Smart Systems and the Internet of Things (DCOSS-IoT), Italy, Lucca, June, 6–9, 2025.* Italy, IEEE, pp. 1027–1033. DOI: 10.1109/DCOSS-IoT65416.2025.00155. (In English).

22. Vasan D., Alazab M., Wassan S. et al. Image-Based Malware Classification Using Ensemble of CNN Architectures (IMCEC). *Computers & Security*, 2020, vol. 92, art. no. 101748. DOI: 10.1016/j.cose.2020.101748. (In English).

23. Nataraj L., Karthikeyan S., Jacob G., Manjunath B.S. Malware Images: Visualization and Automatic Classification. *Materials of the 8th International Symposium on Visualization for Cyber Security (VizSec '11).* New York, Association for Computing Machinery, 2011, pp. 1–7. DOI: 10.1145/2016904.2016908. (In English).

24. Dhabliya D., Gujar S.N., Dhabliya R. et al. Temporal Intelligence in AI-Enhanced Cyber Forensics using Time-Based Analysis for Proactive Threat Detection. *Journal of Electrical Systems*, 2023, vol. 19, no. 3, pp. 126–146. DOI: 10.52783/jes.659. (In English).

25. Islam U., Alwageed H.S., Farooq M.M.U. et al. Investigating the Effectiveness of Novel Support Vector Neural Network for Anomaly Detection in Digital Forensics Data. *Sensors,* 2023, vol. 23, iss. 12, art. no. 5626. DOI: 10.3390/s23125626. (In English).

26. Rossinskaya E.R. Neural Networks in Forensic Expertology and Expert Practice: Problems and Prospects. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),* 2024, no. 3 (115), pp. 21–33. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.115.3.021-033. (In Russian).

27. Kokin A.V., Denisov Yu.D. Artificial Intelligence in Criminalistics and Forensic Examination: Issues of Legal Personality and Algorithmic Bias. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2023, vol. 18, no. 2, pp. 30–37. DOI: 10.30764/1819-2785-2023-2-30-37. (In Russian).

28. Kartal E. A Comprehensive Study on Bias in Artificial Intelligence Systems: Biased or Unbiased AI, That's the Question! *International Journal of Intelligent Information Technologies*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 1–23. DOI: 10.4018/IJIIT.309582. (In English).

29. Billah M. Explainable AI for Digital Forensics: Ensuring Transparency in Legal Evidence Analysis*. Journal of Forensic Science and Research*, 2025, vol. 9, iss. 2, pp. 109–116. DOI: 10.29328/journal.jfsr.1001089. (In English).

30. Wickramasekara A., Scanlon M. A Framework for Integrated Digital Forensic Investigation Employing AutoGen AI Agents. *Materials of the 12th International Symposium on Digital Forensics and Security (ISDFS), Dublin, April, 29–30, 2024*. Dublin, IEEE. DOI: 10.1109/ISDFS60797.2024.10527235.

Информация об авторе

Василевская Дарья Владимировна – *кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики*

Information about the Author

Vasilevskaya Daria Vladimirovna – *Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Department of Criminalistics*

Статья поступила в редакцию 04.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 28.05.2026 г.; принята к публикации 05.06.2026 г.

The article was submitted 04.05.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья
УДК 343.985.7
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.13

Вахмянина Наталья Борисовна
Екатеринбургский филиал Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Екатеринбург, Россия,
uc.ural@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ДОПРОСЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация: в условиях стремительной цифровизации общества всё большее значение приобретает адаптация следственных технологий к возрастным и психологическим особенностям несовершеннолетних. Статья посвящена анализу современных вызовов, связанных с допросом младших школьников – потерпевших и свидетелей преступлений, в том числе в контексте роста киберпреступлений и насилия в реальном пространстве. Рассматриваются психофизиологические особенности восприятия, памяти и речи детей младшего школьного возраста, влияющие на достоверность и полноту показаний. Особое внимание уделено соотношению традиционных методов допроса. Обосновывается перспективность применения цифровых технологий – интерактивных 3D-моделей, виртуальных симуляций и систем автоматической транскрибации с использованием искусственного интеллекта. Предлагается направление развития криминалистических средств фиксации, ориентированных на особенности детской речи и восприятия, что способствует повышению доказательственной ценности показаний и обеспечению психологической безопасности ребёнка в ходе следственных действий.

Ключевые слова: допрос, младший школьник, цифровые технологии, искусственный интеллект, транскрибация речи, психологическая безопасность, криминалистическая техника

Для цитирования: Вахмянина Н.Б. Перспективы применения цифровых технологий при допросе младших школьников / Н.Б. Вахмянина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.13 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 173–182.

Original article

Vakhmyanina Natalia Borisovna
Yekaterinburg Branch of the A.Ya. Sukharev Moscow Academyof the Investigative Committee of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia,
uc.ural@mail.ru

© Вахмянина Н.Б., 2026

PROSPECTS OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES TO INTERROGATE PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Abstract. In the context of rapid digitalization of our society, the adaptation of investigative technologies to the age and psychological characteristics of minors is becoming increasingly important. The article is devoted to the analysis of modern challenges associated with the interrogation of primary school children who became the victims and witnesses of crimes, in the context of the growth of cybercrimes and violence in real life. Psychophysiological features of perception, memory and speech of primary school children are considered, which influence the reliability and completeness of indications. Particular attention is paid to the balance of traditional interrogation methods. The prospects for the use of digital technologies such as interactive 3D models, virtual simulations and automatic transcription systems with the use of artificial intelligence are substantiated. The direction for the forensic means of fixation development of is proposed focused on the peculiarities of children's speech and perception, which contributes to increasing the evidential value of testimony and ensuring the psychological safety of a child during investigative actions.

Keywords: interrogation, primary school child, digital technologies, artificial intelligence, speech transcription, psychological safety, forensic technology

For citation: Vakhmyanina N.B. Prospects of Using Digital Technologies to Interrogate Primary School Children. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 173–182. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.13

Введение. Современные тенденции развития детей неразрывно связаны с интенсивной цифровизацией коммуникационных процессов. Нередко такая среда становится не только пространством для самовыражения, но и значимым социальным институтом. Потенциал киберпространства неоднозначен. Наряду с позитивными функциями оно может способствовать закреплению паттернов поведения, несущих потенциальные риски для личностного развития ребенка, угрозы вовлечения в различные преступные группы, а также расширять диапазон преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

В одном из своих интервью Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин отметил, что в последнее время особенно распространены преступления, связанные с воздействием на детей негативной информации в сети «Интернет». Многие из них не имеют навыков критического осмысления информации и не могут отличить правду от вымысла. Кроме того, в игровых чатах многие подростки находят тех, кто готов им уделить внимание. У несовершеннолетних создаётся ложное ощущение, что это их единомышленники. Но такие люди зачастую используют подростков в своих целях, подталкивают на

совершение противоправных действий. Помимо этого, такие собеседники могут войти в доверие и совершить преступление в отношении несовершеннолетнего[1].

Анализ статистических данных за период 2021–2025 гг. демонстрирует устойчивую динамику роста преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Тенденция роста негативных последствий стремительной цифровизации всех сфер социальной жизни обусловлена доступностью интернет-ресурсов для детской и подростковой аудитории, а также несовершенством механизмов цифровой безопасности, адаптированных под возрастные особенности таких пользователей. Способствует вовлечению несовершеннолетних в опасную для них среду в виртуальном пространстве и недостаточный контроль со стороны взрослых.

Хотя киберпространство становится всё более опасным, угрозы в реальном мире остаются не менее значимыми. Особенно тревожной является статистика преступлений, совершаемых близкими несовершеннолетним людьми, которым они доверяют.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин в мае 2025 г. в своём интервью отметил, что в 2024 г. следователями Следственного комитета расследовано более 21 тыс. преступлений против детей, в результате которых погибли 1 082 несовершеннолетних, что на 10 % больше, чем в 2023 г.

По уголовным делам, находившимся в производстве следователей Следственного комитета, признаны потерпевшими от преступных посягательств почти 17 тыс. несовершеннолетних. Из них в возрасте до 1 года – 266, от 1 года до 5 лет – 831, от 6 до 10 лет – 2 600, от 11 до 14 лет – свыше 6 тыс., подростков – 7 тыс.

При этом криминальные посягательства в отношении несовершеннолетних становятся всё более безнравственными. К сожалению, жестокое обращение с детьми стало распространённым явлением. И ведь зачастую насильственные преступления совершаются их близкими[2].

Последствия насилия над детьми в семье затрагивают разные сферы их деятельности: эмоциональную (страхи, эмоциональная нестабильность, гнев, чувство стыда, вины, незащищённости, посттравматическое стрессовое расстройство, депрессии и пр.); когнитивную (задержка речевого и психического развития, трудности концентрации внимания, снижение успеваемости, отсутствие интереса к учёбе и пр.); личностную (заниженная самооценка, открытость личностных границ, стигматизация и пр.); поведенческую (противоречивость поведения, отстранённость, гиперактивность, девиантность, аутоагрессия и пр.) и сферу межличностных отношений (коммуникативная некомпетентность, конфликтность, агрессивность и пр.) [1].

---

[1] Интервью Председателя СК России информационному агентству 04 мая 2025 г. [Электронный ресурс] // URL: TACChttps://sledcom.ru/press/interview/item/1984833/ (дата обращения: 01.06.2026).

[2] Там же.

Перспективы применения цифровых технологий при допросе младших школьников. Независимо от типа пространства, в котором совершено противоправное деяние в отношении несовершеннолетнего, основной задачей в ходе расследования является получение максимально достоверной информации о событии преступления. Основную роль в этом в большинстве случаев отводят допросу потерпевшего или свидетелей, непосредственно наблюдавших интересующие следствие обстоятельства.

Как известно, психические процессы, обеспечивающие восприятие, обработку, хранение и использование информации, обладают индивидуальной специфичностью у каждого человека. Их развитие происходит постепенно в соответствии с возрастными этапами.

Развитие и перестройка памяти связаны с изменениями, происходящими в разных сферах психической жизни ребенка, и прежде всего в познавательных процессах – восприятии и мышлении [2, с. 148]. При выборе тактики допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших важно помнить, что их способности восприятия и воспроизведения информации будут во многом зависеть от этапа развития его когнитивных функций в моменты противоправных действий, совершаемых с ним, и производства допроса.

Так, дети дошкольного возраста в силу особенностей своего развития зачастую способны рассказать лишь об основных действиях, образующих событие преступления. Младшие же школьники могут вспомнить и рассказать уже более подробные сведения о происшествии. Вместе с тем сохраняется необходимость при формулировке вопросов использовать конкретные, краткие, простые конструкции без включения специальных терминов и абстрактных понятий.

В современном мире, насыщенном цифровыми технологиями, психологи, педагоги также отмечают, что «в структуре интеллекта детей, обучаемых посредством гаджетов, преобладают такие компоненты, как пространственное, интуитивно-логическое мышление, непроизвольное внимание» [3]. Последнее влечёт фрагментарное восприятие события. Кроме того, внимание младшего школьника отличается неустойчивостью, лёгкой отвлекаемостью. Дети этого возраста не умеют быстро переключать свое внимание с одного объекта на другой [4]. В связи с быстрым наступлением утомления, так как возбуждение преобладает над торможением, одним и тем же видом деятельности они могут активно заниматься 10–20 минут [5, с. 262]. Прерывание повествования ребёнка и переключение его внимания на иные обстоятельства требуют от него дополнительных когнитивных и волевых усилий, что может спровоцировать утомление.

В этих условиях у младших школьников активизируются защитные механизмы центральной нервной системы, в частности, процесс охранительного торможения. Это может повлечь снижение точности припоминания и избирательность воспроизведения событий. В результате ребёнком могут быть пропущены значимые детали события преступления даже при наличии соответствующих мотивации и волевых усилиях.

Так, 8-летний Р. начал давать свои показания об убийстве его матери непосредственно с момента, когда он проснулся и увидел, как его маму душил незнакомый ему мужчина. Однако следователь его прервал и попросил сообщить о том, кто ещё вместе с ним и мамой проживал. Сказав, что ещё с братом, мальчик вновь вернулся к событиям смерти матери. Следователь вновь его остановил, объяснив, что сначала нужно выяснить, как Р. с мамой попали в квартиру, где её убили. Как только рассказ свидетеля дошёл до момента, когда он уснул, следователь ещё раз прервал его, объяснив, что ему нужно записать показания. В их фиксации следователь несколько раз уточнял различные детали, происходящие до момента пробуждения мальчика. Когда же он наконец спросил Р. об убийстве матери, мальчик ответил, что испугался мужчину, соскочил с кровати и убежал. Выяснить всю последовательность событий следователю так и не удалось. Р. устал и не мог сосредоточиться, перепрыгивая в своем рассказе с одного места на другое. Позднее в суде выяснилось, что он упустил слова матери, которая, умирая, попросила сбегать за помощью к его дяде. В результате последний не был допрошен в качестве свидетеля, являясь очевидцем сокрытия следов преступления.

При определении методов допроса детей рассматриваемой возрастной группы необходимо помнить, что специфика восприятия младшего школьника «определяется прежде всего особенностями самого предмета. Дети замечают в предметах не главное, важное, существенное, а то, что ярко выделяется – окраску, величину, форму и т. д.» [6]. Детали же, которые интересуют следователя, нередко не имеют признаков, определяющих их как значимые для восприятия допрашиваемого ребенка. В результате малолетний потерпевший (свидетель), не обративший на них внимания, не может детально описать интересующие следствие объекты.

Одной из ошибок в таких ситуациях является проявление настойчивости при постановке вопросов о расположении объектов и их признаках, предложение нескольких вариантов ответов для выбора ребёнком наиболее правильного, демонстрация схожих предметов для описания по их подобию и другие подобные варианты активизации памяти допрашиваемого. Такой метод допроса приведёт к получению придуманного ребёнком описания объекта и связанных с ним действий.

Так, допрошенный в качестве свидетеля 7-летний мальчик, видевший мужчину, лежащего на диване в окровавленной рубашке, рассказал о другом мужчине, который нанёс удар ножом, и описал общие признаки этого орудия. При просмотре в суде видеозаписи допроса ребёнка было установлено, что первоначально он сказал лишь о том, что увидел убитого мужчину, когда пробегал мимо комнаты, в которой последний лежал на диване без движения, и видел кровь на рубашке. Остальные обстоятельства, изложенные им, мальчик додумывал в ходе настойчивых вопросов следователя, содержащих формулировки, требующие от ребёнка вспомнить, кто и чем нанёс удар увиденному им мужчине.

В процессе дачи показаний мальчик предварял описание вымышленных элементов события словом «видать», что выступало устойчивым вербальным маркером активации фантазирования. Данный диагностический признак остался вне фокуса внимания следователя и не был учтён при оценке достоверности сообщаемой информации.

Для исключения подобных ситуаций для допроса детей успешно привлекаются в качестве специалистов психологи, имеющие достаточно опыта работы в кризисных центрах с такой категорией детей. Однако дефицит соответствующих специалистов в некоторых населённых пунктах (в частности, в малых населённых пунктах и сельской местности) ограничивает возможность их регулярного задействования. В отдельных случаях, при недостаточной профессиональной компетентности или неверной тактике взаимодействия с ребёнком, отмечается негативное влияние психолога на динамику следственной ситуации. Например, по совету психолога, девочка, ставшая свидетелем убийства своим отцом мамы и её младшего брата, была незамедлительно допрошена. Свои рекомендации специалист обосновала тем, что после сна девочка забудет большую часть события. К сожалению, психолог не учла стрессового состояния ребёнка, следователь игнорировал нежелание маленького напуганного свидетеля давать показания, вспоминать страшные события. В результате показания так и не были получены, а девочка была госпитализирована в психиатрический стационар для лечения и реабилитации.

Говорить о полном исключении участия специалиста психолога, чтобы избежать ошибок, связанных с человеческим фактором, конечно, ещё рано. Однако соответствующая программа искусственного интеллекта, обученная функциям отслеживания состояния ребенка по вербальным и невербальным признакам, может стать неплохим подспорьем для оценки следователем развития следственной ситуации и своевременного прекращения допроса или производства других следственных действий с его участием.

Ограниченное время допроса потерпевших, свидетелей младшего школьного возраста – 1 час без перерыва, а всего 2 часа, является ещё одним проблемным аспектом производства следственных действий с их участием.

На всём протяжении младшего школьного возраста у детей образная память развита лучше, чем словесно-логическая; логическая память развита лучше, чем механическая; графическое изображение помогает запоминанию и воспроизведению информации, преобладает зрительно-слуховая память [3, с. 32]. При этом их словарный запас значительно ограничен по сравнению с взрослыми, что затрудняет воспроизведение ими информации.

Поэтому в настоящее время в ходе допроса такой категории потерпевших и свидетелей для помощи ребёнку предлагаются такие средства, как иллюстрации, фотографии мест происшествия, схемы, куклы, макеты и другие наглядные объекты. Несомненно, такие приёмы в век цифровых технологий не потеряли своей актуальности.

Вместе с тем, как уже было отмечено, современные дети с раннего возраста активно взаимодействуют с цифровой средой, при этом значительная часть их опыта формируется в игровых и интерактивных платформах. Это обстоятельство создаёт предпосылки для эффективного использования компьютерных технологий в следственной практике при допросе младших школьников, особенно в ситуациях, связанных с воспроизведением психотравматичных событий.

Одной из ключевых задач следователя при работе с несовершеннолетними является получение достоверности и полноты показаний при одновременном соблюдении психологической безопасности ребёнка. В этом контексте цифровые инструменты, такие как 3D-моделирование и интерактивные симуляции, могут способствовать более эффективному преодолению детьми трудностей, связанных с воспроизведением информации, включая психологические барьеры, формирующиеся из-за страха или иных негативных эмоциональных переживаний.

Например, следователь может использовать 3D-модель человеческого тела для уточнения локализации телесных повреждений или предложить ребёнку визуально воссоздать обстановку происшествия в виртуальном пространстве, подобном компьютерной игре, где доступны стандартные объекты интерьера (мебель, окна, двери и т. д.).

Применение такого метода, на наш взгляд, позволит: снизить уровень психоэмоционального напряжения у ребёнка; установить и удерживать на протяжении допроса психологический контакт; активизировать образную память младшего школьника, что способствует более точному и последовательному воспроизведению событий; минимизировать риск наводящих вопросов, сохранив самостоятельность ребёнка в изложении обстоятельств.

Использование интерактивных технологий выступает как средство создания благоприятных условий для получения достоверной информации. При этом фиксация действий ребёнка в цифровой среде (скриншоты, видеозапись) может быть приобщена к материалам дела в качестве приложения к допросу.

Фиксация показаний в ходе допроса малолетних в настоящее время остаётся одной из актуальных проблем, обусловленной неэффективными методами документирования. Для экономии времени следователи заносят показания ребёнка в протокол одновременно с рассказом допрашиваемого. Учитывая, что малолетние легко отвлекаются на посторонние раздражающие факторы и другие вышеперечисленные свойства их психики, такое поведение допрашивающего может привести к утрате части информации и другим негативным последствиям.

В научной литературе предлагается для решения этого вопроса использование транскрибации[3], которая способна уменьшить временные затраты и повысить качество фиксации информации. В настоящее время с аналогичной функцией разработаны приложения для мобильных телефонов и программы для компьютеров, рекомендуется использовать эти цифровые возможности с дополнительной записью показаний на диктофон, чтобы увеличить шумопо-

[3] Под транскрибацией в настоящей статье понимается расшифровка аудиовизуальной информации и автоматический перевод её в текст.

давление посторонних звуков и повысить разборчивость речи. При дальнейшей обработке такая звукозапись позволит снизить количество неверно распознанных звуков и слов.

Несомненно, подобные инновационные цифровые технологии позволяют следователю, сохраняя визуальный, эмоциональный контакт с ребёнком, применять более разнообразные методы допроса, повышающие его эффективность. При этом минимизируется вероятность причинения вреда психическому здоровья младшему школьнику.

Вместе с тем такой метод не лишён недостатков. В основном, существующие системы распознавания речи разработаны преимущественно на основе лингвистических паттернов взрослого диктора. На момент подготовки настоящей статьи систематизированные научные публикации, посвящённые созданию специализированных программ распознавания речи малолетних, выявлены не были, что свидетельствует о низкой степени разработанности данного направления.

Сложности в адаптации речевых алгоритмов обусловлены несовершенством речевого аппарата этих возрастных категорий. Научные исследования, посвящённые этой проблематике, выявляют около 63 % младших школьников с нарушениями устной речи [7]. У этой возрастной группы речевые нарушения могут быть связанны с функциональными нарушениями ЦНС, с дефектами строения артикуляционного аппарата, задержками речевого развития различного происхождения [8, с. 37].

В этих условиях особую актуальность приобретает разработка специализированной компьютерной программы, способной обеспечить достоверную и оперативную фиксацию показаний детей. Одним из перспективных направлений, на наш взгляд, является использование ИИ, обладающего способностью к обучению на репрезентативных массивах детской речи. На основе анализа типичных артикуляционных паттернов, фонетических искажений и индивидуальных особенностей произношения перед ИИ может быть поставлена задача разработки программы на основе синтеза адаптивных моделей распознавания, учитывающих возрастную специфику.

Применение такого подхода позволит не только повысить точность автоматической транскрибации детской речи, но и сократить время на обработку материалов следственного действия и минимизировать риск искажения показаний при их фиксации.

Развитие цифровых технологий со временем позволит разработать и иные методы, направленные на усовершенствование в целях повышения эффективности проведения следственных действий с участием малолетних свидетелей и потерпевших. В перспективе искусственный интеллект может быть обучен обеспечивать не только точную фиксацию показаний малолетних за счёт адаптированной транскрибации, но и анализировать эмоциональное состояние ребёнка в ходе допроса.

Заключение. Модернизация следственных действий с участием детей возможна при условии синтеза криминалистических знаний, возрастной психологии и цифровых инноваций, что позволит не только повысить качество рас-

следования преступлений, но и обеспечить соблюдение прав и интересов ребёнка как участника уголовного судопроизводства.

При использовании интерактивных цифровых технологий следует помнить, что они являются лишь дополнительным средством в арсенале следователя для создания благоприятных условий, способствующих получению достоверной информации в ходе допроса малолетних.

Список источников

1. Дерябина В.В. Психологическая помощь детям, пережившим насилие в семье: дис. … канд. психол. наук: 19.00.07 / В.В. Дерябина [Электронный ресурс] // URL: http://www.dissercat.com/content/psikhologicheskaya-pomoshch-detyam-perezhivshim-nasilie-v-seme. (дата обращения: 04.06.2026).

2. Урунтаева Г.А. Дошкольная психология: Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. 5-е изд., стереотип. / Г.А. Урунтаева. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 336 с.

3. Декина Е.В., Шалагинова К.С. Особенности развития памяти младших школьников в процессе активной познавательной деятельности и воспитания: влияние цифровизации образования // Вестник практической психологии образования. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 66–77.

4. Захарова И.Н. Особенности свойств внимания: концентрация, устойчивость и переключаемость у младших школьников / И.Н. Захарова [Электронный ресурс] // URL: https://moluch.ru/archive/235/54570 (дата обращения: 03.06.2026).

5. Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / И.Ю. Кулагина, В.Н. Колюцкий. – М.: ТЦ «Сфера», 2001. – 464 с.

6. Астафьева Е.В. Познавательные процессы в младшем школьном возрасте / Е.В. Астафьева [Электронный ресурс] // URL: https://урок.рф/library/poznavatelnie_protcessi_v_mladshem_shkolnom_vozrast_154607.html?ysclid=mpm5vw6qrf925659865 (дата обращения: 02.06.2026).

7. Иванова Е.А., Гончарова В.А. Уровень развития устной речи младших школьников общеобразовательных учреждений / Е.А. Иванова, В.А. Гончарова [Электронный ресурс] // URL: https://lornii.ru/faq/uroven-razvitiya-ustnoy-rechi-mladshikh-shkolnikov-obshcheobrazovatelnykh-uchrezhdeniy-ivanova-e-a-g/?ysclid=mq50uqntbb395327269 (дата обращения: 08.06.2026).

8. Волкова Г.А. Методика обследования нарушений речи у детей: методические рекомендации / Г.А. Волкова. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1993. – 45 с.

References

1. Deryabina V.V. Psychological Assistance to Children Who Have Experienced Domestic Violence. *Cand. Dis.* Moscow, 2010, 333. (In Russian).

2. Uruntaeva G.A. Preschool Psychology: Textbook for Students of Secondary Pedagogical Educational Institutions. Moscow, Publ. Center “Akademiya”, 2001. 336 p. (In Russian).

3. Dekina E.V., Shalaginova K.S. Features of the Development of Memory in Primary Schoolchildren in the Process of Active Cognitive Activity and Education: The Impact of Digitalization of Education. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2023, vol. 20, no. 3, pp. 66–77. (In Russian).

4. Zakharova I.N. Characteristics of Attention Properties: Concentration, Stability, and Switchability in Primary School Children. *Young Scientist,* 2018, no. 49, pp. 272–275. Available at: https://moluch.ru/archive/235/54570. (In Russian).

5. Kulagina I.Yu., Kolyutsky V.N. Developmental Psychology: Complete Life Cycle of Human Development. Textbook for University Students. Moscow, Sfera, 2001. 464 p. (In Russian).

6. Astafyeva E.V. Cognitive Processes in Early School-Age Children. Available at: https://урок.рф/library/poznavatelnie_protcessi_v_mladshem_shkolnom_vozrast_154607.html?ysclid=mpm5vw6qrf925659865. (In Russian).

7. Ivanova E.A., Goncharova V.A. Level of Oral Speech Development in Early School-Age Children in General Education Institutions. Available at: https://lornii.ru/faq/uroven-razvitiya-ustnoy-rechi-mladshikh-shkolnikov-obshcheobrazovatelnykh-uchrezhdeniy-ivanova-e-a-g/?ysclid=mq50uqntbb395327269. (In Russian).

8. Volkova G.A. Methodology for Assessing Speech Disorders in Children: Methodological Recommendations. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 1993. 45 p. (In Russian).

Информация об авторе

Вахмянина Наталья Борисовна – *директор Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имения А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент*

Information about the Author

Vakhmyanina Natalia Borisovna – *Associate Professor, Head of Yekaterinburg Branch of the A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,*

Статья поступила в редакцию 14.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 27.05.2026 г.; принята к публикации 28.05.2026 г.

The article was submitted14.05.2026; approved after reviewing 27.05.2026; accepted for publication 28.05.2026.

Научная статья
УДК 343.98.067
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.14

Видясов Евгений Олегович
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия,
evgenii-vid@rambler.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА: АЛГОРИТМИЗАЦИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И СПЕЦИФИКА ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. Актуальность работы состоит в том, что экономические преступления в сфере ЖКХ характеризуются большой скрытностью, сложной структурой реализации. Хищение денежных средств бюджета или платежей населения маскируются под гражданско-правовые сделки. Научная новизна состоит в создании криминалистического подхода к проведению расследования, объединяющего уголовно-процессуальные процедуры со специальными особенностями отрасли ЖКХ, особенностью образования электронного следа, разработкой тактики отложенного предъявления обвинения.

Цель статьи состоит в создании научно-обоснованного типового алгоритма проведения следственных действий по обнаружению фиктивной сделки, определение фактического маршрута движения похищенного имущества. При разработке данного алгоритма использованы методы: системно-структурного анализа материалов судебной и следственной практики; сравнительно-правовой (исследование норм); моделирование тактики следственных действий для повышения их эффективности в решении встающих тактических задач. Эмпирическую основу исследования составили данные по уголовным делам о кражах субсидий и кражах у собственников жилья в период 2019–2026 гг., на основе которых была сделана оценка динамики данных видов преступлений.

Результаты: было установлено, что результативность доказывания зависит от соблюдения определённой логики процесса дознания: он должен начинаться со сбора ценных документов и заканчиваться систематизацией материалов по видам объектов недвижимости и контрагентам. При проведении процедуры изъятия электронной информации требуется участие специалиста вследствие автоматизации бухгалтерского учёта. Предъявлять обвинение тактически целесообразно только при наличии доказательной базы. Такой тактический приём позволяет исключить противодействие со стороны лиц, которые не желают установления обстоятельств совершённого преступления.

Выводы: предложенная модель расследования даёт возможность раскрыть подделку документов посредством анализа их метаданных, реквизитов;

© Видясов Е.О., 2026

необходимость применения комплекса экономических и строительно-технических экспертиз обусловлена тем, что они взаимно дополняют друг друга для установления отсутствия встречного исполнения обязательств (финансовые данные противоречат техническим данным). Соблюдение этого научно-обоснованного порядка обеспечивает независимость работы следователя, её целесообразность, предотвращает утрату доказательств, позволяет комплексно собрать и проанализировать всю полученную информацию, имеющую доказательственное значение.

Ключевые слова: экономические преступления; сфера жилищно-коммунального хозяйства; расследование; следственные действия; допрос; обыск; предъявление обвинения; экономическая экспертиза; строительно-техническая экспертиза

Для цитирования: Видясов Е.О. Криминалистическая модель расследования экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства: алгоритмизация следственных действий и специфика доказывания / Е.О. Видясов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.14 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 183–197.

Original article

Vidyasov Evgeny Olegovich
National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russia, evgenii-vid@rambler.ru

A CRIMINALISTIC MODEL OF ECONOMIC CRIMES INVESTIGATION IN THE HOUSING AND UTILITIES SECTOR: ALGORITHMIZATION OF INVESTIGATIVE ACTIONS AND SPECIFICS OF PROOF

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that economic crimes in the housing and utilities sector are characterized by great secrecy and a complex structure of implementation. The embezzlement of budget funds or residents' payments is disguised as civil law transactions. The scientific novelty consists in the creation of a criminalistic approach to conducting an investigation that combines criminal procedures with the special features of the housing and utilities industry, the specifics of electronic trace formation and the tactics of deferred prosecution. The purpose of the article is to create a scientifically grounded typical algorithm for conducting investigative actions to detect a fictitious transaction and determine the actual route of movement of stolen property. The following methods are used in developing this algorithm: systemic-structural analysis of judicial and investigative practice materials, comparative legal analysis (study of norms), modeling of investigative action tactics to enhance their effectiveness in solving emerging tactical tasks. The empirical basis of the study comprised data from criminal cases concerning the theft of subsidies and thefts from homeowners during the period 2019–2026, on the

basis of which an assessment of the dynamics of these types of crimes was made. Results: it is established that the effectiveness of proof depends on adherence to a certain logic of the inquiry process: it must begin with the collection of valuable documents and end with the systematization of materials by types of real estate objects and counterparties. When conducting the procedure of seizing electronic information, the participation of a specialist is required due to the automation of accounting. It is tactically advisable to bring charges only when an evidentiary base exists. This tactic makes it possible to exclude opposition from persons who do not want to establish the circumstances of the crime committed. Conclusions: the proposed investigation model makes it possible to uncover the document's forgery by analyzing their metadata and requisites; the need to apply a set of economic and construction and technical expertise is conditioned by the fact that they mutually complement each other to establish the absence of counter-performance of obligations (financial data contradict technical data). Compliance with this scientifically grounded procedure ensures the independence of the investigator's work, its expediency, prevents the loss of evidence and allows for comprehensive collection and analysis of all obtained information having evidentiary value.

Keywords: economic crimes, housing and utilities sector, investigation, investigative actions, interrogation, search, indictment, economic expertise, construction and technical expertise

For citation: Vidyasov E.O. A Criminalistic Model of Economic Crimes Investigation in the Housing and Utilities Sector: Algorithmization of Investigative Actions and Specifics of Proof. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 183–197. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.14

Введение. Особенностью расследования экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства является необходимость, кроме знаний уголовного и уголовно-процессуального законодательства, знать особенности хозяйственной деятельности, связанной с содержанием многоквартирных домов. Для успешного расследования необходимо знать механизмы управления такими домами, формирования коммунальных платежей, проведения капитальных ремонтов, предоставления бюджетных субсидий, а также взаимодействие между управляющими компаниями, ресурсоснабжающими организациями и подрядчиками [1, с. 14–19]. Многие из этих преступлений внешне маскируются под законную хозяйственную деятельность. Незаконное движение денежных средств маскируется под договоры подряда; фиктивное исполнение работ – актом приёма-передачи; рост затрат – сметой; присвоение денежных средств населения – с помощью фальсифицированных документов бухгалтерского учёта [2, с. 137–147]. Таким образом все признаки преступления рассредоточиваются в разных документах, которые отражают только часть преступного деяния.

1. Оптимизация тактики выявления и сохранения криминалистически значимой информации. Результативность раскрытия экономических преступлений в жилищно-коммунальном хозяйстве обусловлена выполнением типизированного алгоритма деятельности следователя по проведению следственных и иных действий на основе обобщения практики их расследования. Не механическое повторение какой-то заранее заготовленной схемы, а соблюдение логики доказывания – гарантия установления обстоятельств, представляющих интерес для правосудия. Сначала должны быть обнаружены и сохранены наиболее уязвимые источники криминалистически значимой информации, затем – исследованы содержание и взаимосвязи полученных сведений, после чего они проверяются путём допросов, экспертных исследований и иных процессуальных действий. Лишь при сформированной совокупности доказательств становится тактически оправданным предъявление обвинения и проведение развёрнутого допроса обвиняемого.

Следственные действия – это юридически обусловленная форма получения знаний о фактах, представляющих интерес для расследования, характеризующегося установлением методологической последовательности. Познавательный характер следственных действий заключается в том, что они направлены на выявление, получение, изучение, фиксацию и верификацию информации по вопросам, подлежащим доказыванию [3, с. 176–182]. Одновременно эти процедуры выполняют удостоверительную функцию, поскольку результаты познавательной деятельности следователя приобретают полноценное доказательственное значение исключительно при условии строгого соблюдения установленной процессуальной формы и законности каждого шага [4, с. 175–186]. Найденный оперативным сотрудником или переданный заявителем документ сам по себе не раскрывает механизм преступления, но служит важным источником информации. Следователю нужно выяснить то, кто этот документ составил и что в нём написано, установить связь с определённой сделкой или финансовой операцией, понять, как и когда он был составлен и подписан, проверить подлинность информации. Если есть основания, этот документ должен быть приобщён к уголовному делу как доказательство для продолжения дальнейшей следственной работы.

Расследование в сфере ЖКХ обычно переходит от знания о том, как выглядит формально легитимное действие, к знанию его реального экономического содержания. Так, например, если оплата подрядчику будет производиться построчно согласно условиям заключённого договора, то более тщательный анализ может показать следующие нюансы: увеличение объёмов выполненной работы; невыполнение некоторых видов работ; использование иных материалов, чем предусмотрено сметой; фактическая подконтрольность подрядчика должностному лицу заказчика – в результате чего реальная картина сделки будет иной. Для доказательства необходимо изучить ряд документов – начиная с договора и технического задания и заканчивая дефектной ведомостью, локальной сметой и актами сдачи-приёмки выполненных работ. Не менее важны

финансовые документы (счета, банковские выписки), информация о приобретении стройматериалов, осмотр здания/помещения непосредственно на объекте, свидетельские показания проживающих либо работников технического отдела. В подобном контексте следственное действие является не отдельным средством получения одного доказательства, а комплексным элементом целостного процесса установления фактов.

Вне зависимости от видов и способов совершения преступлений в сфере ЖКХ имеется стабильный перечень следственных действий при проведении расследования этих экономических преступлений. К ним относятся: выемка, обыск либо осмотр помещения; осмотр бумажных и электронных документов; допросы свидетеля, специалиста, подозреваемого (если он имеется); назначение судебной экспертизы; предъявление обвинения с последующим допросом обвиняемого. Ситуационно могут проводиться осмотр места выполнения строительных или ремонтных работ, получение образцов для сравнительного исследования, очная ставка, предъявление для опознания и проверка показаний на месте. Данные следственные действия осуществляются лишь при наличии прямой связи с решением задач расследования и подтверждением обстоятельств совершения преступления; они должны быть обусловлены соответствующей сложившейся ситуации тактикой и не ориентироваться на выполнение избыточного объёма следственных действий [5, с. 45–47].

Разграничение типичных и нетипичных следственных действий имеет преимущественно криминалистическое, а не процессуальное значение. Типичными следует признавать действия, закономерно повторяющиеся при расследовании большинства преступлений рассматриваемого вида. Нетипичное действие может встречаться значительно реже, но в отдельной ситуации приобретать ключевое значение. Так, проверка показаний на месте обычно не относится к центральным (основным) следственным действиям, позволяющим добиваться оптимизации расследования экономических преступлений, однако становится необходимым, если работник подрядной организации указывает конкретные объекты, где отраженные в документах работы фактически не производились. Предъявление для опознания может оказаться решающим при установлении лица, фактически управлявшего организацией, зарегистрированной на номинального руководителя. Отсюда следует, что методика расследования названных преступлений должна включать в себя стабильное ядро следственных действий, не исключающее вариативности перечня дополнительных следственных действий в зависимости от ситуации.

На первоначальном этапе расследования приоритет обычно отдаётся действиям, направленным на сохранение документальных и цифровых следов [6, с. 95–101]. Промедление создаёт риск уничтожения оригиналов, замены отдельных листов, составления документов задним числом, корректировки бухгалтерской базы и удаления электронной переписки. Поэтому исходные материалы должны быть оценены с точки зрения достаточности сведений о местонахождении документов, возможности их добровольной выдачи и вероятности

противодействия [7, с. 378–382]. Если предметы и документы индивидуализированы, место их нахождения известно, а обстановка не свидетельствует о намерении скрыть их, тактическая задача может быть решена посредством выемки. При наличии оснований полагать, что доказательственные объекты скрываются, их точное местонахождение неизвестно либо добровольная передача маловероятна, возникает необходимость производства обыска с соблюдением предусмотренных законом оснований и процессуального порядка.

Выбор между выемкой и обыском зависит от сложившейся ситуации. Выемка предпочтительна, когда предметы и документы достаточно индивидуализированы, место их нахождения известно, а сведения о намерении скрыть их отсутствуют. Обыск необходим при наличии достаточных данных полагать, что доказательственные объекты находятся в определённом помещении или у конкретного лица, но добровольно переданы не будут либо их точное местонахождение неизвестно. В обоих случаях должны строго соблюдаться основания и порядок, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Тактическая целесообразность не может заменять процессуальное основание производства действия.

По делам о преступлениях в ЖКХ поисковые действия проводятся в управляющих организациях, товариществах собственников жилья, ресурсоснабжающих предприятиях, расчётных центрах, подрядных организациях и иных юридических лицах, участвовавших в движении денежных средств. При наличии предусмотренных законом оснований обследованию подвергаются служебные кабинеты и жилища фигурантов. Обнаружению и изъятию подлежат договоры, дополнительные соглашения, сметы, дефектные ведомости, технические задания, акты выполненных работ, платёжные документы, бухгалтерские регистры, протоколы общих собраний, приказы, доверенности, журналы учёта, документы о закупке материалов, электронные ключи и черновые записи. Существенное значение могут иметь печати подконтрольных организаций, незаполненные бланки с подписями, списки распределения денежных средств и записи неофициального учёта.

Цифровизация ЖКХ изменила содержание поисковой деятельности. Бухгалтерский и управленческий учёт ведётся с использованием информационных систем, начисление платежей производится в электронном виде, деловое взаимодействие переносится в мессенджеры и электронную почту, а дистанционное банковское обслуживание позволяет совершать операции без оформления бумажных платёжных документов. В этой связи обыск или выемку целесообразно проводить с участием специалиста, способного обеспечить обнаружение и сохранение цифровых данных. В протоколе необходимо отразить место обнаружения технического устройства, его состояние, идентифицирующие признаки, наличие активных подключений и характер произведённых при изъятии операций. Недостатки фиксации могут поставить под сомнение неизменность электронных данных и, соответственно, достоверность полученного доказательства.

После изъятия документации обязательно должен последовать её тщательный осмотр, который на практике часто неоправданно сводится лишь к простому перечислению наименований документов. Но на самом деле цель данного следственного действия гораздо более обширная – посредством него можно точно определить реквизиты документа, его текстовое наполнение и материальный носитель, наличие специальных признаков (подписи, печати), исправления, подчистки, дописки либо следы замены листа – то есть фальсификата. Проверка правильности последовательности дат; проверка соответствия исходного документа приложениям к нему; сравнение идентичности нескольких экземпляров договора. Проверка наличия представителей от органов по подписанию документа; корректность сквозной нумерации листов, наличие всех необходимых реквизитов. При наличии электронного документа – проверка метаданных, время создания/редактирования файла, кто пользовался учётными записями при работе над документом, операционный лог финансовых действий с целью подтверждения достоверности и возможности проследить историю изменений.

Систематизация документального массива должна производиться по следующим направлениям: объект жилого фонда; период времени; договор; контрагент; банковская операция. В результате такой классификации будут обнаружены закономерности взаимодействия различных информационных элементов, содержащихся в документах, что позволит выявить обстоятельства, явно указывающие на признаки совершения преступления. Это позволит лучше понять существующие связи внутри системы действий, ориентированных на получение преступного результата. Названные связи указывают на наличие признаков преступления, которые проявляются: в заключении договоров только с одним исполнителем; переводе денег на несколько юридических лиц с одинаковыми контактными данными; подписание актов в дни, когда работы объективно не могли быть завершены; отсутствие закупки материалов, необходимых для ремонта. Сущность осмотра заключается в тщательной проверке документов и глубоком анализе всей полученной информации, что даёт возможность получить достоверную информацию о преступлении в целом, которая является основой формирования рабочих версий и построения плана на дальнейшее проведение следственных и иных действий.

Показательным примером документальной маскировки противоправного изъятия средств является уголовное дело в отношении бывшего руководителя ПАО «МОЭК». По имеющимся данным дело о хищении было возбуждено по факту перевода денег в счёт выполнения договоров с юридическими лицами. При этом возникли сомнения в соответствии внешней формы сделок их реальному содержанию: являются ли данные внешне оформленные сделки отражением действительных экономических отношений или маскируют фактическое противоправное перемещение имущества. Из материалов рассмотрения дела вытекает, что сам факт наличия подписанного договора и платёжной ведомости ещё не даёт оснований говорить о наличии преступления; необходимо до-

казать существование встречного исполнения обязательства, экономическую необходимость расходования денежных средств, фактическую причастность лица, совершившего операцию[1]. Этот случай иллюстрирует порядок проведения следствия – начиная со сбора бумажных документов, далее их сопоставление с данными по операциям банка и получение пояснений от всех участников совершённых операций. Приведённый пример важен не размером ущерба или назначенным наказанием, а отражённой в нём моделью использования обычных гражданско-правовых документов для придания видимости законности расходованию средств коммунальной организации, что демонстрирует риск формального оформления реальных финансовых операций.

2. Тактико-криминалистическое обеспечение допросов для получения криминалистически значимой информации об обстоятельствах совершённого преступления и причастности к нему соответствующих лиц. Допросы по рассматриваемой категории дел следует проводить с учётом степени осведомлённости допрашиваемого и его заинтересованности в исходе расследования. В большинстве случаев тактически оправдано первоначально получить показания от лиц, не принимавших управленческих решений и не участвовавших в распределении денежных средств. Собственники и наниматели помещений могут сообщить, проводилось ли общее собрание, выполнялись ли заявленные ремонтные работы, каково было их фактическое содержание. Работники диспетчерских и аварийных служб располагают сведениями о техническом состоянии объекта. Инженеры, мастера и сметчики способны разъяснить происхождение дефектных ведомостей, смет и актов приёмки.

Затем допрашиваются сотрудники, непосредственно участвовавшие в финансовом и договорном оформлении операций: бухгалтеры, экономисты, специалисты по закупкам, юрисконсульты и представители подрядчиков. К их допросу следователь должен подготовить конкретные документы и определить круг спорных операций. Общие вопросы о деятельности организации дают допрашиваемому возможность ограничиться ссылками на сложившийся порядок работы или компетенцию других сотрудников. Детализированный допрос, напротив, позволяет установить, кто передал исходные сведения для составления документа, кто определил цену, каким образом проверялось выполнение договора, на основании чьего распоряжения производилась оплата и кто имел доступ к системе дистанционного банковского обслуживания.

Должностных лиц целесообразно допрашивать после получения показаний менее заинтересованных свидетелей и первоначального изучения документации. Такое решение обусловлено не формальным недоверием к руководителю, а необходимостью обеспечить предметность допроса. Управленческий работник нередко ссылается на делегирование полномочий, бухгалтер – на ис-

[1] Главу УК-должника МОЭК приговорили к условному лишению свободы [Электронный ресурс] // URL: https://finance.rambler.ru/business/51184392/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 09.08.2026).

полнение распоряжения директора, технический специалист – на сведения подрядчика. Преодоление такого разделения обязанностей осуществляется через анализ служебных записок, доверенностей, электронных сообщений, информации из учётной системы, а также свидетельских показаний сотрудников.

Отличительная черта предварительного расследования по экономическим преступлениям в жилищно-коммунальном хозяйстве заключается в том, что это особая процедура: лицо, как правило, не привлекается в качестве подозреваемого – ему после сбора необходимого, достаточного объёма доказательств выдвигается обвинение. Такой подход к расследованию названных преступлений является рационально обоснованным тактическим приёмом, исключающим возможность противодействия со стороны лица (лиц), не желающего установления истины, так как обеспечивает сохранение следственной тайны. Данный тактический приём даёт возможность своевременно (в соответствии со складывающейся следственной ситуацией) сформулировать обвинение, исключить возможность сокрытия/уничтожения доказательств, избежать возможность воздействия на свидетеля (потерпевшего), что особенно актуально при расследовании сложных уголовных дел с большим количеством лиц и документов.

Планирование производства следственных действий должно основываться на анализе сложившейся следственной ситуации. Благоприятными факторами являются сохранность оригиналов документов и электронной бухгалтерской базы, наличие независимых банковских сведений, возможность осмотра объекта до изменения его состояния, готовность работников давать правдивые показания. К негативным факторам относятся уничтожение документации, значительный временной промежуток после выполнения работ, использование номинальных руководителей, аффилированность контрагентов, удалённое хранение данных, согласованная позиция фигурантов и давление на свидетелей.

Следственная ситуация изменяется по мере поступления информации, поэтому план не может сохраняться в первоначальном виде на протяжении всего производства. Осмотр документа может выявить неизвестного контрагента, допрос бухгалтера – дополнительный счёт, а экспертное исследование – иной способ искажения учёта. Возникающие обстоятельства требуют корректировки версий и очерёдности действий [8, с. 177–185]. Под строгим соблюдением типовой схемы здесь следует понимать не жёсткую фиксацию алгоритма, а научно обоснованную логическую последовательность проведения расследования с учётом устанавливаемых фактов.

3. Судебно-экономическая и судебная строительно-техническая экспертизы как средство верификации обстоятельств совершения экономических преступлений в сфере ЖКХ. Существенное место в доказывании занимает судебная экспертиза. Её назначению должен предшествовать анализ документов, позволяющий определить объекты исследования, подготовить сравнительные материалы и правильно сформулировать вопросы. Судебная экономическая экспертиза используется для исследования финансовых операций, соответствия отражённых в учёте сведений первичным документам, определения раз-

мера необоснованных перечислений и выявления несоответствий между отдельными участками учёта [9, с. 58–62]. Эксперт устанавливает фактические обстоятельства в пределах специальных знаний, но не решает вопросы о наличии состава преступления, виновности лица или юридической квалификации содеянного.

Назначение судебной экспертизы является закономерным продолжением исследования документов, когда для установления обстоятельств требуются специальные знания. Судебная экономическая экспертиза позволяет установить соответствие отражённых в учёте операций первичным документам, размер необоснованных перечислений, наличие расхождений между участками учёта и особенности движения денежных средств [10, с. 14–17]. При этом перед экспертом нельзя ставить вопросы о наличии хищения, виновности конкретного лица или квалификации содеянного: они имеют правовой характер и относятся к исключительной компетенции органов расследования и суда.

Если преступление связано с оплатой строительных или ремонтных работ, экономическое исследование обычно должно сочетаться со строительно-технической экспертизой. Эксперт-экономист способен проанализировать перечисление и отражение денежных средств, но не может достоверно определить объём и стоимость фактически выполненного ремонта без специальных строительных знаний. Строительно-техническая экспертиза позволяет установить виды и объёмы работ, соответствие использованных материалов проектно-сметной документации, техническую обоснованность заявленных расходов. Выводы экспертов разных специальностей в такой ситуации взаимно дополняют друг друга.

Обнаружение следов подделки документов требует решения вопроса о назначении почерковедческой либо технико-криминалистической экспертизы. Первая устанавливает исполнителя подписи или рукописной записи, вторая позволяет исследовать способ изготовления документа, признаки замены листов, дописки, подчистки, монтажа реквизитов, последовательность нанесения штрихов и оттисков. При исследовании электронной отчётности, файлов, переписки и журналов учётных программ может потребоваться компьютерно-техническая экспертиза. Сложность механизма преступления нередко обусловливает производство нескольких взаимосвязанных исследований.

Назначению экспертизы должен предшествовать содержательный анализ материалов. Передача эксперту несистематизированной документации затягивает исследование и снижает определённость выводов [11, с. 13–19]. Следователю необходимо сформировать полный набор объектов, получить требуемые образцы, проверить сопоставимость документов и сформулировать вопросы в пределах специальных знаний. Вместе с тем неоправданно откладывать назначение длительного исследования до завершения всех иных действий. Оптимальным является момент, когда собран минимально достаточный и проверенный массив исходных данных.

4. Тактика предъявления обвинения и допроса обвиняемого. Обвинение за совершение экономических преступлений в жилищно-коммунальном хозяйстве обычно выдвигается только на последующем этапе расследования –

после установления ключевых признаков состава преступления и личной вины обвиняемого. Дело в том, что официально установленные компетенции должностных лиц могут отличаться от реально осуществляемых ими обязанностей. Номинальный директор не принимает участия в решениях, а лицо без должностного статуса реально управляет договорами и финансами. До предъявления обвинения необходимо иметь результаты осмотра документов, выписки по операциям с банковскими счетами, показания основных свидетелей, информацию о выполненных работах, экспертное заключение, доказательства того, что лицо знало о незаконной цели сделки.

Тактика допроса обвиняемого зависит от его профессиональной подготовки, должностного положения, психологических особенностей и избранной позиции защиты. Руководитель организации может ссылаться на неосведомлённость о бухгалтерских операциях, бухгалтер – на обязательность распоряжений руководства, представитель подрядчика – на приёмку работ заказчиком. При признании вины основная задача состоит в детализации способа преступления, распределения ролей и направления использования денежных средств. При частичном признании необходимо точно определить круг признаваемых обстоятельств и проверить попытки минимизировать собственное участие. При отрицании вины целесообразно сначала подробно зафиксировать объяснения обвиняемого, а затем предложить ему объяснить конкретные противоречия между его версией и документами.

Тактический приём предъявления документов при допросе возможен поэтапно или по мере возрастания обличительной силы последних. Это определяется стабильностью позиций обвиняемого и уровнем его информированности по материалам дела. При одном варианте целесообразно рассмотреть все договоры один за другим; при другом – показать самый важный документ после того, как будет получена полная версия от допрашиваемого. Следователь вправе выбирать эти способы, но граница его усмотрения – уголовное процессуальное законодательство. Невозможно применять силу, шантажировать, оскорблять честь и достоинство человека, применять незаконные методы обмана либо лишать возможности защищаться.

5. Алгоритм расследования экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Обобщённая логика расследования экономических преступлений в сфере ЖКХ позволяет сформировать типовой алгоритм без его формального дробления на обязательные стадии. После оценки первоначальной информации и согласования взаимодействия с оперативными подразделениями обеспечивается сохранение доказательственных источников посредством выемки либо обыска. Затем производятся осмотр и систематизация документов, носителей и содержащихся на них данных. На основе полученной документальной картины допрашиваются относительно независимые свидетели, специалисты и работники организаций, после чего – руководители, бухгалтеры, представители подрядчиков и иные причастные лица. При наличии специальных вопросов назначаются экономические, строительно-технические,

почерковедческие, технико-криминалистические и компьютерно-технические экспертизы. Выявленные противоречия устраняются посредством дополнительных допросов, выемок, очных ставок и иных проверочных действий. После установления события преступления, размера ущерба, формы участия и роли конкретного лица предъявляется обвинение и проводится допрос обвиняемого.

Отклонение от этой последовательности возможно, если его требует реальная следственная ситуация. Неотложный осмотр ремонтируемого объекта должен быть проведён до изменения его состояния; задержание лица влечёт необходимость процессуальных действий в установленные законом сроки; поступление сведений о готовящемся уничтожении документации требует немедленного обыска. Такие изменения не опровергают типовой алгоритм, поскольку сохраняют его основное содержание: первоначально доказательственная информация обнаруживается и закрепляется, затем исследуется, сопоставляется и проверяется, а после этого используется для принятия обоснованных процессуальных решений.

Алгоритм действий следователя – это не шаблон, лишённый профессионального суждения об организации и проведении расследования. Это обобщение закономерностей эффективного расследования определённого вида преступлений. Практическая ценность его заключается в том, чтобы избежать типичных промахов – поспешного принятия следственной версии как проверенного, достоверного знания об обстоятельствах преступления; запоздалого изъятия документов, их поверхностного осмотра; спешное, без достаточной подготовки проведение допроса свидетелей (особенно являющихся должностными лицами); адресации к эксперту правовых задач. Следование научно выверенному порядку способствует экономии сил, контролю за достоверностью информации и созданию системы перекрёстно подтверждающих доказательств.

Заключение. Следовательно, типовая последовательность следственных действий – это криминалистическая модель расследования, определяющая порядок проведения конкретных следственных и иных действий, предусмотренных законом, при раскрытии преступлений по фактам экономической деятельности жилищно-коммунальных хозяйств. Её эффективность определяется своевременным изъятием документации, качеством е ё осмотра, продуманной очерёдностью допросов, обоснованным назначением экспертиз, надлежащим использованием результатов оперативно-розыскной деятельности и законным применением тактических приёмов. Строгое соблюдение научно обоснованной последовательности не ограничивает процессуальную самостоятельность следователя, а придаёт ей рациональную направленность. Только построение системы взаимосвязанных доказательств даёт возможность изобличить фальсификацию документов о совершённом преступлении, подтвердить реальность сделок по хозяйственной деятельности, определить личную причастность лиц к совершению преступления в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Список источников

1. Асатрян Х.А., Свистунова Е.А. Особенность расследования уголовных дел в сфере жилищно-коммунального хозяйства / Х.А. Асатрян, Е.А. Свистунова // Высшая школа: научные исследования: Материалы Межвузовского международного конгресса, Москва, 08 февраля 2024 г. – М.: ООО "Инфинити", 2024. – С. 14–19.

2. Бидова Б.Б., Быстрова Ю.В., Гриб В.Г. Ревальвированная экономическая преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства: причины и пути их преодоления / Б.Б. Бидова, Ю.В. Быстрова, В.Г. Гриб // Правовой порядок и правовые ценности. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 137–147.

3. Подольный Н.А. Системно-деятельностный подход в криминалистической методике расследования преступлений / Н.А. Подольный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 176–182.

4. Подольный Н.А. Системно-деятельностный метод в расследовании преступлений / Н.А. Подольный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2025. – № 1. – С. 175–186.

5. Подольный Н.А. Системно-деятельностный метод в следственном познании и его значение для оптимизации расследования / Н.А. Подольный // Уголовный процесс и криминалистика в противодействии современной преступности: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти основателя школы уголовного процесса, доктора юридических наук, профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина и основателя школы криминалистики, доктора юридических наук, профессора Марата Константиновича Каминского, Ижевск, 28 ноября 2025 г. – Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2026. – С. 45–47.

6. Подольный Н.А. Специальные знания при выявлении и расследовании киберпреступлений / Н.А. Подольный // Проблемы противодействия киберпреступности: Материалы III Международной научно-практической конференции, Москва, 04 июня 2025 г. – М.: Московская академия Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева, 2025. – С. 95–101.

7. Ильинцев В.А. Преодоление противодействия расследованию экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства / В.А. Ильинцев // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5 (233). – С. 378–382.

8. Подольный Н.А. Специальные знания как тактико-криминалистическое средство расследования преступлений / Н.А. Подольный // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: Материалы III Международной научно-практической конференции, Казань, 01 марта 2024 г. – Казань: ООО "Редакционно-издательский центр "Школа", 2024. – С. 177–185.

9. Яковлева П.А., Осерская Е.В., Шмелева С.О. Применение экономической экспертизы при расследовании экономических преступлений в условиях цифровизации / П.А. Яковлева, Е.В. Осерская, С.О. Шмелева // Наука. Образование. Инновации: Сборник научных трудов по материалам XXVI Международной научно-практической конференции, Анапа, 12 января 2021 г. – Анапа: ООО «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2021. – С. 58–62.

10. Аминев Ф.Г. О криминалистическом мышлении в судебно-экономической экспертизе / Ф.Г. Аминев // Экономическая безопасность: концепция, стандарты, Уфа, 19–21 мая 2016 г. – Уфа: ГОУ ВПО "Уфимский государственный авиационный технический университет", 2016. – С. 14–17.

11. Аминев Ф.Г. Интеграция судебно-экспертной деятельности в экономическую безопасность страны – веление времени / Ф.Г. Аминев // Международный вестник криминалистики. – 2023. – № 4 (88). – С. 13–19.

References

1. Asatryan Kh.A., Svistunova E.A. Peculiarities of Criminal Cases' Investigation in the Housing and Utilities Sector. *Higher School. Scientific Research. Materials of the Interuniversity International Congress, Moscow, February 8, 2024.* Moscow, LLC "Infinity", 2024, pp. 14–19. (In Russian).

2. Bidova B. B., Bystrova Yu. V., Grib V. G. Increased Economic Crime in the Housing and Utilities Sector: Reasons and Ways to Overcome Them. *Legal Order and Legal Values*, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 137–147. (In Russian).

3. Podolny N.A. System-Activity Approach in Forensic Methods of Crime Investigation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, vol. 70, no. 2, pp. 176–182. (In Russian).

4. Podolny N.A. System-Activity Method in Crime Investigation. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, 2025, no. 1, pp. 175–186. (In Russian).

5. Podolny N. A. System-Activity Method in Investigative Cognition and Its Significance for Optimizing Investigation. *Criminal Procedure and Forensics in Countering Modern Crime. Collection of Articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of the School of Criminal Procedure Founder, Doctor of Law, Professor Zinur Zinatullinovich Zinatullin and the Founder of the School of Forensics, Doctor of Law, Professor Marat Konstantinovich Kaminsky, Izhevsk, November 28, 2025*. Izhevsk, Publishing House "Udmurt University", 2026. pp. 45–47. (In Russian).

6. Podolny N.A. Special Knowledge in Detection and Investigation of Cybercrimes. *Problems of Countering Cybercrime. Materials of the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, June 4, 2025*. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, 2025, pp. 95–101. (In Russian).

7. Ilyintsev V. A. Overcoming Counteraction to the Investigation of Economic Crimes in the Field of Housing and Commercial Services. *Agrarian and Land Law*, 2024, no. 5(233), pp. 378–382. (In Russian).

8. Podolny N. A. Special Knowledge as a Tactical and Forensic Means of Crime Investigation. *Kazan Criminal Procedure and Forensic Readings. Materials of the III International Scientific and Practical Conference, Kazan, March 01, 2024*. Kazan, LLC Editorial and Publ. Center "Shkola", 2024, pp. 177–185. (In Russian).

9. Yakovleva P. A., Oserskaya E. V., Shmeleva S. O. Application of Economic Expertise in Investigation of Economic Crimes under Digitalization. *Science. Education. Innovations. Collection of Scientific Papers on the Materials of the XXVI International Scientific and Practical Conference, Anapa, January 12, 2021*. Anapa. LLC Research Center for Economic and Social Processes in the Southern Federal District, 2021, pp. 58–62. (In Russian).

10. Aminev F. G. On Criminalistic Thinking in Forensic Economic Expertise. *Economic Security. Concept, Standards. Materials of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, May 19–21, 2016.* Ufa, Ufa State Aviation Technical University, 2016, p. 14–17. (In Russian).

11. Aminev F. G. Integration of Forensic Expert Activities into the Economic Security of the Country – the Direction of the Time. *International Bulletin of Criminalistics*, 2023, no. 4(88), pp. 13–19. (In Russian).

Информация об авторе

Видясов Евгений Олегович - *заместитель начальника отдела нормативного регулирования Департамента правового обеспечения*

Information about the Author

Vidyasov Evgeny Olegovich – *Deputy Head of the Department of Normative Regulation, Department of Legal Support*

Статья поступила в редакцию 19.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 07.07.2026 г.; принята к публикации 07.07.2026 г.

The article was submitted 19.06.2026; approved after reviewing 07.07.2026; accepted for publication 07.07.2026.

Научная статья
УДК 343.98.067
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.15

Вылегжанин Никита Сергеевич
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия,
nikita-013rm@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБОРОТОМ НЕМАРКИРОВАННОЙ И ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОЙ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация. Одним из факторов, влияющих на успех расследования, является наличие системы методологических рекомендаций по организации действий следователя и лиц, которые оказывают ему содействие, в установлении обстоятельств совершения преступления. Данные рекомендации увеличивают вероятность успеха в расследовании конкретных преступлений. Их использование позволяет сделать установление истины закономерно-неизбежным результатом. Они всегда ориентированы на расследование преступлений определённого вида. Как эффективное средство они используются для расследования преступлений, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции. При этом особое значение имеет то, что эти методологические рекомендации должны принимать во внимание особенности названного типа преступлений. Причём те особенности, которые отображаются в следах и иной информации об имевшем место событии. Знание специфики названных преступлений предполагает то, какие следственные и иные действия необходимо выполнять следователю и какой тактики он должен при этом придерживаться. Для исследования связанных с этим проблем была определена методологическая база, в которую вошли следующие методы, позволившие обеспечить объективность сделанных выводов: диалектического материализма, анализа и синтеза, дедукции и индукции, систематизации, обобщения практики расследования, а также специальные криминалистические методы (ситуационного моделирования, системно-деятельностный). Результатом проведённого исследования стало определение классификационной группы преступлений, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции, и выявление общих для них всех признаков, которыми они отличаются от других видов преступлений. На основе этого были сформулированы методологические рекомендации проведения осмотра места совершения преступлений названного вида, а также взаимодействия со специалистами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

© Вылегжанин Н.С., 2026

Ключевые слова: преступления, связанные с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции, расследование преступлений, осмотр места происшествия, специалист, оперативно-розыскная деятельность, следственные действия

Для цитирования: Вылегжанин Н.С. Методологические основы расследования преступлений, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции / Н.С. Вылегжанин. – DOI 10.33184/vestlaw-bsu-2026.31.15 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 198–213.

Original article

Vylegzhanin Nikita Sergeevich
National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev,
Saransk, Russia, nikita-013rm@mail.ru

METHODOLOGICAL BASES FOR THE INVESTIGATION CRIMES ASSOCIATED WITH UNMARKED AND FALSIFIED ALCOHOL PRODUCTS

Abstract. One of the factors that influence on the success of the investigation is the existence of methodological recommendations for organizing the activities of the investigator and those who assist him in determining the crime circumstances. These recommendations increase the likelihood of success in investigating specific crimes. Their use makes it possible to establish the truth as a natural and inevitable result. They are always focused on investigating crimes of a certain kind. As an effective tool, they are used to investigate crimes related to the trafficking of unmarked and falsified alcohol products. At the same time, it is of particular importance that these methodological recommendations should take into account the specifics of this type of crime. The features that appear in the traces and other information about the event that took place. Knowledge of the specifics of the crimes involved implies that the investigator must carry out investigative and other actions and what tactics he should follow. To study the related problems, a methodological framework is defined, which includes the following methods, which made it possible to ensure the objectivity of the conclusions drawn. It includes the following methods: dialectical materialism, analysis and synthesis, deduction and induction, systematization, generalization of investigative practice, as well as special criminalistic methods (situational modeling, system-activity). The result of the study is to define a classification group of crimes related to the trafficking of unmarked and counterfeited alcohol products and to identify the common features that distinguish them from other types of crimes. Based on this, methodological recommendations are formulated for conducting an inspection of the crime scene of this type, as well as interaction with specialists and bodies engaged in operational investigative activities.

Keywords: crimes involving trafficking of unmarked and falsified alcoholic products, crime investigation, scene examination, specialist, operative-search measures, investigative actions

For citation: Vylegzhanin N. S. Methodological Bases for the Investigation Crimes Associated with Unmarked and Falsified Alcohol Products. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 198–213. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.15

Введение. Противодействие преступности всегда предполагает комплекс мер. Каждая из этих мер имеет определённую эффективность в предотвращении преступлений. Эффективность противодействия всегда обусловлена тем, насколько оно адресно, то есть ориентировано на конкретные преступные посягательства. Оно всегда должно быть конкретным, то есть учитывать специфику преступлений и условий, в которых они совершаются. Противодействие состоит в проведении самых разных действий и мероприятий. Одним из направлений такого противодействия является расследование. Расследование – это всегда установление всего комплекса обстоятельств совершения преступления. От выявления преступления и привлечения виновного в его совершении лица зависит общий успех в противодействии преступности. От этого зависит правопорядок и режим соблюдения законности. Поэтому расследование – это достаточно эффективный элемент в системе мер по противодействию преступности. От успеха расследования зависит стабильность общества и государства, возможность поступательного экономического развития. Одним из условий эффективного расследования всегда является наличие хорошо разработанной криминалистической методики расследования преступлений определённого вида.

Особенности уголовно-правового запрета преступлений, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции. Расследование преступлений, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции, является одним из направлений противодействия преступности. От эффективности расследования этих преступлений зависит то, насколько действенным будет запрет на осуществление названного оборота. От этого зависит то, насколько экономически эффективным будет оборот алкогольной продукции, который выполняется по процедурам и в рамках, определённых действующим законодательством. Запрет всегда эффективен не своей декларативностью, а своей реализацией, своей действенностью. Действенность реализации запрета в том, насколько эффективны средства и порядок, с помощью которых он реализуется. Поэтому уголовную ответственность всегда можно рассматривать как одно из проявлений реализации запрета. Но реализовать в полной мере запрет возможно лишь в случае эффективного расследования. Запрет на оборот немаркированной и фальсифицированной продукции реален лишь при условии, когда каждый случай его расследования завершается привлечением к уголовной ответственности виновного лица. Эффективность такого запрета увеличивает качественно созданная криминали-

стическая методика расследования. Это обусловлено тем, что содержанием криминалистической методики всегда являются рекомендации, позволяющие в наиболее оптимальном порядке выстраивать следователю свою деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

От правильности установления объекта исследования зависит успешность применения той или иной методики расследования. Отсюда, в большой мере, зависимость принадлежности данного преступления к определённой группе преступлений, для которой предложена рекомендация конкретной криминалистической методики расследования. Обоснованное определение объекта имеет значение для проведения последующего расследования, так как позволяет выстроить схему по всем обстоятельствам расследования. Эта взаимосвязь остаётся постоянной и от неё во многом зависит результат применённых следственных действий. В зависимости от особенностей отдельного преступления выбираются те следственные действия, которые будут максимально эффективны. Оценка ситуации позволяет следователю определиться с наилучшими методами по раскрытию всех обстоятельств произошедшего. При выборе метода следует учитывать особенности способа совершения преступления и механизмы этого преступления, индивидуальные особенности подозреваемого (обвиняемого). Знание методики и сущности следственных действий помогает определить местонахождение доказательств, которые помогут выследить преступника. А также, зная личность подозреваемого, можно предусмотреть определённые трудности со стороны следователя для раскрытия преступления.

Понятие «преступления, совершаемые в отношении немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции» является собирательным в уголовном праве. Под этим определением понимается совокупность разных составов преступлений, характеризующихся общей сущностью, а именно – нарушение порядка изготовления, реализации спиртосодержащей продукции. Юридически эта категория охватывает деяния, ответственность за которые предусмотрена следующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации: ст. 171.1 УК РФ (устанавливающая наказание за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт товаров и продукции без обязательной маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством); ст. 171.3 УК РФ (криминализирующая незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также табачных изделий, никотинсодержащей продукции и сырья для их изготовления); ст. 238 УК РФ (предусматривающая ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности). Поэтому этот термин определяет ряд общественно опасных деяний, которые имеют сходство в предмете посягательства. Теория уголовного права классифицирует объекты преступления на главные и второстепенные. Главным объектом являются общественные отношения, которые определяют государственный порядок легального оборота этилового алкоголя, напитков из алкогольной и спиртосодержащей

группы. Государство осуществляет жёсткий контроль в этой сфере посредством введения лицензирования, контроля качества, утверждения нормативов и условий маркировки. Кроме того, предметом данных преступлений выступает охраняемая законом ценность – жизнь и здоровье населения. Защита потребителя от плохого или вредного для его здоровья товара – это одна из задач государства по контролю за отраслью. Суть рассматриваемых нарушений выражается в том, что субъекты предпринимательской деятельности наладили незаконное ведение хозяйственных отношений и достигли цель извлечения прибыли за гранью закона. Посягательства характеризуются нарушением императивных требований основополагающего акта в данной области – Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции...». Собственно, совершая подобные деяния, преступник помимо нанесения материального ущерба государству также создаёт непосредственную опасность для безопасности общества.

Знание объекта посягательства позволяет определить систему действий, с помощью которых можно выявить, раскрыть и расследовать преступления названного вида [1, с. 52–55]. Во многом это обусловлено характером названных правоотношений, их особенностями. Преступник всегда учитывает специфику правоотношений, которые он стремится нарушить. Часто само преступное посягательство представляет собой действие, которое причиняет дефект структуре действий, выполняемых в рамках соответствующего правоотношения. Этот дефект может быть связан с подменой одного из элементов конкретного правоотношения (например, подмена надлежащего субъекта на ненадлежащий). В случаях рассматриваемого вида преступных посягательств это может быть нарушение технологического процесса изготовления соответствующих алкогольных напитков [2, с. 292–299]. Многие из этих посягательств представляют собой упрощение сложных технологических действий. В связи с этим для того, чтобы выявить, раскрыть, а затем расследовать соответствующее преступление, следователю необходимо знать то, как должны выстраиваться правоотношения, на которые было совершено преступное посягательство [3, с. 139–142]. Он должен знать также особенности оборота алкогольной продукции, установленные действующим законодательством. То есть, средства и методы расследования, которые выбирает следователь, зависят не только от особенностей совершённого преступления, но и от нормативно-определённых особенностей оборота алкогольной продукции.

Специфической чертой уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против порядка обращения алкоголя является их бланкетный характер. Бланкетность уголовно-правовых норм существенно влияет на квалификацию преступлений, оценкой которых занимается следователь, судья и иные лица, на которых законом возложено осуществление уголовного судопроизводства, а также при определении состава обстоятельств дела, подлежащих доказыванию. Для установления наличия или отсутствия противоправных

действий необходимо прежде всего установить, какие действия являются дозволенными и обычными в данном случае. Нужно определить, как именно должен поступать тот или иной субъект при тех или иных условиях, не преступая при этом законов. Только в этом случае можно будет увидеть признаки преступления в действиях обвиняемого. Исходя из этого определения возможно выявление следов совершения противоправных деяний, которые позволяют обнаружить лицо, совершившее их. Таким образом, между расследованием и совершённым преступлением, расследованием и нарушенными правоотношениями складывается взаимодействие, между ними установлена взаимосвязь и взаимовлияние.

Особенности возбуждения уголовного дела и начального этапа расследования преступлений, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции. Для того, чтобы даже на ранней стадии процесса формирования системы доказательств у следователя имелось хоть какое-то представление о характере совершённого деяния, ему приходится располагать достаточно хорошей юридической эрудицией по вопросам правового регулирования обращения алкогольной продукции, что даёт возможность провести объективное сравнение фактически совершённых действий подозреваемого (обвиняемого) с моделью «правильных» действий, предусмотренных законом. Поэтому на первом этапе расследования следователь должен иметь перед глазами модель должного поведения для того, чтобы оценить до какой степени совершаемое деяние расходится с нормой и может быть признано преступлением. На основе полученной информации следователь выстраивает линию своих дальнейших действий для выяснения всех обстоятельств преступления, существенных по закону. С момента возбуждения уголовного дела необходимо конструировать модель должного поведения, с её помощью можно выявить расхождения между фактически выполненными действиями и теми, которые должны быть выполнены или от которых нужно было отказаться в соответствии со законом. Это будет способствовать выявлению степени нарушения действующих нормативных требований.

При получении сообщения о совершении преступления, связанного с оборотом незаконной и фальсифицированной алкогольной продукции, следователь должен, получив необходимый объём знаний, использовать метод стандартов исполнения, суть которого состоит в том, что устанавливаются чёткие требования к действиям, затем фиксируются реальные действия субъекта и после этого проводится сравнение. Данное сравнение позволяет сделать вывод о том, насколько реально совершённые действия отклонились от должного поведения, определяемого законодательством [4, с. 415–428]. Это отклонение оценивается на предмет его противоправности и общественной опасности, из чего делается вывод о наличии события преступления и необходимости возбуждения уголовного дела. Это становится основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Но и в ходе предварительного расследования данный метод постоянно должен использоваться следователем для того, чтобы определять перечень обстоятельств, имеющих отношение к совершённому

преступлению. Он позволяет спрогнозировать следственные действия, проведение которых способно позволить выявить следы преступления, а также необходимую о нём информацию [5, с. 45–47]. Данный метод указывает на значимость для расследования взаимосвязи между должным поведением и расследованием преступного деяния.

Метод стандартов исполнения представляет интерес не только для стадии возбуждения уголовного дела. Для обеспечения качества проводимого предварительного расследования этот метод также представляет ценность, поскольку предоставляет следователю возможность управлять ходом своего познания обстоятельств совершённого преступного деяния. Он является инструментом, с помощью которого следователь в каждом конкретном моменте расследования получает возможность понять, насколько правильно он движется по направлению установления истины. Также благодаря ему у следователя имеется возможность корректировать свои действия, увеличивая их результативность. Данный метод позволяет обеспечивать достаточно высокое качество проводимого расследования, снижая возможность совершения ошибок. Знание того, как должно быть в соответствии с законом, позволяет определить степень общественной опасности того, что было совершено в нарушение требований закона. В основу логики данного метода положено постоянное сопоставление между тем, что совершено, и тем, что можно было делать в соответствии с законом. Данная логика позволяет определять тактику решения тех задач, которые встают перед следователем и решение которых важно для установления полной картины совершённого деяния.

Бланкетность норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления, связанные с оборотом незаконной и фальсифицированной алкогольной продукции, требует от следователя обращения не только к уголовному закону, но и к законодательству, регулирующему оборот алкогольной продукции. Это необходимо для того, чтобы знать, какие нарушения могут быть признаны преступными и в виде каких следов они отображаются. Таким образом благодаря должному имеется возможность выявлять преступное. Знание должного позволяет определять тот круг обстоятельств, знание которых делает возможным понять преступность совершённого деяния. Оно также позволяет определить наиболее оптимальный алгоритм совершения следственных и иных процессуальных действий. Наиболее типичными следственными действиями, которые выполняются при расследовании рассматриваемых преступлений, являются: осмотр места происшествия, обыски и выемки, допросы, назначение и производство судебных экспертиз. Достаточно часто, исходя из особенностей расследования конкретных преступлений, проводится проверка показаний на месте. Также источником информации, значимой для расследования, являются ревизии и документальные проверки.

Изучение следственной и судебной практики показывает, что самым частым правовым основанием возбуждения уголовных дел по преступлениям в области незаконного оборота спиртосодержащей продукции является сообще-

ние о совершённом либо готовящемся преступлении, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Чаще всего такими сообщениями является информация, полученная из источников оперативного порядка, т. е. информация, добытая в ходе проведения оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Выявление таких нарушений осуществляется с применением комплекса оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), направленных на сбор первичной информации о фактах противоправной деятельности на алкогольном рынке, её фиксации и документирования.

Чтобы вовремя получать информацию и фиксировать действия преступников, у правоохранительных органов имеется множество инструментов и способов. Какие мероприятия будут использованы – это всё зависит от того, насколько сложна или организованна группа преступников, что именно они делают и чем занимаются. При этом базовый набор наиболее распространённых, а также результативных ОРМ содержит в себе проверочную закупку, контрольную поставку, оперативный эксперимент. Вместе с тем при проведении расследования по сложным, разветвлённым делам о преступлениях, совершённых организованной преступной группой (ОПГ), перечень этих мероприятий может быть увеличен. Для всестороннего сбора доказательств, выяснения всех деталей дела и определения виновных применяются и другие мероприятия. К дополнительным оперативно-розыскным мероприятиям можно отнести: оперативное внедрение сотрудника в структуру организованной преступной группы для получения информации от её членов; осмотр помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств во избежание подпольного производства, хранилищ или конвоев контрабанды; прослушивание телефонных разговоров и снятие информации с технических линий связи для слежки за подозреваемыми лицами; наблюдение за участниками уголовного дела для установления их контактов, адресов встреч и маршрутов поездок; проведение проверочных мероприятий для подтверждения собранных сведений и идентификации лиц, участвующих в преступном объединении. Комплексная работа с помощью данных приёмов даст возможность составить правильную информацию по факту события, подтвердить все действия бесспорными фактами и дать повод для привлечения к ответственности всех участников группы.

Такого рода мероприятия направлены на то, чтобы дать возможность уполномоченному органу составить всеобъемлющее представление о случившемся факте. Анализ полученной информации даёт возможность компетентному ведомству сделать вывод, что в деяниях предполагаемого виновным лица содержатся признаки преступления. На основе этих выводов уполномоченный орган делает заключение и заявляет в органы предварительного расследования о данном преступлении. Это сообщение – юридически значимый документ, дающий начало стадии возбуждения уголовного дела и передаче материалов на дальнейшую проверку по уголовному делу.

Следователь на основании ст. 144 УПК РФ проводит проверку сообщения о совершении преступления рассматриваемого вида. Для проведения проверки действующим уголовно-процессуальным законодательством ему предоставля-

ются необходимые для этого средства – действия, которые предусмотрены частью 1 названной нормы уголовно-процессуального закона. Однако специфика совершённых преступлений рассматриваемого вида предполагает то, что используются только отдельные действия, названные в этой норме. В частности, наиболее типичным является проведение: осмотра места происшествия; изъятия алкогольной продукции и оборудования, которое использовалось для её изготовления; изъятие документов, сопровождающих алкогольную продукцию, а также документов бухгалтерского учёта и отчётности. Уже в ходе проверки сообщения о совершении преступления названного вида назначается проведение отдельных видов экспертиз. В частности, уже в ходе проверки сообщения о совершении преступления названного вида могут быть назначены следующие судебные экспертизы: химико-техническая, товароведческая, технико-криминалистическая экспертиза документов. Проведение всех этих действий должно быть незамедлительным, они должны выполняться сразу после получения сообщения о совершении преступления рассматриваемого вида. Промедление чревато тем, что могут быть утрачены следы, а также оказано противодействие, результатом которого может быть уничтожение уличающих следов и информации.

Особенности осмотра места совершения преступлений, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции. Наиболее часто встречающейся проблемой выступает формализация описания обстановки. Следователь не фиксирует те обстоятельства, которые являются существенными для расследования, а обходится общими фразами и типовыми конструкциями. Редко встречаются в протоколах адресные привязки с указанием помещения, этажа; отсутствует описание план-схемы расположения объекта либо ориентиров, позволяющих однозначно определить местность территории противоправных действий.

Важнейшее значение приобретает характеристика технологического оборудования. Для установления фактов незаконного производства и несанкционированной маркировки алкогольных напитков необходимо тщательное описание всего технологического оборудования: тары для сбраживания, линий розлива, оборудования для нанесения ложных федеральных специальных марок (ФСМ) и др. Распространённой ошибкой в осмотре является отсутствие точного наименования, марки, модели и серийного номера оборудования, что не позволяет впоследствии доказать его принадлежность подозреваемым и установить масштаб производства.

Не меньшее значение имеет обозначение места нахождения предметов – обстановки. Следователи часто оставляют без внимания документирование их относительного положения (местоположение сырьевых материалов, полуфабрикатов, упаковки, печатных машин, ПК с БД и документации). Отсутствие сведений данного рода препятствует реконструкции механизма преступления: как организовано внутреннее движение фальсификатов в цехе; какие зоны выполняли определенные функции (розлив, склад, контрольный пост); чьи действия соотносятся с тем или иным этапом преступления.

Распространённым является то, что следователи смешивают с осмотром обыск и в связи с этим проводят действия, характерные для обыска, сопровождающиеся вскрытием помещений и тому подобными действиями. Это приводит к снижению качества осмотра как источника доказательств, а в некоторых случаях делает его непригодным для изобличения виновных лиц.

Осмотром места происшествия является одно из важнейших следственных действий, которые должны осуществляться немедленно после получения информации о преступлении. Немедленность проведения осмотра связана со многими объективными причинами, от которых зависит весь ход расследования дела. Самое первое, что оказывает влияние на следователя, – это время. Любое опоздание с началом проведения осмотра грозит потерей или искажением доказательств. Следы преступников – биологические материалы (кровь, волосы), отпечатки рук, обувь, микропартии волокон одежды либо цифровая информация быстро исчезают. Они могут погибнуть вследствие действия неблагоприятных метеорологических условий (дождя, снега, ветра), случайной гибели под воздействием постороннего лица либо умысла самого виновника. Временное фиксирование обстановки позволит сохранить ситуацию в том состоянии, которое было изначально и без искажений. Далее оперативность важна при противостоянии с лицами, у которых нет интереса к правде. Осмотр на месте преступления позволяет исключить возможность их действий и значительно ограничивает пространство манёвра. Органы, производящие оперативно-розыскную деятельность, могут предоставить следователю информацию, имеющую значение для организации расследования, а также позволяющую следователю сосредоточить своё внимание на определённых ключевых моментах, что позволяет выявить следы, с помощью которых имеется возможность уличить виновное в совершении преступления лицо. Кроме того, эти органы предоставляют в оперативном порядке информацию о том, какое воздействие лица, которые с большой долей вероятности имеют причастность к совершённому преступлению, оказывают в противодействие следователю в ходе проводимого осмотра. Оперативно-розыскное сопровождение осмотра места происшествия необходимо для того, чтобы предотвратить возможность уничтожения следов лицами, которые не заинтересованы в установлении истины. Своевременно поступающая оперативная информация позволяет следователю корректировать свои действия.

Ключевым фактором для качественного проведения следственных мероприятий по делам о преступном обороте незаконно произведённой и фальсифицированной алкогольной продукции является обеспечение надлежащей подготовки осмотра места происшествия. Здесь играет важную роль применение специальных знаний в процессе расследования, а значит – привлечение сведущих лиц (экспертов). Подготовительная стадия деятельности следователя – не уведомление эксперта или специалиста в порядке извещения, а предварительное исследование материалов уголовного дела с целью определения той или иной процессуальной задачи. Заблаговременный прогноз возможных вопросов

(предметов) исследования при осмотре объектов должен позволить определить профиль и квалификацию, необходимую специалисту для решения поставленных задач [6, с. 177–185]. Он должен выяснить для себя перед началом проведения осмотра ключевые обстоятельства имевшего место события, которые могли отобразиться в следах. На основе этого он имеет возможность спрогнозировать все те особенности, с которыми ему возможно придётся столкнуться при проведении данного следственного действия. В связи с этим он также выясняет то, какие специальные знания ему могут понадобиться для того, чтобы понять особенности места происшествия, следы, которые на нём могут быть обнаружены. Специальные знания необходимы для того, чтобы понять то, на каких фрагментах местности (или помещения) следователю следует сконцентрировать своё внимание, для того чтобы иметь возможность обнаружить следы совершённого преступления. Определиться с тем, какого специалиста необходимо привлечь, следователь должен ещё до проведения осмотра места происшествия. Это необходимо потому, что этот специалист должен помочь ему спланировать проведение осмотра, указав на проблемы, которые, возможно, придётся решать. Часто для проведения данного следственного действия при расследовании рассматриваемых преступлений имеет смысл привлечение не одного, а нескольких специалистов, поскольку могут понадобиться достаточно глубокие специальные знания не в одной, а в нескольких сферах (например, маркировки и состава алкогольной продукции).

К осмотру места происшествия при расследовании преступлений, связанных с оборотом незаконной и фальсифицированной алкогольной продукции, целесообразно привлекать помимо специалиста-криминалиста также специалиста в области химии или технологии алкогольной продукции, специалиста в области стандартизации и метрологии. То, какие специалисты должны быть привлечены, во многом зависит от особенностей совершённого преступления и тех задач, которые ставятся перед осмотром места происшествия [7, с. 573–579]. Так, если следователя в силу особенностей расследования интересуют только обстоятельства, связанные с производством алкогольной продукции, то он может ограничиться привлечением к участию в осмотре только специалиста в области химии или технологии алкогольной продукции. Если преступные действия связаны только с фальсификацией маркировки, то для участия в осмотре места происшествия достаточно специалиста-криминалиста и специалиста в области стандартизации и метрологии. Привлечение названных специалистов позволяет выполнить осмотр достаточно полно, не упустив значимые для изобличения виновных лиц следы. Данные специалисты помогают определить вектор поисковой деятельности, составляющей суть проводимого следственного действия. Результаты осмотра места происшествия имеют существенное значение в установлении обстоятельств совершения конкретных преступлений рассматриваемого вида.

Уже в результате проведения осмотра места происшествия становится понятным то, как должно вестись расследование. Следователь корректирует план, составленный на момент получения сообщения о совершении соответ-

ствующего преступления. В ходе осмотра производится изъятие алкогольной продукции, оборудования, на котором она была произведена, оборудования, с помощью которого производилась маркировка. При этом при изъятии необходимо обращать особое внимание на правильность упаковки изъятых предметов, представляющих интерес для расследования. Упаковываются они на месте происшествия. Правильная упаковка позволяет в последующем использовать изъятые предметы в качестве уличающих доказательств. К сожалению, этому не всегда придаётся следователями значение, из-за чего использование изъятых предметов в качестве доказательств может быть опорочено стороной защиты, что ослабит позицию стороны обвинения и сделает проблематичным вынесение справедливого процессуального решения. При осмотре должен быть правильно составлен протокол, в котором необходимо детально описать обстановку, положение всех объектов и соответствующих следов, которые имеют значение для проводимого расследования.

В соответствии со ст. 144 УПК РФ обыск в ходе проверки сообщения о совершении преступления не проводится. Проводиться может только изъятие. При этом в самом уголовно-процессуальном законодательстве не поясняется то, что следует понимать под изъятием. Анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что это особого рода процессуальное действие, представляющие собой принудительные действия, направленные на получения с целью последующего приобщения к материалам уголовного дела предметов и документов, имеющих значение для проводимого расследования. Это обуславливает особенность проведения осмотра места происшествия при расследовании рассматриваемых преступлений. Эти особенности состоят в том, что в ходе осмотра места происшествия следователь осуществляет изъятие предметов и документов, имеющих значение для расследования рассматриваемых преступлений. Оформляется изъятие, как правило, указанием на его выполнение в протоколе осмотра места происшествия. Это позволяет зафиксировать не только факт самого изъятия, но и того, где был обнаружен изымаемый предмет. Поэтому в протоколе осмотра места происшествия необходимо чётко указывать то, что изымается, откуда изымается. В протоколе должны чётко быть описаны признаки изымаемого предмета [8, с. 192–198]. Желательно не откладывать изъятие на стадию расследования, поскольку имеется опасность того, что соответствующие предметы, имеющие уличающее значение, могут быть уничтожены лицами, которые не заинтересованы в том, чтобы органами правосудия было принято справедливое процессуальное решение [9, с. 20–22]. Поэтому следователь должен приложить все возможные усилия для того, чтобы изъятие было выполнено ещё на стадии возбуждения уголовного дела.

Заключение. Решение задачи эффективного пресечения преступлений, связанных с контрафактной и незаконной алкогольной продукцией, является сложной проблемой. Качество решения этой проблемы во многом определяется степенью сотрудничества следствия и оперативно-розыскных органов. Это сотрудничество имеет как процессуальный, так и тактический характер.

Процедура взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативную работу, выполняется по двум направлениям: процессуальному и инициативному. Процессуальный аспект закреплён в законе (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) – согласно этой норме следователь имеет право выносить органам дознания и другим субъектам ОРД поручение на проведение оперативно-розыскных мероприятий в виде обязательного к исполнению письменного документа [10, с. 21–25]. Выполнение этого поручения – обязанность оперативно-розыскных органов.

Но не менее значим, часто даже более существенен, второй (инициативный) уровень взаимодействия. Суть его проявляется в оперативно-тактическом информировании без обращения к официальным формам взаимодействия. При этом информация, полученная работниками оперативных служб при выполнении задач (факты места скрытого изготовления товара, каналы поставок исходного материала либо реализации конечного изделия), направляется следователю исключительно по их инициативе. Причиной этого служит обоснованное убеждение о том, что если не передать эту информацию вовремя, то можно потерять улики, промедлить и тем самым испортить результаты оперативно-розыскной деятельности и перспективы следствия. Передача информации зачастую носит устный характер, что даёт возможность для наиболее оперативной реакции.

Именно этот двусторонний поток информации обеспечивает следствию ряд критических преимуществ: оперативную оценку обстановки (следователь получает возможность анализировать ситуацию в режиме реального времени, что позволяет ему не просто реагировать на уже свершившиеся факты, а действовать на опережение, прогнозировать шаги преступников и своевременно принимать тактически верные решения о производстве тех или иных процессуальных действий); стратегическое планирование проверки (благодаря полученной оперативной информации ещё до официального начала доследственной проверки сообщения о преступлении у следователя формируется чёткое представление об обстоятельствах дела, поскольку он заранее определяет круг лиц, подлежащих опросу, и перечень вопросов, которые необходимо выяснить, что превращает проверку из хаотичного поиска сведений в целенаправленное мероприятие, экономящее время и ресурсы); эффективность первоначальных действий.

Важно понимать различие между процессуальными действиями на стадии проверки сообщения о преступлении и на стадии предварительного расследования, поскольку в соответствии со ст. 144 УПК РФ на этапе проверки допрос как следственное действие не предусмотрен. Допрашивать можно только после возбуждения уголовного дела. Так что основным инструментом при проверке сообщения о преступлении становится опрос населения, очевидцев. Именно оперативно получаемая от оперативно-розыскных подразделений информация обеспечивает максимальную результативность такого опроса, позволяет собрать и зафиксировать по горячим следам важные факты, которые не удастся впоследствии воспроизвести. Данные используются для создания системы доказательств, которая ляжет в основу всего предстоящего досудебного процесса. Следовательно, интегрированное доверительное взаимодействие

следователя с органами, проводящими ОРД-мероприятия – это основа полноценного обнаружения, раскрытия и расследования преступлений по фактам незаконного производства и оборота алкогольной продукции. Это позволяет объединить разные направления деятельности структур в целостную систему борьбы с незаконным оборотом алкогольной продукции.

Список источников

1. Дмитренко А.П., Алференок Е.А. Квалификация незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции / А.П. Дмитренко, Е.А. Алференок // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 4. – С. 52–55.

2. Подольный Н.А. Отдельные проблемы методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции / Н.А. Подольный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5 (22). – С. 292–299.

3. Садовых К.В. Объект состава незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции / К.В. Садовых // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXV международной науч.-практич. конференции. В 2-х частях, Красноярск, 07–08 апреля 2022 г. Часть 2. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2022. – С. 139–142.

4. Подольный Н.А. Информационно-методологические проблемы расследования преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции / Н.А. Подольный // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 17 апреля 2015 г. – Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2015. – С. 415–428.

5. Подольный Н.А. Системно-деятельностный метод в следственном познании и его значение для оптимизации расследования / Н.А. Подольный // Уголовный процесс и криминалистика в противодействии современной преступности: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти основателя школы уголовного процесса, доктора юридических наук, профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина и основателя школы криминалистики, доктора юридических наук, профессора Марата Константиновича Каминского, Ижевск, 28 ноября 2025 г. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2026. – С. 45–47.

6. Подольный Н.А. Специальные знания как тактико-криминалистическое средство расследования преступлений / Н.А. Подольный // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: Материалы III Международной научно-практической конференции, Казань, 01 марта 2024 г. – Казань: ООО «Редакционно-издательский центр «Школа», 2024. – С. 177–185.

7. Подольный Н.А. Системно-деятельностный метод в комплексе методологических подходов к расследованию преступлений / Н.А. Подольный // Обеспечение безопасности современного общества и государства в условиях многополярного мира: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 17–19 апреля 2025 г. – Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2025. – С. 573–579.

8. Подольный Р.Н. Значение выявления преступлений, совершённых с применением цифровых технологий, для их последующего расследования / Р.Н. Подольный // Юристъ-Правоведъ. – 2025. – № 2 (113). – С. 192–198.

9. Подольный Н.А. Критерий разумности срока получения заключения эксперта как требование по обеспечению качества проверки сообщения о преступлении / Н.А. Подольный // Эксперт-криминалист. – 2024. – № 1. – С. 20–22.

10. Ряполова Я.П. Производство следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении: системные противоречия уголовно-процессуального закона / Я.П. Ряполова // Российский следователь. – 2021. – № 5. – С. 21–25.

References

1. Dmitrenko A.P., Alferenok E.A. Qualification of Illegal Production and (or) Turnover of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products*. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4, pp. 52–55. (In Russian).

2. Podolnyy N.A. Certain Problems of the Methodology of Investigation Crimes in the Area of Illicit Turnover of Alcohol Products and Alcohol-Containing Products. *Criminalist's Library. Scientific Journal,* 2015, no. 5 (22), pp. 292–299. (In Russian).

3. Sadovykh K.V. The Object of the Corpus Delicti of Illegal Production and (or) Turnover of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products. *Actual Problems of Combating Crime. Issues of Theory and Practice. Materials of the XXV International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, April 7–8, 2022.* Krasnoyarsk, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022, pp. 139–142. (In Russian).

4. Podolnyy N.A. Informational and Methodological Problems of Investigating Crimes in the Sphere of Illegal Turnover of Alcoholic and Alcohol-Containing Products. *Criminal Law Prevention in the Sphere of Circulation of Narcotic Drugs or Psychotropic Substances, Alcoholic and Alcohol-Containing Products (Regional Aspect). Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, April 17, 2015.* Cheboksary, I.N. Ulyanov Chuvash State University, 2015, pp. 415–428. (In Russian).

5. Podolny N. A. System-Activity Method in Investigative Cognition and Its Significance for Optimizing Investigation. *Criminal Procedure and Forensics in Countering Modern Crime. Collection of Articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of the School of Criminal Procedure Founder, Doctor of Law, Professor Zinur Zinatullinovich Zinatullin and the Founder of the*

School of Forensics, Doctor of Law, Professor Marat Konstantinovich Kaminsky, Izhevsk, November 28, 2025. Izhevsk, Publishing House “Udmurt University”, 2026. pp. 45–47. (In Russian).

6. Podolny N. A. Special Knowledge as a Tactical and Forensic Means of Crime Investigation. *Kazan Criminal Procedure and Forensic Readings. Materials of the III International Scientific and Practical Conference, Kazan, March 01, 2024*. Kazan, LLC Editorial and Publ. Center “Shkola”, 2024, pp. 177–185. (In Russian).

7. Podolnyy N.A. System-Activity Method in the Complex of Methodological Approaches to Crime Investigation. *Ensuring Security of Modern Society and the State in a Multipolar World. Materials of the X International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, April 17–19, 2025.* Cheboksary, I.N. Ulyanov Chuvash State University, 2025, pp. 573–579. (In Russian).

8. Podolnyy R.N. Knowledge of the Detection Crimes Committed Using Digital Technologies for Their Subsequent Investigation. *Jurist-Pravoved,* 2025, no. 2 (113), pp. 192–198. (In Russian).

9. Podolnyy N.A. The Criterion of a Reasonable Term for Obtaining an Expert Opinion as a Requirement for the Assurance of Crime Report Verification Quality. *Expert-Criminalist*, 2024, no. 1, pp. 20–22. (In Russian).

10. Ryapolova Ya.P. Carrying out of Investigative Actions in the Course of Verification of a Crime Report: Systemic Contradictions of the Criminal Procedure Law. *Russian Investigator*, 2021, no. 5, pp. 21–25. (In Russian).

Информация об авторе

Вылегжанин Никита Сергеевич – *аспирант кафедры уголовного права и процесса*

Information about the Author

Vylegzhanin Nikita Sergeevich – *Postgraduate student of the Department of Criminal Law and Procedure*

Статья поступила в редакцию 12.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 09.07.2026 г.; принята к публикации 13. 07.2026 г.

The article was submitted 12.06.2026; approved after reviewing 09.07.2026; accepted for publication 13.07.2026.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.16

Гаврилов Борис Яковлевич
Академия управления Министерства внутренних дел России, Москва, Россия

Кузнецов Анатолий Николаевич
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ТЕЛЕФОННЫЕ ЗВОНКИ И СВИДАНИЯ С РОДСТВЕННИКАМИ И ИНЫМИ ЛИЦАМИ КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация. В статье исследуется проблема ограничения права обвиняемого, содержащегося под стражей, на телефонные переговоры и свидания с родственниками и иными лицами как предмета судебного контроля. Отмечается противоречие между конституционными гарантиями права на семейную жизнь и действующей практикой, при которой реализация данного права ставится в зависимость от усмотрения следователя, что нередко приводит к необоснованным отказам. Цель исследования заключается в выявлении правовых проблем судебного контроля за решениями следователя об отказе в предоставлении свиданий и телефонных переговоров, а также в оценке соответствия существующей практики конституционным принципам и требованиям уголовно-процессуального законодательства. Для достижения поставленной цели использованы формально-юридический метод – при анализе норм Конституции РФ, УПК РФ и Федерального закона «О содержании под стражей»; сравнительно-правовой метод – при сопоставлении законодательного регулирования с правовыми позициями Конституционного Суда РФ; метод анализа судебной практики – при исследовании судебных решений по жалобам, поданным в порядке ст. 125 УПК РФ. Установлено, что существующая модель ограничения права обвиняемого на свидания и телефонные переговоры носит преимущественно формальный характер и не обеспечивает надлежащей защиты права на семейную жизнь. Обоснована необходимость нормативного закрепления исчерпывающих оснований для отказа, усиления стандарта судебного контроля, возложения на следователя обязанности доказывания конкретных рисков и установления презумпции допустимости свиданий при отсутствии законных оснований для их ограничения.

Ключевые слова: судебный контроль, обвиняемый, содержание под стражей, телефонные переговоры, свидания, следователь, уголовный процесс, право обвиняемого, судебное обжалование

© Гаврилов Б.Я., 2026
© Кузнецов А.Н., 2026

Для цитирования: Гаврилов Б.Я., Кузнецов А.Н. Ограничение права обвиняемого на телефонные звонки и свидания с родственниками и иными лицами как предмет судебного контроля / Б.Я. Гаврилов, А.Н. Кузнецов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.16 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 214–223.

Original article

Gavrilov Boris Yakovlevich
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

Kuznetsov Anatoly Nikolaevich
Voronezh State University, Voronezh, Russia

RESTRICTION OF THE ACCUSED'S RIGHT TO TELEPHONE CALLS AND MEETINGS WITH RELATIVES AND OTHER PERSONS AS A SUBJECT OF JUDICIAL CONTROL

Abstract. The article examines the problem of the restriction of the accused person's right to telephone calls and visits with relatives and other persons as a subject of judicial control. There is a contradiction between the constitutional guarantees of the right to family life and the current practice whereby the exercise of this right is made dependent on the discretion of the investigator that often leads to unjustified refusals. The purpose of the study is to identify legal issues in judicial control over the investigator's decisions to deny visits and telephone calls and to assess whether existing practice conforms to constitutional principles and the requirements of criminal procedure legislation. To achieve this objective the formal-legal method is used in analyzing the norms of the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Detention under Custody"; the comparative-legal method is employed in comparing legislative regulation with the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation; the method of judicial practice analysis is applied in studying court decisions on complaints filed under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is established that the existing model of restricting the accused's right to visits and telephone calls is predominantly formalistic and fails to ensure adequate protection of the right to family life. The article substantiates the need for statutory codification of exhaustive grounds for refusal, strengthening the standard of judicial control, imposing on the investigator the duty to prove specific risks and establishing a presumption of visits' admissibility in the absence of lawful grounds for their restriction.

Keywords: judicial control, accused, pre-trial detention, telephone calls, family visits, investigator, criminal procedure, rights of the accused, judicial appeal

For citation: Gavrilov B.Ya., Kuznetsov A.N. Restriction of the Accused's Right to Telephone Calls and Meetings with Relatives and Other Persons as a Subject of Judicial Control. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 214–223. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.16

Введение. Право обвиняемого на свидание и телефонные звонки с родственниками и иными лицами является, с одной стороны, конституционным, а с другой – может быть ограничено не судом, а следователем, без письменного разрешения которого реализовать это право невозможно. Такое ограничение причиняет ущерб правам обвиняемого на семейную жизнь, гарантированным ст. 38 Конституции Российской Федерации.

Отказ следователя предоставить право обвиняемому на звонки и свидания с родственниками и иными лицами не всегда имеет объективное и разумное обоснование. Такой отказ является предметом судебного контроля в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ[1]. Недопустимость такого обжалования в порядке положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации[2] (далее – КАС РФ) убедительно показана в научных работах ряда авторов [1].

Отказ суда в принятии жалобы на данное решение следователя является самостоятельной, но не единственной проблемой в реализации Конституционного права на семейную жизнь.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что отказы в предоставлении обвиняемому разрешения на телефонные звонки и свидания, как и отказы в удовлетворении любых других ходатайств участников уголовного судопроизводства, могут быть обжалованы прокурору или в суд общей юрисдикции, который с учётом всех фактических обстоятельств дела оценивает, насколько обоснованно обвиняемому отказано в свиданиях с близкими родственниками и иными лицами[3]. Наличие права на такое обжалование в поряд-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026).

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026).

[3] См. Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 1826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шухова Николая Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 17, 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и статьёй 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026); Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1907-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шестуна Александра Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026); Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2340-О

ке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, подтверждается и практикой кассационных судов общей юрисдикции[4].

Несмотря на очевидное наличие у заявителя права на обжалование, некоторые суды до сих пор отрицают его существование и отказывают в принятии такой жалобы к судебному производству[5], что естественно приводит к отмене такого судебного акта[6].

Сам факт отказа следователя разрешить звонки и свидания может крайне негативно сказаться на личности обвиняемого. Такое средство обеспечения безопасности предварительного следствия зачастую носит произвольный ха-

---

«Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Серкина Максима Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и пункта 3 части второй статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026); Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1986-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пестова Павла Борисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», частью второй статьи 49, частью второй статьи 61 и частью четвёртой статьи 65 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026); Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1334-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью четвёртой статьи 354, частями первой и второй статьи 360, частями первой и второй статьи 388, статьёй 395 и частью первой статьи 402 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также частью третьей статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026); Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2010 № 807-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новосельцева Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 7, статьями 264 и 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частью третьей статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026); Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2002 № 176-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соловьёва Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026); Определение Конституционного Суда РФ от 01.07.1998 № 159-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Порядина Виктора Борисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026).

[4] См. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.07.2025 № 77-2031/2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026); Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.07.2023 № 77-2986/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026).

[5] Постановление Калужского районного суда Калужской области от 13.08.2025 № 3/10-222/2025.

[6] Постановление Калужского областного суда от 25.09.2025 № УК-22-1114/2025.

рактер, оставляет «за кадром» адекватность порождаемых им последствий для лица, содержащегося под стражей, и не является необходимым при расследовании конкретного уголовного дела.

В любом случае такое ограничение должно быть достаточно обоснованным, как и любое решение следователя согласно требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Однако правильно распределить баланс между такими публичными интересами как тайна предварительного следствия, защита от посягательств на доказательственную информацию и конституционными гарантиями прав личности удаётся не всегда.

Ограничение права обвиняемого на телефонные переговоры и свидания как предмет судебного контроля. Отраслевое законодательство не позволяет проводить свидания и телефонные звонки наедине и конфиденциально, как это предусмотрено в случае свидания адвоката со своим подзащитным. Условия такого свидания совсем иные – прямой (физический) доступ к обвиняемому исключён, пронести в СИЗО и передать ему что-либо или забрать у него невозможно. Поговорить шёпотом тоже не получится, так как весь информационный обмен между обвиняемым и визитером (абонентом) контролируется сотрудниками учреждения.

Свидания с родственниками и иными лицами в случае попытки передачи подозреваемому или обвиняемому запрещённых к хранению и использованию предметов, веществ и продуктов питания либо сведений, которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления прерываются досрочно[7]. Такой же порядок действует и при нахождении подозреваемого и обвиняемого в ИВС[8].

Запрещается передавать сведения по уголовному делу, угрозы, призывы к расправе, совершению преступления или иного правонарушения, информацию об охране СИЗО, его сотрудниках, способах передачи запрещённых предметов и другие сведения, которые могут способствовать совершению преступления[9].

Таким образом, дополнительные механизмы обеспечения безопасности предварительного следствия вытекают из самого факта нахождения обвиняемого в СИЗО. В постановлении суда об избрании этой меры пресечения эти механизмы отдельно не указываются – они, так сказать, включены в «пакет по умолчанию».

---

[7] О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026).

[8] Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: Приказ МВД России от 22.11.2005 № 950 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026).

[9] ФСИН России «Ответы на наиболее часто задаваемые вопросы о содержании под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.07.2026).

При этом обвиняемому не нужно спрашивать у следователя разрешение получать корреспонденцию, цветные фотографии, бандероли, получать посылки (в т. ч. и продуктовые) из дома или учреждения общепита – всё это, как и многое другое, предоставляют онлайн-сервисы: Зона Телеком, ФСИН-Письмо.

Свидания и звонки с родственниками и иными лицами, по сути, проходят аналогичную цензуру, как письма и посылки. Контроль со стороны должностных лиц учреждения ФСИН способен предотвратить получение обвиняемым предметов и документов, а также информации, способной негативно повлиять на расследование уголовного дела.

При этом авторы исходят из того, что для участия, например, в голосовании на выборах Президента Российской Федерации разрешение следователя не требуется, равно как не требуется оно и для получения медицинской помощи, однако для встречи с родственниками и иными лицами оно обязательно. Будучи поражённым в ряде конституционных прав, что вызвано объективными последствиями содержания под стражей, обвиняемый, тем не менее, сохраняет некоторые из них и пользуется ими без ограничений. Однако непонятно, почему право на семейную жизнь, гарантированное ст. 38 Конституции Российской Федерации, нужно «заслужить» у следователя.

Учитывая такое положение, появляются вопросы о разумности и конституционной соразмерности такого ограничения. Разве встречи с родственниками не способны укрепить эмоциональное состояние обвиняемого? Зачем в штате СИЗО психолог, если следователь может нанести травму, которую необходимо лечить?

При судебном рассмотрении жалобы на отказ в предоставлении звонков и свиданий следователю необходимо, приведя конкретные факты, доказать, почему существующие механизмы защиты доказательственной информации могут оказаться неэффективными. Отказ следователя в предоставлении обвиняемому свиданий и звонков без убедительного обоснования такого ограничения является правовым произволом. Признавая такой отказ незаконным, некоторые суды прямо указывают, например: «решение суда не содержит суждений, как выдача разрешения на свидание с несовершеннолетним ребенком, женой и отцом может воспрепятствовать установлению обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, при проведении свиданий под контролем сотрудников СИЗО в специально оборудованных для этих целей помещениях, а также повлиять на разглашение следственной тайны»[10], «следователем не приведены убедительные доводы о том, что предоставление свиданий и телефонных переговоров могло негативно отразиться на расследовании уголовного дела, в то время как право обвиняемого на свидания и телефонные переговоры с близкими и родственниками предусмотрено законом и гарантирова-

[10] Апелляционное постановление Московского городского суда от 01.06.2022 № 10-17838\2022 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы (дата обращения: 08.07.2026).

но Конституцией РФ, а потому не может быть ограничено без приведения убедительных и объективно подтверждённых мотивов»[11].

Анализ судебных актов позволяет прийти к выводу, что следователи, в основном, указывают однотипные основания к отказу в предоставлении обвиняемому звонков и свиданий. Среди них можно выделить следующие:

- выполнение следователем требований ст. 217 УПК РФ, в связи с чем в распоряжении обвиняемого появляются сведения, которые при личной встрече, телефонном разговоре с близкими родственниками и близкими лицами могут быть распространены;

- допрос близких родственников обвиняемого в качестве свидетелей по данному уголовному делу, что нарушит запрет на общение со свидетелями.

Указание таких причин к отказу в предоставлении звонков и свиданий не всегда является достаточно обоснованным для суда.

Отдельно следует указать на случаи, когда в обоснование своего отказа следователь ссылается на непризнание обвиняемым своей вины[12] или на противодействие органу предварительного следствия путём отказа от дачи показаний[13]. Такие мотивировки по своей сути являются незаконными в силу положений ст. 14 УПК РФ.

Если следователь считает, что встречи обвиняемого с родственниками и иными лицами могут привести к разглашению значимой информации, то вполне возможно, что такие встречи, наоборот, приведут к появлению оперативно-разыскных возможностей для проверки этой информации и её дальнейшего использования в доказывании по уголовному делу или для выявления иных преступлений. Ничто не мешает производству ОРМ в СИЗО, и, быть может, в некоторых случаях это приведёт к получению оперативно-значимой информации.

В начале 2025 г. в Государственную Думу был внесён законопроект № 827872-8, направленный на изменения в Федеральный закон «О содержании под стражей»[14]. В настоящее время законопроект проходит второе чтение. В пояснительной записке к нему указано, что порядок принятия решения о предоставлении свиданий законом не определён, не предусмотрены – хотя бы в общих чертах – основания для предоставления свиданий, что на практике приводит к

---

[11] Апелляционное постановление Московского городского суда от 31.08.2023 № 10-17594\2023 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы (дата обращения: 08.07.2026).

[12] Апелляционное постановление Московского городского суда от 24.11.2022 № 10-23336\2022 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы (дата обращения: 08.07.2026).

[13] Постановление Басманного районного суда от 25.03.2024 № 3/12-157,179/2024 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы (дата обращения: 08.07.2026).

[14] Законопроект № 827872-8 «О внесении изменений в статью 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (в части уточнения порядка предоставления свиданий подозреваемым и обвиняемым) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности (дата обращения: 08.07.2026).

многочисленным жалобам. Приведены многочисленные ссылки на акты Конституционного Суда Российской Федерации, суть которых сводится к тому, что:

- возможность отказывать обвиняемому (подозреваемому) в осуществлении его права на свидание с родственниками и иными лицами (п. 5 ст. 17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений») только при наличии достаточно веских оснований, связанных с необходимостью обеспечения прав и свобод других лиц, а также интересов правосудия по уголовным делам. Такого рода отказы, как и отказы в удовлетворении любых других ходатайств участников уголовного судопроизводства, должны быть мотивированы (ч. 3 ст. 131 УПК РФ) и могут быть обжалованы прокурору или в суд общей юрисдикции, которые с учётом всех фактических обстоятельств дела оценивают, насколько обоснованно в каждом конкретном случае обвиняемому отказывается в свидании с близкими родственниками и иными лицами (Определение КС РФ от 01.07.1998 № 159-О).

Рассуждая о формальных контраргументах следователя, которые, как правило, сводятся к следующему: «Я следователь и так решил в силу ст. 38 УПК» или «Обвиняемый своими звонками и свиданиями будет препятствовать расследованию», авторы Telegram-канала «Уголовка на практике» (@criminaljusticio) приводят многочисленные примеры признания такой практики незаконной: Постановления Басманного районного суда города Москвы от 23.05.2024 № 3/12-330/2024, от 26.09.2023 № 3/12-0603/2023, от 26.09.2023 № 3/12-0550/2023, от 01.09.2023 № 3/12-0670/2023, от 13.07.2023 № 3/12-0309/2023, от 20.06.2023 № 3/12-0331/2023, от 29.05.2023 № 3/12-0325/2023, от 29.03.2023 № 3/12-0280/2023, от 28.03.2023 № 3/12-0227/2023, от 28.03.2023 № 3/12-0048/2023[15].

Заключение. Проведённый анализ, в т. ч. судебной практики, позволяет констатировать, что действующая модель реализации права обвиняемого на телефонные переговоры и свидания с родственниками и иными лицами носит формально-декларативный характер и в реальности не обеспечивает эффективной защиты конституционного права на семейную жизнь.

Несмотря на прямые гарантии, вытекающие из ст. 38 Конституции Российской Федерации, а также ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, фактическое осуществление данного права поставлено в зависимость от усмотрения следователя, чьи решения зачастую не содержат достаточной мотивации и воспроизводят шаблонные формулировки, не подтверждённые конкретными обстоятельствами дела.

Фактически складывается ситуация, при которой дополнительные ограничения прав обвиняемого, не предусмотренные непосредственно судебным решением об избрании меры пресечения, реализуются на уровне ведомственного усмотрения и не проходят надлежащую проверку на соответствие принципу соразмерности. Это позволяет говорить о существовании дополнительных

[15] Уголовка на практике. Следователь запретил. Басманный суд разрешил [Электронный ресурс] // Telegram-канал «Уголовка на практике». – URL: t.me (дата обращения: 08.07.2026).

негативных последствий содержания под стражей, которые расположены за пределами целей, установленных законом.

Законопроект № 827872-8, находящийся на рассмотрении Государственной Думы, свидетельствует о признании законодателем существующих проблем. Однако без коренной переработки подхода к регулированию данного вопроса существует риск сохранения прежней практики уже в новых нормативных рамках.

С учётом изложенного представляется необходимым:

1. Нормативно закрепить исчерпывающий перечень оснований к отказу в предоставлении свиданий и телефонных переговоров;

2. Возложить на следователя обязанность доказывания наличия конкретных, а не гипотетических рисков;

3. Установить презумпцию допустимости свиданий при отсутствии установленных оснований для их ограничения;

4. Усилить стандарт судебного контроля с переходом от формальной проверки к оценке обоснованности и соразмерности ограничения;

5. Исключить практику использования ограничения свиданий как средства процессуального давления на обвиняемого.

В противном случае конституционное право на семейную жизнь в условиях содержания под стражей продолжит носить декларативный характер, а институт судебного контроля – выполнять преимущественно формальную функцию, что несовместимо с принципами правового государства и подрывает доверие к системе уголовного правосудия.

Список источников

1. Косатых Е.С. Отдельные проблемы обжалования отказа в свиданиях и звонках обвиняемому / Е.С. Косатых // Интернаука: электрон. научн. журн. – 2025. – № 30 (394) [Электронный ресурс] // URL: https://internauka.org/journal/science/internauka/394 (дата обращения: 08.07.2026).

References

1. Kosatykh E.S. Certain Issues in Appealing Denials of Visitation and Phone Calls for Detained Defendants. *Internauka: Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 30 (394). Available at: https://internauka.org/journal/science/internauka/394. (In Russian).

Информация об авторах

Гаврилов Борис Яковлевич – *доктор юридических наук, профессор Академии управления Министерства внутренних дел России*

Кузнецов Анатолий Николаевич – *кандидат юридических наук, доцент Воронежского государственного университета*

Information about the Authors

Gavrilov Boris Yakovlevich – *Doctor of Law, Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;*

Kuznetsov Anatoly Nikolaevich – *Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of Voronezh State University*

Статья поступила в редакцию 25.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 13.06.2026 г.; принята к публикации 13.06.2026 г.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 13.06.2026; accepted for publication 13.06.2026.

Научная статья
УДК 343.13; 343.98
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.17

Дударев Виталий Анатольевич
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия,
dudarev-vitalii@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1886-8663

Брекина Мария Сергеевна
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия,
mari.brekina04@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы расследования вовлечения несовершеннолетних в киберпреступления и антиобщественные действия. Анализируются современные способы дистанционной вербовки, психологические механизмы воздействия на подростков, а также тактические особенности проведения отдельных следственных действий. На основе эмпирических данных и материалов уголовных дел обосновывается необходимость совершенствования методик расследования и профилактики преступных деяний, совершаемых несовершеннолетними. Предлагаются направления оптимизации деятельности правоохранительных органов с использованием цифровых технологий и методов OSINT. Цель работы – выявить особенности расследования вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий и киберпреступлений, а также предложить меры по профилактике данных преступлений. Методы: общенаучные (диалектический, структурный) и частнонаучные (юридико-догматический и толкования правовых норм) методы. Результаты: исследование позволило выявить наиболее актуальные способы и механизмы вовлечения несовершеннолетних в киберпреступления и антиобщественные действия; предложить криминалистические особенности расследования киберпреступлений и антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними, а также проведение мероприятий, направленных на профилактику указанных преступных деяний.

***Ключевые слова*:** несовершеннолетние, киберпреступность, вовлечение в преступление, расследование, профилактика, диверсия, цифровые следы, судебная экспертиза, OSINT, криминалистическая методика

© Дударев В.А., 2026
© Брекина М.С., 2026

Для цитирования: Дударев В.А., Брекина М.С. Особенности расследования и профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий и киберпреступлений / В.А. Дударев, М.С. Брекина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.17 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 224–234.

Original article

Dudarev Vitaly Anatolevich
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia, dudarev-vitalii@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1886-8663

Brekina Maria Sergeevna
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia, mari.brekina04@mail.ru

INVESTIGATION AND PREVENTION OF MINORS' INVOLVEMENT IN ANTISOCIAL ACTS AND CYBERCRIMES: SPECIFIC FEATURES

Abstract. The article examines the problems of investigating the minors' involvement in cybercrimes and antisocial acts. It analyzes modern methods of remote recruitment, psychological mechanisms of influence on adolescents, as well as tactical features of conducting individual investigative actions. Based on empirical data and criminal case materials, the need to improve investigation and prevention methodologies for criminal acts committed by minors is substantiated. Directions to optimize the activities of law enforcement agencies using digital technologies and OSINT methods are proposed. The purpose of the work is to identify the features of investigating the minors' involvement in the commission of antisocial acts and cybercrimes, as well as to propose measures to prevent such crimes. Methods: general scientific (dialectical, structural) and special scientific (legal-dogmatic and interpretation of legal norms) methods. Results: the study identifies the most relevant methods and mechanisms of involving minors in cybercrimes and antisocial acts; proposed criminalistic features of investigating cybercrimes and antisocial acts committed by minors, as well as measures aimed at preventing the specified criminal acts.

Keywords: minors, cybercrime, involvement in crime, investigation, prevention, sabotage, digital traces, forensic expertise, OSINT, forensic methodology

For citation: Dudarev V.A., Brekina M.S. Investigation and Prevention of Minors' Involvement in Antisocial Acts and Cybercrimes: Specific Features. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2026, no. 3, pp. 224–234. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.17

Введение. В современном мире информационные технологии, являясь неотъемлемым элементом нашей жизни, формируют цифровую среду, оказывающую влияние на все сферы общественных отношений. Как справедливо отмечает А.А. Бессонов, «информационные технологии представлены высокопроизводительными системами, глобальным информационным пространством, а пиком их развития стали искусственный интеллект и киберфизические системы» [1, с. 26].

В настоящее время информационные технологии обеспечивают достаточный уровень комфорта, мобильности и доступа к различным веб-ресурсам, формируя цифровую среду жизнедеятельности человека. Однако наряду с этим в руках злоумышленников информационные технологии представляют экзистенциальную угрозу человечеству, ключевым индикатором которой выступает киберпреступность.

Официальные статистические данные свидетельствуют о сохранении высокого уровня киберпреступности. Несмотря на снижение доли IT-преступлений в 2025 году на 12 %, их абсолютное количество остаётся значительным – 675 тыс. деяний. При этом каждое пятое преступление совершается несовершеннолетними или при их соучастии. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, на преступления в IT-сфере приходится 38 % в общей структуре преступной деятельности, а их раскрываемость составляет около 30 %[1].

В этих условиях особую актуальность приобретает проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий и киберпреступлений.

Психологические и когнитивные особенности лиц данной возрастной категории, такие как незавершённость социализации, повышенная внушаемость, стремление к самоутверждению и лёгкий доступ к цифровым технологиям, делают их уязвимыми для криминального влияния. В связи с этим, как справедливо отмечает председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин, вовлечение спецслужбами недружественных стран несовершеннолетних в террористическую, экстремистскую и иную противоправную деятельность является новым источником угроз[2].

В.А. Шурухнов также отмечает, что «серьёзные намерения в рамках достижения желаемого негативного результата в рассматриваемой сфере возлагаются на вовлечение молодежи в различные деструктивные сферы общественной жизни» [2, с. 220].

Способы и механизмы вовлечения несовершеннолетних в киберпреступления и антиобщественные действия. Вербовка несовершеннолетних в

[1] Число ИТ-преступлений в России за 2025 год уменьшилось на 12 % [Электронный ресурс] // URL: https://www.osp.ru/articles/2026/0209/13060411 (дата обращения: 01.07.2026).

[2] Александр Бастрыкин – о ситуации с подростковой преступностью в стране и о том, что с этим делать // Российская газета. 2023. 31 мая [Электронный ресурс] // URL: https://rg.ru/2023/05/31/opasnyj-vozrast.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.07.2026).

деструктивные сообщества остаётся одной из ключевых угроз национальной безопасности. Способы вовлечения несовершеннолетних, как правило, носят дистанционный характер и реализуются через ресурсы сети «Интернет», включая социальные сети, мессенджеры, игровые платформы и теневой сегмент (Darknet). Анализ следственной практики позволяет выделить следующие основные методы психологического воздействия на несовершеннолетних:

– манипулятивные техники: установление доверительных отношений, использование лести, обращение к чувству жалости (просьба о помощи мнимому родственнику или другу);

– когнитивные искажения: убеждение в законности или общественной полезности совершаемых действий (например, «борьба с несправедливостью», «помощь обездоленным работникам»);

– геймификация преступной деятельности: трансформация противоправных актов в игровой процесс (квесты, челленджи)[3] с элементами соревнования и последующей демонстрацией результатов в цифровой среде [3, с. 148].

Анализ материалов уголовных дел позволяет говорить о многообразии мотивов, толкающих подростков на совершение преступлений, однако доминирующим выступает корыстный мотив – стремление к лёгкому заработку в условиях материальной необеспеченности.

На сегодняшний день несовершеннолетних чаще всего вербуют для совершения киберпреступлений. Субъекты, инициирующие совершение преступления, действуют в условиях анонимности, используя зашифрованные мессенджеры, что значительно затрудняет их идентификацию и привлечение к уголовной ответственности. Примечательной особенностью является применение социально-маскировочных технологий: «работодатели», позиционируя себя в качестве представителей трудового коллектива железнодорожников. Данная легенда призвана устранить у подростка ощущение противоправности деяния, подменяя реальную картину преступления как бы трудовыми отношениями. Упоминание о сдельной оплате труда (гонорар в размере 15 тыс. рублей) и связи оплаты с внеплановыми ремонтными работами имитирует экономическую обоснованность заказа, тем самым снижая критичность восприятия ситуации у несовершеннолетнего исполнителя.

Так, Р. находился под опекой бабушки и дедушки, то есть воспитывался в замещающей семье при отсутствии родительского попечения. Отмеченный низкий уровень материальной обеспеченности семьи выступил в качестве доминирующего побудительного мотива (экономической детерминанты), обусловившего принятие подростком рискованного решения о вступлении в противоправный контакт с дистанционными организаторами для получения материальной выгоды. Р. и его друг обнаружили искомый щиток, облили его горючей жидкостью и всё записали на видео. При задержании Р. и его друг во всём сознались. Они рассказали, что получили в мессенджере странное задание, за

[3] Квест – поиск приключений, исполнение заданий. Челлендж – вызов в виде действия или испытания, которые выполняет исполнитель, призывая аудиторию последовать его примеру.

выполнение которого им заплатили 15 тыс. рублей. Уголовное дело было возбуждено по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ (покушение на совершение террористического акта группой лиц)[4].

Согласно ст. 281 УК РФ диверсией признаётся совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации.

Как сообщил председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин, за последние три года межрегиональные следственные управления на транспорте привлекли к уголовной ответственности 159 несовершеннолетних, причастных к совершению диверсий и терактов на объектах транспортной инфраструктуры. Несовершеннолетние диверсанты – очень разные, отметил глава СК. Есть подростки из неполных семей, «погружённые в интернет-среду и состоящие на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних». Но есть и воспитанные «в благоприятных бытовых условиях», окружённые родительской заботой и обеспеченные материально. Некоторые считали, что сотрудничают с правоохранительными органами и исполняют их поручения. Вербовка подростков осуществляется из-за рубежа, как правило, им обещают вознаграждение, но редко выплачивают[5].

По мнению главы Следственного комитета, ужесточение ответственности за склонение подростков к диверсиям «очень своевременно». 17 ноября 2025 г. президент России Владимир Путин подписал закон, усиливающий уголовную ответственность за диверсии, в том числе вводящий наказание вплоть до пожизненного заключения за вовлечение несовершеннолетних в диверсионную деятельность.

Криминалистические особенности расследования киберпреступлений и антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними. Расследование преступлений рассматриваемой категории сопряжено с рядом объективных сложностей. Отсутствие традиционного места происшествия в физическом мире, трансграничность цифровых следов и необходимость применения специальных познаний для их обнаружения и изъятия требуют от следователя принципиально иных подходов к организации работы. Основными направлениями использования информационных технологий в расследовании выступают: поиск цифровых следов, анализ больших массивов данных (Big Data), хра-

[4] В преступлении важна субъективная сторона [Электронный ресурс] // URL:https://www.advgazeta.ru/mneniya/v-prestuplenii-vazhna-subektivnaya-storona/ (дата обращения: 01.07.2026).

[5] За диверсии на транспорте за три года задержаны 159 подростков [Электронный ресурс] // URL: https://www.fontanka.ru/2026/01/15/76216113/ (дата обращения: 01.07.2026).

нение криминалистически значимой информации в специализированных банках данных [1, с. 26].

В настоящее время в судебно-экспертную деятельность широко внедряются высокотехнологичные средства, методы и методики экспертного исследования: 3D-моделирование для фиксации и исследования мест происшествий; компьютерные системы искусственного интеллекта; нейронные сети в формировании справочно-информационных фондов для использования в судебных экспертизах и т. д. Разработанные новейшие методы молекулярно генетических исследований последних лет позволили учёным-генетикам России выйти на мировой уровень [4, с. 77].

Поэтому ключевое значение в расследовании киберпреступлений и антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними, играет производство судебных экспертиз.

Судебно-психологическая экспертиза позволяет установить индивидуально-психологические особенности личности подростка, его роль в группе, уровень интеллектуального и волевого развития, а также определить его истинное место в механизме преступного события. Это особенно важно для дифференциации ответственности и выявления фактов психологического принуждения.

Судебно-медицинская экспертиза направлена на фиксацию следов физического насилия, которое могло быть применено к несовершеннолетнему с целью его вовлечения в преступление.

В соответствии с обоснованной позицией Ю.И. Плахотнюк, к числу типичных (системных) процессуальных ошибок, допускаемых в ходе предварительного расследования, относятся: несвоевременное назначение судебной экспертизы (перенесённое на завершающий этап производства по делу) и отсутствие надлежащего документального подтверждения факта применения насилия [5].

Институт генетической судебной экспертизы представляет собой междисциплинарное научно-прикладное направление, формирующееся на стыке криминалистики и судебной медицины. В структурно-видовой иерархии данный вид экспертного исследования относится к молекулярно-генетическим, а его процессуальная и методологическая сущность заключается в выделении, анализе и последующем сопоставлении биологического (генетического) материала человека с иными образцами. Благодаря ДНК-экспертизе успешно решаются вопросы идентичности биологических объектов [6, с. 446].

К числу наиболее результативных мер противодействия преступности относится использование криминалистических баз данных, обеспечивающих идентификацию лиц, совершивших противоправные деяния. В данном контексте особую перспективность представляет внедрение возможностей государственной геномной регистрации, рассматриваемой в качестве многофункциональной системы организационно-технических средств и методов, ориентированной на сбор, систематизацию, обработку и прикладное использование массивов генетической информации человека [7, с. 12].

В связи с этим рекомендуется на первоначальном этапе расследования дел о групповых преступлениях с участием несовершеннолетних выяснять характер взаимоотношений со взрослыми соучастниками и при наличии признаков насилия назначать судебно-медицинскую экспертизу.

Значимым источником доказательств выступают материальные следы, обнаруживаемые на месте происшествия. При расследовании диверсионных актов (поджогов, взрывов), совершаемых подростками, высокой информативностью обладают: ёмкости с горючей жидкостью, средства поджога (спички, зажигалки), следы рук, обуви, а также брошенные предметы одежды, перчатки, салфетки. На данных объектах могут содержаться запаховые следы и биологический материал, пригодный для молекулярно-генетической экспертизы [8, с. 64].

В качестве примера эффективности геномной регистрации в раскрытии преступлений террористической направленности может служить случай диверсионного поджога релейного шкафа на перегоне станций Чернец – Полпинская Московской железной дороги. В ходе осмотра прилегающей к месту происшествия территории был обнаружен и процессуально изъят вещественный объект – мужская зимняя куртка с термическими повреждениями. По уголовному делу назначена молекулярно-генетическая судебная экспертиза, в рамках которой на изъятом предмете одежды выявлены биологические следы, содержащие генотипическую информацию (ДНК). Проведённое исследование с референтными образцами, аккумулированными в государственной базе данных геномной регистрации, позволило идентифицировать и впоследствии задержать ранее судимое лицо в возрасте 21 года, действовавшее в соучастии с несовершеннолетним [8, с. 64].

Совершенствование методик расследования и профилактики киберпреступлений и антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними. Анализ современного состояния проблемы свидетельствует о необходимости выделения дистанционного вовлечения несовершеннолетних в киберпреступления в качестве самостоятельного объекта криминалистических исследований. Это обусловливает постановку и решение ряда научных и прикладных задач:

– разработка частной методики расследования вовлечения несовершеннолетних в киберпреступления и иную антиобщественную деятельность с использованием цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий;

– совершенствование методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений различных групп и видов, сопряжённых с дистанционным вовлечением в их совершение несовершеннолетних;

– криминалистическое прогнозирование появления новых способов и средств вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность с учётом дальнейшего развития цифровых, информационных и телекоммуникационных технологий;

– необходимо создание специализированных систем онлайн-мониторинга веб-контента различных телекоммуникационных сетей;

– использование семантического анализа по ключевым словам и инструментам OSINT.

– разработка и внедрение мер криминалистической профилактики.

Особого внимания заслуживает использование технологий OSINT (open source intelligence – технология поиска и анализа информации из открытых источников).

Применение методов сбора и анализа информации из открытых источников (социальные сети, форумы, мессенджеры) позволяет: минимизировать юридические риски, обеспечить оперативный доступ к данным, проводить мониторинг поведения целевых групп, в том числе несовершеннолетних.

Инструментарий OSINT включает поисковые системы с использованием семантического анализа по ключевым словам, а также специализированное программное обеспечение для мониторинга веб-пространства [9, с. 79].

Для поиска криминалистически значимой уголовно-релевантной информации о несовершеннолетнем могут применяться специализированные сервисы OSINT:

– сервисы для сбора информации по фамилии, имени и отчеству пользователя:

а) Namebook.club – уникальная система поиска людей (собирает информацию из различных источников, таких как социальные сети, блоги, форумы);

б) Rfpoisk.ru – сервис поиска людей по базе данных (позволяет обнаружить телефон, домашний адрес, дату рождения, информацию о месте службы в армии, учебных заведениях и т. д.);

– сервисы для сбора информации по номеру телефона:

а) PhoneInfoga – продвинутая утилита, позволяющая получать данные о стране, операторе связи, типе линии и другую информацию, связанную с номером телефона;

б) Getcontact – приложение, позволяющее установить личность абонента по номеру телефона.

– сервисы для сбора информации об электронной почте и никнеймах:

а) Hunter.io – сервис, который находит адреса электронной почты, связанные с определённым доменом;

б) Emailsherlock – автоматический поиск по email-адресу.

– сервисы для сбора информации по фотографии:

а) GoogleLens – приложение от Google, способное распознавать объекты на фотографиях из галереи или с камеры смартфона;

б) «Яндекс Картинки», «Google Картинки» – сервисы для поиска объекта по картинкам и фотографиям в сети «Интернет», где также доступна генерация фото людей и изображений посредством нейросети;

– сервисы для сбора информации по устройствам:

а) Shodan – поисковик, который индексирует устройства, подключённые к сети «Интернет», и предоставляет детальную информацию о них;

б) GeoCreepy – инструмент для сбора геолокационных данных из твитов и фотографий.

Поэтому следователи должны опираться на технологии OSINT и использовать их возможности при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних.

Среди мероприятий по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в киберпреступления и антиобщественные действия можно выделить:

– совершенствование законодательной базы, регламентирующей порядок изъятия электронной информации и полномочия правоохранительных органов в цифровой среде;

– повышение цифровой грамотности родителей, педагогов и сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних;

– необходимо продолжать разрабатывать наиболее действенные механизмы расследования преступлений с привлечением специалистов в этой области не только для применения технико-криминалистических средств, но и для оказания помощи в допросах несовершеннолетних киберпреступников;

– психолого-педагогическую подготовку сотрудников Следственного комитета РФ и МВД РФ для эффективного взаимодействия с несовершеннолетними, использующими специфический сленг и цифровые коммуникации;

– создание специализированных систем онлайн-мониторинга для выявления противоправного контента, направленного на вербовку несовершеннолетних лиц.

Заключение. Таким образом, вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий и киберпреступлений представляет собой сложный, многоаспектный феномен, требующий консолидации усилий законодательных, правоохранительных и образовательных структур. Эффективность противодействия данному явлению напрямую зависит от способности правоохранительной системы адаптироваться к быстро меняющимся цифровым реалиям. Дальнейшее развитие криминалистической науки должно быть направлено на создание специализированных методик расследования, внедрение технологий анализа открытых данных (OSINT) и формирование комплексной системы профилактики, ориентированной на нейтрализацию криминогенного влияния цифровой среды на подрастающее поколение.

Список источников

1. Бессонов А.А. Информационные технологии как средство оптимизации расследования преступлений / А.А. Бессонов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч.-практ. статей / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И.М. Комарова. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 240 с.

2. Шурухнов В.А. Молодёжный экстремизм в России: истоки, современное состояние / В.А. Шурухнов // Стратегии противодействия экстремизму: материалы межведомственной науч.-практ. конференции, Москва, 28 октября 2021 г. – М.: Московская академия Следственного комитета РФ, 2021. – С. 220–225.

3. Макаренко И.А., Харисова З.И. Вовлечение несовершеннолетних в совершение киберпреступлений и антиобщественных действий: современные техники и тенденции / И.А. Макаренко, З.И. Харисова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч.- практ. статей / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И.М. Комарова. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 240 с.

4. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах взаимодействия судебных и правоохранительных органов с судебно-экспертными организациями по соблюдению законности в сфере судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации / Ф.Г. Аминев // Высокотехнологичное право: точка бифуркации: Материалы V Международной науч.-практ. конференции. В 3-х ч. Часть 1. – М.: МИЭТ, 2024. – С. 76–81.

5. Плахотнюк Ю.И. Актуальные вопросы разработки методики расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) / Ю.И. Плахотнюк // Молодой учёный. – 2011. – № 8 (31). – Т. 2. – С. 57–59.

6. Дударев В.А. Использование геномной информации при расследовании преступлений взрослых и несовершеннолетних лиц в условиях современных процессов цифровизации / В.А. Дударев // Устойчивое развитие России: правовое измерение: Сборник докладов X Московского юридического форума. В 3-х частях, Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 06–08 апреля 2023 г. – М.: Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. – С. 443–447.

7. Аминев Ф.Г., Анисимов В.А. Об организационном аспекте современной технологии всеобщей ДНК-регистрации граждан / Ф.Г. Аминев, В.А. Анисимов // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (60). – С. 11–19.

8. Милованова М.М. Особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе расследования диверсий на железнодорожных объектах, совершённых несовершеннолетними / М.М. Милованова // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 60–67.

9. Дударев В.А. Использование OSINT в расследовании преступлений несовершеннолетних лиц / В.А. Дударев // Высокотехнологичное право: ожидание и реальность: Материалы VI Международной науч.-практ. конференции. В 2-х частях, Зеленоград, 14 февраля 2025 г. – М.: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2025. – С. 76–84.

References

1. Bessonov A. A. Information Technology as a Means of Optimizing Crime Investigation. *Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. Collection of Scientific and Practical Articles*. Moscow, Yurlitinform, 2025. 240 p. (In Russian).

2. Shurukhnov V.A. Youth Extremism in Russia: Origins and Current State. *Strategies for Countering Extremism. Materials of the Interdepartmental Scientific and Practical Conference, Moscow, October 28, 2021*. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2021, pp. 220–225. (In Russian).

3. Makarenko I. A., Kharisova Z.I. Involvement of Minors in Committing Cybercrimes and Antisocial Acts: Modern Techniques and Trends. *Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow: Collection of Scientific and Practical Articles.* Moscow, Yurlitinform, 2025. 240 p. (In Russian).

4. Aminiev F.G. On Some Problems of Interaction Between Judicial and Law Enforcement Agencies and Forensic Expert Organizations in Ensuring Legality in the Sphere of Forensic Expert Activity Under Digitalization. *High-Tech Law: Bifurcation Point. Materials of the V International Scientific and Practical Conference, Moscow – Krasnoyarsk, February 15-16, 2024. In 3 parts. Part 1.* Moscow, MIET, 2024, pp. 76–81. (In Russian).

5. Plakhotnyuk Yu.I. Current Issues in Developing a Methodology for Investigating the Involvement of a Minor in the Commission of a Crime (Art. 150 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Young Scientist*, 2011, vol. 2, no. 8 (31), pp. 57–59. (In Russian).

6. Dudarev V. A. Use of Genomic Information in Investigating Crimes of Adults and Minors in the Context of Modern Digitalization Processes. *Sustainable Development of Russia: Legal Dimension. Materials of the X Moscow Legal Forum. Moscow, August, 06–08, 2023.* Moscow, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2023, pp. 443 – 447. (In Russian).

7. Aminiev F.G., Anisimov V.A. On the Organizational Aspect of Modern Technology of Universal DNA Registration of Citizens. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice,* 2020, no. 2 (60), pp. 11–19. (In Russian).

8. Milovanova M.M. Specifics of Establishing Circumstances to be Proved in the Investigation of Sabotage at Railway Facilities Committed by Minors. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice,* 2024, no. 2, pp. 60–67. (In Russian).

9. Dudarev V. A. Using OSINT in Juvenile Crimes Investigation. *High-Tech Law: Expectation and Reality. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Zelenograd, February 14, 2025.* Moscow, National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology", 2025, pp. 76–84. (In Russian).

Информация об авторах

Дударев Виталий Анатольевич *– старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права*

Брекина Мария Сергеевна *– студент*

Information about the Authors

Dudarev Vitaly Anatolevich *– Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines, Theory and History of State and Law;*

Brekina Maria Sergeevna *– student*

Статья поступила в редакцию 01.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 25.06.2026 г.; принята к публикации 26.06.2026 г.

The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 26.062026.

Научная статья
УДК 343.985.7:343.72:004.77 (470)
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.18

Евдокимова Ольга Владимировна
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Россия, olga.evdokimova_2018@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РАСКРЫТИИ, РАССЛЕДОВАНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЁННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТФОРМ ОНЛАЙН-ЗНАКОМСТВ

Аннотация. На современном этапе актуальной задачей органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) является выработка правовых и организационно-тактических подходов к эффективному взаимодействию следственных подразделений с представителями средств массовой информации (далее – СМИ) при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений, совершённых с использованием цифровых платформ, в числе которых особе место занимают сервисы онлайн-знакомств. Рост цифровизации межличностных коммуникаций, широкая доступность сервисов знакомств, использование преступниками анонимизации и «фейковых» аккаунтов обуславливает увеличение числа потерпевших и высокую латентность преступных деяний. СМИ в указанных условиях выступают значимым источником ориентирующей информации и проверочной информации: они могут способствовать своевременному установлению признаков преступления и инициированию доследственной проверки, а также повышать эффективность раскрытия и расследования за счёт выявления потерпевших, свидетелей, фиксации и распространения сведений о способах совершения преступного деяния. Одновременно использование медиаматериалов в профилактических целях обеспечивает предупреждение преступлений путём информирования населения о типичных схемах преступников.

Цель: комплексный анализ проблем и правоприменительных особенностей взаимодействия следственных подразделений с представителями СМИ при раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничества, совершаемого с использованием платформ онлайн-знакомств, а также выработка и обоснование на этой основе основных направлений и организационно-правовых мер, обеспечивающих повышение эффективности выявления, профилактики указанных преступлений при соблюдении требований уголовно-процессуального законодательства, недопустимости разглашения данных предварительного расследования и гарантий защиты прав граждан.

© Евдокимова О.В., 2026

Методы: общенаучные методы анализа, синтеза, дедукции, индукции, обобщения и сравнения; частные научные методы, в частности статистический метод для сбора и анализа эмпирических данных о практике раскрытия, расследования и предупреждения мошенничества на платформах онлайн-знакомств, в том числе с учётом взаимодействия следственных подразделений со СМИ.

Результаты: исследование свидетельствует, что взаимодействие следственных подразделений со СМИ при расследовании мошенничества на платформах онлайн-знакомств имеет самостоятельную криминалистическую значимость. Такое взаимодействие способствует установлению признаков преступления и организации проверки сообщения о преступлении, повышает результативность раскрытия и расследования за счёт выявления потерпевших, свидетелей, фиксации и доведения до сведения общественности информации о способах совершения противоправных деяний.

Ключевые слова: взаимодействие, СМИ, мошенничество, раскрытие, расследование, предупреждение, онлайн-знакомства

Для цитирования: Евдокимова О.В. Взаимодействие следственных подразделений с представителями средств массовой информации в раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершённых с использованием платформ онлайн-знакомств / О.В. Евдокимова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.18 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 235–248.

Original article

Evdokimova Olga Vladimirovna
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
olga.evdokimova_2018@mail.ru

THE INVESTIGATIVE FORCES AND MASS MEDIA INTERACTION IN THE DETECTION, INVESTIGATION AND PREVENTION OF ONLINE DATING FRAUD

Abstract. At the present stage, developing effective legal, organizational, tactical approaches to the interaction between investigative forces and representatives of the mass media in detecting, investigating and preventing crimes committed by using digital platforms, among which online dating services occupy a special place, represents an urgent task for the internal affairs bodies of the Russian Federation. The growing digitalization of interpersonal communications, the widespread availability of dating services and the use of anonymization and fake accounts by criminals lead to an increase in the number of victims and a high latency of criminal acts. In these conditions, the mass media serve a significant source of orienting information and verification information. They can facilitate the identification of crime signs and the initiation of a pre-investigation check, as well as increase the effectiveness of disclosure and investigation by identifying victims, witnesses, recording and dissem-

inating information about the methods of committing a criminal act. At the same time, the use of media materials for preventive purposes ensures the crime prevention by informing the public about typical criminal schemes. Purpose: a comprehensive analysis of the problems and law enforcement features of the investigative forces' interaction with media representatives when uncovering, investigating and preventing fraud committed by using online dating platforms, as well as developing and justifying on this basis the main directions and organizational and legal measures to improve the effectiveness of detecting and preventing these crimes while complying with the requirements of criminal procedure legislation, the inadmissibility of disclosure of preliminary investigation data and guarantees for the protection of citizens' rights. Methods: general scientific methods of analysis, synthesis, deduction, induction, generalization and comparison; private scientific methods, in particular a statistical method for collecting and analyzing empirical data on the practice of disclosure, investigation and prevention of fraud on online dating platforms, including taking into account the interaction of investigative units with the media. Results: the study shows that the investigative forces interaction with the mass media when investigating fraud on online dating platforms has independent criminalistic significance. Such interaction facilitates the identification of crime signs and the organization of crime report verification, increases the effectiveness of disclosure and investigation by identifying victims, witnesses, recording and communicating to the public information about ways to commit illegal acts.

Keywords: interaction, mass media, fraud, disclosure, investigation, prevention, online dating

For citation: Evdokimova O.V. The Investigative Forces and Mass Media Interaction in the Detection, Investigation and Prevention of Online Dating Fraud. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2026, no. 3, pp. 235–248. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.18

Введение. Российская Федерация рассматривает укрепление института семьи в качестве приоритетного направления государственной политики. Объявление 2024 года Годом семьи Указом Президента РФ от 22.11.2023 № 875 выступает подтверждением государственной ориентированности на поддержку и развитие семейных ценностей и отношений, составляющих основу общества[1]. В жизни каждого человека вступление в брак и желание иметь детей является важным этапом в жизни. Вместе с тем, из-за нехватки времени, возможностей для знакомств, неудач в личной жизни, специфических требований и предпочтений люди чаще обращаются для поиска партнёра в агентства или оказываются на платформах онлайн-знакомств. С развитием информационных технологий и ростом популярности данных платформ как места для поиска отношений мошенничество в этой сфере приобрело особую актуальность.

[1] Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2026).

Противоправные действия, совершаемые на платформах онлайн-знакомств, как правило, квалифицируются по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В период с января по декабрь 2025 года зафиксировано 1641,3 тыс. преступлений. Из общего числа зарегистрированных преступлений 371,2 тыс. квалифицированы по ст. 159 УК РФ (мошенничество), что свидетельствует о снижении данного показателя на 7 % относительно аналогичного периода 2024 года. Количество преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, в указанный период достигло 627,1 тыс., что на 10 % меньше по отношению к сопоставимому периоду предыдущего года. При этом 48 % – мошенничества, предусмотренные ст. 159 УК РФ (320,4 тыс.)[2].

В связи с этим для эффективного расследования подобных преступлений необходимо взаимодействие как между различными подразделениями ОВД РФ, так и с другими организациями (банковские учреждения, операторы связи, средства массовой информации).

Теоретические основы взаимодействия следственных подразделений с представителями средств массовой информации в раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершённых с использованием платформ онлайн-знакомств. Г.Н. Мухин и Д.В. Исютин-Федотков предлагают понимать под таким взаимодействием совместную согласованную деятельность в процессе раскрытия и расследования преступлений, осуществляемую в целях наиболее эффективного применения специфических сил, средств, методов, используемых взаимодействующими сторонами [1, с. 295].

Н.А. Аменицкая справедливо отмечает, что эффективность взаимодействия в юридической сфере напрямую зависит от чёткости правового регулирования отношений между участниками, распределения их прав и обязанностей, а также взаимной ответственности за процесс и результат совместной деятельности [2, с. 141].

Анализ документальных фильмов-расследований, телепередач, посвящённых мошенничеству на платформах онлайн-знакомств, указывает на то, что СМИ играют значительную роль в выявлении признаков указанных преступлений, формировании первичной доказательственной и ориентирующей информации, а также в последующем содействии их расследованию, раскрытию и предупреждению преступлений. Среди работ, посвящённых проблемам взаимодействия СМИ и правоохранительных органов, можно выделить диссертационные исследования А.М. Ишина, А.А. Рогова, А.Н. Тюменцева, А.Д. Баконина, В.П. Шашкова [3; 4; 5; 6; 7].

Эффективность раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в существенной мере обусловлена своевременным получением следова-

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – июнь 2025 года [Электронный ресурс] // МВД России: сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/72174303/ (дата обращения: 15.01.2026).

телем сведений об обстоятельствах совершённого деяния о лицах, причастных к нему. Формирование соответствующего информационного массива начинается с момента совершения преступления и продолжается на последующих стадиях уголовного судопроизводства: в ходе доследственной проверки (при её проведении), предварительного расследования, а также при судебном разбирательстве. Суд, руководствуясь принципами непосредственности и свободной оценки доказательств, анализирует такие сведения в их совокупности и взаимосвязи, устанавливая наличие либо отсутствие события преступления, характер и степень виновности подсудимого, а также определяя меру уголовно-правового воздействия.

В криминалистике указанные сведения традиционно обозначаются как криминалистически значимая информация, под которой понимается информация, способная оказать существенное влияние на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, и на выбор оптимальных тактических и методических решений при расследовании. В зависимости от процессуального статуса и функционального назначения данная информация может приобретать характер доказательственной (то есть отвечающей требованиям относимости, допустимости и достоверности и подлежащей использованию при доказывании) либо ориентирующей (обеспечивающей выдвижение версий, планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, определение направлений поиска и проверок). Потенциальная значимость такой информации определяется не только её содержанием, но и вероятностью практического востребования конкретными субъектами уголовного судопроизводства – органом дознания, следователем и судом, – а также возможностью её трансформации в доказательства либо использования в качестве ориентировочной основы при принятии процессуальных и тактических решений [8, с. 186].

Такое понимание роли криминалистически значимой информации обусловливает необходимость её углублённого научно-теоретического осмысления, включающего, во-первых, исследование механизма её возникновения и формирования, а во-вторых, анализ условий и процедур её своевременного выявления, получения и использования ОВД РФ.

Практическое применение взаимодействия следственных подразделений с представителями средств массовой информации в раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершённых с использованием платформ онлайн-знакомств. Практическая значимость данного направления исследования определяется тем, что временной фактор и полнота первичных сведений непосредственно влияют на качество выдвижения и проверки следственных версий, планирование следственных действий, установление круга причастных лиц, а также на эффективность последующего доказывания по уголовному делу.

Криминалистически значимая информация формируется на основе фактических данных, которые находятся в причинно-следственной связи с событием преступления и отражают его обстоятельства, механизм, обстановку совер-

шения и действия участников, а также последствия противоправного деяния. Внешнее выражение таких данных проявляется через систему следов преступления, понимаемых в криминалистике как материальные и идеальные отображения события: материальные следы фиксируются в изменениях предметной обстановки, тогда как идеальные следы закрепляются в сознании лиц, воспринимавших событие, и могут быть выражены в сообщениях, объяснениях и показаниях. Следовательно, источниковая база криминалистически значимой информации по своей природе является разнородной и не ограничивается исключительно процессуальными источниками, поскольку на начальных этапах выявления события существенную роль играют и внепроцессуальные каналы поступления сведений.

К числу таких каналов относятся сообщения, распространяемые СМИ. При осуществлении профессиональной деятельности представители СМИ, как правило, фиксируют общественно значимые события и факты, в том числе обладающие признаками преступления, однако они не квалифицируют получаемые сведения с позиции их криминалистической значимости и не соотносят их с предметом доказывания по конкретному уголовному делу. Вместе с тем опубликованные материалы нередко содержат данные, ранее неизвестные правоохранительным органам: сведения о времени и месте происшествия, возможных очевидцах, характере повреждений, особенностях поведения участников, предполагаемых мотивах, маршрутах перемещения, а также визуальные материалы (фото- и видеозаписи), способные служить основой для выдвижения версий и организации проверочных мероприятий. Проверка следователем таких сведений путём сопоставления с уже имеющимися данными, проведения осмотров, допросов, назначений экспертиз и иных процессуальных действий позволяет уточнять фактические обстоятельства и устранять информационные пробелы, значимые для установления истины по делу.

Указанное взаимодействие обусловлено объективно существующими взаимосвязями между ОВД РФ и СМИ, которые формируются вследствие пересечения социально значимых целей: обеспечения общественной безопасности, информирования населения, предупреждения преступлений и содействия раскрытию преступлений. В рамках такого взаимовлияния ОВД РФ используют информационный потенциал СМИ как канал получения ориентирующих сведений и обратной связи с обществом, а СМИ, в свою очередь, опираются на официальные данные и комментарии правоохранительных органов для обеспечения достоверности и общественной значимости публикуемых материалов.

При этом практическая реализация данных взаимосвязей требует соблюдения правовых ограничений (в частности, недопустимости разглашения данных предварительного расследования, обеспечения презумпции невиновности и защиты прав участников процесса), что предполагает выработку сбалансированных организационно-правовых подходов к обмену информацией [9, с. 11–12].

Роль СМИ в обеспечении предварительного расследования как канала формирования криминалистически значимой информации была отмечена ещё на

раннем этапе становления криминалистики. В частности, Ганс Гросс указывал, что публичное распространение сведений о совершенном деянии и его обстоятельствах способно выполнять прикладные задачи, непосредственно связанные с раскрытием и расследованием преступлений. По его мнению, обращения через прессу и иные информационные ресурсы могут содействовать установлению и розыску очевидцев и иных лиц, располагающих сведениями, представляющими доказательственное либо ориентирующее значение, а также способствовать обнаружению собственников вещей, имеющих отношение к событию (похищенного имущества, предметов, оставленных на месте происшествия, либо объектов, идентификация которых затруднена без участия заинтересованных лиц).

В более широком плане СМИ выполняют функцию оповещения неопределённого круга лиц, благодаря чему расширяется информационная база расследования: повышается вероятность поступления сообщений о маршрутах передвижения подозреваемых, местах сбыта похищенного, контактах участников события, а также о фактах, которые позволяют уточнить время, место, способ и иные существенные элементы механизма преступления. Одновременно публикации могут выступать средством аккумуляции исходной ориентирующей информации, необходимой для выдвижения следственных версий, планирования первоочередных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также для проверки уже полученных данных.

При этом значение СМИ в рассматриваемом контексте носит преимущественно вспомогательный характер: распространяемые сведения не тождественны доказательствам и требуют обязательной процессуальной проверки и закрепления в предусмотренных законом формах (через допросы, осмотры, выемки, экспертизы и др.). Таким образом, наблюдения Ганса Гросса сохраняют актуальность и в современных условиях, поскольку отражают устойчивую криминалистическую закономерность: публичная коммуникация при надлежащей организации способна содействовать выявлению источников информации и установлению обстоятельств преступного события, оставаясь при этом лишь одним из инструментов информационного обеспечения расследования [10, с. 343].

По мнению Т.С. Симоновой, масштабы преступности сегодня таковы, что в целях борьбы с ней необходимо изыскивать любые возможности, в том числе взаимодействие и сотрудничество со СМИ [11, с. 72–73].

Рассмотрим, в частности, роль журналистского расследования в механизме раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Указанное направление деятельности средств массовой информации предполагает не только содействие правоохранительным органам при осуществлении розыскных мероприятий, но и фактическое собирание сведений, потенциально обладающих криминалистической значимостью. Вместе с тем для придания подготовленным материалам статуса криминалистически значимой информации необходимо их принятие следователем к проверке в уставленном порядке. При выявлении в сообщениях СМИ данных, указывающих на признаки преступления, правоохранительные органы обязаны незамедлительно отреагировать,

обеспечив проверку таких сведений и установление наличия либо отсутствия состава преступления. Так, на основании ч. 2 ст. 144 УПК РФ по сообщению о преступлении, распространённому в СМИ, проверку проводит по поручению прокурора орган дознания, а также по поручению руководителя следственного органа следователь.

В рамках досудебных стадий уголовного судопроизводства взаимодействие органов внутренних дел и представителей средств массовой информации может проявляться в нескольких основных формах:

1. Сотрудник полиции вправе оказывать представителю СМИ информационное содействие при осуществлении журналистского расследования, если получаемые сведения потенциально способны иметь значение для последующего использования в уголовном деле (при условии соблюдения требований законодательства о тайне следствия, персональных данных и иных охраняемых законом тайн);

2. Материалы, переданные сотруднику полиции по итогам журналистского расследования, могут быть учтены им при решении вопроса о наличии повода и оснований для возбуждения уголовного дела, поскольку такие сведения нередко содержат данные о признаках преступления и подлежат проверке в установленном порядке;

3. Полученная из журналистского расследования информация может использоваться сотрудником полиции как ориентирующая база при подготовке и проведении процессуальных решений и действий, а также следственных и иных мероприятий, включая планирование проверочных мероприятий и уточнение обстоятельств, подлежащих установлению;

4. В соответствии с положениями УПК РФ материалы журналистского расследования могут быть вовлечены в сферу доказывания по уголовному делу, однако их доказательственное значение определяется не фактом публикации или передачи, а соблюдением процессуальной формы получения, проверки и закрепления соответствующих сведений (в частности, посредством допросов, осмотров, выемок, экспертиз и иных предусмотренных законом действий) [12, с. 213].

Связь журналистского расследования с уголовным судопроизводством исследовал В.П. Шашков, уделив особое внимание проблемам использования материалов журналистского расследования по уголовным делам. Он определяет журналистское расследование как «познание обстоятельств, необходимых для полного, всестороннего и объективного исследования предмета журналистского расследования, осуществляемого в непроцессуальной форме субъектами данного расследования, и состоящее в собирании, проверке, оценке, а также использовании совокупности сведений для формирования выводов журналистского расследования, подлежащих распространению в СМИ, с целью выявления истины» [7, с. 145].

Анализ научных работ, посвящённых вопросам использования сотрудниками органов предварительного расследования возможностей СМИ, показал,

что взаимодействие чаще осуществляется в зависимости от целей (раскрытие преступления или его профилактика) либо по этапам (в ходе предварительного расследования и на стадии судебного разбирательства) [13; 14].

В этом вопросе нам импонирует точка зрения В.Н. Ростова, который взаимодействие между органами предварительного расследования и СМИ условно делит на пять этапов (стадий):

а) до возбуждения уголовного дела;

б) при производстве следствия по делу;

в) после окончания следственного производства по делу;

г) после вступления приговора в законную силу;

д) по материалам многих уголовных дел и данным статистики [14, с. 128].

При поступлении информации о преступной деятельности, связанной с мошенничеством, должностные лица органов предварительного расследования должны использовать сведения, распространяемые СМИ, как для установления лиц, располагающих данными о событии преступления, так и для организации сбора, обработки и хранения соответствующей информации, а также для обеспечения её последующего использования при раскрытии и расследовании указанных деяний.

Реализация указанных возможностей осуществляется в двух формах: процессуальной – посредством производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством; и непроцессуальной – путём проведения проверок по учётам, направления поручений и запросов, а также объявления розыска.

Так, в качестве примера взаимодействия СМИ и сотрудников ОВД РФ на стадии возбуждения уголовного дела можно привести следующий случай. В рамках подготовки выпуска телепрограммы «Андрей Малахов. Прямой эфир» редактором было осуществлено внедрение в деятельность ресторана, которая была направлена на совершение мошенничества с использованием сайта-знакомств (г. Москва), предположительно используемого для реализации мошеннической схемы с применением платформы онлайн-знакомств, с целью выяснения способов и механизма обмана граждан. По результатам проведённого журналистского расследования в феврале 2021 г. вышел очередной выпуск программы. По фактам, изложенным в видеозаписи эфира, прокуратурой была инициирована доследственная проверка, по результатам которой органами следствия в отношении сотрудников указанного ресторана возбуждено уголовное дело. Материалы журналистского расследования приобщены к уголовному делу в качестве вещественного доказательства, а задействованные корреспондент и оператор допрошены в качестве свидетелей[3].

Сюжет в программе «Вести» от 20 января 2023 г. о брачном агентстве «Вместе навсегда» (г. Москва) продемонстрировал, как СМИ могут содейство-

[3] Андрей Малахов. Прямой эфир «Любить воспрещается!», выпуск от 10 февраля 2021 г. [Электронный ресурс] // Россия 1: официальный сайт. URL: https://smotrim.ru/video/2267263 (дата обращения: 15.01.2026).

вать расследованию преступлений. Репортаж, в котором корреспондент внедрился в агентство и выявил факт бездействия правоохранительных органов в течение пяти лет (с 2018 г.) по заявлениям женщин о хищении денежных средств путём обмана и злоупотребления доверием. Благодаря вмешательству СМИ и присутствию потерпевших, полиция изъяла документы агентства для проведения проверочных мероприятий, а прокурором отменены необоснованные решения об отказе в возбуждении уголовного дела. В итоге, возбуждено уголовное дело по факту мошенничества[4].

СМИ играют значительную роль в содействии правоохранительным органам, не только выявляя неизвестные факты преступлений, но и помогая в розыскной деятельности ОВД РФ по таким направлениям как установление личности и розыск лиц, подозреваемых в совершении преступлений; задержание лиц, находящихся в розыске; отождествление лиц (потерпевших и свидетелей); устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления [14, с. 127]. Так, журналисты имеют возможность собирать информацию и свидетельства, которые впоследствии подлежат использованию полицией в расследованиях. Пострадавшие, увидев сюжеты в СМИ, могут решиться обратиться в ОВД РФ с заявлением о преступлении, что обеспечивает поступление и последующее накопление доказательственной информации (сведений, имеющих значение для установления обстоятельств дела). Это, в свою очередь, формирует предпосылки для проведения доследственной проверки, выявления дополнительных эпизодов преступной деятельности и потерпевших, установления свидетелей, фиксации следов преступления, а также принятия законного и обоснованного процессуального решения. В случае возбуждения уголовного дела указанные меры способствуют формированию достаточной доказательственной базы по делу. Взаимодействие следователей со СМИ, включая распространение сведений о совершённых преступлениях и обращение к населению за содействием, представляет собой устоявшуюся и положительно зарекомендовавшую себя практику розыскной деятельности. Это позволяет эффективно использовать ресурсы общественности для получения важной информации.

Но, пожалуй, самая важная функция СМИ – это предупреждение и профилактика преступлений. Информируя общественность о распространённых схемах мошенничества, потенциальных опасностях и методах защиты, СМИ повышают осведомлённость граждан и делают их менее уязвимыми для преступников. Освещая конкретные случаи мошенничества, СМИ формируют у зрителей (читателей) навыки выявления признаков обмана и побуждают их к принятию необходимых мер предосторожности.

В научной литературе к формам взаимодействия правоохранительных органов со СМИ в целях профилактики преступлений относят: информирование пресс-служб и СМИ о том или ином уголовном деле, объёме и содержании по-

[4] Вести. «Как брачные аферисты «продают» москвичкам женихов», выпуск от 20 января 2023 г. [Электронный ресурс] // Россия 1: официальный сайт. URL: https://smotrim.ru/video/2550100 (дата обращения: 15.01.2026).

мощи, которую ждут от них сотрудники полиции; проведение «прямых линий» и «прямых эфиров», организацию работы телефонов доверия, использование их возможностей при расследовании и профилактике преступлений [15, с. 198].

Заключение. Таким образом, к ключевым направлениям взаимодействия, обеспечивающим эффективность выявления, раскрытия, расследования и предупреждения мошенничества, совершаемого с использованием платформ онлайн-знакомств, относятся:

– информирование населения о выявленных фактах мошенничества, применяемых способах и типичных механизмах обмана, а также о местах совершения таких деяний (включая платформы онлайн-знакомств) в целях стимулирования граждан к сотрудничеству с сотрудниками ОВД РФ, выявления новых заявлений и сообщений о преступлениях;

– выявление и пресечение противоправной деятельности при отсутствии у ОВД РФ информации об её осуществлении и (или) при отсутствии обращений потерпевших, в том числе посредством побуждения последних к обращению за защитой прав и законных интересов;

– получение информации, имеющей существенное значение для решения вопроса о наличии либо отсутствии признаков преступления и принятия соответствующего процессуального решения, а также для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу;

– установление потерпевших, свидетелей, выявление неизвестных следствию эпизодов преступной деятельности, а также иных лиц, располагающих значимой информацией;

– установление личности и розыск лиц, подозреваемых в совершении преступлений, а также принятие мер к выявлению;

– установление обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения уголовного дела;

– выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению указанных преступлений, включая особенности функционирования платформ онлайн-знакомств, модели виктимного поведения, а также недостатки процедур контроля и идентификации;

– предупреждение преступлений и реализация мер профилактического характера, направленных на формирование у граждан навыков безопасного поведения, снижение виктимизации и минимизацию криминогенных факторов.

Исходя из изложенного следует, что в совокупности указанные направления обеспечивают получение и верификацию доказательственной значимой информации, установление потерпевших и иных осведомлённых лиц, розыск подозреваемых, а также устранение причин и условий совершения преступлений и снижение виктимизации посредством профилактики.

Список источников

1. Мухин Г.Н. Криминалистика: современные проблемы, история и методология: науч.-методическое пособие / Г.Н. Мухин, Д.В. Исютин-Федотков. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 314 с.

2. Аменицкая Н.А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.А. Аменицкая. – Москва, 2006. – 201 с.

3. Ишин А.М. Использование средств массовой информации при установлении и розыске лиц, совершивших преступления, в ходе предварительного следствия: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.М. Ишин. – Москва, 1996. – 220 с.

4. Рогова А.А. Использование материалов СМИ в доказывании по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Рогова. – Нижний Новгород, 2016. – 218 с.

5. Тюменцев А.Н. Организационно-правовые и тактические вопросы использования средств массовой информации при расследовании и профилактике преступлений: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Н. Тюменцев. – Волгоград, 2000. – 238 с.

6. Баконин А.Д. Процессуальное взаимодействие правоохранительных органов, суда со средствами массовой информации при расследовании и рассмотрении дел о правонарушениях: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Д. Баконин. – Санкт-Петербург, 2004. – 211 с.

7. Шашков В.П. Актуальные проблемы использования материалов журналистского расследования следователем в ходе производства по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.П. Шашков. – Владимир, 2008. – 215 с.

8. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории / Р.С. Белкин. – М.: Юристъ, 1997. – 464 с.

9. Наумкин Ю.В. Взаимодействия правоохранительных органов с учреждениями массовой информации в обеспечении социалистического правопорядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.В. Наумкин. – М., 1988. – 30 с.

10. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – М.: ЛексЭст, 2002. – 1046 с.

11. Симонова Т.С. Проверка повода и установление основания для возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.С. Симонова. – Барнаул, 2007. – 220 с.

12. Маликова Н.В. Некоторые формы взаимодействия органов предварительного расследования со средствами массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений / Н.В. Маликова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 4 (220). – С. 212–213.

13. Ростов В.Н. Взаимодействие следователя и органа дознания с пресс-службой УВД и средствами массовой информации при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Н. Ростов. – Волгоград, 2002. – 249 с.

14. Нугаева Э.Д. Взаимодействие сотрудников органов предварительного расследования со средствами массовой информации при выявлении, раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершённых при оказании оккультных услуг / Э.Д. Нугаева // Алтайский юридический вестник. – 2018. – № 4 (24). – С. 124–128.

15. Сухарев П.В. Основные принципы и актуальные проблемы взаимодействия правоохранительных органов со СМИ / П.В. Сухарев // Молодой учёный. – 2018. – № 46 (232). – С. 196–199.

References

1. Mukhlin G.N., Isyutin–Fedotkov D.V. Criminalistics: Contemporary Problems, History and Methodology: Scientific and Methodological Manual. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 314 p. (In Russian).

2. Amenitskaya N.A. Interaction Between the Investigator and Bodies Carrying Out Operational and Search Activities in Uncovering and Investigating Crimes (in the Internal Affairs Bodies). *Cand. Dis*. Moscow, 2006. 201 p. (In Russian).

3. Ishin A.M. The Use of Mass Media in Establishing and Searching for Persons Who Have Committed Crimes During Preliminary Investigation. *Cand. Dis.* Moscow, 1996. 220 p. (In Russian).

4. Rogova A.A. The Use of Media Materials in Proving in Criminal Cases at the Pre-Trial Stages of Criminal Procedure. *Cand. Dis.* Nizhny Novgorod, 2016. 218 p. (In Russian).

5. Tyumentsev A.N. Organizational–Legal and Tactical Issues of Using Mass Media in Investigating and Preventing Crimes. *Cand. Dis.* Volgograd, 2000. 238 p. (In Russian).

6. Bakonin A.D. Procedural Interaction of Law Enforcement Agencies and Courts with Mass Media in Investigating and Considering Cases on Offenses. *Cand. Dis*. Saint Petersburg, 2004. 211 p. (In Russian).

7. Shashkov V.P. Current Problems of Using Journalistic Investigation Materials by the Investigator in the Course of Criminal Proceedings. *Cand. Dis*. Vladimir, 2008. 215 p. (In Russian).

8. Belkin R.S. Course of Criminalistics. Special Criminalistic Theories. Moscow, Yurist Publ., 1997. 464 p. (In Russian).

9. Naumkin Yu.V. Interaction of Law Enforcement Agencies with Mass Media Institutions in Ensuring Socialist Law and Order. *Cand. Dis*. *Thesis*. Moscow, 1988. 30 p. (In Russian).

10. Gross H. Handbook for Judicial Investigators as a System of Criminalistics. Moscow, LexEst Publ., 2002. 1046 p. (In Russian).

11. Simonova T.S. Verification of the Cause and Establishment of Grounds for Initiating a Criminal Case. *Cand. Dis*. Barnaul, 2007. 220 p. (In Russian).

12. Malikova N.V. Some Forms of Interaction of the Preliminary Investigation Bodies with Mass Media in the Disclosure and Investigation of Crimes. *Agrarian and Land Law,* 2023, no. 4 (220), pp. 212–213. (In Russian).

13. Rostov V.N. Interaction of the Investigator and the Inquiry Body with the Press Service of the Department of Internal Affairs and Mass Media in Investigating Crimes. *Cand. Diss*. Volgograd, 2002. 249 p. (In Russian).

14. Nugaeva E.D. Cooperation of Employees of Bodies of Preliminary Investigation with the Media in Detecting, Identifying, Disclosing, Investigation and Prevention of Fraud Committed under the Provision of Occult Services. *Altai Law Journal,* 2018, no. 4 (24), pp. 124–128. (In Russian).

15. Sukharev P.V. Basic Principles and Current Problems of Interaction between Law Enforcement Agencies and the Media. *Young Scientist*, 2018, no. 46 (232), pp. 196–199. (In Russian).

Информация об авторе

Евдокимова Ольга Владимировна – *адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России*

Information about the Author

Evdokimova Olga Vladimirovna –*Junior Scientific Assistant of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Статья поступила в редакцию 13.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 27.06.2026 г.; принята к публикации 27.06.2026 г.

The article was submitted 13.05.2026; approved after reviewing 27.06.2026; accepted for publication 27.06.2026.

Научная статья
УДК 343.9
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.19

Иванова Елена Вячеславовна
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева», ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», Москва, Россия, ivanova-elena-7@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2589-7726

Никитина Ирина Эдуардовна
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия, irinanikitina23@rambler.ru

ОНЛАЙН-ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЦИФРОВЫХ ИМИТИРОВАННЫХ МИРАХ: ТЕНДЕНЦИИ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Задачей мирового сообщества на современном этапе является нахождение оптимального баланса в использовании «метавселенной»: её активно внедряют, с ней экспериментируют, подчеркивая её актуальность и потенциальное влияние в глобальном масштабе. Широкое распространение таких технологий – не просто тенденция, а глобальное движение, формирующее будущее человеческого взаимодействия и развития.

Тем не менее, достигнутый технический прогресс вызывает серьёзные опасения, связанные с неправомерными деяниями в виртуальной среде и особенностями их расследований в реальном мире.

Отдельного внимания заслуживают преступления в цифровых имитированных пространствах (англ. «metaverse crimes»), что требует нового взгляда на институциональные и функциональные аспекты отечественной правовой системы с учётом специфики их совершения.

Цель: выявление основных тенденций совершения онлайн-преступлений в цифровых имитированных мирах и выработка мер противодействия.

Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и другие.

Результаты: исследование позволило выявить двойственные прогнозы относительно «метавселенной». С одной стороны, «метавселенная» революционизирует социальные структуры, уменьшая физические препятствия и создавая гиперпространственно-временную иррациональную реальность, где пользователи

© Иванова Е.В., 2026
© Никитина И.Э., 2026

могут участвовать в социальных взаимодействиях, профессиональной деятельности и развлекательных мероприятиях, не будучи ограниченными временем и физическим расстоянием. Несмотря на то, что технологии могут способствовать значимому и продуктивному обмену, они также несут в себе потенциальные риски, как-то: социальное разделение, неравенство или вмешательство в частную жизнь.

В качестве основного условия дальнейшего развития «метавселенной» авторы называют нахождение оптимального баланса между обеспечением безопасности и невмешательством в частную жизнь.

***Ключевые слова*:** метавселенная, цифровые имитированные пространства, преступления, Интерпол, Европол, террористическая деятельность, обеспечение безопасности, права человека

Для цитирования: Иванова Е.В., Никитина И.Э. Онлайн-преступления в цифровых имитированных мирах: тенденции и меры противодействия / Е.В. Иванова, И.Э. Никитина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.19 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 249–265.

Original article

Ivanova Elena Vyacheslavovna
Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, State University of Social Sciences and Humanities, Moscow, Russia, ivanova-elena-7@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2589-7726

Nikitina Irina Eduardovna
Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, National Research University “MEI”, Moscow, Russia, irinanikitina23@rambler.ru

ONLINE CRIMES IN DIGITAL SIMULATED WORLDS: TRENDS AND COUNTERMEASURES

***Abstract*:** At the present stage, the world community task is to find the optimal balance in the “metaverse” use: it is actively implemented, experimented with, emphasizing its relevance and potential impact on a global scale. The widespread adoption of such technologies is not just a trend, but a global movement shaping the future of human interaction and development. However, technological advances have raised serious concerns about virtual environment and the features of their real-world investigations. Special attention should be paid to crimes in digital simulated spaces (“metaverse crimes”), which requires a new look at the institutional and functional aspects of the domestic legal system, taking into account the specifics of their commission. Purpose: to identify the main trends in online crime in digitally simulated worlds and to develop countermeasures. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods: legal-dogmatic and others. Results: the study

revealed ambivalent predictions about the “metaverse”. On the one hand, the “metaverse” revolutionizes social structures by reducing physical obstacles and creating a hyperspace-time irrational reality where users can participate in social interactions, professional activities and recreational activities without being limited by time and physical distance. While technology can facilitate meaningful and productive exchange, it also carries potential risks such as social division, inequality, or interference with privacy. The authors cite finding the optimal balance between ensuring security and non-interference in private life as the main condition for the further development of the “metaverse”.

***Keywords*:** metaverse, digital simulated spaces, crimes, Interpol, Europol, terrorist activities, security, human rights

For citation: Ivanova E.V., Nikitina I.E. Online Crimes in Digital Simulated Worlds: Trends and Countermeasures. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 249–265. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.19

Введение. От Японии до США, от Южной Кореи до Сингапура и Индонезии наблюдается растущий интерес к «метавселенной»: её активно внедряют, с ней экспериментируют, подчеркивая её актуальность и потенциальное влияние в глобальном масштабе. Широкое распространение таких технологий – не просто тенденция, а глобальное движение, формирующее будущее человеческого взаимодействия и развития. Государства разрабатывают стратегии по расширению возможностей её использования, например, стратегия Дубая по развитию «метавселенной» в ОАЭ (Dubai Metaverse Strategy)[1].

Часть стран идёт по пути расширения опыта использования технологий цифрового взаимодействия онлайн. Например, Египет запустил первый хакатон[2] в «метавселенной».

Термин «метавселенная» относится к образному, имитированному миру, который включает две части: «мета» («за пределами») и «вселенная» («за пределами мира»). Этот термин впервые был использован в научно-фантастическом романе Нила Стивенсона 1992 г. «Снежная катастрофа», в котором люди, как аватары, взаимодействуют друг с другом и программным обеспечением в виртуальном трёхмерном пространстве, подобном реальному миру [1, 2].

В настоящее время «метавселенная», в основном, детерминируется как виртуальная реальность (VR), но всё чаще определяется с точки зрения дополненной реальности (AR) или расширенной / смешанной реальности (XR)[3].

---

[1] Стратегия Дубая в сфере метавселенных (Dubai Metaverse Strategy) направлена на превращение эмирата в один из 10 ведущих мировых центров экономики метавселенных, привлечение 1000 специализированных компаний и создание более 40 000 виртуальных рабочих мест к 2030 г. Инициатива делает упор на внедрение дополненной реальности, цифровых двойников и развитие законодательной базы для секторов туризма, госуслуг и недвижимости.

[2] Это командное соревнование (Metaverse hackathon), включающее в себя серию соревновательных и интерактивных мероприятий, реализуемых в гибридной форме, которая сочетает онлайн-мероприятия и интерактивные действия, способствующие построению и развитию «метавселенной» при помощи создания приложений и использования различных технологических решений, а также создание первого египетского города в виртуальном мире под названием «Метатот» (Metatot).

Статистические исследования показывают, что рынок «метавселенной», оцениваемый в 39 миллиардов долларов в 2021 г., вырос до 47 миллиардов

[3] Метавселенная состоит из нескольких основных элементов, которые, по сути, составляют этот новый виртуальный мир, а именно:

1. Платформы метавселенной: Виртуальные платформы являются важным компонентом технологии метавселенной, поскольку они считаются пространством, через которое пользователи получают и осуществляют виртуальную деятельность, такую как работа, обучение, игры, покупки и т. д. Недавно появились несколько виртуальных платформ, таких как The Sandbox, Decentraland, Roblox и Nakamoto. Эксперты считают, что эти платформы будут представлять собой новое развитие сайтов социальных сетей. В свете этого многие крупные технологические компании по всему миру начали создавать свои виртуальные миры, такие как Meta и другие.

2. Невзаимозаменяемые токены (NFT) – это цифровые активы с определённой идентификационной информацией, хранящейся и документируемой с помощью технологии блокчейн. Они могут представлять собой аватары, костюмы и предметы в видеоиграх, домах, виртуальных мирах или других местах. Эти цифровые коды считаются важной составляющей метавселенной, поскольку именно они те основные элементы, на которых строятся иммерсивные впечатления пользователей. Аватары, представляющие цифровых двойников пользователей, являются самой продаваемой категорией NFT, достигнув объёма продаж более 16 миллиардов долларов в 2021 г., что составляет 46 % от объёма продаж рынка невзаимозаменяемых токенов.

3. Цифровые валюты: цифровые валюты играют важную роль в метавселенной, поскольку они считаются цифровыми единицами стоимости, посредством которых совершаются все финансовые транзакции. Каждый мир метавселенной содержит определённую валюту, которая используется в нём. Например, SAND – это валюта мира «Песочница», а MANA – валюта «Децентрализованной страны». Владельцы этих валют могут оплачивать любые услуги или товары в этих мирах. Каждая валюта метавселенной имеет определённую стоимость, которая может время от времени меняться, как и у других цифровых валют. Валюты метавселенной продемонстрировали значительный рост за последний период, совпавший с тем, как мировые технологические гиганты стремятся пробиться в этот мир и вкладывают в него миллиарды инвестиций.

4. Виртуальная и дополненная реальность: метавселенная опирается на различные технологии. Это позволяет пользователям виртуально взаимодействовать в её среде. Технологии виртуальной реальности (VR) и дополненной реальности (AR) считаются одними из наиболее важных технологий, на которых основана метавселенная. Эти две технологии обеспечивают пользователям эффект полного погружения в трёхмерные виртуальные среды благодаря аппаратному и программному обеспечению, создавая у пользователя ощущение присутствия в реальном мире.

Например, платформы метавселенной, использующие технологии виртуальной реальности, предоставляют пользователям эффект полного погружения, «обманывая человеческий разум» и имитируя значительное количество чувств. Это достигается с помощью наушников, сенсорных перчаток и т. п. В свете этого эксперты рассматривают технологии виртуальной и дополненной реальности как неотъемлемую часть технологий метавселенной.

5. Блокчейн – это гигантская база данных, через которую транзакции и данные записываются и документируются децентрализованным образом, обеспечивая безопасность, скорость и эффективность использования. Эта технология считается одной из ключевых технологий, основанных на метавселенной. Все платформы в основном полагаются на блокчейн для безопасного и неизменяемого хранения данных. Эта технология также играет важную роль в документировании невзаимозаменяемых токенов в метавселенной. Эксперты ожидают, что будущая метавселенная будет состоять из открытых, взаимосвязанных и децентрализованных виртуальных миров, каждый из которых будет иметь локальную функциональную экономику, основанную на блокчейне.

6. Искусственный интеллект: Искусственный интеллект – это цифровая модель, способная решать сложные задачи и выполнять когнитивные функции, такие как обучение, решение проблем, рассуждение, восприятие и т. д.

долларов в 2022 г. и далее до 56,6 миллиардов долларов в 2023 г., и в конечном итоге достигнет ошеломляющих 679 миллиардов долларов к 2030 г. [3].

Представленные экономические показатели демонстрируют потенциал «метавселенной» и её возможное влияние на мировую экономику, обоснованно предполагая многообещающие перспективы. Эксперты прогнозируют, что «метавселенная» станет платформой для коммерческих предложений с ожидаемой прибылью на сумму до 13 триллионов долларов к 2030 г. [4, 5].

Сегодня крупные технологические компании начали извлекать выгоду от использования искусственного интеллекта, создавая свои имитированные миры, а также разрабатывая и проектируя токены (NFT) с его помощью. Например, генеральный директор Meta Марк Цукерберг объявил о привлечении экспертов по искусственному интеллекту для разработки инструмента под названием Builder Bot, который позволяет пользователям в виртуальном мире изменять окружающую обстановку с помощью голосовых команд. Следует отметить, что искусственный интеллект может создавать аватары для пользователей, которые очень на них похожи, что делает среду «метавселенной» более реалистичной [3].

Исследования показывают, что «метавселенная» влияет на социальную динамику и сплочённость сообщества, создавая новые возможности для значимого участия в его деятельности, изменяя социально-пространственные отношения и предоставляя альтернативы физическому социальному взаимодействию.

Технологии, применяемые в имитированных мирах, также способствуют развитию инклюзивности, создавая новые социально-технологические группы. Несмотря на то, что технологии могут способствовать значимому и продуктивному обмену, они также несут в себе потенциальные риски, как-то: социальное разделение, неравенство или вмешательство в частную жизнь.

Ожидается, что продолжающаяся эволюция «метавселенной» произведёт революцию в социальных структурах, интегрируя действительность в цифровую среду, переопределяя динамику человеческого взаимодействия и формирование сообществ и предлагая альтернативные социальные возможности во многих областях, выходящих за пределы реального мира [6].

Технологии виртуальной и дополненной реальности, составляющие основу «метавселенной», могут стимулировать нейробиологические и когнитивные процессы, сопоставимые с теми, которые наблюдаются в реальном мире [7]. Это потенциально может способствовать более значимому и продуктивному взаимодействию в онлайн-сообществах.

«Метавселенная» революционизирует социальные структуры, уменьшая физические препятствия и создавая гиперпространственно-временную иррациональную реальность, где пользователи могут участвовать в социальных взаимодействиях, профессиональной деятельности и развлекательных мероприятиях, не будучи ограниченными временем и физическим расстоянием [8, с. 121–126; 9, с. 319–352]. Вместе с тем, полагаем, что термин «метавселенная», отсылающий к концепции цифрового пространства, разрабатываемого компанией «Meta», не отражает его сущности. Цифровую среду, имитирующую

реальность, со своими правилами и особенностями более точно передаёт, на наш взгляд, понятие «имитированный цифровой мир», который мы будем употреблять далее. С имитированными цифровыми мирами тесно связаны понятия «цифровая личность»[4], «цифровой образ»[5] («digital identity»), «цифровой профиль (гражданина)»[6] и др.

Преступления в цифровых имитированных мирах. Тем не менее, достигнутый технический прогресс вызывает серьёзные опасения, связанные с неправомерными деяниями в виртуальной среде и особенностями их расследований в реальном мире.

Отдельного внимания заслуживают преступления в цифровых имитированных пространствах (англ. «metaverse crimes»), в том числе кража цифрового образа (неправомерный доступ, риски токенизации), дипфэйки (угрозы с фальсифицированным материалом, обезличивание или имперсонализация, распространение заведомо ложных сведений), нарушение права на неприкосновенность частной жизни в цифровом пространстве (отслеживание, агрессивное преследование, кибербуллинг), фишинг (кража учётных данных, неправомерный сбор персональных данных), кибермошенничество (схемы в сфере технической поддержки, инвестиций, обезличивания или имперсонализации), виртуально-физические атаки, атаки с эффектом погружения в виртуальную реальность, виктимизация-суперреализм, неправомерное использование биометрических данных, деяния с использованием или против аватаров, виртуального имущества и активов (шантаж, вандализм, события, приводящие к сбоям), цифровые преступления сексуального характера (эксплуатация, насилие, харассмент), нарушения прав на интеллектуальную собственность. Такие преступления могут, на наш взгляд, именоваться онлайн-преступлениями, поскольку происходят в 3D онлайн-имитированных мирах.

Большие языковые модели по типу «DeepSeek», «ChatGPT», «Microsoft Copilot» с использованием методов джейлбрейк могут также быть использованными в преступных целях, в частности для написания основ кодов на языке программирования «C++» для клавиатурных шпионов (англ. «keylogger»), программ-вымогателей с последующей ручной корректировкой [10, с. 52–53].

В 2024 г. полиция Великобритании начала расследование первого случая нападения в виртуальной реальности на несовершеннолетнего, когда его аватар подвергся сексуальному насилию [11]. Это далеко не первый случай сексуального насилия в цифровых имитированных мирах. Появляются свидетельства того, что феномен, известный как культура «геймергейт», включающий в себя преследование женщин в онлайн-игровых средах, будет сохраняться в «ме-

[4] Цифровой личностью предлагается считать индивида, который обладает правами, связанными с цифровыми технологиями и реализуемыми в цифровом пространстве.

[5] Цифровой образ – система данных о человеке, участвующих в операциях в цифровом пространстве.

[6] Совокупность актуальных, достоверных данных и иных сведений о физических и юридических лицах, формируемых в целях их предоставления субъектам в определённом порядке и посредством соответствующей инфраструктуры.

тавселенной» и не сможет быть эффективно разрешён лишь одними технологическими средствами [12].

Европол обоснованно считает, что цифровые имитированные миры могут стать центральным пространством для отмывания цифровых денег. Преступные группы, занимающиеся незаконным отмыванием денег, имеют возможности покупать и продавать виртуальные активы в «метавселенных» благодаря анонимности создания аватаров и потенциальному злоупотреблению валютой (metaverse coin)[7].

Террористы в ближайшем времени научатся широко использовать новые технологические возможности для пропаганды, вербовки и обучения «потенциальных жертв» в цифровых пространствах. Благодаря более совершенным технологиям и связанным с ними генерируемым данным террористам стало легче находить «уязвимых людей» и адаптировать свои психологические приёмы к их восприятию действительности, что позволяет им более эффективно вести пропаганду и вербовать людей [13, с. 171–181].

Отсутствие каких-либо механизмов контроля в имитированном мире угрожает кибербезопасности, тем более что осуществление мониторинга огромного количества пользователей одновременно будет сложным, даже практически неосуществимым процессом. Вышеуказанное позволяет заключить, что технологии цифровых имитированных пространств могут способствовать распространению киберпреступности в мире, причём с течением времени всё в большей степени.

Несмотря на то, что практика расследования и противодействия противоправным деяниям в цифровых имитированных пространствах в настоящее время только нарабатывается, потребуются определённые коррективы в процесс обнаружения, фиксации и сохранения доказательств, однозначно поставив задачи криминалистике. Это связано с быстрыми технологическими изменениями, в результате которых мир движется к полной зависимости от «метавселенной».

Интерпол и цифровой имитированный мир: подходы и перспективы. Интерпол полагает, что наиболее серьёзными проблемами, с которыми столкнутся правоохранительные органы применительно к цифровым имитированным мирам, станут требования к технологиям и инфраструктуре: для эффективного использования «метавселенной» нужны значительные средства, включая затраты на оборудование для виртуальной реальности, мощные сетевые серверы и обучение персонала. Конфиденциальность персональных данных, их защита, а также обеспечение этичного использования личных данных в цифровом имитированном мире являются теми проблемами, над которыми уже сейчас необходимо работать, особенно в тех случаях, когда виртуальная среда

[7] Europol (2022), Policing in the metaverse: what law enforcement needs to know, an observatory report from the Europol Innovation Lab, Publications Office of the European Union, Luxembourg [Электронный ресурс] // URL: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/Policing%20in%20the%20metaverse%20-%20what%20law%20enforcement%20needs%20to%20know.pdf (дата обращения: 14.07.2026).

«пересекается» с реальном миром, например, в случаях утечки персональных данных или подмены цифровой личности.

Интерпол разрабатывает и распространяет практические пособия по цифровым доказательствам, такие как «Global Guidelines for Digital Forensic Laboratories» (Глобальное руководство по цифровизации судебно-экспертных лабораторий) и «Guidelines for First Insights in Digital Forensics» (Руководство для начинающих по цифровизации в криминалистике). В них отражены принципы работы по обнаружению, изъятию, идентификации и обработке цифровых доказательств, обеспечивая их целостность для приемлемости в судебных разбирательствах. Организация проводит форумы, такие как совещание экспертной группы Интерпола по цифровизации в криминалистике (ежегодное собрание), участие в котором открыто для специалистов и руководителей правоохранительных органов, государственных учреждений, компаний по цифровым технологиям и университетских учреждений.

В октябре 2022 г. Интерполом создана «группа экспертов по метавселенной» для разработки рекомендаций по борьбе с потенциальным неправомерным использованием цифровых имитированных пространств преступными элементами.

Кроме того, Интерпол запустил виртуальную версию своей штаб-квартиры в Лионе (Франция) с использованием технологий цифрового пространства, позволяющей зарегистрированным пользователям исследовать её без каких-либо географических или физических ограничений.

Интерпол по мере развития технологий предлагает сотрудникам правоохранительных органов стран-членов организации взаимодействовать со своими коллегами при помощи обмена фотографическими снимками (символикой) и участия в совещаниях и учебных курсах, посвящённых возможностям цифровых пространств. По существу, Интерпол использует «метавселенную» в качестве инструмента правоохранительной деятельности.

Параллельно с этим в январе 2024 г. Интерпол выпустил официальный доклад – белая книга о «метавселенной» «Сценарии использования, преступность, судебная экспертиза, расследование и управление» (Use Cases, Crime, Forensics, Investigation and Governance).

Противодействие онлайн-преступлениям. При расследовании онлайн-преступлений неизбежно возникнут правовые коллизии, поскольку действующее уголовное законодательство не предусматривает особенности некоторых противоправных деяний, совершаемых в цифровых имитированных мирах (например, нападение на цифрового двойника личности). Также присутствуют разночтения в определении временных и пространственных критериев совершаемых правонарушений.

Наличествует мнение, что для конкретных видов преступлений, таких как противоправные действия сексуального характера против аватаров, следует разработать отдельные санкции, поскольку существующее национальное законодательство может быть недостаточно эффективным в отношении таких деяний [14].

«Метавселенная» создала новую концепцию места преступления, в которой действия одного человека могут иметь последствия в нескольких местах в один и тот же момент времени в отличие от временного измерения в реальности, которое варьируется от состояния к состоянию с временными промежутками, в результате чего характеристики объективной стороны будут различаться [15].

Многие исследователи полагают, что международная признанная система принципов, поощряющая сотрудничество между государствами, будет способствовать эффективности борьбы с онлайн-преступлениями и поддержанию демократического управления в «метавселенной» [16]. Государствам настоятельно рекомендуется модернизировать национальные системы уголовного правосудия специально под запросы «метавселенной», а мировое сообщество должно уделять этому вопросу приоритетное внимание [17].

Ещё одна точка зрения связана с тем, что для борьбы с онлайн-преступлениями необходимы отдельные законы, такие как «уголовное право метавселенной». Разработка общих правил и конкретных положений может эффективно противодействовать неправомерной деятельности в «метавселенной» [14].

Существует мнение, что модель уголовного кодекса «метавселенной» обеспечит регулирование правонарушений, имеющих отношение к электронным юрисдикциям, тем самым сдерживая онлайн-преступность [18].

Другая часть исследователей предлагает установление стандартов и единообразных подходов к онлайн-преступлениям. Так, для снижения уровня преступности в «метавселенной» крайне важно провести оценку рисков финансовой безопасности, проанализировать существующие стратегии борьбы с киберпреступностью и исследовать потенциал поведенческого анализа и регулирования [19, с. 4, 37–49].

Отдельные авторы считают, что участие общественности в обсуждениях правовых норм по противодействию преступной деятельности в цифровых имитированных онлайн-пространствах позволит соблюсти интересы разных индустрий государства и пользователей. Кроме того, крайне важно собирать и учитывать предложения соответствующих отраслевых магнатов, пользователей и экспертных групп [20].

Ещё одно мнение связано с тем, что имитированные миры имеют ограниченный потенциал для возникновения новых видов преступной деятельности и что науки уголовно-правового профиля столкнутся с трудностями при изучении и анализе аномального поведения в таких пространствах. Некоторые добавляют, что разработка эффективных инициатив по укреплению правомерного поведения в имитированном пространстве потребует множество исследований и инвестиций [21].

В целом, эффективное противодействие преступности в цифровых имитированных мирах будет зависеть от нескольких факторов, таких как:

– международной унификации уголовно-правовой борьбы с такими деяниями, что полностью согласуется с общечеловеческим подходом, который

афористично преподнёс Л.Н. Толстой: «Если плохие люди объединяются, хорошие люди должны это сделать обязательно» [22, с. 989];

– создание специализированной системы уголовного правосудия для цифровых имитированных пространств;

– разработка единых технологических стандартов с криптографической защитой.

Перспективы использования технологий имитированных пространств в правоохранительной деятельности. Ожидания от использования технологий имитированных миров в правоохранительной деятельности видятся в следующем:

- интеграция с искусственным интеллектом для создания более динамичных и оперативных сценариев обучения и содействия действиям полиции в имитированном мире;

- расширение операций: правоохранительные органы смогут расширить масштабы своих операций в имитированных мирах, что приведёт к более разнообразным вариантам использования этой технологии.

Ключевой посыл заключается в том, чтобы адаптировать эти технологии для нужд правосудия и помощи правоохранительным органам, учитывая, что технологии имитированных миров расширяют их возможности, предоставляя инновационные инструменты для дополненной реальности, виртуальной реальности и расширенной реальности.

Наиболее перспективное направление, в котором следует использовать технологии имитированных миров, – это платформа для подготовки сотрудников правоохранительных органов, расширения сотрудничества между ними путём проведения онлайн-совещаний, поддержки в осмотре мест преступлений в цифровых пространствах, оказания технической поддержки, предоставления государственных услуг, получения отчётов и жалоб.

Защитники «метавселенной» (advocates) утверждают, что в обозримом будущем она станет неотъемлемым аспектом повседневной жизни, поскольку люди будут использовать онлайн-3D-виртуальные среды для работы, образования, социального взаимодействия, развлечений и даже для получения жизненно важных услуг, таких как банковские услуги и здравоохранение. Так же будут использоваться смартфоны для доступа к цифровой сфере.

Естественно, амбициозное видение будущего имитированных миров, продвигаемое в основном крупными технологическими компаниями, опирается на несколько технологических прорывов в таких областях как дополненная реальность, виртуальная реальность, смешанная реальность (MR), пограничные вычисления, искусственный интеллект (AI), 5G, блокчейн, невзаимозаменяемые токены (Non-Fungible Tokens (NFT)) и другие децентрализованные приложения. Это развитие будет влиять на рост онлайн-преступлений, подчёркивая необходимость глобального сотрудничества в борьбе с преступлениями в имитированных мирах и разработке международных договоров, специфичных для цифровых пространств.

Технологии предотвращения онлайн-преступлений. Значительная роль в предотвращении онлайн-преступлений в имитированных мирах отдаётся различным технологическим решениям, которые можно внедрить для снижения риска киберпреступлений, включая аутентификацию, шифрование и мониторинг [23]. Ещё один способ, которым пользователь может обеспечить свою безопасность, – это постоянно обновлять программное обеспечение.

Аутентификация – это процесс проверки личности пользователя. В цифровом имитированном пространстве аутентификация может использоваться для предотвращения несанкционированного доступа к учётным записям пользователей и цифровым активам. Одним из эффективных методов аутентификации является двухфакторная аутентификация (2FA), которая требует от пользователей предоставления двух форм идентификации, таких как пароль (то, что вы знаете) и код, отправленный на их мобильное устройство [24], или токен (то, чем вы владеете), или может потребовать сканирования пользователя – отпечатка пальца или лица в случае входа с мобильных устройств (биометрия).

Шифрование – это процесс преобразования данных в код для предотвращения несанкционированного доступа.

Шифрование может использоваться для защиты пользовательских данных, транзакций с цифровыми активами и другой конфиденциальной информации в имитированном мире. Администраторы имитированных миров могут внедрять шифрование, используя защищённые протоколы связи, такие как протокол транспортного уровня (TLS) и протокол защищённых сокетов (SSL) [25, с. 2126–2129].

Мониторинг – это процесс наблюдения за активностью пользователей в целях обнаружения подозрительного поведения. В имитированном пространстве мониторинг может использоваться для обнаружения кибербуллинга, фишинговых атак и других видов онлайн-преступлений.

Администраторы имитированных миров могут отслеживать активность пользователей, анализируя пользовательские данные и внедряя автоматизированные инструменты мониторинга.

Меры реагирования на онлайн-преступления. Меры реагирования – это те меры, которые могут быть предприняты в ответ на онлайн-преступления в имитированных мирах. Они включают расследование, судебное следствие и восстановление прав пострадавшей стороны.

Расследование представляет собой процесс сбора доказательств и информации для идентификации лица, совершившего онлайн-преступление. В имитированных мирах расследование усложняется из-за их анонимного характера. Однако администраторы имитированных пространств могут внедрять инструменты для отслеживания активности пользователей и расследования онлайн-преступлений [26, с. 1–5].

Преследование – это процесс предъявления обвинений лицу, совершившему онлайн-преступление. В имитированных цифровых пространствах преследование может быть сложным из-за юрисдикционных вопросов и сложности идентификации лиц, совершивших преступление. Однако администраторы

виртуальных миров могут сотрудничать с правоохранительными органами для возбуждения дел против киберпреступников [27, с. 1–9].

Восстановление – процесс возвращения жертвы онлайн-преступления в состояние, предшествующее инциденту. В имитированных пространствах это может включать в себя восстановление украденных или уничтоженных цифровых активов, а также предоставление консультационных услуг жертвам кибербуллинга и внедрение более надёжных мер безопасности для предотвращения подобных инцидентов в будущем.

Заключение. Таким образом, онлайн-преступность в имитированных мирах представляет собой проблему, требующую серьёзного внимания со стороны всех заинтересованных сторон. Разрабатывая чёткие правила, внедряя эффективные превентивные меры и создавая новые технологии и стратегии, можно создать такие условия, чтобы имитированные цифровые пространства оставались безопасной и защищённой средой для всех пользователей.

Список источников

1. Innocente C., Nonis F., Ruggieri R., Ulrich L., Vezzetti E. A Metaverse Platform for Preserving and Promoting Intangible Cultural Heritage // Applied Sciences (Basel, Switzerland). – 2024. – № 14 (8), 3426. DOI: 10.3390/app14083426.

2. Khalifa E. Potential Threats: Extremism and Terrorism in the Metaverse // Forecasting Cyber Crimes in the Age of the Metaverse. – 2024. – P. 171–181.

3. Teodorov A.-V. Cybercrimes in the Metaverse: Challenges and Solutions // International Conference on Cybersecurity and Cybercrime. – 2023. – P. 209–215. DOI: 10.19107/CYBERCON.2023.28.

4. El-Kady R.M. Handling E-evidence in Egyptian and Comparative Legislation: A Comparative Analytical Study // Arab Journal of Forensic Sciences & Forensic Medicine. – 2023. – № 6 (1). – P. 37–68. DOI: 10.26735/WGZY6322.

5. Citi GPS. Metaverse and Money, Decrypting the Future [Электронный ресурс] // URL: https://icg. citi. com/icghome/what-we-think/citigps/insights/metaverse-and-money_20220330 (дата обращения: 14.07.2026).

6. Büyükbaykal A., Sönmezer Z. The Relationship Between Metaverse and Social Life // International Journal of Cultural and Social Studies. – 2022. – № 8 (1). – P. 139–148.

7. Riva G., Wiederhold B., Mantovani F. Searching for the Metaverse: Neuroscience of Physical and Digital Communities // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. – 2024. – № 27 (1). – P. 9–18. DOI: 10.1089/cyber.2023.0040.

8. Wu C., Li Y. The Metaverse: Exploring the Convergence of Technologies and Social Dynamics // 2023 IEEE 43rd International Conference on Distributed Computing Systems Workshops (ICDCSW). – 2023. – P. 121–126. DOI: 10.1109/ICDCSW60045.2023.00019.

9. Wang Y., Su Z., Zhang N., Liu D., Xing R., Luan T., Shen X. (2022). A Survey on Metaverse: Fundamentals, Security, and Privacy // IEEE Communications Surveys and Tutorials. – 2023. – № 25 (1). – P. 319–352. DOI: 10.1109/COMST.2022.3202047.

10. Цыплакова А.Д. Противодействие киберпреступлениям в отдельных странах Глобального Юга: дис. … канд. юрид. наук / А.Д. Цыплакова. – М., 2025. – 368 с.

11. Camber R. British police probe VIRTUAL rape in metaverse: Young girl's digital persona is sexually attacked by a gang of adult men in immersive video game'-sparking the first investigation of its kind and questions about the extent current laws apply in the online world [Электронный ресурс] // Daily Mail: сайт. URL: https://www.dailymail.com/news/article-12917329/Police-launch-investigation-kind-virtual-rape-metaverse.html (дата обращения: 14.07.2026).

12. Zhou Y., Tiwari M., Bernot A., Lin K. Metacrime and Cybercrime: Exploring the Convergence and Divergence in Digital Criminality // Asian Journal of Criminology. – 2024. – № 19 (3). – P. 419–439. DOI: 10.1007/s11417-024-09436-y.

13. Oladokun Bolaji David, Ebiere Diana Orubebe, Yusuf Ajani, Yinka Martins Omoniyi, Edidiong Nyong Ben. Cyber Threats and Safeguarding Strategies in Metaverse Libraries: A Systematic Review // Southern African Journal of Security. – 2024. – 15 p. DOI: 10.25159/3005-4222/17806.

14. Lee D.I. A Study on the Countermeasures of Avatar Sex Crime. Forum of Public Safety and Culture // Forum of Public Safety and Culture 19. – 2022. – P. 155–170. DOI: 10.52902/kjsc.2022.19.155.

15. Jibril M. The Legal Challenges of Metaverse Technology from the Criminal Point of View (Cairo: Dar Al-Ahram for Legal Publications).

16. Qin H.X., Wang Y., Hui P. Identity, Crimes, and Law Enforcement in the Metaverse // Humanities and Social Sciences Communications 12. – 2025. – № 194. https://doi.org/10.1057/s41599-024-04266-w/.

17. Bovenzi G. MetaCrimes: Criminal accountability for conducts in the Metaverse // Companion Proceedings of the ACM Web Conference. – 2023. – P. 565–567. https://doi.org/DOI: 10.1145/3543873.3587535.

18. Kostenko O., Zhuravlov D., Dniprov O., Korotiuk O. METAVERSE: MODEL CRIMINAL CODE // Baltic Journal of Economic Studies. – 2023. – Vol. 9, № 4. – P. 134–147. https://doi.org/.DOI: 10.30525/2256-0742/2023-9-4-134-147.

19. Wu J., Lin K., Lin D., Zheng Z., Huang H., Zheng Z. Financial Crimes in Web3-Empowered Metaverse: Taxonomy, Countermeasures, and Opportunities // IEEE Open Journal of the Computer Society. – 2023. – Vol. 4. – P. 37–49. DOI: 10.1109/OJCS.2023.3245801.

20. Lee J., Min H. Review of legal protection measures against security threats related to Metaverse // Korean Journal of Public Safety and Criminal Justice. – 2022. – Vol. 31, № 3. – P. 321–344.

21. Petrigna L., Musumeci G. The Metaverse: A New Challenge for the Healthcare System: A Scoping Review // Journal of Functional Morphology and Kinesiology. – 2022. – № 7 (3), 63. DOI: 10.3390/jfmk7030063.

22. Приводится по: Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть / В.В. Лунеев. – М.: Юрайт, 2011. – 1003 с.

23. R. K. Sharma and S. S. Tyagi. Security issues in virtual worlds // 2017 International Conference on Computing Methodologies and Communication (ICCMC), Erode, India. – 2017. – P. 1212–1215. DOI: 10.1109/ICCMC.2017.8074659.

24. N. G. Carr, M. F. M. Yassin. Two-factor authentication in virtual worlds // 2014 International Conference on Information Science, Electronics and Electrical Engineering (ISEEE), Sapporo, Japan. – 2014. – P. 1843–1846. DOI: 10.1109/InfoSEEE.2014.6947985.

25. Y. Sun, L. Zhao, J. Zhao and Y. Shen. Design and implementation of security encryption in virtual world // 2011 International Conference on Electric Information and Control Engineering, Wuhan, China. – 2011. – P. 2126–2129. DOI: 10.1109/ICEICE.2011. 5777899.

26. S. R. Patil, S. R. Suralkar. Detection of cyberbullying in virtual world // 2017 International Conference on Computing, Communication, Control and Automation (ICCUBEA), Pune, India. – 2017. – P. 1–5. DOI: 10.1109/ICCUBEA.2017.8329707.

27. J. C. Yang, J. C. Chen, C. H. Wu. Detection of unauthorized virtual money transactions in online games // Journal of Network and Computer Applications. – 2010. – Vol. 33, № 1. – P. 1–9.

References

1. Innocente C., Nonis F., Ruggieri R. et al. A Metaverse Platform for Preserving and Promoting Intangible Cultural Heritage. *Applied Sciences (Basel, Switzerland)*, 2024, no. 14 (8), 3426. DOI: 10.3390/app14083426. (In English).

2. Khalifa E. Potential Threats: Extremism and Terrorism in the Metaverse. Forecasting Cyber Crimes in the Age of the Metaverse, 2024, pp. 171–181. (In English).

3. Teodorov A.-V. Cybercrimes in the Metaverse: Challenges and Solutions. *Materials of the International Conference on Cybersecurity and Cybercrime.* 2023, vol. 10, pp. 209–215. DOI: 10.19107/CYBERCON.2023.28. (In English).

4. El-Kady R.M. Handling E-evidence in Egyptian and Comparative Legislation: A Comparative Analytical Study. *Arab Journal of Forensic Sciences & Forensic Medicine*, 2023, no. 6 (1), pp. 37–68. DOI: 10.26735/WGZY6322. (In English).

5. Ghose R., Bantanidis S., Burke J. et al. Citi GPS. Metaverse and Money, Decrypting the Future. *Technology & Innovation*, 2022. Available at: https://icg. citi. com/icghome/what-we-think/citigps/insights/metaverse-and-money_20220330. (In English).

6. Büyükbaykal A., Sönmezer Z. The Relationship Between Metaverse and Social Life. *International Journal of Cultural and Social Studies*, 2022, no. 8 (1), pp. 139–148. (In English).

7. Riva G., Wiederhold B., Mantovani F. Searching for the Metaverse: Neuroscience of Physical and Digital Communities. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2024, no. 27 (1), pp. 9–18. DOI: 10.1089/cyber.2023.0040. (In English).

8. Wu C., Li Y. The Metaverse: Exploring the Convergence of Technologies and Social Dynamics. *Materials of the 43rd International Conference on Distributed Computing Systems Workshops (ICDCSW)*, *Hong Kong*, *July, 18-21, 2023.* IEEE, 2023, pp. 121–126. DOI: 10.1109/ICDCSW60045.2023.00019. (In English).

9. Wang Y., Su Z., Zhang N. et al. A Survey on Metaverse: Fundamentals, Security, and Privacy. *IEEE Communications Surveys and Tutorials*, 2023, no. 25 (1), pp. 319–352. DOI: 10.1109/COMST.2022.3202047. (In English).

10. Tsyplakova A.D. Countering Cybercrimes in Certain Countries of the Global South. *Cand. Diss*. Moscow, 2025, 368 p. (In Russian).

11. Camber R. British Police Probe VIRTUAL Rape in Metaverse: Young Girl's Digital Persona Is Sexually Attacked by a Gang of Adult Men in Immersive Video Game'-Sparking the First Investigation of Its Kind and Questions about the Extent Current Laws Apply in the Online World. Available at: https://www.dailymail.com/news/article-12917329/Police-launch-investigation-kind-virtual-rape-metaverse.html. (In English).

12. Zhou Y., Tiwari M., Bernot A. et al. Metacrime and Cybercrime: Exploring the Convergence and Divergence in Digital Criminality. *Asian Journal of Criminology,* 2024, no. 19 (3), pp. 419–439. DOI: 10.1007/s11417-024-09436-y. (In English).

13. Oladokun B. D., Orubebe E. D., Ajani Yu. Et al. Cyber Threats and Safeguarding Strategies in Metaverse Libraries: A Systematic Review. *Southern African Journal of Security*, 2024. 15 p. DOI: 10.25159/3005-4222/17806. (In English).

14. Lee D.I. A Study on the Countermeasures of Avatar Sex Crime. *Forum of Public Safety and Culture*, 2022, pp. 155–170. DOI: 10.52902/kjsc.2022.19.155. (In English).

15. Jibril M. The Legal Challenges of Metaverse Technology from the Criminal Point of View. Cairo, Dar Al-Ahram for Legal Publ. (In English).

16. Qin H.X., Wang Y., Hui P. Identity, Crimes, and Law Enforcement in the Metaverse. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2025, no. 194. https://doi.org/10.1057/s41599-024-04266-w/.(In English).

17. Bovenzi G. Meta Crimes: Criminal Accountability for Conducts in the Metaverse. *Companion Proceedings of the ACM Web Conference*, *Austin, 30 April 2023 – 4 May, 2023*. ACM, 2023, pp. 565–567. https://doi.org/DOI: 10.1145/3543873.3587535. (In English).

18. Kostenko O., Zhuravlov D., Dniprov O. et al. Metaverse: Model Criminal Code. *Baltic Journal of Economic Studies*, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 134–147. https://doi.org/.DOI: 10.30525/2256-0742/2023-9-4-134-147. (In English).

19. Wu J., Lin K., Lin D. et al. Financial Crimes in Web3-Empowered Metaverse: Taxonomy, Countermeasures, and Opportunities. *IEEE Open Journal of the Computer Society*, 2023, vol. 4, pp. 37–49. DOI: 10.1109/OJCS.2023.3245801. (In English).

20. Lee J., Min H. Review of Legal Protection Measures against Security Threats Related to Metaverse. *Korean Journal of Public Safety and Criminal Justice,* 2022, vol. 31, no. 3, pp. 321–344. (In English).

21. Petrigna L., Musumeci G. The Metaverse: A New Challenge for the Healthcare System: A Scoping Review. *Journal of Functional Morphology and Kinesiology*, 2022, no. 7 (3), 63. DOI: 10.3390/jfmk7030063. (In English).

22. Luneev V.V. Course of World and Russian Criminology: Textbook. Moscow, Yurayt, 2011. 1003 p. (In Russian).

23. Sharma R. K., Tyagi S. S. Security Issues in Virtual Worlds. *Materials of International Conference on Computing Methodologies and Communication (ICCMC), Erode, India, 2017*. India, 2017, pp. 1212–1215. DOI: 10.1109/ICCMC.2017.8074659. (In English).

24. Carr N.G., Yassin M. F.M. Two-Factor Authentication in Virtual Worlds. *Materials of International Conference on Information Science, Electronics and Electrical Engineering, Sapporo, Japan, 26–28, April, 2014*. Japan, 2014, pp. 1843–1846. DOI: 10.1109/InfoSEEE.2014.6947985. (In English).

25. Sun Y., Zhao L., Zhao J. et al. Design and Implementation of Security Encryption in Virtual World. *Materials of International Conference on Electric Information and Control Engineering, Wuhan, China, 2011*. China, 2011, pp. 2126–2129. DOI: 10.1109/ICEICE.2011. 5777899. (In English).

26. Patil S.R., Suralkar S.R. Detection of Cyberbullying in Virtual World. *Materials of International Conference on Computing, Communication, Control and Automation (ICCUBEA), Pune, India, 2017.* India, 2017, pp. 1–5. DOI: 10.1109/ICCUBEA.2017.8329707. (In English).

27. Yang J.C., Chen J.C., Wu C.H. Detection of Unauthorized Virtual Money Transactions in Online Games. *Journal of Network and Computer Applications*, 2010, vol. 33, no.1, pp. 1–9. (In English).

Информация об авторах

Иванова Елена Вячеславовна – *доктор юридических наук, доцент, декан факультета подготовки криминалистов ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева», профессор кафедры судебной экспертизы и уголовно-правовых дисциплин ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»*

Information about the Authors

Ivanova Elena Vyacheslavovna –*Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Forensic Science Training, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; Professor of the Department of Forensic Expertise and Criminal Law Disciplines, State Social and Humanitarian University of Moscow Region;*

Никитина Ирина Эдуардовна *– доктор юридических наук, доцент кафедры информационных технологий и организации расследований киберпреступлений факультета криминалистики Московской академии следственного комитета им. А.Я. Сухарева; профессор кафедры философии, социологии и политологии им. Г.С. Арефьевой Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ»*

Nikitina Irina Eduardovna – *Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Information Technologies and Cybercrime Investigation, Faculty of Criminalistics, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee; Professor of the Department of Philosophy, Sociology, and Political Science named after G.S. Arefyeva, National Research University "MPEI"*

Статья поступила в редакцию 15.07.2026 г.; одобрена после рецензирования 06.08.2026 г.; принята к публикации 07.08.2026 г.

The article was submitted 15.07.2026; approved after reviewing 06.08.2026; accepted for publication 07.08.2026.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.20

Илиджев Александр Алексеевич
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
ilidsasha@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6624-7688

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВИДОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ

Аннотация. В условиях отсутствия в УК РФ нормативного определения понятия состава преступления теоретическая разработка его сущности, видов, их специфических признаков и значении в уголовном праве, уголовном процессе и криминалистике приобретает особую актуальность. В работе рассматриваются теоретические и практические аспекты регулирования в уголовном праве видов состава преступления. Целью настоящего исследования является разработка и обоснование теоретической модели уголовно-правового и криминалистического значения состава преступления, его видов при их функциональном различии. В статье систематизированы основные подходы к классификации видов состава преступления в уголовном праве с учётом объёма совершённого деяния по степени завершённости и незавершённости, совершённых единолично или в соучастии, а также по дифференциации наказуемости соответствующего деяния на основные и дополнительные составы. При неразрывной связи с уголовно-правовой сущностью состава преступления и их классификации обобщаются некоторые подходы в криминалистике к разработке методик расследования неоконченных преступлений, преступлений, совершаемых в соучастии, и их криминалистической характеристики. В заключении делается вывод о том, что состав преступления как специфическая юридическая модель и его классификация имеют фундаментальное значение в уголовном праве, а в криминалистике служит критерием построения информационной модели, необходимой для эффективного раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: механизм совершения преступления, модель, состав преступления, неоконченное преступление, методика расследования преступлений, соучастие в преступлении, криминалистическая характеристика преступления.

Для цитирования: Илиджев А.А. К вопросу об уголовно-правовой характеристике видов состава преступления и его криминалистическом значении / А.А. Илиджев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.20 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 266–277.

© Илиджев А.А., 2026

Original article

Ilidzhev Alexander Alexeevich
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia,
ilidsasha@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6624-7688

ON THE CRIMINAL-LAW CHARACTERIZATION OF CRIME TYPES AND ITS FORENSIC SIGNIFICANCE

Abstract. In the absence of a normative definition of a crime concept in the Criminal Code of the Russian Federation, the theoretical development of its essence, types, their specific characteristics and significance in criminal law, criminal procedure and forensic science is becoming particularly relevant. The paper examines the theoretical and practical aspects of types of crimes' regulation of in criminal law. The purpose of this study is to develop and substantiate a theoretical model of the criminal-legal and forensic significance of the crime elements, its types, and their functional differences. The article systematizes the main approaches to the types of crimes' classification of in criminal law, taking into account the volume of the committed act according to the degree of completion and incompleteness, committed alone or in complicity, as well as by differentiating the punishability of the relevant act into primary and secondary elements. In an inextricable connection with the criminal-legal essence of the crime elements and their classification, some approaches in forensic science to the development of methods for investigating unfinished crimes, crimes committed with complicity and their forensic characteristics are generalized. It is concluded that the elements of a crime, as a specific legal model, and its classification are of fundamental importance in criminal law, and in forensic science serves as a criterion for constructing an information model necessary for the effective detection and investigation of crimes.

Keywords: mechanism of committing a crime, model, crime elements, unfinished crime, methods of crime investigation, complicity in crime, forensic characteristics of a crime

For citation: Ilidzhev A.A. On the Criminal-Law Characterization of Crime Composition Types and Its Forensic Significance. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 266–277. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.20

Введение. Изучению феномена состава преступления уделяется внимание в различных областях научного знания уголовно-правового цикла. Особо важное значение это имеет в уголовном праве, уголовно-процессуальном праве (формальном уголовном праве), оперативно-разыскном праве, а также в прикладных юридических науках, в частности, в криминалистике. Довольно интересным это представляется в контексте реформирования номенклатуры научных специальностей, следствием которой явилась оптимизация научной

специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки». О.П. Грибунов, анализируя вклад профессора А.В. Варданяна в криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершенно верно отмечает и позитивно оценивает сформулированный им интегративный подход к уголовно-правовым наукам, отображённым в новой номенклатуре научных специальностей, а также сделанный им прогноз относительно того, что он послужит синергетическим импульсом, который обусловит всестороннее приращение научного знания с учётом изменившихся условий [1, с. 11].

В целом мы склонны согласиться с позицией этих учёных. К слову, в аспекте взаимосвязи уголовного права и некоторых наук анализируемого научного цикла, в том числе криминалистики, нами уже отмечалось: «... именно уголовное право помогает раскрывать в криминалистике механизм совершения преступления, разрабатывать общие и частные методики расследования преступления. И наоборот, именно криминалистика наряду с формальным уголовным правом (уголовное процессуальное право) позволяет экстраполировать те или иные положения уголовного закона в плоскость реальной действительности. Иными словами, наблюдается неразрывная и эффективная взаимосвязь уголовного права и криминалистики, «плоды» которой взаимовыгодно обогащают обе науки» [2, с. 198]. Вместе с тем, состав преступления и его сущностные признаки как фундаментальные уголовно-правовые категории играют ключевую роль в установлении закономерных связей между уголовным правом и криминалистикой. Практически во всех отраслях знания уголовно-правовых наук, разумеется, при ведущей роли уголовного права эта юридическая категория является фундаментом, вокруг которого формируется соответствующая научная парадигма, развиваются различные теории, концепции и доктрины.

Теоретико-правовые основания выделения видов состава преступления. Уголовно-правовая наука как материальная отрасль права стоит у истоков генезиса и развития состава преступления как специфического юридического конструкта и своеобразной научной категории. В более ранних трудах мы уделили достаточное, на наш взгляд, внимание исследованию понятия и содержания состава преступления [3, с. 120–122]. Подчеркнём, что в уголовно-правовом понимании состав преступления – это своеобразная правовая модель, определяющая юридическую природу деяния. Помимо содержания понятия состава преступления, воплощённого в соответствующих признаках, данное понятие имеет объём, проявляемый в видах составов. В уголовно-правовой литературе последние, разумеется, были предметом рассмотрения, в том числе специального [4].

Существенное основание классификации составов преступления, на наш взгляд, имеется непосредственно в понятии состава, а конкретно относится к тому, как происходит запрещение соответствующих деяний и дифференцируется их наказуемость. Только с помощью признаков того или другого и может быть произведено наиболее общее деление видов составов преступления.

В УК РФ запрещение прямо относится к объёму совершённого деяния и его совершившему. Объём совершённого деяния позволяет различать составы

преступления по степени завершённости и незавершённости. По степени завершённости различаются составы оконченного и неоконченного преступления. Они вытекают из ч. 1 и 2 ст. 29 УК РФ.

Между тем состав неоконченного преступления в свою очередь может включать разный объём совершённого деяния. Это позволяет провести дальнейшую классификацию.

По законодательно определённой степени незавершённости деяния состав неоконченного преступления делится на составы приготовления к преступлению и покушения на преступление. Они вытекают из ч. 1 и 3 ст. 30 УК РФ.

Криминалистическая и уголовно-правовая характеристика различных видов состава преступления. Вопросы стадий совершения преступления являются предметом изучения не только в уголовном праве, но и вызывают особый интерес в криминалистике.

По мнению учёных, которые исследуют криминалистическую характеристику преступлений как связующее звено между общей методикой расследования преступлений и частной криминалистической методикой в состав элементов её структуры должны входить типичные значимые сведения для выявления, расследования и раскрытия преступления, к которым следует относить способ совершения преступления, механизм следообразования, обстановку совершения преступления, данные о субъектах преступления и личности потерпевшего, а также предмет преступного посягательства [5, с. 12]. Анализируя системный подход «патриарха» отечественной криминалистической науки Р.С. Белкина к исследованию структуры криминалистической характеристики преступлений как основополагающего элемента частной методики расследования, некоторые учёные высказывали предположение, что, отмечая системность между выделяемыми элементами криминалистической характеристики преступлений, Р.С. Белкин указывал на наличие между ними корреляционных связей [6, с. 26]. Разумеется, мы полностью с ними согласны. При анализе неоконченного преступления большое значение имеет исследование некоторыми учёными криминалистической методики расследования преступлений, в частности, изучение закономерностей формирования и методик выявления приготавливаемых и совершённых преступлений.

Придерживаясь позиции В.А. Образцова о том, что все криминалистические методики расследования преступлений подразделяются на общие методики расследования и частные методики расследования [7, с. 23], мы не вполне согласны с мнением некоторых учёных, полагающих, в том числе, что предмет криминалистической методики не включает изучение закономерностей формирования и функционирования приёмов, средств и методик выявления готовящихся и совершённых преступлений, их пресечения до возбуждения уголовного дела [8, с. 36].

Значительный вклад в разработку криминалистических методик расследования преступлений, в том числе и неоконченных, внесли такие выдающиеся учёные как Р.С. Белкин, И.А. Возгрин, В.И. Громов, И.Н. Якимов, С.А. Голунский

и др. Однако в настоящее время проблема криминалистического обеспечения расследования неоконченных преступлений, в целом, остаётся недостаточно изученной. Исследования в этой сфере носят скорее фрагментарный характер. Мы солидарны с учёными, которые, учитывая основной спектр взглядов в отечественной криминалистике на анализируемые вопросы, в содержание частных криминалистических методик расследования преступлений относят в том числе такие элементы как криминалистическая характеристика преступлений, обстоятельства, подлежащие установлению, особенности выявления преступлений и особенности доследственной проверки, типичные версии и особенности планирования, особенности отдельных следственных действий, организация взаимодействия на первоначальном и последующем этапах, предупредительная деятельность следователя и др. [6, с. 32].

Поскольку криминалистические методики расследования неоконченных преступлений основываются на базовых принципах криминалистики, учитывая уголовно-правовые особенности их совершения, думается, что не лишено определённого смысла экстраполирование данных взглядов к проблемам криминалистического обеспечения выявления особенностей формирования методик расследования таких стадий преступления как приготовление и покушение на преступление. При этом ключевыми вопросами, которые касаются криминалистической характеристики неоконченных преступлений при неразрывной связи с их уголовно-правовым пониманием, являются способ совершения преступлений, имеющий свою специфику при приготовлении и покушении на преступление, механизм следообразования, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, причины, по которым преступление не было доведено до конца по независящим от виновного обстоятельствам, и их тщательный анализ. Важно учитывать, что материальные и идеальные следы неоконченного преступления, которые приобщаются к материалам уголовного дела, могут быть менее очевидными, чем при оконченном преступлении. Нельзя не согласиться с учёными, которые призывают в сложившихся условиях к мобилизации всех имеющихся возможностей для повышения уровня организационно-правового, научно-методического, финансового, технико-криминалистического обеспечения процесса установления и задержания лиц, совершивших преступления в условиях неочевидности [9, с. 107].

В современном мире, наполненном различными цифровыми, интерактивными аспектами, как правильно отмечают Ф.Г. Аминев и Р.Р. Шайдуллин, важными в уголовном судопроизводстве являются вопросы внедрения инновационных высокотехнологичных средств и методов в экспертные исследования новых объектов исследования, а именно цифровых финансовых активов, цифровых валют, криптовалют [10, с. 12]. Далее они справедливо полагают, что с использованием криптовалют совершаются преступления в сфере незаконного оборота наркотиков для расчётов в сфере наркоторговли [10, с. 13]. Преступниками в сфере наркоторговли выполняется целый спектр операций с банковскими картами с привлечением сторонних граждан, так называемых «дропов».

Учитывая сложность и многоаспектность преступной деятельности в данной сфере, очевидно, что на определённом этапе совершения преступления оно может прерваться и не завершиться по причинам, не зависящим от воли преступника. Для их эффективного расследования необходимо разрабатывать частные криминалистические методики, научно обоснованные рекомендации которых были бы адаптированы к выявлению, раскрытию и расследованию незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ с учётом специфики приготовления и покушения на преступление. Разумеется, что тактика большинства следственных действий при неоконченном преступлении также обладает характерными особенностями.

Однако продолжим анализ уголовно-правовой сущности исследуемых вопросов. С позиции теории уголовного права совершитель деяния позволяет различить составы преступления, совершённого единолично и в соучастии (ст. 32 УК РФ). Последний состав включает неоднородного совершителя, что предполагает его собственное деление.

По характеру участия лица в совершённом деянии состав преступления, совершённого в соучастии, распадётся на составы преступления исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника. Они вытекают из ч. 2–5 ст. 33 УК РФ.

Следует отметить разнохарактерность регулирования ответственности соучастников преступления по нормам УК РФ, посвящённым видам соучастников (ст. 33), ответственности соучастников преступления (ст. 34). Регламентирование форм соучастия с позиции теории уголовного права нашло своё отражение в ст. 35 УК РФ. В целом стоит отметить, что соучастие в преступлении довольно детально изучено в уголовном праве.

В то же время, с точки зрения правоприменительной практики и согласно позиции некоторых учёных-криминалистов, особую сложность вызывает расследование уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нём (ней), а также и другие групповые формы соучастия и криминалистическое обеспечение расследования подобных преступлений. Возможности довольно эффективного и успешного решения указанных задач представлены в трудах Саетгараевой А.А, Бессонова А.А., Щербаченко А.К. [11; 12; 13] и др. Разумеется, организованная преступность во все времена прибегала к различным способам воспрепятствования правоприменительной деятельности должностных лиц правоохранительных органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений (оперуполномоченные, дознаватели, следователи и др.), в частности, к их дискредитации. Очевидно, не является исключением и современный период развития нашего государства и его правоохранительных органов. В исследование и разработку криминалистических методов нейтрализации дискредитации субъектов раскрытия и расследования преступлений, противодействия преступной деятельности, в том числе, со стороны криминальных элементов организованной преступности значительный вклад внесли Варданян А.В., Макаренко И.А. [14, с. 640, 643].

Особенности классификации состава преступлений по степени общественной опасности. В уголовно-правовом понимании по дифференциации наказуемости соответствующих деяний различаются основные и дополнительные составы преступлений. В основных составах определяется, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями (ч. 2 ст. 2 УК РФ), и устанавливается их базовая наказуемость. Основные составы преступления, как правило, предусмотрены в первых частях статей Особенной части УК РФ. Правда, применительно к последнему представляется необходимым оговорить несколько моментов.

Первый момент – основной состав преступления в конкретной статье Особенной части УК РФ может вообще отсутствовать. Так, его нет в ст. 331 УК РФ, ибо в ней даётся понятие преступлений против военной службы. Полагаем, что нормы особенной части отечественного уголовного законодательства вряд ли непосредственно предназначены для отражения приведённых положений. Если законодателю действительно было необходимо сформулировать приведённые предписания в УК РФ, то, по нашему мнению, это вполне можно было сделать в примечании к соответствующей статье главы 33. Поступил же аналогичным образом законодатель, поместив понятие хищения в примечание к ст. 158 УК РФ.

Нет основных составов преступления также в ст. 106–108 и 113, 114 УК РФ, но уже в силу других обстоятельств. В первых трёх статьях предусматриваются соответствующие убийства со сниженной по сравнению с ч. 1 ст. 105 УК РФ определяющей преступность убийства наказуемостью. Законодательное решение в области конструирования санкций в ст. 113 и 114 УК РФ в сопоставлении с пенализацией соответствующих деяний в ч.1 ст. 111 и ч. 1 ст. 112 в силу принципа экономии нормативного материала, как представляется, является вполне обоснованным.

Размещение в анализируемых пяти нормах особенной части отечественного уголовного законодательства основных составов преступления привело бы к дублированию того, что предусмотрено в ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 111 или ч. 1 ст. 112. Размещение предписаний ст. 106–108 и 113, 114 УК РФ в ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 111 или ч. 1 ст. 112 привело бы к загромождению последних статей. Ни то, ни другое не соответствует правилам законодательной техники.

Второй момент – в целом ряде норм особенной части отечественного уголовного законодательства регулируются два и более основных составов преступления (ч. 1, 3 и 5 ст. 184, ч. 1, 2 и 3 ст. 195, ч. 1 и 5 ст. 200.5, ч. 1 и 5 ст. 200.7 и др.). Поэтому они располагаются не только в ч. 1 соответствующей статьи. Одновременно нельзя не отметить нарушения тем самым правила законодательной техники, согласно которому в одной статье особенной части отечественного уголовного законодательства должен, как правило, регламентироваться один вид преступления [15, с. 284], а законодатель должен стремиться к недопущению объединения в одной статье нескольких самостоятельных составов преступлений [16, с. 182], что, естественно, требует разукрупнения статей, построенных иначе.

Дополнительные составы преступления предполагают изменённую в сравнении с основными составами наказуемость запрещённых деяний. По направлениям изменения наказуемости деяний различаются квалифицированные и привилегированные составы преступления. Применительно к первым наказуемость повышается, применительно к последним наказуемость, напротив, понижается (ст. 106–108, 113, 114 УК РФ).

Фундаментальное значение исследования состава преступления и его видов в уголовно-правовых науках. Подводя итог рассмотрению видов состава преступления, нельзя пройти мимо сложившегося в уголовно-правовой теории отношения к его роли. Оно подчас диаметрально-противоположное. На одном полюсе – мнение Л.Л. Кругликова о том, что «открытие такого правового феномена, как состав преступления, сродни созданию в химии таблицы Менделеева» [17, с. 20]. На другом полюсе – представление А.П. Козлова о том, что «состав преступления – пятое колесо в телеге, абсолютно ненужная категория» [18, с. 183]. Между полюсами – взгляд И.Я. Гонтаря о том, что с составом преступления имеются проблемы, но «это не означает, что само учение состава преступления должно быть вычеркнуто из правовой теории», напротив, «оно имеет большое практическое значение, но уже в обновлённом виде» [19, с. 20].

По А.П. Козлову, «для того чтобы исключить состав преступления из категорий научно и практически значимых, достаточно правильно анализировать само преступление (точнее его вид и реальное воплощение) с двух позиций – сущности преступления (его понятия и признаков) и структуры преступления (его объективной и субъективной сторон); на последней и базируется квалификация преступления» [18, с. 186–187]. Оценивая изложенное, А.В. Иванчин справедливо задаётся многочисленными вопросами: зачем отказываться от категории состава преступления? «Чтобы заменить её категорией «структура преступления»? Чтобы предмет, который мыслился с помощью состава преступления, назвать иначе? ...Но стоит ли ради такой «лексической рокировки» ликвидировать категорию, которая с таким изяществом разработана в трудах… видных учёных, внедрена в УК РФ и УПК РФ и буквально вцементирована в фундамент уголовного права как науки и отрасли?» [15, с. 87].

Мы, как и А.В. Иванчин, не видим смысла заменять в уголовном праве понятие состава преступления на другое понятие, причём которое, по существу, сохраняет то же самое содержание. Что же касается придания составу преступления иного содержания, то, как нам представляется, попытку этого мы предприняли. Насколько она удачна – судить, конечно, не нам; всё будет ясно из её оценки научной общественностью.

Очевидно, что учёные-криминалисты также вносят свой вклад в обоснование фундаментального и аксиологического значения состава преступления и его видов в криминалистической области научного знания. Среди учёных следует особо выделить труды таких значимых исследователей как Р.С. Белкин, А.Н. Колесниченко, И.Н. Якимов, В.И. Громов, В.Н. Кудрявцев, И.А. Возгрин, Л.Я. Драпкин, Л.Л. Каневский и др. Думается, что современная криминалисти-

ческая наука не останется без дальнейшего исследования таких ключевых проблем. Разумеется, указанными и другими учёными учитывается уголовно-правовая сущность состава преступления при разработке общей, а также частной криминалистической методики расследования преступлений и таких её элементов как их криминалистическая характеристика, включающая в себя его объективные признаки: механизм совершения преступления, его следы, данные о способе совершения преступления, личности преступника, потерпевшего, обстоятельствах совершения преступления, построение версий, планировании действий в ходе производства предварительного расследования и т. п. Немаловажное значение в данном контексте имеет исследование субъективных признаков состава преступления, в частности, вины, умысла, мотивов и целей преступника.

Заключение. Таким образом, существенное основание для классификации видов составов преступлений в уголовном праве имеется в понятии состава преступления, ибо с помощью именно его признаков может быть произведено наиболее общее деление составов преступлений. С учётом дискуссии по вопросу роли состава преступления в уголовном праве полагаем, что он имеет фундаментальное значение. В целом, в криминалистике, безусловно, должна использоваться уголовно-правовая характеристика состава преступления, его видов и их типовая структура в качестве основы для особой информационной модели, используемой при расследовании преступления, своеобразного инструментария для оценки общественной опасности деяния, квалификации неоконченных преступлений, преступлений, совершённых в соучастии, а также при конкуренции и коллизии уголовно-правовых норм и обеспечения на этой основе высокого уровня эффективности предварительного расследования.

Список литературы

1. Грибунов О.П. Криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в трудах профессора А.В. Варданяна / О.П. Грибунов // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18. – № 1. – С. 10–17.

2. Илиджев А.А., Соколов О.В., Илиджев А.А. Некоторые вопросы определения сущности преступления: уголовно-правовой и криминалистический аспект / А.А. Илиджев, О.В. Соколов, А.А. Илиджев // Юристъ-Правоведъ. – 2025. – № 4 (115). – С. 166–171.

3. Илиджев А.А., Илиджев А.А. Состав преступления как воплощение запрещённости деяния в российском уголовном законодательстве / А.А. Илиджев, А.А. Илиджев // Юристъ-Правоведъ. – 2024. – № 4 (111). – С. 118–123.

4. Ораздурдыев А.М. Виды составов преступлений в уголовном праве: монография / А.М. Ораздурдыев. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 317 с.

5. Грибунов О.П., Назырова Н.А. Эволюция взглядов на понятие и структуру криминалистической характеристики преступлений / О.П. Грибунов, Н.А. Назырова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 2. – С. 7–18.

6. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А.В. Варданян, О.П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2 (81). – С. 23–35.

7. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования преступлений (Некоторые теоретические положения): монография / Н.П. Яблоков. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 97 с.

8. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений: монография / В.К. Гавло. – Томск: ТГУ, 1985. – 333 с.

9. Аминев Ф.Г., Чемерис А.В. О некоторых современных возможностях криминалистического моделирования личности неустановленного преступника / Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1 (21). – С. 105–113.

10. Аминев Ф.Г., Шайдуллин Р.Р. По вопросу внедрения высокотехнологичных средств и методов в судебно-экспертную деятельность / Ф.Г. Аминев, Р.Р. Шайдуллин // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 14–15 мая 2025 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2025. – С. 9–16.

11. Саетгареева А.А. Криминалистическое обеспечение расследования уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нём (ней): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / А.А. Саетгареева. – Уфа, 2024. – 25 с.

12. Щербаченко А.К. Базовая методика расследования мошенничеств, совершённых группой лиц: теоретические основы и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12 /А.К. Щербаченко. – Ростов-на-Дону, 2022. – 53 с.

13. Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12 / А.А. Бессонов. – Элиста, 2017. – 45 с.

14. Варданян А.В., Макаренко И.А. Дискредитация субъектов раскрытия и расследования преступлений и криминалистические методы её нейтрализации / А.В. Варданян, И.А. Макаренко // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 5. – С. 638–645.

15. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / А.В. Иванчин. – М.: Проспект, 2014. – 352 с.

16. Кириенко М.С. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: монография / М.С. Кириенко. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 235 с.

17. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование: монография / В.С. Комиссаров, А.И. Коробеев, Л.Л. Кругликов, Н.Ф. Кузнецова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. – 560 с.

18. Козлов А.П. Понятие преступления: монография / А.П. Козлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 819 с.

19. Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.Я. Гонтарь. – Владивосток, 1997. – 26 с.

References

1. Gribunov O.P. Forensic Support of Solving, Investigating and Preventing of Crimes in the Works of Professor A.V. Vardanyan. *Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 10–17. (In Russian).

2. Ilidzhev A.A., Sokolov O.V., Ilidzhev A.A. Some Issues of Determining the Nature of a Crime: Criminal-Law and Forensic Aspects. *Jurist-Pravoved*, 2025, no. 4 (115), pp. 166–171. (In Russian).

3. Ilidzhev A.A., Ilidzhev A.A. Compositionof a Crime as an Embodiment of the Prohibition of an Act in Russian Criminal Legislation. *Jurist-Pravoved*, 2024, no. 4 (111), pp. 118–123. (In Russian).

4. Orazdurdyev A.M. Types of Crime Elements in Criminal Law: Monograph. Moscow, Yurlitinform, 2019. 317 p. (In Russian).

5. Gribunov O.P., Nazyrova N.A. Evolution of Views on the Concept and Structure of Forensic Characteristic of Crimes. *Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2020, no. 2, pp. 7–18. (In Russian).

6. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. The Modern Doctrine of Methodological-Criminalistic Secured of an Investigation of Certain Types of Crimes. *Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2017, no. 2 (81), pp. 23–35. (In Russian).

7. Yablokov N.P. Forensic Methods of Crime Investigation (Some Theoretical Provisions): Monograph. Moscow, Moscow State University Press, 1985. 97 p. (In Russian).

8. Gavlo V.K. Theoretical Problems and Practice of Applying the Methodology for the Investigation of Individual Types of Crimes: Monograph. Tomsk, Tomsk State University, 1985. 333 p. (In Russian).

9. Aminev F.G., Chemeris A.V. On Some Modern Forensic Personality Modeling of an Unidentified Offender. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2024, no. 1 (21), pp. 105–113. (In Russian).

10. Aminev F.G., Shaydullin R.R. On the Issue of Introducing High-Tech Tools and Methods into Forensic Activity. *National and International Trends and Prospects for the Development of Forensic Expertise. Collection of Reports of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, May 14–15, 2025*. Nizhny Novgorod, NNSU, 2025, pp. 9–16. (In Russian).

11. Sayetgareeva A.A. Forensic Support for the Investigation of Criminal Cases on the Organization of a Criminal Community (Criminal Organization) or Participation in It. *Cand. Diss. Thesis.* Ufa, 2024. 25 p. (In Russian).

12. Shcherbachenko A.K. Basic Methodology for the Investigation of Frauds Committed by a Group of Persons: Theoretical Foundations and Applied Aspects. *Doc. Diss. Thesis.* Rostov-on-Don, 2022. 53 p. (In Russian).

13. Bessonov A.A. Private Theory of Forensic Characterization of Crimes. *Doc. Diss. Thesis.* Elista, 2017. 45 p. (In Russian).

14. Vardanyan A.V., Makarenko I.A. Discrediting the Subjects of Crime Disclosure and Investigation and Criminalistic Methods of Neutralizing It. *Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 5, pp. 638–645. (In Russian).

15. Ivanchin A.V. Constructing Crime Composition: Theory and Practice: Monograph. Moscow, Prospekt, 2014. 352 p. (In Russian).

16. Kirienko M.S. System Analysis of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: Monograph. Moscow, Yurlitinform, 2018. 235 p. (In Russian).

17. Komissarov V.S., Korobeyev A.I., Kruglikov L.L. et al. Doctrine of Crime Composition in the Criminal Law of Russia and China: Comparative-Legal Research: Monograph. St. Petersburg, Yuridicheskiy Tsentr Press, 2009. 560 p. (In Russian).

18. Kozlov A.P. Concept of Crime: Monograph. St. Petersburg, Legal Center Press, 2004. 819 p. (In Russian).

19. Gontar I.Ya. Crime and Crime Composition as Phenomena and Concepts in Criminal Law (Logical and Methodological Aspects). *Cand. Diss. Thesis.* Vladivostok, 1997. 26 p. (In Russian).

Информация об авторе

Илиджев Александр Алексеевич – *доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД*

Information about the Author

Ilidzhev Alexander Alexeevich – *Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs*

Статья поступила в редакцию 30.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 14.07.2026 г.; принята к публикации 17.07.2026 г.

The article was submitted 30.06.2026; approved after reviewing 14.07.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья
УДК 343.98.06
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.21

Калимуллин Даниль Ильдарович
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
kalimullin.danil2013@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАПРЕЩЁННЫХ СУБСТАНЦИЙ В СПОРТЕ

Аннотация. Целью работы является анализ некоторых особенностей криминалистически значимых аспектов расследования склонения и использования в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте. При исследовании поставленных вопросов применялись индуктивные, дедуктивные и системные методы установления результатов, по результатам которых выработан тактически верный алгоритм проведения следственных действий при расследования данного вида преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, допинг, способ совершения преступления, обнаружение следов

Для цитирования: Калимуллин Д.И. Некоторые криминалистические аспекты расследования использования запрещённых субстанций в спорте / Д.И. Калимуллин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.21 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 278–286.

Original article

Kalimullin Danil Ildarovich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
kalimullin.danil2013@yandex.ru

ON CRIMINALISTIC ASPECTS OF INVESTIGATING THE PROHIBITED SUBSTANCES USE IN SPORT

Abstract. The purpose of this research is to analyze some forensic aspects of the investigation into the use of substances and/or methods prohibited in sport against athletes. Inductive, deductive and systemic methods are used to develop a tactically correct algorithm to investigate this type of crime.

Keywords: forensic characteristics, doping, modus operandi, trace detection

For citation: Kalimullin D.I. On Criminalistic Aspects of Investigating the Prohibited Substances Use in Sport. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 278–286. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.21

© Калимуллин Д.И., 2026

Введение. Пропаганда здорового образа жизни населения и достижение высоких результатов спортсменов является неотъемлемой частью целенаправленной национальной политики современного развивающегося государства.

Достижение высоких результатов в профессиональном спорте требует спланированной подготовки спортсмена, включающую ряд взаимосвязанных элементов, среди которых выделяются: режим дня, сбалансированное питание, системный тренировочный процесс, фармакологическое поддержание организма спортсмена.

При этом при регулярных интенсивных физических нагрузках в профессиональном спорте человеческий организм нуждается в использовании необходимых биологических элементов, снабжающих спортсмена комплексом дополнительной энергии, среди которых по фармакологическим признакам выделяют категорию, запрещённую для использования в спорте, – допинг.

До́пинг (англ. doping, от англ. dope – наркотик) в спорте – употребление запрещённых способов, методов или препаратов (в том числе биологически активных веществ), повышающих спортивные результаты. Применение допинга нарушает олимпийский принцип честной игры, поскольку ставит соперников в неравные условия, оказывает побочный эффект на организм [1].

Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» под допингом в спорте признаёт нарушение антидопингового правила, в том числе использование или попытка использования субстанции и (или) метода, включённых в перечни субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте (далее также – запрещённая субстанция и (или) запрещённый метод)[1].

Определяем, что применение допинга в спорте является запрещённым способом достижения высоких показателей, в связи с чем его использование влечёт привлечение к уголовной ответственности по ст. 230.1 УК РФ – склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте, ст. 230.2 УК РФ – использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте.

Криминалистические аспекты расследования использования запрещённых субстанций в спорте. Анализ криминалистических аспектов расследования вышеназванных преступлений, а также определение структурных компонентов предлагают исследовать нам, во-первых, способ совершения преступления, его криминалистические характеристики; во-вторых, способы обнаружения следов преступления и их фиксации; в-третьих, факторы, осложняющие процесс расследования преступного деяния, иными словами, противодействие, оказываемое органу расследования.

Способ совершения преступления, являясь одним из фундаментальных элементов криминалистической характеристики преступления, в юридической

[1] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2026).

литературе описывается в целом идентично, однако ряд авторов не разделяют позицию с общепринятой.

К примеру, В.А. Бессонов и А.А. Дягилев способ совершения преступления конкретизировали как определённое действие (приём или систему приёмов), которое даёт возможность осуществить, сделать что-нибудь, достичь чего-то [2].

Данное определение, на наш взгляд, является лаконичным, при этом отражая необходимые признаки для юридического понимания данного понятия, что позволяет наиболее точно высказаться о сути одного из важнейших компонентов криминалистической характеристики.

Трудно не согласиться с А.С. Князьковым, который справедливо отмечает, что «существующая своего рода генетическая взаимосвязь способа подготовки, способа совершения и способа сокрытия преступления, характерная для умышленного преступления, имеет тактическое значение. Так, например, получение информации о подготовке к совершению преступления путём анализа способа его совершения даёт возможность применить тактический приём допроса обвиняемого, состоящий в описании следователем картины отдельных подготовительных действий. Кроме того, соотнесение способа подготовки и совершения расследуемого преступления позволяет следователю диагностировать ложные показания допрашиваемых лиц, обращать их внимание на логические противоречия и тем самым склонять к изменению позиции, занятой подозреваемым, обвиняемым, свидетелем и потерпевшим» [3, с. 56–57].

Автором при определении рассматриваемого элемента криминалистической характеристики грамотно раскрыта сущность данного понятия, что даёт возможность исследовать данный вопрос с разных сторон: как с практической, так и теоретической.

Нам также представляется интересной точка зрения Л.Л. Каневского, который определял способ совершения преступления с позиций системного подхода как систему взаимодействующих элементов, имеющую определённую иерархию и представляющую собой целостность. Элементами системы, по его мнению, являются: подготовка к преступлению (в нашем случае покупка запрещённых к использованию препаратов и т. п.), механизм преступного посягательства (непосредственное воздействие субъекта преступления на предмет посягательства), способ сокрытия [4, с. 81].

Данное определение рассматриваемого фундаментального элемента криминалистической характеристики описывает его как систему, что позволяет выстроить логическую цепочку всех важных компонентов для определения способа совершения преступления при его криминалистическом анализе.

Выше приведённые нами определения способа совершения преступления определяют их общий смысл, выражающийся в объективном действии преступника, который намерен соответствующим образом совершить уголовно-наказуемому деяние.

В рассматриваемом случае преступление характеризуется умышленной формой вины, в связи с чем действия подозреваемого будут активные, что сви-

детельствует о наиболее высокой общественной опасности данного запрещённого уголовным законом деяния.

В данном случае способ использования в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте, представляется как осознанная (умышленная) выдача спортсмену запрещённых в спорте субстанций.

Возможность установления данного факта и его доказывание в процессе расследования преступления предусматривают проведение ряда следственных действий, грамотно спланированная и тактически верная их хронология, которая в большей степени покажет их эффективность.

К таковым следственным действиям мы отнесём допрос подозреваемого, допрос спортсмена, принимавшего запрещённые субстанции, проведение между ними очной ставки, обыск, получение образцов для сравнительного исследования, освидетельствование и судебно-медицинская экспертиза (на предмет наличия в организме спортсмена запрещённого в спорте препарата), осмотр предметов.

Стоит обратить внимание, что перед производством допроса подозреваемого следователю необходимо получить определённые познания в области фармакологического использования препаратов, относящихся к запрещённым, их влияние на организм при определённой дозировке, системности приёма и периода приёма, для чего следователю рекомендуется проанализировать представленные материалы, служащие основанием для организации процессуальной проверки в порядке, предусмотренном ст. 144, 145 УПК РФ, которые в 97 % проанализированных нами случаев предоставляются специалистами российского антидопингового центра – «Российского антидопингового агентства «РУСАДА», которые непосредственно устанавливают факт использования спортсменами запрещённых субстанций.

РУСАДА (ассоциация «Российское антидопинговое агентство») является национальной антидопинговой организацией Российской Федерации, которая осуществляет свою деятельность в соответствии с Международной Конвенцией о борьбе с допингом в спорте, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО на 33-й сессии в Париже 19 октября 2005 г. и ратифицированной Российской Федерацией (Федеральный закон от 27 декабря 2006 г. № 240), Конвенцией Совета Европы против применения допинга в спорте, Всемирным антидопинговым кодексом Всемирного антидопингового агентства (далее – ВАДА), Федеральным законом от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и Общероссийскими антидопинговыми правилами[2].

При изучении представленных материалов, необходимо проанализировать и понять, при каких обстоятельствах отбирались пробы у спортсмена для исследования на наличие в организме допинга, провести анализ протоколов изъятия образцов для исследования, время отбора, место исследования, определить выявленную дозировку, системность приёма какого-либо запрещённого

[2] Официальный сайт РУСАДА [Электронный ресурс] // URL: https://course.rusada.ru/ (дата обращения: 01.05.2026).

препарата. При этом стоит обратить внимание, что пробы отбираются у спортсмена неоднократно, в связи с чем предлагается провести сравнение полученных результатов от разных заборов изъятых у спортсмена проб для установления вопроса системности приёма запрещённых препаратов.

Также необходимо детально проанализировать нормативные акты, относящие определённые препараты к запрещённым, в частности к таковым относится Постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте, для целей ст. ст. 230.1 и 230.2 УК РФ», в котором содержится конкретный перечень препаратов, запрещённых для использования в спорте, и дозировка.

После изучения материалов и нормативных актов, устанавливающих ответственность за употребление запрещённых в спорте субстанций, необходимо тактически верно подготовить вопросы к подозреваемому. При этом рекомендуется тщательно изучить его личность, в том числе характеризующие данные (семейное положение, образование, наличие судимости) и психологические данные (стрессоустойчивость, характер, поведение на работе и в быту), в целях избрания наиболее верных тактически приёмов производства допроса.

При производстве допроса подозреваемого, несмотря на очевидность мотива преступления – достижения высоких результатов в спорте, необходимо ставить вопросы установления мотива и целей совершённого преступления (в целях избежания возникновения различных следственных ситуаций, влекущих неочевидность совершения преступления).

Следующим фундаментальным следственным действием при расследовании данного вида преступлений является допрос спортсмена, употреблявшего запрещённые в спорте субстанции.

При допросе спортсмена зачастую возникают два вида следственных ситуаций: спортсмен знал о том, что он принимал запрещённые для использования в спорте субстанции, и спортсмен не знал о том, что в отношении него используют запрещённые в спорте препараты.

Если при первой следственной ситуации спортсмен понимал о приёме запрещённых субстанций и у органов предварительного следствия имеются объективные данные о времени, месте совершения преступления и иные необходимые данные, устанавливающие обстоятельства совершённого преступления, то вторая следственная ситуация относится к преступлениям, совершённым в условиях неочевидности.

Особого внимания требует второй вид предложенной следственной ситуации, при которой спортсмену заведомо не было известно о приёме запрещённых субстанций. В таком случае перед спортсменом необходимо ставить вопросы о том, принимались ли им какие-то препараты, кто их выдавал, в каком количестве, с какой целью.

Так, согласно проведённым анкетированиям спортсменов установлено, что согласно предложенным им контрактам употребление каких-либо препара-

тов (даже от заболеваний в виде простуды и т. п.) им запрещено без разрешения спортивного врача, указанного в контракте.

В связи с чем, при получении ответов на вопросы следователя о том, от кого спортсмен получал какие-либо лекарства, возможно установление подозреваемого.

Переходя к вопросу о производстве обыска как о необходимом и зачастую неотложном следственном действии при расследовании рассматриваемого преступления, стоит отметить, что производить его тактически верно будет на первоначальном этапе расследования, незамедлительно после возбуждения уголовного дела, перед производством следственных действий с участием свидетелей и подозреваемого в целях создания эффекта неожиданности и обеспечения невозможности скрыть или уничтожить доказательства, которые будут иметь криминалистическое значение для доказывания вины.

Обыск производить необходимо как в жилище подозреваемого, так и по месту его работы, а также в иных помещениях, в которых могут содержаться доказательства, имеющие значение для уголовного дела. В ходе обыска особо стоит обратить внимание на различные препараты, лекарства, пустые ампулы и т. п., которые необходимо изъять для дальнейшего их исследования.

Учитывая специфику неотложности производства обыска по данной категории уголовных дел, обыск должен являться групповым, то есть одновременно в нескольких местах.

В ходе обыска изъятию подлежат, как указывалось ранее, различные препараты, лекарства, пустые ампулы и т. п., кроме того, необходимо с участием специалиста изъять все электронные носители информации (ноутбук, компьютеры, мобильные телефоны) – указанные предметы могут содержать информацию о приобретении запрещённых для использования в спорте препаратов через различные онлайн-магазины, в том числе маркетплейсы и т. п.

Следующим немаловажным аспектом в расследовании данной категории уголовных дел являются способы обнаружения следов деяния и их фиксации.

Одним из основных способов обнаружения следов преступления будет являться проведение исследования биологических объектов спортсмена путём проведения лабораторных анализов.

Данный вопрос входит в компетенцию антидопингового агентства, которое самостоятельно отбирает пробы и ведёт соответствующее наблюдение в профессиональном вопросе. Вместе с тем, кроме материалов, предоставленных агентством, органу расследования не стоит ограничиваться указанным – по нашему мнению, необходимость в производстве судебно-медицинской экспертизы имеется, однако возникает вопрос оперативности её проведения.

Так, зачастую материалы для организации процессуальной проверки предоставляются в орган дознания или расследования спустя определённый промежуток времени от забора биологических проб, и, соответственно, целесообразность производства экспертизы отпадает, однако, по нашему мнению,

в целях установления приёма дозировки и уточнения вопроса системности специальные познания в данном вопросе являются необходимыми.

Следующим немаловажным следообразующим фактором расследования данной категории преступлений является исследование информации о движении денежных средств по счетам подозреваемого.

Так, нами предлагается по указанной категории уголовных дел истребовать сведения из банков, банковских и кредитных организаций о движении денежных средств в целях установления покупок подозреваемого, поскольку запрещённые для использования в спорте препараты могут приобретаться в большом количестве в аптечных учреждениях, что явно является объективным доказательством причастности подозреваемого к совершению преступления. Исследование счетов необходимо грамотно описать в протоколе осмотра предметов и признать их вещественными доказательствами.

Рассуждая об аспектах, осложняющих процесс расследования преступного деяния, стоит особо отметить непризнание вины подозреваемого. Так, преступление может быть совершено только с прямым умыслом, соответственно роль подозреваемого в данном случае будет активная, однако факт того, что он использовал в отношении спортсмена запрещённую в спорте субстанцию, он может отрицать.

В указанных случаях, кроме названных следственных и процессуальных действий, необходимо использовать тактические приёмы производства допроса.

Так, в своей работе профессор И.А. Макаренко указывала, что тактический приём при допросе обвиняемого – это непротиворечащий закону и нравственным принципам, научно и практически обоснованный способ воздействия следователя на обвиняемого, применяемый с учётом возрастных и психологических свойств, для установления психологического контакта и получения полных и правдивых показаний по существу предъявленного обвинения [5].

Названное определение наиболее точно и лаконично, по нашему мнению, определяет сущность тактического приёма при допросе, что в свою очередь обеспечивает доступность для понимания данной криминалистической категории.

В нашем случае наиболее верными будут приёмы эмоционального воздействия, то есть активного воздействия на подозреваемого методом убеждения в неправильности выбранной им позиции и разъяснения правовых последствий его отказа от сотрудничества с органами расследования, а также приёмы логического воздействия, которые предназначены для логического доказывания изобличения подозреваемого во лжи, в ходе которого допускается предъявить весомые доказательства его виновности, к таковым можно отнести допросы спортсменов, принимавших запрещённые в спорте субстанции, исследование счетов, свидетельствующих о покупках названных препаратов, различные предметы, изъятые в ходе производства обысков, осмотренные и признанные вещественными доказательствами.

Заключение. Таким образом, расследование преступлений, связанных с использованием запрещённых субстанций в спорте, относится к категории

сложных в доказывании, в связи с чем требует применение различных криминалистических методов для достижения целей, поставленных перед органами расследования, и, как нами было отмечено, особого внимания заслуживают, во-первых, способ совершения преступления, его криминалистические характеристики; во-вторых, способы обнаружения следов преступного деяния, их фиксации; в-третьих, факторы, осложняющие процесс расследования преступного деяния.

Список источников

1. Сейфулла Р.Д., Орджоникидзе З.Г. Лекарства и БАД в спорте: практическое руководство для спортивных врачей, тренеров и спортсменов / Р.Д. Сейфулла, З.Г. Орджоникидзе. – М.: Литтерра, 2003. – 311 с.

2. Бессонов В.А., Дягилев А.А. «Вор в законе» как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии: ретроспективный анализ / В.А. Бессонов, А.А. Дягилев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 42–47.

3. Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. – 1128 с.

4. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1991. – 288 с.

5. Макаренко И.А. Система тактических приёмов допроса несовершеннолетнего обвиняемого с учётом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.А. Макаренко. – Уфа, 1998. – 250 с.

References

1. Seyfulla R.D., Ordzhonikidze Z.G. Medicines and Dietary Supplements in Sports: Practical Guide for Sports Doctors, Coaches and Athletes. Moscow, Litterra, 2003. 311 p. (In Russian).

2. Bessonov V.A., Dyagilev A.A. “Thief in Law” as a Person Who Occupies the Highest Position in the Criminal Hierarchy: A Retrospective Analysis. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4 (52), pp. 42–47. (In Russian).

3. Knyazkov A.S. Forensic Science: Lecture Course. Tomsk, TML–Press, 2008. 1128 p. (In Russian).

4. Kanevsky L.L. Forensic Problems of Investigation and Prevention of Juvenile Crimeю Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publ. House, 1991. 288 p. (In Russian).

5. Makarenko I.A. System of Tactical Techniques for Interrogating a Minor Accused Taking into Account Investigative Situations and the Psychological Properties of the Interrogated. *Cand. Dis.* Ufa, 1998. 250 p. (In Russian).

Информация об авторе

Калимуллин Даниль Ильдарович – *кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права*

Information about the Author

Kalimullin Danil Ildarovich – *Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminalistics, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 30.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 19.06.2026 г.; принята к публикации 22.06.2026 г.

The article was submitted 30.05.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья
УДК 343.9
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.22

Кочкина Мария Сергеевна
Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия,
mari.koshkina.98@bk.ru, https://orcid.org/0009-0003-3070-7664

Корытин Даниил Игоревич
ОСО ОУР УМВД России по г. Воронежу, Воронеж, Россия,
korytin1999@mail.ru

КРИМИНОГЕННОЕ ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема преступности несовершеннолетних в социальных сетях и мессенджерах, а также особенности их вовлечения в противоправную деятельность в условиях активного развития цифровой коммуникации. Целью статьи является выявление криминогенных факторов, характерных для социальных сетей и мессенджеров, а также определение основных направлений профилактики преступности и виктимного поведения несовершеннолетних в цифровой среде. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы: анализ научной литературы, формально-юридический метод, сравнительный анализ, обобщение правоприменительной практики и системный подход к изучению мер профилактики. Особое внимание уделяется таким факторам как анонимность, доступность противоправного контента, функционирование закрытых групп, манипулятивное воздействие на подростков, а также использование мессенджеров для вербовки несовершеннолетних в преступную деятельность. В результате исследования установлено, что социальные сети и мессенджеры обладают двойственным характером: с одной стороны, они являются средством социализации и общения подростков, с другой – создают условия для их криминализации и виктимизации. Обоснована необходимость комплексного подхода к предупреждению преступности несовершеннолетних, включающего общесоциальные, специально-криминологические и индивидуальные виктимологические меры. Сделан вывод о том, что эффективная профилактика возможна только при согласованном взаимодействии семьи, образовательных организаций, правоохранительных органов, психологических служб и общественных организаций.

Ключевые слова: несовершеннолетние, социальные сети, мессенджеры, цифровая преступность, киберпреступность, виктимологическая профилактика, профилактика преступности

© Кочкина М.С., 2026
© Корытин Д.И., 2026

Для цитирования: Кочкина М.С., Корытин Д.И. Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних: виктимологический и профилактический аспекты / М.С. Кочкина, Д.И. Корытин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.22 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 287–300.

Original article

Kochkina Maria Sergeevna
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, mari.koshkina.98@bk.ru, https://orcid.org/0009-0003-3070-7664

Korytin Daniil Igorevich
Operational-Investigative Department of the Criminal Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, korytin1999@mail.ru

THE CRIMINOGENIC IMPACT OF SOCIAL NETWORKS ON MINORS: VICTIMOLOGICAL AND PREVENTIVE ASPECTS

Abstract. This article examines the problem of juvenile delinquency in social networks and messengers, as well as the specifics of their involvement in illegal activity in the context of the rapid development of digital communication. The purpose of the article is to identify criminogenic factors inherent to social networks and messengers, as well as to identify key areas for preventing crime and victimization of minors in the digital environment. The methodological framework of our research comprises general-scientific and special-scientific methods: analysis of scholarly literature, the formal legal method, comparative analysis, generalization of law enforcement practice and a systems approach to the study of preventive measures. Particular attention is paid to such factors as anonymity, accessibility of unlawful content, operation of closed groups, manipulative influence on adolescents and the use of messengers to recruit minors into criminal activity. The study concludes that social networks and messengers possess a dual nature: on the one hand, they serve as a means of socialization and communication for adolescents; on the other, they create conditions for their criminalization and victimization. The necessity of a comprehensive approach to the juvenile crime prevention is substantiated, encompassing general and social, specifically criminological, individual victimological measures. It is concluded that effective prevention is possible only through coordinated interaction among families, educational institutions, law enforcement agencies, psychological services and public organizations.

Keywords: juveniles, social networks, messengers, digital crime, cybercrime, victimological prevention, crime prevention

For citation: Kochkina M.S., Korytin D. I. The Criminogenic Impact of Social Networks on Minors: Victimological and Preventive Aspects. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2026, no. 3, pp. 287–300. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.22

Введение. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и активное вовлечение несовершеннолетних в социальные сети и мессенджеры сопровождается устойчивым ростом преступности с их участием в цифровой среде. Подростки, проводя значительную часть времени в виртуальном пространстве, сталкиваются с многочисленными криминальными рисками: кибербуллингом, мошенничеством, распространением запрещённого контента [1, с. 113], вовлечением в деструктивные сообщества и экстремистскую деятельность. Особую тревогу вызывает то, что несовершеннолетние нередко выступают не только жертвами, но и активными участниками противоправных деяний, используя цифровые платформы для совершения преступлений.

В контексте социологии под социальной сетью понимают социальную структуру, состоящую из множества агентов (индивидуальных или коллективных) и определённого на нём множества отношений (совокупности связей между агентами) [2, с. 257]. Популярность в интернете социальные сети начали приобретать в 1995 г. Но официальным началом бума социальных сетей принято считать 2003–2004 гг., когда в США были запущены LinkedIn, MySpace и Facebook*. В русскоязычном же сегменте интернета социальные сети в виде Одноклассников и ВКонтакте стали набирать популярность с 2006 г. (русская версия сайта Facebook появилась только в 2008 г.) [3, с. 82].

Рассмотрим подробнее сущность этого феномена. Социальная сеть в глобальной системе компьютерных сетей представляет собой веб-узел, в котором происходит взаимодействие между людьми, малыми и большими группами, организациями посредством программной составляющей сайта. В сущности, соцсеть представляет среду знакомств людей, где сам человек выступает центральным действующим объектом, от которого идут разветвления – это его «социальные» друзья. Социальная сеть – это онлайн-платформа, объединённая на базе одного сайта, которая ориентирована на знакомство, общение, поиск друзей.

О.Ю. Пескова говорит о том, что социальная сеть – это интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети [4, с. 38]. Иначе говоря, социальные сети выступают особым типом виртуальной коммуникативной среды, специфика которой заключается в снижении значимости пространственно-географических ограничений для осуществления межличностного и группового взаимодействия. В отличие от традиционных форм социального общения, функционирование социальных сетей не зависит от физического местоположения участников: пользователи получа-

*Деятельность компании Meta Platforms Inc. (социальные сети Facebook и Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 г.

ют возможность поддерживать устойчивые социальные связи, обмениваться информацией и взаимодействовать друг с другом, находясь в различных точках мира. Необходимым условием включения в данную коммуникационную среду является наличие доступа к сети Интернет, а также использование соответствующего технического устройства, например, персонального компьютера, смартфона или планшета.

Криминогенное воздействие социальных сетей и мессенджеров на несовершеннолетних. Ввиду удалённого общения социальные сети характеризуются своеобразными условиями коммуникации, которые могут оказывать криминогенное влияние на личность подростка. К числу таких особенностей относятся:

1. Анонимность и возможность сокрытия личности. Под анонимностью в соцсетях понимается совокупность методов, позволяющих пользователю взаимодействовать в виртуальном пространстве, оставаясь неидентифицированным. Для подростков возможность быть «невидимым» или выступать под вымышленным образом крайне привлекательна. Социальные сети и мессенджеры предоставляют широкие возможности для свободного самовыражения и совершения различных действий без страха быть разоблачённым. При этом такими действиями могут быть не только нейтральные оценки или комментарии, но и противоправные деяния: оскорбления, травля (кибербуллинг), распространение клеветы, домогательства, склонение к противоправным действиям.

Чувство безнаказанности, возникающее из-за сложности идентификации, является мощным криминогенным фактором, привлекающим подростков. Современные тренды в интернет-пространстве связаны с ростом популярности платформ и сервисов, обеспечивающих повышенную анонимность, например, закрытые Telegram-каналы с возможностью комментирования без привязки к аккаунту, чат-боты для связи с кураторами деструктивных сообществ, а также создание «фейковых» страниц в традиционных соцсетях («ВКонтакте», «Одноклассники» и др.).

2. Свобода выбора контактов и формирование замкнутых групп. Различные социальные сетевые платформы предоставляют пользователям инструменты конструирования и регулирования персональной коммуникативной среды, включая функции формирования списка контактов, выделения приоритетных или «значимых» пользователей, а также ограничения взаимодействия с нежелательными субъектами посредством блокировки. С одной стороны, данные механизмы способствуют созданию для подростка психологически комфортного пространства общения и позволяют ему самостоятельно управлять интенсивностью социальных контактов. С другой стороны, подобные возможности могут усиливать процессы социальной сегрегации и способствовать формированию закрытых онлайн-сообществ, объединённых по интересам, в том числе потенциально деструктивной направленности.

В условиях ограниченного внешнего контроля, включая родительский и институциональный надзор, такие сообщества могут становиться средой распространения девиантных и противоправных установок. В них возможно куль-

тивирование антисоциальных ценностей, распространение запрещённого контента, а также вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность. К числу подобных рисков относятся онлайн-группы, пропагандирующие суицидальное поведение, идеологию массового насилия в образовательных организациях, включая так называемый «скулшутинг», а также сообщества, связанные с вовлечением подростков в незаконный оборот наркотических средств.

3. Доступность противоправного контента и деструктивных идеологий. Алгоритмы рекомендаций социальных сетей, анализируя запросы и поведение пользователя, могут бесконтрольно подталкивать подростков к группам и сообществам, содержащим сцены насилия, пропаганду терроризма, экстремизма, суицидального поведения, информацию о способах изготовления наркотиков и оружия. Лёгкость доступа к такому контенту в сочетании с неспособностью подростка критически его оценивать формирует искажённую картину мира и создаёт условия для формирования агрессивных убеждений и преступных установок.

4. Размытие социальных границ и уязвимость перед манипуляциями. В виртуальном пространстве стираются привычные для реального мира возрастные, статусные и иерархические барьеры. Это создаёт у подростка иллюзию равенства и безопасности при общении с незнакомыми людьми, в том числе взрослыми. Данной особенностью активно пользуются злоумышленники: они легко входят в доверие, представляясь сверстниками или авторитетными фигурами, чтобы затем манипулировать подростком. Целями таких контактов могут быть склонение к совершению противоправных действий (от «мелких» краж и мошенничеств до поджогов военкоматов и диверсий), вовлечение в совершение преступлений сексуального характера (например, онлайн-груминг) [5, с. 47].

Рассматривая социальные сети и мессенджеры в качестве площадки для совершения преступлений несовершеннолетними, необходимо особое внимание уделить специфике функционирования закрытых коммуникационных платформ. В отличие от публичных социальных сетей, где контент в той или иной степени подлежит модерации, мессенджеры (прежде всего Telegram) предоставляют качественно иные возможности для организации противоправной деятельности.

Согласно материалам МВД России, мессенджер Telegram в настоящее время является основной платформой для вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Злоумышленниками создаётся целая инфраструктура специализированных инструментов: закрытые каналы с криминальными вакансиями, секретные чаты для обсуждения незаконного «заработка», а также автоматизированные боты-вербовщики, осуществляющие массовые рассылки предложений о «работе». Особую опасность представляют боты-вербовщики – автоматизированные системы, рассылающие предложения о «работе» и приглашения в «чаты знакомств». В таких каналах публикуются вакансии для так называемых «дропов» (лиц, занимающихся переводом и обналичиванием де-

нежных средств), «кладменов» (закладчиков наркотиков), поставщиков «симок» (SIM-карт) и администраторов[1].

С начала проведения специальной военной операции особую тревогу вызывает активизация деятельности украинских спецслужб по вербовке российских подростков для совершения диверсий и террористических актов через мессенджеры. Правоохранительными органами фиксируется устойчивый рост числа инцидентов, связанных с поджогами военкоматов, объектов железнодорожной инфраструктуры, отделений банков и торговых центров по заданиям, поступающим из украинских чат-ботов.

На основании вышесказанного можно выделить основное противоречие: с одной стороны, социальные сети и мессенджеры являются современным специфическим и весьма эффективным средством межличностной коммуникации несовершеннолетних, а с другой стороны, отсутствие готовности подростков к продуктивным коммуникациям в социальных сетях не позволяет им реализовать их конструктивный потенциал, а, напротив, влечёт за собой рост агрессии и создаёт благоприятную почву для противоправной деятельности.

Профилактика преступности несовершеннолетних в социальных сетях и мессенджерах. В этих условиях разработка и реализация эффективных мер противодействия приобретает первостепенное значение для обеспечения безопасности подрастающего поколения.

В правовой литературе под предупреждением преступлений понимается деятельность государства и общества, направленная против возможного (но ещё не задуманного), задуманного (готовящегося), а также происходящего и совершённого преступления [6, с. 3]. Обращаясь к действующему законодательству, можно констатировать, что понятие «противодействие преступности» включает в себя деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по предупреждению преступности (в том числе выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений), борьбе с ней (выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений), а также по минимизации и ликвидации последствий преступных проявлений[2].

Профилактика преступлений классифицируется по характеру и масштабу принимаемых мер на общесоциальные, специально-криминологические и индивидуальные. В рамках настоящего параграфа основное внимание уделено первым двум уровням, поскольку они образуют фундамент системы противодействия киберпреступности в отношении несовершеннолетних.

Общесоциальная профилактика представляет собой совокупность мер, реализуемых в различных сферах жизнедеятельности общества (экономика, образование, культура, политика), которые, не будучи напрямую направлен-

---

[1] МВД: Telegram стал главной площадкой вербовки подростков в преступность [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/obschestvo/25049257 (дата обращения: 16.04.2026).

[2] О противодействии терроризму: Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

ными на борьбу с преступностью, опосредованно влияют на её состояние [7, с. 12]. В контексте предупреждения преступлений против несовершеннолетних в сети Интернет к таким мерам относятся:

1. Информационно-просветительская работа с детьми и подростками.

Одним из ключевых направлений профилактики интернет-угроз является систематическая информационно-разъяснительная работа с несовершеннолетними, ориентированная на формирование у них устойчивых представлений о рисках цифровой среды и способах безопасного поведения в сети Интернет.

Реализация данного направления преимущественно осуществляется образовательными организациями посредством проведения тематических занятий, профилактических бесед, семинаров, тренингов и мастер-классов. Особое значение имеет включение вопросов информационной безопасности в образовательные и воспитательные программы, в том числе в рамках проекта «Разговоры о важном», инициированного Министерством просвещения Российской Федерации.

Представляется, что для повышения эффективности профилактической работы целесообразно привлекать квалифицированных специалистов: педагогов-психологов, экспертов в сфере информационных технологий, а также представителей правоохранительных органов. Такие мероприятия должны проводиться на регулярной основе, например, не реже одного раза в три месяца, с учётом актуальных данных о новых формах интернет-преступности и способах вовлечения несовершеннолетних в противоправную или деструктивную деятельность.

2. Просветительская работа с родителями и педагогическими работниками.

Важным элементом профилактики является повышение уровня цифровой грамотности родителей и педагогов, поскольку именно они выступают основными субъектами контроля, сопровождения и защиты несовершеннолетних в информационном пространстве.

Просветительская деятельность в данном направлении должна включать консультирование взрослых по вопросам безопасного использования детьми сети Интернет, разъяснение необходимости контроля за онлайн-активностью ребёнка, а также недопустимости полной безнадзорности несовершеннолетнего в виртуальной среде. Особое внимание следует уделять ознакомлению родителей с техническими средствами обеспечения безопасности, включая программы и функции «родительского контроля», настройки приватности, ограничения доступа к нежелательному контенту и мониторинг интернет-активности ребёнка.

Кроме того, родители и педагоги должны быть информированы об алгоритме действий при выявлении подозрительной переписки, признаков вовлечения ребенка в деструктивные интернет-сообщества либо иных угроз. Такой алгоритм должен включать сохранение цифровых доказательств, недопущение самостоятельного удаления переписки и незамедлительное обращение в правоохранительные органы.

3. Использование технологических механизмов защиты несовершеннолетних в цифровой среде.

Существенное значение имеет предоставление пользователям эффективных технологических инструментов, направленных на минимизацию рисков в сети Интернет. К таким инструментам относятся средства управления приватностью в социальных сетях, ограничение доступа к персональной информации, возможность блокировки нежелательных контактов, жалобы на противоправный контент и настройка безопасного режима использования интернет-ресурсов.

Перспективным направлением является внедрение дополнительных механизмов возрастной идентификации и аутентификации пользователей при подключении несовершеннолетних к информационно-телекоммуникационным сетям. В качестве возможных средств такой идентификации могут рассматриваться данные документов, СНИЛС, паспортные сведения либо биометрические технологии при условии соблюдения требований законодательства о защите персональных данных.

Также значимым механизмом профилактики является обязательное применение средств фильтрации контента, позволяющих ограничивать доступ несовершеннолетних к материалам, способным причинить вред их психическому, нравственному или физическому развитию.

4. Участие общественных организаций в защите детей от интернет-угроз.

Значительную роль в системе профилактики интернет-угроз выполняют общественные организации и специализированные структуры, деятельность которых направлена на обеспечение безопасности несовершеннолетних в цифровой среде. К числу таких организаций относятся Лига безопасного Интернета, Центр защиты детей от интернет-угроз, КРИБРУМ, Фонд Развития Интернета и другие.

Данные организации реализуют просветительские и профилактические проекты, осуществляют мониторинг информационного пространства, содействуют выявлению и блокировке противоправного контента, а также оказывают психологическую, консультационную и правовую помощь несовершеннолетним и их законным представителям. Их деятельность способствует формированию комплексной системы противодействия интернет-угрозам, основанной на взаимодействии образовательных организаций, семьи, государства, IT-сектора и институтов гражданского общества.

Специально-криминологические меры направлены непосредственно на борьбу с преступностью и реализуются уполномоченными субъектами с использованием специфических методов и средств. К числу таких мер относятся:

1. Профилактическая деятельность правоохранительных органов, включая подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации, в частности подразделения по делам несовершеннолетних, органы Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности, а также прокуратуры. Данная деятельность выражается в разработке и распространении методических рекомендаций по вопросам безопасного использования сети Интернет, проведении информационно-просветительских мероприятий с обучающимися и их родителями, организации семинаров, лекций и профилактических бесед, а также в размещении разъяснительных материалов на

официальных интернет-ресурсах. Кроме того, важным направлением выступает функционирование специализированных каналов обратной связи и горячих линий, предназначенных для оказания помощи несовершеннолетним, пострадавшим от киберпреступлений.

2. Мониторинг интернет-пространства и блокировка вредоносного контента. Уполномоченные государственные органы осуществляют выявление сайтов, страниц в социальных сетях, аккаунтов и иных информационных ресурсов, содержащих сведения, распространение которых запрещено законодательством Российской Федерации. При наличии установленных оснований инициируется включение таких ресурсов в Единый реестр доменных имён, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, что обеспечивает возможность последующего ограничения доступа к ним.

3. Повышение квалификации педагогических и психологических кадров, работающих с несовершеннолетними. Такая подготовка может осуществляться на базе государственных образовательных организаций высшего образования и организаций дополнительного профессионального образования. Специалисты, работающие с детьми и подростками, должны обладать актуальными знаниями о специфике киберугроз, механизмах вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, способах предупреждения виктимного поведения в цифровом пространстве, а также методах раннего выявления признаков психологического воздействия на ребёнка.

4. Разработка подзаконных актов, детализирующих порядок взаимодействия субъектов профилактики. Наличие чётко регламентированных процедур обмена информацией, распределения полномочий и координации действий позволит повысить оперативность реагирования на угрозы, возникающие в цифровой среде, и обеспечить согласованность деятельности государственных и негосударственных институтов.

Кроме того, нам представляется, что перспективным направлением является создание единой федеральной службы доверия, ориентированной на защиту несовершеннолетних от противоправных посягательств в цифровой среде. Такая система может быть построена по аналогии с «Системой-112» и выполнять координационную функцию в отношении федеральных и региональных органов государственной власти, общественных организаций, администраций социальных сетей, образовательных организаций, психологических служб и иных заинтересованных субъектов. Единая горячая линия позволит обеспечить оперативный приём сообщений граждан, их первичную обработку и последующее направление в компетентные органы и организации в зависимости от характера выявленной угрозы.

Так, общесоциальная профилактика преступных посягательств в отношении несовершеннолетних в цифровом пространстве направлена на формирование безопасной информационной среды посредством правового просвещения, технологической защиты, укрепления роли семьи и развития цифровой грамотности. В свою очередь, специально-криминологические меры ориенти-

рованы на непосредственное выявление, пресечение, раскрытие и расследование соответствующих преступлений, а также на координацию деятельности уполномоченных субъектов. Эффективное противодействие киберпреступности, затрагивающей несовершеннолетних, возможно лишь при условии комплексного сочетания указанных подходов, устойчивого межведомственного взаимодействия и системного использования современных организационных, правовых и технологических механизмов.

Несовершеннолетние относятся к наиболее уязвимой категории пользователей, поскольку их когнитивные способности, мировоззрение и навыки критического мышления находятся в процессе формирования. В этих условиях особую значимость приобретает виктимологическая профилактика, направленная на снижение риска стать жертвой противоправных посягательств в цифровом пространстве.

В научной литературе виктимность определяется как совокупность свойств личности, обусловливающих возможность становления жертвой социально опасных ситуаций и приводящих к нарушениям психического и физического здоровья. Д.В. Ривман и В.С. Устинов рассматривают виктимность как достаточно устойчивое личностное качество, характеризующее предрасположенность индивида становиться жертвой в тех условиях взаимодействия с окружающими, которые для других личностей оказываются нейтральными [8, с. 46]. О.О. Андронникова связывает виктимизацию личности с дезадаптацией и несоблюдением норм безопасного поведения, когда дезадаптивный стиль реагирования, обусловленный комплексом социальных и психологических условий, становится основой для формирования свойств, способствующих виктимизации [9, с. 18].

Подростки, вовлечённые в цифровую коммуникацию, постоянно находятся в токсичной интернет-среде, становясь жертвами администраторов деструктивных групп, манипуляторов, навязывающих асоциальное и преступное поведение. В силу несформированной психики у подростков присутствуют черты фатализма, повышенная доверчивость, отсутствие чувства опасности, они податливы внушению и некритичны к получаемой информации. Именно поэтому знание психологических особенностей несовершеннолетних должно способствовать правильному решению задач профилактики виктимного поведения.

Целью индивидуальной виктимологической профилактики выступает психологическая профилактика виктимного поведения несовершеннолетних. Эффективность профилактической деятельности зависит от комплексного подхода всех субъектов профилактики: образовательных организаций, общественных объединений, медицинских учреждений, социальных служб и правоохранительных органов.

Профилактическая и предупредительная деятельность во многом определяется тем, насколько всесторонне и глубоко изучена личность несовершеннолетнего. Многих ошибок можно было бы избежать, если бы практические органы в центр внимания ставили личность, а не только условия её жизни или иные внешние влияния. Для определения адекватных профилактических мер в

отношении подростка с виктимным поведением необходимо, во-первых, установить, какие именно личностные особенности послужили основой виктимизации, во-вторых, выявить характер психологического воздействия, которому он подвергался, чтобы предупредить дальнейшее виктимное поведение.

Индивидуальная виктимологическая профилактика преступности несовершеннолетних в социальных сетях и мессенджерах должна реализовываться по следующим направлениям:

1. Первичная профилактика должна быть направлена на всю совокупность несовершеннолетних пользователей цифровой среды независимо от наличия у них признаков рискованного поведения или опыта столкновения с онлайн-угрозами. Её ключевая задача заключается не только в информировании детей и подростков о потенциальных опасностях интернета, но и в системном формировании у них устойчивых навыков безопасного, ответственного и критически осознанного поведения в цифровом пространстве.

Содержание первичной профилактики должно включать развитие у несовершеннолетних следующих компетенций: умение защищать персональные данные, распознавать признаки кибербуллинга, онлайн-груминга, мошенничества и деструктивного контента; способность критически оценивать достоверность информации; понимание норм этичного общения в сети; знание алгоритмов обращения за помощью при возникновении угрозы; формирование саморегуляции при использовании цифровых устройств и онлайн-сервисов. Особое значение имеет развитие у детей и подростков установки на осознанное использование цифровых технологий, при котором интернет воспринимается не только как пространство развлечения и коммуникации, но и как среда, требующая соблюдения социальных, правовых и психологических норм.

2. Вторичная профилактика должна быть направлена на несовершеннолетних, уже столкнувшихся с рисками виктимизации. Психологи рекомендуют при обнаружении у ребёнка подозрительной переписки или участия в деструктивных группах провести совместный анализ странички, обращая внимание на следующие маркеры: статусы, содержащие даты, обратный отсчёт, символы смерти, оккультную символику; аудиозаписи и видеозаписи с суицидальным контентом; друзей и подписчиков с аватарами, содержащими странные образы и символы. Полезным инструментом выступает сервис родительского контроля, позволяющий получать уведомления о вступлении ребёнка в опасные группы.

3. Третичная профилактика ориентирована на несовершеннолетних, уже подвергшихся противоправным посягательствам, и направлена на минимизацию последствий травматического опыта, психологическую реабилитацию, а также восстановление и закрепление навыков безопасного поведения. Значимым ресурсом в данной работе выступают службы экстренной психологической и информационной поддержки, включая Детский телефон доверия, а также специализированные интернет-ресурсы, ориентированные на повышение цифровой грамотности и защиту несовершеннолетних в информационной сре-

де: «Дети онлайн», «Персональные данные.дети», «Сетевичок.рф», Лига безопасного Интернета.

Важным направлением индивидуальной профилактики является работа с родителями несовершеннолетних, поскольку бесконтрольное использование несовершеннолетним сети Интернет повышает риск его виктимизации. Родителям необходимо осуществлять разумный мониторинг активности ребёнка в социальных сетях, включая анализ публикуемого контента, круга общения и подписок. Деструктивные модели семейного воспитания – гиперопека, гипопротекция, игнорирование вопросов цифровой безопасности и терпимость к рискованному поведению – способствуют формированию виктимных черт личности и могут повышать вероятность вовлечения подростка в противоправную деятельность.

Следовательно, индивидуальная виктимологическая профилактика преступности несовершеннолетних в социальных сетях и мессенджерах представляет собой систему мер, направленных на развитие навыков безопасного поведения в цифровой среде с учётом возрастных и психологических особенностей подростков. Её эффективность определяется взаимодействием семьи, образовательных организаций, психологических служб и правоохранительных органов, а также своевременным выявлением и коррекцией факторов, повышающих риск виктимизации.

Заключение. Таким образом, социальные сети и мессенджеры выступают значимым фактором трансформации преступности несовершеннолетних, поскольку одновременно расширяют возможности коммуникации и создают условия для виктимизации, девиантного поведения и вовлечения подростков в противоправную деятельность. Криминогенный потенциал цифровой среды обусловлен анонимностью пользователей, доступностью деструктивного контента, алгоритмическим продвижением рискованных материалов, а также возможностью формирования закрытых онлайн-сообществ с ослабленным внешним контролем. Особую опасность представляет использование мессенджеров как инструментов вербовки несовершеннолетних, организации незаконного «заработка», распространения экстремистских и иных противоправных установок. Эффективное предупреждение подобных угроз требует комплексного сочетания общесоциальных, специально-криминологических и индивидуально-виктимологических мер профилактики. Существенное значение имеют правовое и цифровое просвещение подростков, повышение компетентности родителей и педагогов, внедрение технологических механизмов защиты, а также межведомственное взаимодействие государственных органов, образовательных организаций, общественных структур и IT-сектора. Индивидуальная профилактика должна учитывать возрастные, психологические и социальные особенности несовершеннолетних, поскольку именно они определяют степень их уязвимости перед манипулятивным воздействием в сети. Следовательно, обеспечение безопасности несовершеннолетних в цифровом пространстве возможно лишь при системном подходе, ориентированном не только на пре-

сечение преступных проявлений, но и на формирование устойчивой культуры ответственного и безопасного поведения в информационной среде.

Список источников

1. Кочкина М.С. Криминологический взгляд на проблему экспансии детской порнографии в современной России / М.С. Кочкина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – Т. 15, № 3 (57). – С. 113–119. – DOI 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-12.

2. Мельникова М.С. Яковлев И.П. Понятие «Социальная сеть» в социологических теориях и интернет-практиках / М.С. Мельникова, И.П. Яковлев // Вестник СПбГУ. – 2014. – № 1. – С. 254–257.

3. Мишакова Г.А. Вовлечённость детей младшего школьного возраста в социальные сети / Г.А. Мишакова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». – 2017. – № 2 (22). – С. 80–91.

4. Пескова О.Ю. Социальные медиа как платформа для технологий PR 2.0 / О.Ю. Пескова. – М., 2011. – 215 с.

5. Войскунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета / А.Е. Войскунский // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войскунского. – М.: Можайск-Терра, 2000. – С. 100–131.

6. Герасимов С. Предупреждение преступности: теория, опыт, проблемы / С. Герасимов // Законность. – 2002. – № 2. – С. 2–7.

7. Симонова С.С. Теория и практика профилактики преступлений: учебное пособие / С.С. Симонова. – Волгоград: Изд-во ВИУ– филиала РАНХиГС, 2022. – 76 с.

8. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология / Д.В. Ривман, В.С. Устинов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. – 332 с.

9. Андронникова О.О. Генезис виктимности личности: дис. … д-ра психол. наук: 19.00.13 / О.О. Андронникова. – Новосибирск, 2021. – 616 с.

References

1. Kochkina M. S. Criminological View of the Problem of Expansion of Child Pornography in Modern Russia. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, vol. 15, no. 3 (57), pp. 113–119. DOI 10.37973 / VESTNIKKUI-2024-57-12. (In Russian).

2. Melnikova M.S., Yakovlev I.P. The Term “Network” in Sociological Theories and Internet Practices. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 2014, no. 1, pp. 254–257. (In Russian).

3. Mishakova G. A. Involvement of Primary School Children in Social Networks. *The Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology*, 2017, no. 2 (22), pp. 80–91. (In Russian).

4. Peskova O. Yu. Social Media as a Platform for PR 2.0 Technologies. Moscow, 2011. 215 p. (In Russian).

5. Voiskunsky A.E. The Phenomenon of Internet Addiction. Moscow, Mozhaisk–Terra, 2000, pp. 100–131. (In Russian).

6. Gerasimov S. Crime Prevention: Theory, Experience, Problems. *Zakonnost',* 2002, no. 2, pp. 2–7. (In Russian).

7. Simonova S. S. Theory and Practice of Crime Prevention: A Textbook. Volgograd, Publ. House of the VIM, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022. 76 p. (In Russian).

8. Rivman D. V., Ustinov V. S. Victimology. St. Petersburg, Legal Center Press, 2000. 332 p. (In Russian).

9. Andronnikova O. O. Genesis of Personality Victimization. *Doc. Dis.* Novosibirsk, 2021. 616 p. (In Russian).

Информация об авторах

Кочкина Мария Сергеевна *– преподаватель кафедры уголовного права и криминологии*

Корытин Даниил Игоревич *– старший оперуполномоченный*

Information about the Authors

Kochkina Maria Sergeevna – *Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology;*

Korytin Daniil Igorevich *– Senior Investigator*

Статья поступила в редакцию 19.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 08.07.2026 г.; принята к публикации 09.07.2026 г.

The article was submitted 19.06.2026; approved after reviewing 08.07.2026; accepted for publication 09.07.2026.

Научная статья
УДК 343.982.4
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.23

Купин Алексей Федорович
Главное управление криминалистики (Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия,
alexcrim@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0004-2756-521X

ПСЕВДОРУКОПИСНЫЕ РЕКВИЗИТЫ ДОКУМЕНТОВ КАК ОБЪЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы и особенности криминалистического исследования документов, реквизиты которых воспроизведены с имитацией рукописного способа выполнения. На основе проведённого анализа специальной литературы, а также изучения экспертной практики в области технико-криминалистического, почерковедческого и ряда иных видов исследований документов определены актуальные вопросы теоретического и прикладного значения, связанные с выяснением обстоятельств нанесения реквизитов документов с помощью различных технических средств и приёмов, имитирующих рукописный способ выполнения. По результатам проведённых исследований предложено понятие псевдорукописного реквизита, разработана классификация псевдорукописных реквизитов в зависимости от функциональных возможностей, используемых для их нанесения технических средств, а также определены факторы, принятие во внимание которых способствует успешному решению задачи, направленной на установление обстоятельств нанесения реквизитов документов с помощью технических средств и приёмов с подражанием рукописному способу исполнения.

Ключевые слова: псевдорукописный реквизит, программно-аппаратные средства, документ, рукопись, плоттер, искусственный интеллект

Для цитирования: Купин А.Ф. Псевдорукописные реквизиты документов как объекты криминалистических исследований / А.Ф. Купин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.23 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 301–312.

© Купин А.Ф., 2026

Original article

Kupin Alexey Fedorovich
Main Directorate of Forensic Science (Forensic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, alexcrim@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0004-2756-521X

PSEUDO-HANDWRITTEN DOCUMENT DETAILS AS OBJECTS OF FORENSIC RESEARCH

Abstract. The article discusses current issues and features of forensic examination of documents whose details are reproduced in a pseudo-handwritten manner. Based on analysis of special literature and expert practice in the fields of technical and forensic examination, handwriting analysis and other types of document examination, the article identifies relevant theoretical and practical issues related to the investigation of documents that have been modified using various technical means and techniques that imitate handwriting. Based on the results of our research, the concept of pseudo-handwritten details is proposed, a classification of pseudo-handwritten details is developed, depending on the functionality of the technical means used for their application and factors are identified that should be taken into account in order to successfully solve the problem of establishing the circumstances of applying document details using technical means and methods that imitate handwriting.

Keywords: pseudo-handwritten detail, software and hardware means, document, manuscript, plotter, artificial intelligence

For citation: Kupin A.F. Pseudo-Handwritten Document Details as Objects of Forensic Research. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2026, no. 3, pp. 301–312. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.23

Введение. В специальной литературе последних лет достаточно серьёзно изучаются вопросы исследования реквизитов (записей и подписей), выполненных с помощью разнообразных устройств для автоматического вычерчивания с большой точностью рисунков, схем, сложных чертежей, карт и другой графической информации на бумаге или ином материале. В частности, вопросы распознавания рукописей, выполненных с использованием компьютерных технологий, нашли отражение в публикациях П.В. Бондаренко [1, с. 67–72], Н.Ф. Бодрова [2, с. 368–379], В.Н. Пронина и П.Г. Лесниковой [3, с. 162–165], а также в диссертации Н.А. Рыбалкина [4]. Значительный вклад в систематизацию сведений о средствах воспроизведения почерковых объектов посредством их имитации внесли работы Д.А. Шлыкова, АА. Плинатуса и А.Ф. Соколова [5, с. 254–258; 6]. Однако как показывает анализ указанных источников, сведе-

ния о программно-аппаратных средствах носят разрозненный характер, а разработанное методическое обеспечение не в полной мере соответствует современному уровню техники, применяемой при имитации рукописных реквизитов рассматриваемым способом. Учитывая, что количество таких устройств и их технические возможности неуклонно возрастают, производство судебных почерковедческих экспертиз по копиям документов разрешено [7; 8, с. 157–165], а также то обстоятельство, что цифровые технологии позволяют значительно упростить процесс создания текста или подписи, имитирующего рукописный, и затруднить его выявление [9, с. 46; 10, с. 70–73], видится необходимым рассмотреть возможности современного состояния криминалистического исследования документов, реквизиты которых выполнены с помощью специальных технических средств и инструментов, имитирующих рукописный способ выполнения.

Возможности криминалистического исследования псевдорукописных реквизитов. Понятие «псевдорукописный» является собирательным. Рукописный, согласно толковому словарю русского языка, – написанный от руки, в отличие от печатного [11, с. 121]. Что касается приставки «псевдо», то она происходит от греческого «pseudos» и имеет значение «ложный», «неподлинный» [12, с. 263]. Таким образом, «псевдорукописный» – ложный или неоригинальный рукописный шрифт. В криминалистическом смысле под псевдорукописными реквизитами следует понимать шрифтовые или программно созданные графические решения, имитирующие индивидуальные особенности письма. По сути, это письмо не как процесс, а как его визуальная имитация.

По своим функциональным возможностям программные продукты, с помощью которых создаются псевдорукописные реквизиты, можно классифицировать на несколько групп. Каждая из групп характеризуется комплексом общих и частных признаков, позволяющих устанавливать факт выполнения реквизита с имитацией рукописного определённым способом.

К первой группе относятся компьютерные программы, позволяющие использовать готовые коллекции шаблонов шрифтов без возможности их существенных вариации и изменения при создании реквизитов. Данные шаблоны входят в состав этих программных продуктов. Готовые коллекции шрифтов размещаются на различных ресурсах сети Интернет. Так, например, на сайте oFont.ru в разделе «Рукописные русские шрифты» представлены более 150 вариантов, доступных для скачивания в формате «.ttf»[1]. Также для создания псевдорукописных реквизитов может применяться компьютерная программа HandtextAI, представляющая собой онлайн-инструмент на базе искусственного интеллекта для преобразования цифрового текста в реалистичные рукописные варианты[2], и инструмент Tamali.net, который представляет собой онлайн-сервис преобразования печатного текста в изображение псевдорукописного

[1] Рукописные русские шрифты [Электронный ресурс] // oFont: сайт. URL: https://ofont.ru/category/1 (дата обращения: 20.03.2025).

[2] HandtextAI: Text to Handwriting Converter [Электронный ресурс] // HandtextAI: сайт. URL: https://handtextai.com (дата обращения: 03.04.2026).

текста с возможностью выбора стилей шрифтов и бумажных фонов[3]. Признаками, указывающими на нерукописное выполнение с помощью описанных инструментов, являются: механическая стабильность линии письма, равномерный нажим и отсутствие естественных и плавных соединений между буквами, из-за чего текст воспринимается как набор рядом расположенных, но не связанных между собой элементов.

Вторую группу псевдорукописных реквизитов образуют реквизиты, создаваемые с помощью шаблонов на основе специализированного программного обеспечения, позволяющего использовать ранее созданные либо сгенерированные с помощью ресурсов сети Интернет по заданным параметрам рукописные реквизиты, с возможностями внесения определённых изменений в эти реквизиты. При этом отсутствует возможность создания реквизитов на основе образцов почерка определённого исполнителя с соблюдением вариативности. В частности, создание псевдорукописного шрифта подобным образом возможно с помощью программного обеспечения «Синяк». На первоначальном этапе распечатывается шаблон псевдорукописного шрифта, размещённый внутри программы «Синяк». Шаблон содержит ограниченное количество окон для символов (не более одного для каждого знака), что, фактически, ограничивает количество вариантов знаков, которые будут употребляться при составлении текста. В этот шаблон вносятся необходимые символы. Далее происходит сканирование заполненного шаблона с занесением имеющихся в нем символов в базу программного обеспечения «Синяк» с одновременной обработкой вносимых изображений каждого из символов[4]. В процессе такой обработки можно изменять места расположения точек соединения с предыдущими и последующими символами, тем самым устраняя в определённой мере эффект их некорректного соединения. Непосредственно в готовый текст, составленный с помощью псевдорукописного шрифта в программе «Синяк», с использованием встроенных модификаторов можно вносить изменения, направленные на предание ему внешнего сходства с рукописным, а именно: проводить замену расстояний между словами и строками, буквами, осуществлять съезд слов к концу строки, изменять уровень затемнения изображения, используемого для генерации его контура, добавлять изменения с помощью «эффекта рассеянности», «эффекта небрежности», позволяющих повысить визуальное восприятие текста как рукописного. Схожими функциональными возможностями обладает программа «Scribbler», а также онлайн-инструменты FontPainter и Pisaka[5]. Особенность создания текстов с помощью указанных ресурсов заключается в

---

[3] Tamali: Text to Handwriting Converter [Электронный ресурс] // Tamali: сайт. URL: https://tamali.net/instrument/text/rukopisnyiy-tekst (дата обращения: 03.04.2026).

[4] Синяк [Электронный ресурс] // Dimlight Studio: сайт. URL: https://dimlight.ru/projects/programs/sinyak.html (дата обращения: 22.05.2025).

[5] FontPainter: Online Font Creation for Free [Электронный ресурс] // FontPainter: сайт. URL: https://fontpainter.com/en (дата обращения: 03.04.2026); Pisaka: Бесплатный генератор конспектов [Электронный ресурс] // Pisaka: сайт. URL: https://pisaka.online (дата обращения: 03.04.2026).

том, что для каждого символа создаётся ровно один вариант, который затем автоматически воспроизводится во всём тексте. Строка рукописного текста, выполненного с помощью такого ресурса, будет идеально ровной без естественных подъёмов и падений, связанных с движением руки. Штрихи имеют равномерную интенсивность окраски.

Третью группу псевдорукописных реквизитов образуют реквизиты, создаваемые с помощью шаблонов, подготавливаемых с применением специализированного программного обеспечения, позволяющего формировать новые реквизиты по представленному шаблону подписи (рукописного текста) определённого исполнителя с помощью программных решений, в том числе основанных на применении обучающихся нейросетевых моделей, с соблюдением вариативности почерка. Примером такого программного обеспечения является «HighLogic Fontcreator». Для создания текста определённого содержания необходимо внести в электронный шаблон программы «HighLogic Fontcreator» отсканированные изображения рукописных символов, полученных, в том числе, путём применения (вырезания) букв из имеющихся образцов почерка определённого человека, и затем отсканировать знаки шаблона, обработать их изображения с помощью графического редактора и загрузить в программу «HighLogic Fontcreator» с кодировкой по каждому символу точек начала и конца, верхней и нижней точек знака и последующим помещением закодированных символов в специальные ячейки, соответствующие раскладке на клавиатуре. После того, как все символы будут добавлены, шрифт сохраняется. Тексту, полученному с помощью псевдорукописного шрифта с помощью программного обеспечения «HighLogic Fontcreator», присущи следующие признаки, обусловленные технологическими особенностями его создания: несвязность букв, неодинаковая толщина букв, ограниченная вариативность в написании букв (используется вариант буквы, загруженный в программу), неровные края букв, наличие тупых окончаний в написании отдельных букв [13, с. 93–102]. В настоящее время создание псевдорукописного шрифта на основе почерка определённого исполнителя возможно с помощью искусственного интеллекта. Говоря о возможностях использования технологий искусственного интеллекта для создания рукописей с помощью псевдорукописных шрифтов, необходимо разграничивать его использование для создания а) рукописных записей и б) подписей. Применение шаблонов псевдорукописных шрифтов при создании рукописных записей, по большей части, охватывает существующий алфавит, их использование для воспроизведения подписей, которые, как правило, включают в себя безбуквенные элементы и штрихи, затруднительно. Описанные нами выше технические возможности по созданию псевдорукописных реквизитов, в первую очередь, ориентированы на создание буквенно-цифровых текстов из готовых шаблонов. Тем не менее, современный уровень технического обеспечения позволяет без труда создавать безбуквенные элементы различной конфигурации, а следовательно, выполнять псевдорукописным способом подписи наряду с буквенно-цифровыми записями. На онлайн-ресурсах генерация подписи осу-

ществляется с вводом слова, которое составляет основу генерируемой подписи, а также установленными показателями следующих критериев: разборчивость подписи, скорость написания, ширина штриха и общий стиль. Необходимо учитывать, что, как и псевдорукописный шрифт из готовых библиотек, такая подпись не копирует и не подражает подписи конкретного лица. Именно поэтому в случае, если необходимо скопировать существующую подпись с соблюдением её избирательной изменчивости, вариативности и определённых обстановочных факторов, целесообразно применять обученную нейросеть, которая воспринимает на вход образцы подписи определённого лица, а затем воссоздаёт на основе этих эталонов подпись, которая не является копией существующей подписи, а является динамической моделью-имитацией письма с учётом форм, наклонов, давления, вариаций подписи. С точки зрения технической реализации, любая подпись представляет собой больше рисунок, чем совокупность объединённых букв, что более реализуемо для специально обученной нейросети. В свою очередь, для эффективной генерации рукописного текста нужен, как минимум, большой объём образцов: отдельные буквы и возможные сочетания объединения этих букв, а также ситуации, когда лицом не осуществляется объединение букв внутри одного слова, причём каждый такой образец должен быть представлен в десятках вариаций, что затрудняет использование метода обучения и генерации при создании псевдорукописного шрифта.

Четвёртую группу псевдорукописных реквизитов образуют реквизиты, создаваемые с помощью шаблонов, формируемых с применением специальных технических средств и устройств, позволяющих создавать точные копии рукописных реквизитов по заданному эталону подписи или рукописного текста от имени конкретного исполнителя. По способу выполнения указанная группа несколько отличается от трёх предыдущих, поскольку при выполнении рукописи, в данном случае, может использоваться пишущий прибор – шариковая или перьевая ручка, карандаш и т. д., которая фиксируется в специальном устройстве – плоттере. Раскрывая особенности криминалистического исследования реквизитов документов, выполненных с помощью плоттеров как одной из разновидностей устройств, применяемых для создания псевдорукописных реквизитов, считаем необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, важной причиной методических затруднений, связанных с изучением реквизитов, выполненных с их помощью, является терминологическая неопределённость: использование термина «плоттер» как обобщающего наименования для всех устройств, имитирующих рукопись. На наш взгляд, такое обобщение является неверным, поскольку к плоттерам некорректно относить специализированные подписывающие машины, станки с ЧПУ и адаптированные роботизированные комплексы, которые отдельные авторы относят к таким устройствам [14, с. 83–84; 15, с. 5–7]. В частности, при создании рукописных реквизитов могут использоваться и иные инструменты и технические средства, например, механическое устройство RoboticArm, которое обладает спо-

собностью воспроизводить с имитацией рукописные записи[6]. Среди признаков, указывающих на выполнение записи с помощью RoboticArm, можно выделить извилистую форму линии письма и отдельных штрихов, помарки. Минимальный размер шрифта, который может воспроизводить робо-рука составляет 7–10 мм [16, 65–66]. Признаки, проявляющиеся в изображениях рукописей, выполненных с помощью этих и других устройств, отличаются, что обусловлено конструктивными особенностями данных устройств. В этой связи, по нашему мнению, видится необходимым разработать классификацию устройств, с помощью которых возможно выполнять имитацию рукописных реквизитов по определённым основаниям и уже затем изучать признаки, которые характеризуют конкретный способ имитации рукописи для выделенных групп. Представляется целесообразным выделять следующие классификационные основания:

– способ управления (аналоговое или цифровое программное),

– функциональное предназначение (универсальные графопостроители, специализированные подписывающие устройства, многоцелевые роботизированные комплексы),

– особенности воспроизведения нажима (устройства без дифференциации нажима; с возможностью варьирования нажима и скорости; имитирующие сложные динамические характеристики письма),

– тип пишущего узла (стандартные пишущие приборы или специализированные встроенные модели – конструкции пишущих приборов).

Данная классификационная система позволяет эксперту изучать признаки штрихов выполняемых рукописных реквизитов с учётом определённых технических ограничений и конструктивных особенностей устройств имитации рукописных реквизитов.

Во-вторых, анализ существующих диагностических признаков, проявляющихся в рукописях, выполненных с помощью плоттера, показывает, что большинство из них носит факультативный характер. Упрощение конфигурации элементов, ступенчатость штрихов или недифференцированный нажим могут быть обусловлены как особенностями устройства, так и индивидуальными характеристиками письменно-двигательного навыка или условиями фиксации документа [17, с. 504–506; 18, с. 60–71]. Для достоверного установления факта машинного воспроизведения необходим комплексный подход, включающий следующие группы признаков: а) трасологических признаков, отображающихся при взаимодействии определённых устройств в процессе изготовления рукописи и (или) её реквизита; б) признаков определённого материала письма (микроструктуры штрихов, распределение красящего вещества в штрихах); в) признаков программного управления (дискретность траектории, наличие стыковки векторных функций); г) признаков почерка, выявляемых в ходе сравнительного исследования исследуемой рукописи и образцов почерка, выполненными предполагаемым исполнителем с использованием аналогичного пишущего

[6] DobotMagicain [Электронный ресурс] // DOBOT: сайт. URL: https://dobot.ru/series_magician/model_edu (дата обращения: 20.05.2022).

прибора; д) признаков, характеризующих свойства и метаданные файлов, содержащих криминалистически значимую информацию.

В-третьих, при назначении судебных экспертиз в отношении реквизитов, предположительно выполненных с использованием плоттеров, следует обратить внимание и на другие важные обстоятельства, не имеющие прямого отношения к работе устройств, имитирующих факт рукописного выполнения реквизитов документов, но, тем не менее, облегчающих применение плоттеров злоумышленниками в целях подделки. К этим обстоятельствам необходимо отнести следующие: недостаточную защиту отдельных видов официальных документов от технического воспроизведения, несоблюдение правил документооборота, что облегчает доступ к образцам подписей отдельных лиц, а также отсутствие контроля со стороны правоохранительных органов за оборотом устройств, способных имитировать рукописные реквизиты.

Перечисленные обстоятельства формируют устойчивый запрос на разработку новых теоретических и практических решений криминалистического исследования рукописных реквизитов документов, выполненных с помощью технических средств – плоттеров. В связи с изложенным, учитывая особенности создания псевдорукописных реквизитов, а также признаки, которые их характеризуют, полагаем возможным выделить понятие «псевдорукописный реквизит» документа. Псевдорукописный реквизит документа определяется как совокупность буквенно-цифровых и (или) безбуквенных графических элементов, воспроизводящих внешние признаки рукописных записей или подписей и выполненных с применением технических средств в целях создания имитации рукописного исполнения.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на большое разнообразие программных и технических средств, позволяющих имитировать рукописный способ нанесения отдельных реквизитов документов, в настоящее время имеются возможности определения таких фактов. Нами обозначены и продемонстрированы признаки, проявление которых связано как с техническими навыками работы подделывателя (уровнем владения пользователем конкретным программным средством), так и особенностями применения приведённых программных продуктов и технических средств в процессе создания реквизитов документов с подражанием рукописным шрифтам. Успешность решения задачи по установлению факта выполнения записи с помощью псевдорукописного шрифта, в том числе сгенерированного, зависит как от количества сравнительного материала, представленного в распоряжение эксперта, и объёма исследуемой записи, являющейся реквизитом документа, так и профессиональных навыков эксперта, привлекаемого к решению поставленной задачи.

Список источников

1. Бондаренко П.В. Диагностика подделки подписей, выполненных с помощью компьютерных технологий / П.В. Бондаренко // Информационная безопасность регионов. – 2009. – № 1. – С. 67–72.

2. Бодров Н.Ф. Современные возможности распознавания технического воспроизведения подписи / Н.Ф. Бодров // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 2. – С. 368–379.

3. Пронин В.Н., Лесникова П.Г. Исследование подписи с целью установления факта её выполнения с помощью технического средства – плоттера (случай из экспертной практики) / В.Н. Пронин, П.Г. Лесникова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 162–165.

4. Рыбалкин Н.А. Экспертиза почерковых объектов, выполненных с использованием технических устройств: теоретические и практические аспекты: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. / Н.А. Рыбалкин. – Тула, 2023. – 224 с.

5. Плинатус А.А., Соколов А.Ф., Шлыков Д.А. К вопросу о разграничении предметов почерковедческой и технической экспертизы документов при установлении фактов имитации почерковых объектов / А.А. Плинатус, А.Ф. Соколов, Д.А. Шлыков // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: Материалы VIII международной науч.-практич. конференции, Москва, 28–29 января 2021 г. – М.: РГ-Пресс, 2021. – С. 254–258.

6. Шлыков Д.А. Установление фактов нерукописного воспроизведения почерковых объектов: современное состояние и перспективы развития / Д.А. Шлыков [Электронный ресурс] // Энциклопедия судебной экспертизы: сайт. – 2016. – № 4. URL: https://proexpertizu.ru/theory_and_practice/pocherk/926/ (дата обращения: 30.03.2026).

7. Карпухин А.В., Плинатус А.А., Сафонов А.А., Болдырева Е.А. Исследование изображений почерковых объектов в документах, выполненных при помощи копировально-множительной техники: метод. рекоменд. / А.В. Карпухин, А.А. Плинатус, А.А. Сафонов, Е.А. Болдырева. – М.: ЭКЦ МВД России, 2021. – 40 с.

8. Ефремова М.В., Орлова В.Ф., Старосельская-Никитина А.Д. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям: информационное письмо / М.В. Ефремова, В.Ф. Орлова, А.Д. Старосельская-Никитина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2006. – № 1. – С. 157–165.

9. Бобовкин С.М., Бондаренко Р.В., Диденко О.А. Профилактика экспертных ошибок при исследовании изображений рукописей в условиях цифровизации / С.М. Бобовкин, Р.В. Бондаренко, О.А. Диденко // Криминологический журнал. – 2025. – № 4. – С. 43–48.

10. Толкачёва Ф.К., Карпухина Е.С., Сидельникова Л.В. Комплексное исследование подписей, выполненных путём монтажа (случай из экспертной практики) / Ф.К. Толкачёва, Е.С. Карпухина, Л.В. Сидельникова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2012. – № 4 (28). – С. 70–73.

11. Толковый словарь русского языка. В 3-х т. Т. 3. Р–Я / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001. – 672 с.

12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2-х т. Т. II: П–Я / В.И. Даль. – М.: РООССА, 1994. – 623 с.

13. Баринова О.А., Купин А.Ф. Установление факта применения программного средства FONTCREATOR при исследовании электрофотографических копий документов / О.А. Баринова, А.Ф. Купин // Судебная экспертиза. – 2018. – № 3 (55). – С. 93–101.

14. Рыбалкин Н.А. Современные вызовы судебно-почерковедческой экспертизы / Н.А. Рыбалкин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 4. – С. 83–87.

15. Иванов Н.А. Компьютерные технологии подделки рукописных почерка и подписей / Н.А. Иванов // Эксперт-криминалист. – 2011. – № 2. – С. 5–7.

16. Купин А.Ф., Ботвина В.В. Возможности исследования рукописных реквизитов документов, выполненных при помощи специальных программ и технических средств / А.Ф. Купин, В.В. Ботвина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17. – № 4. – С. 59–69.

17. Бодров Н.Ф. Экспертное исследование рукописных реквизитов, выполненных с помощью плоттеров / Н.Ф. Бодров // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: Материалы 3-й международной науч.-практич. конференции, Москва, 25–26 января 2011 г. – М.: Проспект, 2011. – С. 504–507.

18. Шлыков Д.А., Плинатус А.А. Программно-аппаратные средства, применяемые для воспроизведения и имитации почерковых объектов пишущими приборами: конструкция, классификация, технические возможности / Д.А. Шлыков, А.А. Плинатус // Теория и практика судебной экспертизы. – 2025. – № 20 (3). – С. 60–71.

References

1. Bondarenko P.V. Diagnostics of Signature Forgery Using Computer Technologiesю *Information Security of Regions*, 2009, no. 1. pp. 67–72. (In Russian). (In Russian).

2. Bodrov N.F. Contemporary Possibilities of Recognition of Technically Reproduced Signatures. *Actual Problems of Russian Law*, 2011, no. 2. pp. 368–379. (In Russian).

3. Pronin V. N., Lesnikova P.G. Forensic Examination of the Signature in Order to Establish the Fact that They Were Produced by Means of a Plotter (a Case from of Forensic Expert's Practice). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod,* 2015, no. 4. pp. 162–165. (In Russian).

4. Rybalkin N.A. Examination of Handwritten Objects Made Using Technical Devices: Theoretical and Practical Aspects. *Cand. Dis.* Tula, 2023. 224 p. (In Russian).

5. Plinatus A.A., Sokolov A.F., Shlykov D.A. On the Issue of Delineating the Subjects of Handwriting and Technical Examination of Documents when Establishing the Facts of Imitation of Handwriting Objects. *Theory and Practice of Forensic Examination in Modern Conditions. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 28–29, 2021*. Moscow, RG-Press, 2021. pp. 254–258. (In Russian).

6. Shlykov D.A. Establishment of Facts of Non-Hand-written Reproduction of Handwriting Objects: Current State and Development Prospects. *Encyclopedia of Forensic Examination,* 2016, no. 4. Available at: https://proexpertizu.ru/theory_and_practice/pocherk/926/. (In Russian).

7. Karpukhin A.V., Plinatus A.A., Safonov A.A. et al. The study of Images of Handwritten Objects in Documents Made Using Copying and Multiplying Technology. Moscow, ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 40 p. (In Russian).

8. Efremova M.V., Orlova V.F., Staroselskaya A.D. Production of Forensic Handwriting Examination on Electrophotographic Copies. Information Letter. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2006, no. 1 (1), pp. 157–165. (In Russian).

9. Bobovkin S. M. Prevention of Expert Errors When Examining Images of Manuscripts in the Context of Digitalization. *Criminological Journal*, 2025, no. 4, pp. 43–48. (In Russian).

10. Tolkacheva F.K., Karpukhina E.S., Sidelnikova L.V. Comprehensive Analysis of Signatures Created via Compositing (A Case from Forensic Expert Practice). *Theory and Practice of Forensic Science*, 2012, no. 4 (28), pp. 70–73. (In Russian).

11. Ushakov D.N. (ed.). Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow, Veche, Mir Knigi, 2001. 672p. (In Russian).

12. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Moscow, ROOSSA, 1994. 623 p. (In Russian).

13. Barinova O.A., Kupin A.F. Establishing the Fact of Using the FONTCREATOR Software in the Examination of Electrophotographic Copies of Documents. *Forensic Examination,* 2018, no. 3 (55), pp. 93–102. (In Russian).

14. Rybalkin N.A. Modern Challenges of Forensic Handwriting Expertise. *Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2021. no. 4, pp. 83–86. (In Russian).

15. Ivanov N. A. Computer Technologies for Forging Handwritten Handwriting and Signatures. *Expert–Criminalist*, 2011, no. 2, pp. 5–7. (In Russian).

16. Kupin A.F., Botvina V.V. ossibilities of Studying Handwritten Document Requisites Made Using Special Programs and Technical Means. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2022, no. 17 (4), pp. 59–69. (In Russian).

17. Bodrov N.F. Expert Examination of Handwritten Details Created Using Plotters. *Theory and Practice of Forensic Expertise in Modern Conditions. Proceedings of the III–rd International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 25–26, 2011.* Moscow, Prospekt, 2011, pp. 504–507. (In Russian).

18. Shlykov D.A., Plinatus A.A. Firmware for Reproduction and Simulation of Handwriting Objects by Writing Instruments: Design, Classification and Technical Capabilities. *Theory and Practice of Forensic Science,* 2025, no. 20 (3), pp. 60–71. (In Russian).

Информация об авторе

Купин Алексей Федорович – *кандидат юридических наук, доцент, старший инспектор Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации*

Information about the Author

Kupin Alexey Fedorovich – *Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Inspector of the Main Directorate of Forensic Science (Forensic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation*

Статья поступила в редакцию 15.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 20.07.2026 г.; принята к публикации 20.07.2026 г.

The article was submitted 15.06.2026; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 20.07.2026.

Научная статья
УДК 343.98.067
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.24

Лазарев Даниил Александрович
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия,
danya.lazarev.02@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Успех расследования всегда зависит от готовности следователя к расследованию, которое определяется наличием вполне определённой системы средств, а также наличием у него соответствующих знаний, умений и навыков. Качество расследования во многом определяется наличием криминалистического обеспечения. Для расследования разных видов преступлений имеются свои особенности в криминалистическом обеспечении. Эти особенности во многом являются следствием специфики совершения соответствующих видов преступлений. Специфика компьютерных преступлений влечёт за собой особенности их расследования. Учёт этих особенностей обеспечивает качество проводимого расследования, возможность установить обстоятельства имевшего место преступного деяния. Качество расследования этих преступлений во многом обусловлено готовностью следователя выявлять и фиксировать цифровые следы, анализ которых позволяет делать вывод о том, что совершённое деяние было преступным. Оно зависит от наличия технической возможности выявлять названные цифровые следы и надёжно их фиксировать. Это во многом обусловлено криминалистической обеспеченностью расследования этих преступлений. Целью положенного в основу данной статьи исследования явилось установление содержания криминалистического обеспечения расследования компьютерных преступлений, то есть системы технического оснащения расследования, наличия соответствующих рекомендаций, знаний, навыков и умений у следователя. Для достижения этой цели применялся целый комплекс методов: диалектического материализма, логические (анализ и синтез; индукция и дедукция), анализ практики расследования конкретных преступлений рассматриваемого вида, а также криминалистические (системно деятельностный, ситуативного моделирования). Результатом проведённого расследования стало установление особенностей в расследовании компьютерных преступлений и определение закономерностей качественной работы следователя по установлению обстоятельств названных преступных деяний.

© Лазарев Д.А., 2026

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение расследования, компьютерные преступления, криминалистическая методика расследования, средства расследования, цифровые следы, процесс доказывания

Для цитирования: Лазарев Д.А. Особенности криминалистического обеспечения расследования компьютерных преступлений / Д.А. Лазарев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.24 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 313–325.

Original article

Lazarev Daniil Aleksandrovich
National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev,
Saransk, Russia, danya.lazarev.02@gmail.com

SPECIFICS OF FORENSIC SUPPORT FOR THE COMPUTER CRIMES INVESTIGATION

Abstract. The investigation success always depends on the investigator's readiness to investigate, which is determined by the availability of a well-defined system of funds, as well as appropriate knowledge, skills and abilities. The quality of the investigation is largely determined by the availability of forensic support. For the investigation of different types of crimes, there are special features in the forensic support. These characteristics are largely a consequence of the specific nature of the crimes in question. The specifics of computer crimes entail the peculiarities of their investigation. Taking these features into account ensures the quality of the investigation and the ability to establish the circumstances of the criminal act. The quality of investigation of these crimes is largely due to the investigator's willingness to identify and record digital traces, analysis of which leads to the conclusion that the act committed was criminal. It depends on the availability of the technical capability to identify these digital traces and reliably record them. This is largely due to the criminalistic security of the investigation of these crimes. The purpose of the research is to establish the content of the forensic support for the investigation of computer crimes, that is, the system of technical equipment for the investigation, the availability of appropriate recommendations, knowledge, skills and abilities of the investigator. To achieve this goal, a whole range of methods is used: dialectical materialism, logical (analysis and synthesis; induction and deduction), analysis of the practice of investigating specific crimes of the type in question, as well as criminalistic (system-activity, situational modeling). The result of the investigation is to establish the peculiarities in the investigation of computer crimes and determine the regularities of the investigator's quality work in establishing the circumstances of these criminal acts.

Keywords: forensic investigation support, computer crimes, forensic investigation methodology, investigative tools, digital traces, proof process

For citation: Lazarev D.A. Specifics of Forensic Support for the Computer Crimes Investigation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 313–325. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.24

Введение. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений представляет собой систему знаний, навыков, накопленного опыта, использование которых способно обеспечить качество в достижении следователем истины по конкретному уголовному делу. Криминалистическое обеспечение преступлений – это, по сути, система критериев, использование которых определяет то, насколько имеющееся знание пригодно для выявления, раскрытия и расследования [1, с. 17–21]. Оно ориентировано на вполне определённую, достаточно конкретную цель – установление всех значимых для оценки соответствующего деяния обстоятельств. Для него характерен прикладной характер, проявляющийся в том, что приемлемо всякое знание, если оно помогает решать задачи, которые встают перед следователем в ходе расследования конкретного преступления. В связи с этим, криминалистическое обеспечение охватывает не только знание норм права и их реализации, но и знания, полученные в иных сферах человеческой деятельности. Это не только научные знания, но и знания в ремесле, искусстве и т. п. Значение криминалистического обеспечения состоит в том, что оно адаптирует знания из иных сфер к выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Так адаптируются отдельные знания, полученные в физике, химии, биологии, медицине.

Однако представляется, что относить к криминалистическому обеспечению только знания нельзя. Развитие высоких технологий влечёт за собой проблемы, связанные с выявлением, раскрытием и расследованием преступлений. Возникают ситуации, когда необходима специальная техника, специальные технические приспособления, использование которых позволяет выявить значимые для расследования обстоятельства. Это, в частности, ситуации, когда для совершения преступлений применяются цифровые технологии. Особенностью этих преступлений является то, что элементы отдельных обстоятельств совершения соответствующего деяния складываются в цифровом пространстве, а потому они не могут быть восприняты человеком без использования специальных технических средств. Технические средства необходимы для выявления цифровой информации с USB-флешек, карт памяти, SSD-дисков. Без соответствующих технических средств невозможно получить необходимую информацию, которая закодирована в цифру и является частью цифрового пространства. Поэтому для выявления названной цифровой информации, которая указывает на наличие определённых обстоятельств, значимых для расследования, необходимы специальные технические средства, использование которых позволяет обнаружить названную информацию. Это позволяет в криминалистическом обеспечении расследования преступлений видеть не только систему знаний, применение которых помогает следователю установить истину во всей полноте

и всесторонности, но также видеть в нём средства, использование которых позволяет решить соответствующую стратегическую или тактическую задачу. При этом, названные средства могут быть как адаптированными, так и не адаптированными к деятельности по расследованию преступлений.

Технико-криминалистические средства как ядро обеспечения расследования компьютерных преступлений. Расследование преступлений, в которых применены цифровые технологии, невозможно без средств, способных выявлять и расшифровывать цифровую информацию [2, с. 580–587]. Без них невозможно выявить все обстоятельства совершения преступления. Качество расследования непосредственно связано с техническим совершенством соответствующего средства и умением его использовать следователем или лицом, которое оказывает ему помощь. Так, к техническим средствам обеспечения расследования относятся: специальные сканеры жёстких дисков; оборудование для анализа мобильных устройств, позволяющее извлекать данные даже с заблокированных мобильных устройств; устройства, которые предотвращают изменение данных на носителе при копировании. Однако и этих технических устройств недостаточно для того, чтобы можно было выявлять необходимые следы и иную информацию в цифровом пространстве. Необходимо наличие соответствующего программного обеспечения, без которого названные технические устройства для расследования бесполезны, поскольку они не способны без него выявлять цифровую информацию. Имеется много разных видов программного обеспечения, которые используются для расследования преступлений. Например, к ним относятся: Forensic Toolkit (FTK) – для сканирования дисков в поисках удалённых электронных писем, паролей и других данных; EnCase – для восстановления улик с жёстких дисков (документов, изображений, истории браузера); Autopsy – для анализа форматов файлов, извлечения метаданных изображений, восстановления данных, заражённых программами-вымогателями; Magnet Axiom – платформа для сбора, обработки и анализа данных с компьютеров, мобильных устройств и облачных сервисов; Wireshark, NetworkMiner – для анализа сетевого трафика, выявления подозрительных соединений и источников атак.

Технические средства расследования должны использоваться законно. Без соблюдения установленного порядка использование технических средств может стать бессмысленным – будет невозможно получить необходимые сведения о совершённом преступлении, а значит, и усилия следователя окажутся напрасными. Он не сможет доказать обстоятельства уголовного дела. Несмотря на значимость технических средств, они представляют не самостоятельный фактор борьбы с преступностью, а часть единой комплексной системы криминалистического обеспечения расследования преступлений. Однако это элемент, без которого в целом ряде случаев проводимого расследования следы могут оставаться невидимыми, и информация, заключённая в них, не пополнит систему данных, необходимых для установления события совершённого преступления [3, с. 168–175]. Поэтому технические средства, используемые в ходе

расследования, должны рассматриваться как один из элементов криминалистического обеспечения расследования преступлений. При этом важным является не просто наличие определённых технических средств, использование которых способно оптимизировать проводимое расследование, но также и их умелое использование исходя из складывающейся конкретной следственной ситуации. Следователь должен понимать, когда и в какой ситуации использование соответствующего технического средства может быть наиболее оптимальным, как наиболее эффективно использовать эти технические средства, в каком порядке. Без этого невозможна правильная организация обеспечения расследования преступления. Необходимо не только наличие технических средств, позволяющих качественно расследовать соответствующие преступления, но и наличие необходимых знаний и навыков по использованию этих технических средств.

Особенность расследования компьютерных преступлений состоит в том, что целый ряд обстоятельств можно установить только в случае правильного, умелого использования соответствующих технических средств. К ним относятся не только аппаратные технико-криминалистические средства, но и программное обеспечение, а также специализированные комплексы. Так, при расследовании названных преступлений используется программное обеспечение: для копирования данных и создания образа дисков (например, AccessData FTK imager); для анализа сетевых данных и трафика (например, утилита Wireshark); для восстановления удалённых данных (например, PC-3000, R-Studio, X-Ways Forensics); для работы с реестром Windows (например, Windows Registry Recovery и RegRipper); для анализа медиафайлов (например, GIMP, Elecard Video Format Analyzer, Audacity); для анализа артефактов браузера (например, NetAnalysis); для извлечения паролей (например, Passware Recovery Kit Forensic); для поиска данных в социальных сетях и веб-ресурсах (например, X1 Social Discovery). Также применяются следующие специализированные комплексы: UFED (Universal Forensic Extraction Device) от Cellebrite; «Мобильный Криминалист»; Elcomsoft Premium Forensic Bundle; Magnet AXIOM. Все эти технические средства позволяют выявлять ту информацию, которая недоступна непосредственному восприятию, а потому без названных технических средств может остаться за пределами расследования и, в целом, уголовного судопроизводства.

Технические средства играют ключевую роль в расследовании компьютерных преступлений [4, с. 30–34]. Без их применения следователю невозможно составить даже предварительное представление о случившемся, обнаружить улики, свидетельствующие о наличии преступления, или даже идентифицировать само деяние, которое может квалифицироваться как преступление. С помощью технико-криминалистических методов следователь получает расширенный доступ к виртуальной среде, где произошло компьютерное преступление, что значительно облегчает его работу [5, с. 167–170]. Он видит и воспринимает то, что осталось бы незамеченным без использования соответствующих технико-криминалистических средств. Таким образом, названные средства позволяют не только понять событие преступления, но и увидеть обстоя-

тельства, из знания которых следователь делает вывод о наличии самого события преступления. Технико-криминалистические средства при расследовании компьютерных преступлений позволяют создавать необходимый для принятия процессуальных решений объём данных. Они позволяют определять виновных в совершении этих преступлений лиц и убедительно изобличать их. Тем самым они обеспечивают качество процесса доказывания уже на стадии предварительного расследования.

Компетенции субъекта расследования: баланс между знаниями следователя и участием специалиста. Особенностью технических средств, которые применяются для обеспечения расследования компьютерных преступлений, является то, что часто для их использования в процессе расследования необходимо привлечение специальных знаний. Связано это с тем, что они технологически достаточно сложны в использовании. Необходимо не только знание того, для чего может применяться конкретное технико-криминалистическое средство, но и наличие навыков в пользовании им [6, с. 237–250]. Необходимо знать, как оптимизировать работу соответствующего технико-криминалистического средства так, чтобы оно позволило получить в достаточном объёме качественную информацию, которая может быть использована в процессе доказывания в качестве доказательства. Для этого необходимо, во-первых, хорошее знание соответствующего технико-криминалистического средства, во-вторых, знание порядка его применения, который позволит ему быть максимально эффективным, в-третьих, понимание ситуации, в которой применяется это технико-криминалистическое средство. Во многих случаях желательным является наличие у лица, которое применяет технико-криминалистическое средство, соответствующих навыков. Это позволяет добиваться высокого уровня результативности расследования в выявлении данных, указывающих на значимые для расследования обстоятельства.

Для качественного проведения предварительного расследования по преступлениям в сфере компьютерной информации оперативному сотруднику необходимо обладать минимальными компетенциями в области информатики – знать принципы функционирования ЭВМ, программ и телекоммуникационных сетей. Это обеспечивает возможность грамотно оценивать инцидент, формировать верный план предварительного расследования [7, с. 95–101]. Для того, чтобы качественно провести расследование уголовного дела, установить истину по делу, следователю необходимо иметь определённый круг специальных знаний для постановки и разрешения всех задач. Также эти знания значимы для следователя, потому что обладание ими позволяет ему не находиться в полной зависимости от специалиста, имеющего своё представление о случившемся, которое может не совпадать с мнением следователя, а в некоторых случаях не совпадать с той картиной произошедшего в действительности. К сожалению, практика расследования свидетельствует о том, что имеются случаи, когда следователь подпадает под влияние специалиста при организации и проведении расследования. Это бывает обусловлено авторитетом, которое не-

сведущее лицо испытывает к научному знанию. Такая ситуация для расследования нежелательна, поскольку чревата совершением ошибок, которые могут отобразиться на справедливости выносимых процессуальных решений.

Базовые компьютерные навыки следователя играют важную роль в криминалистическом обеспечении расследования, так как позволяют ему более глубоко понять обстоятельства преступления [8, с. 141–146]. Такая подготовка даёт возможность следователю с самого начала чётко определить задачи, которые предстоит решить в процессе расследования. Необходимо, чтобы он обладал пониманием как своих собственных задач в рамках расследования, так и задач, которые будут возложены на специалистов, привлекаемых к его работе. Важно также, чтобы он чётко осознавал, какие обстоятельства может установить самостоятельно, опираясь на законодательно предоставленные инструменты, а для каких потребуется помощь специалиста с более глубокими знаниями в области компьютерной техники. Для противодействия киберпреступности требуется квалифицированный ИТ-персонал. Российское законодательство допускает использование их профессиональных навыков при проведении следственных действий (часть 1 статьи 168 УПК РФ).

Технико-криминалистические средства, которыми обеспечивается проведение расследования, бывают ориентированными на использование следователем, а бывают – ориентированными на использование специалистом. Те из них, которые ориентированы на то, что будут использоваться следователем, отличаются сравнительной простотой и несложностью, позволяющей решать неотложные задачи, которые встают перед следователем в ходе расследования. Те, которые ориентированы на специалиста, более сложны в использовании, но отличаются тем, что позволяют провести более глубокий, полный анализ, повышая тем самым достоверность получаемых данных. Однако для обеспечения высокого качества проводимого расследования всегда желательно привлечение специалиста. Он желателен даже при проведении таких следственных действий как допрос подозреваемого, обвиняемого, свидетелей. В этих случаях специалист может оказать помощь следователю в планировании и организации проведения следственного действия, определении задач, которые необходимо решить. Он необходим для того, чтобы максимально правильно определиться следователю в стратегии и тактике проведения расследования компьютерных преступлений, указать на те проблемы, с которыми можно столкнуться. Участие специалиста должно быть не формальным. Оно должно быть активным и состоять в том, чтобы специалист мог упреждать следственные ошибки, обусловленные недостаточно полными знаниями следователя особенностей компьютерной техники и программного обеспечения. Но при этом специалист ни в коем случае не должен подменять следователя. Следователь должен оставаться независимым в принятии процессуальных решений, при принятии этих решений исходить из высоко профессиональных рекомендаций специалиста, прибегая к его помощи при проведении следственных действий.

В процессе производства по уголовному делу о совершённом киберпреступлении следователь стоит перед проблемой: проводить требуемые действия самому либо прибегать к помощи квалифицированных сотрудников, которые владеют специфическими навыками работы с компьютерами и программным обеспечением. С одной стороны – вопрос скорости. Специфика работы по расследованию компьютерных преступлений подразумевает необходимость обращения к специалисту в узкой области знаний (компьютерного программиста или специалиста, разбирающегося в конкретном аппаратном и программном обеспечении, использованном преступником). Поиск такого специалиста занимает достаточно времени, что не всегда позволяет провести расследование оперативно и качественно. Потеря информации при несвоевременном проведении расследования может негативно сказаться на установлении всех обстоятельств преступления. В связи с этим процесс расследования будет носить частичный характер и не сможет быть всеобъемлющим, что повлияет на эффективность правосудия и привлечение к ответственности.

Вместе с тем, любая ошибка следователя при поспешном совершении процессуальных действий без учёта глубоких специальных знаний специалиста способно повлечь за собой необратимые ошибки, исправить которые в последующем будет невозможно [9, с. 175–186]. Поэтому, исходя из особенностей складывающейся следственной ситуации на момент начала расследования, следователь должен суметь принять максимально адекватное решение: выполнить отдельные следственные действия самостоятельно или же определить, кого необходимо пригласить в качестве специалиста, и дождаться, когда это лицо приступит к участию в расследовании, в проведении соответствующих следственных действий. Для этого следователь должен обладать вполне определённым минимумом знаний о компьютерной технике и программном обеспечении, которые использовались при совершении преступления. Отсутствие таких знаний не позволит определить того, какой именно специалист в сфере компьютерной техники необходим для расследования конкретного преступления. То есть, уже сама эта ситуация указывает на то, что следователь должен обладать определённым минимумом специальных знаний в сфере компьютерной техники для того, чтобы можно было определить, во-первых, необходимость привлечения к участию в расследовании специалиста и, во-вторых, для того, чтобы определить то, какого именно специалиста в сфере компьютерной техники необходимо привлечь. Также эти знания необходимы ему для того, чтобы определить какую компьютерно-техническую экспертизу ему необходимо провести и какие вопросы перед ней необходимо поставить. Эти знания следователя также необходимо рассматривать в качестве одного из значимых элементов криминалистического обеспечения расследования компьютерных преступлений. Без их наличия у следователя возможны ошибки, которые отобразятся на качестве результатов проводимого расследования, на качестве процесса доказывания. Однако проблема состоит в определении уровня специ-

альных знаний следователя, который ему необходим для того, чтобы расследование компьютерных преступлений было успешным.

Приобщение специалиста к расследованию компьютерной преступности может быть отнесено к категории криминалистических мероприятий по повышению эффективности расследования. Данная процессуальная форма криминалистического обеспечения имеет существенное значение для качества проведения расследования и получения следственных итогов, которые имеют правовое значение для вынесения судом обоснованных решений. Благодаря привлечению специалиста к расследованию компьютерных преступлений имеется возможность поддерживать высокое качество процесса доказывания. Специалист помогает следователю своими консультациями правильно организовать и провести отдельные следственные действия. Особенно его участие значимо для проведения следственного осмотра, обыска, выемки. Даже при проведении вербальных следственных действий при расследовании компьютерных преступлений целесообразно привлечение специалиста, поскольку он своими консультациями может оказать помощь в планировании такого следственного действия, а также определить те вопросы, ответ на которые может помочь получить сведения о ранее неизвестных обстоятельствах. Кроме того, такие консультации позволяют следователю заблаговременно быть готовым к возникновению проблем, от правильности решения которых зависит ход проводимого расследования.

Не менее важным условием для проведения эффективного криминалистического исследования является не просто знание методик и умений, но и применение процессуальных средств, в частности – привлечение специалистов. Особенно остро эта необходимость возникает при расследовании компьютерных преступлений, где без участия специалиста невозможно получить полное и объективное представление о событии. Именно в связи с такой значимой ролью эта фигура была отражена в Уголовно-процессуальном кодексе. В ст. 58 УК РФ она выступает в качестве субъекта уголовного судопроизводства. В данной норме определяется его значение для осуществления уголовного правосудия, которое состоит в том, что он своими специальными знаниями оказывает помощь в обнаружении и закреплении следов и иной информации, которая имеет значение для установления обстоятельств совершения преступления. Нормативное закрепление некоторых элементов обеспечения расследования указывает на их практическую значимость, состоящую в том, что без них невозможно установление истины по конкретным уголовным делам. Привлечение к расследованию специалиста является не просто процессуально закреплённой формой обеспечения уголовного правосудия – это также элемент криминалистического обеспечения, без которого невозможно следственное познание обстоятельств совершённого преступного деяния.

Соотношение криминалистического обеспечения и методики расследования. Использование категории «криминалистическое обеспечение расследования» влечёт за собой некоторые терминологические проблемы. Суть их состоит в том, что данная категория представляется конкурирующей с категорией

«методика расследования преступления». Криминалистическая методика охватывает теоретические положения и практические рекомендации, следование которым позволяет эффективно расследовать конкретные преступные деяния. Так, содержанием криминалистической методики являются такие теоретические положения как криминалистическая характеристика преступления, криминалистическая классификация, планирование, криминалистическое прогнозирование и ряд других, разработанных в криминалистике и активно применяемых в практике расследования. Криминалистические рекомендации формулируются на основании этих теоретических положений и применяются следователем с учётом тех конкретных следственных ситуаций, которые складываются в ходе проводимого расследования. Но качественная криминалистическая методика сама является средством, которое обеспечивает успех расследования конкретного преступления.

Криминалистическое обеспечение расследования – это совокупность условий, при которых у следователя есть все необходимые знания и умения для качественного проведения расследования определённого типа преступления. Помимо профессиональной подготовки, речь идёт и о технической оснащённости (криминалистическая техника) и применении научно обоснованных методов, повышающих эффективность работы. Данная группа показателей показывает степень подготовленности следователя к качественному раскрытию определённой группы преступлений. Криминалистическая обеспеченность – это не сам процесс расследования, а именно его потенциальная возможность, то есть наличие у следователя всего необходимого для качественного решения задачи по конкретному делу с полным соблюдением требований уголовного законодательства. Криминалистические техники и теоретические модели служат следователям важным инструментом в поиске истины о совершённом преступлении. Их практическая ценность заключается в том, что они позволяют перевести абстрактные теоретические знания в действенные методы расследования. Данная категория, изучение её применения дают возможность теоретически проанализировать её потенциал для решения задач расследования конкретных преступлений.

Заключение. Криминалистическое обеспечение расследования компьютерных преступлений позволяет увидеть прикладной аспект в теоретических разработках, которые способны помочь в установлении обстоятельств имевшего место деяния. Оно указывает, прежде всего, на наличие средств, использование которых способно помочь в установлении обстоятельств, значимых для воссоздания картины имевшего место события. Также его анализ позволяет определить то, насколько арсенал имеющихся средств достаточен для того, чтобы разрешить задачи процесса доказывания и изобличения виновных лиц. Особенностью криминалистического обеспечения расследования компьютерных преступлений является то, что он акцентирован на технико-криминалистических средствах, порядке их использования и наличии навыков у следователя и лиц, которые привлекаются к проводимому расследованию.

То есть, следователя интересует во многом при расследовании названных преступлений технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений [10, с. 59–62], относящихся к названной классификационной группе. Следователя интересует его вооружённость технико-криминалистическими средствами, которые могут позволить установить истину в полном объёме. Ему важно, чтобы эти технико-криминалистические средства были максимально интегрированы в криминалистическую методику расследования, что позволяло бы ему максимально эффективно проводить расследование.

Список источников

1. Соколов А.Б. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: понятие и сущность / А.Б. Соколов // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности: Материалы международной науч.-практич. конференции, Омск, 24 ноября 2023 г. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. – С. 17–21.

2. Подольный Р.Н. Проблемы создания эффективной криминалистической методики расследования преступлений, совершённых с применением цифровых технологий / Р.Н. Подольный // Обеспечение безопасности современного общества и государства в условиях многополярного мира : Сборник материалов X Международной науч.-практич. конференции, Чебоксары, 17–19 апреля 2025 г. – Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2025. – С. 580–587.

3. Подольный Р.Н. Использование специальных знаний на подготовительном этапе к расследованию преступлений, совершённых с применением цифровых технологий / Р.Н. Подольный // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 4 (24). – С. 168–175.

4. Подольный Р.Н. Значение данных об особенностях личности преступника для расследования, совершённого им с применением цифровых технологий преступления / Р.Н. Подольный // Проблемы права. – 2024. – № 4 (96). – С. 30–34.

5. Берова Д.М., Гаужаева В.А. Новые средства технико-криминалистического обеспечения борьбы с преступностью / Д.М. Берова, В.А. Гаужаева // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 167–170.

6. Харисова З.И. Программные технико-криминалистические средства как основа современной методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации / З.И. Харисова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3 (27). – С. 237–250.

7. Подольный Н.А. Специальные знания при выявлении и расследовании киберпреступлений / Н.А. Подольный // Проблемы противодействия киберпреступности: Материалы III Международной науч.-практич. конференции, Москва, 04 июня 2025 г. – М.: Московская академия Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева, 2025. – С. 95–101.

8. Подольный Н.А. Особенности привлечения специальных знаний при расследовании преступлений, совершённых с применением цифровых технологий / Н.А. Подольный // Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: Материалы XIV международной науч.-практич. конференции, Уфа, 12 декабря 2025 г. – Уфа: Право будущего, 2025. – С. 141–146.

9. Подольный Н.А. Системно-деятельностный метод в расследовании преступлений / Н.А. Подольный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2025. – № 1 (73). – С. 175–186.

10. Грибунов О.П. Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: отдельные аспекты современного состояния / О.П. Грибунов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 1 (23). – С. 59–62.

References

1. Sokolov A. B. Criminalistic Support for the Crimes Investigation: Concept and Essence. Improvement of Criminal Procedural and Criminalistic Measures to Combat Crime. *Materials of the International Scientific and Practical Conference, Omsk, November 24, 2023*. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024, pp. 17–21. (In Russian).

2. Podolny R.N. The Problems of Creating an Effective Forensic Methodology for Investigating Crimes Committed Using Digital Technologies. *Ensuring Security of Modern Society and the State in a Multipolar World. Materials of the X International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, April 17–19, 2025.* Cheboksary, I.N. Ulyanov Chuvash State University, 2025, pp. 580–587. (In Russian).

3. Podolny R. N. The Use of Special Knowledge at the Preparatory Stage of Digital Crimes Investigations. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 4(24), pp. 168–175. (In Russian).

4. Podolny R.N. The Importance of Data on the Characteristics of the Criminal's Personality for the Investigation of a Crime Committed by Him Using Digital Technologies. *Issues of Law*, 2024, no 4(96), pp. 30–34. (In Russian).

5. Berova D. M., Gauzhaeva V. A. New Means of Technical and Forensic Support for the Fight against Crime. *Gaps in Russian Legislation*, 2023, vol. 16, no. 6, pp. 167–170. (In Russian).

6. Kharisova Z. I. Software Forensic Equipment as the Basis for Modern Methods to Investigate of Cybercrime. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 3(27), pp. 237–250. (In Russian).

7. Podolny N.A. Special Knowledge in Detection and Investigation of Cybercrimes. *Problems of Countering Cybercrime. Materials of the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, June 4, 2025*. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, 2025, pp. 95–101. (In Russian).

8. Podolny N. A. Features of Attracting Special Knowledge in the Investigation of Crimes Committed Using Digital Technologies. *Actual p Problems of Using Special Knowledge in Criminal, Civil, Arbitration and Administrative Cases. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference, Ufa, December 12, 2025.* Ufa, Law of the Future, 2025, pp. 141–146. (In Russian).

9. Podolny N. A. System-Activity Method in Crime Investigation. *University Proceedings. Volga region. Social sciences*, 2025, no. 1(73), pp. 175–186. (In Russian).

10. Gribunov O. P. Technical and Forensic Support for the Detection and Investigation of Crimes: Certain Aspects of the Current State. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 1(23), pp. 59–62. (In Russian).

Информация об авторе

Лазарев Даниил Александрович – *аспирант кафедры уголовного права и процесса*

Information about the Author

Lazarev Daniil Aleksandrovich – *Post-graduate student of the Department of Criminal Law and Procedure*

Статья поступила в редакцию 12.08.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 16.09.2026 г.

The article was submitted 12.08.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 16.09.2026.

Научная статья
УДК 343.14
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.25

Новосёлова Антонина Николаевна
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, antonina40@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0867-9268

Лияскина Евгения Сергеевна
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, jlijaskinaj747@gmail.com

ВЫЯВЛЕНИЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКОВОГО ВЛИЯНИЯ НА РУССКУЮ УСТНУЮ РЕЧЬ ИНОФОНОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. Интенсивные миграционные потоки в Россию, связанный с ними рост числа преступлений, совершаемых международными преступными группами, актуализируют такое направление фоноскопического исследования как диагностика языкового происхождения диктора по признакам его звучащей речи. Целью настоящего исследования является выявление признаков киргизского языкового влияния на русскую устную речь инофонов, которые могут быть обнаружены при проведении фоноскопической экспертизы, с целью установления вероятного родного языка диктора. Применяя перцептивные, лингвистические и акустические методы анализа голоса и речи киргизов, говорящих по-русски, авторы исследования описали признаки языковой интерференции киргизского языка на русскую устную речь инофонов. Результаты: установлен комплекс признаков, который с высокой долей вероятности свидетельствует о том, что киргизский язык или, по крайней мере, один из тюркских языков кыпчакской подгруппы является родным языком инофона.

Ключевые слова: языковая интерференция, фоноскопическое исследование, источники формирования речевых навыков, киргизский язык, русская устная речь, русско-киргизское двуязычие

Для цитирования: Новосёлова А.Н., Лияскина Е.С. Выявление диагностических признаков киргизского языкового влияния на русскую устную речь инофонов при проведении фоноскопической экспертизы / А.Н. Новосёлова, Е.С. Лияскина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.25 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 326–337.

© Новосёлова А.Н., 2026
© Лияскина Е.С., 2026

Original article

Novoselova Antonina Nikolaevna
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia,
antonina40@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0867-9268

Liyaskina Evgeniya Sergeevna
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia,
jlijaskinaj747@gmail.com

DETECTION OF DIAGNOSTIC SIGNS OF THE KYRGYZ LANGUAGE INFLUENCE ON THE RUSSIAN ORAL SPEECH OF NON-NATIVE SPEAKER DURING THE PHONOSCOPIC EXAMINATION

Abstract. Intensive migration flows to Russia, the associated increase in the number of crimes committed by international criminal groups, actualize such a direction of phonoscopic research as the diagnosis of the speaker's linguistic origin by the signs of his sounding speech. The purpose of this study is to identify signs of the Kyrgyz language influence on the Russian oral speech of non-native speakers, which can be detected during a phonoscopic examination, in order to establish the likely native language of the speaker. Applying perceptual, linguistic and acoustic methods of analyzing the voice and speech of Kyrgyz speaking Russian, the authors of the study described signs of linguistic interference of the Kyrgyz language on the Russian oral speech of non-native speakers. Results: a set of signs has been established, which with a high degree of probability indicates that the Kyrgyz language or at least one of the Turkic languages of the Kipchak subgroup is the native language for non-native speakers.

Key words: language interference, phonoscopic research, sources of formation of speech skills, Kyrgyz language, Russian oral speech, Russian-Kyrgyz bilingualism

For citation: Novoselova A.N., Liyaskina E.S. Detection of diagnostic signs of the Kyrgyz language influence on the Russian oral speech of non-native speaker during the phonoscopic examination. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 326–337. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.25

Введение. Влияние одной языковой системы на другую в научной среде является языковой интерференцией. Данное явление, возникающее в условиях языковых контактов, неизбежно ведёт к тем или иным изменениям норм языковых систем в речи инофонов в целом. Межъязыковое влияние является сложным феноменом, поскольку при говорении на неродном языке его неполная система восполняется элементами родного языка, в котором соответствующие структуры представлены в полной мере [1].

Особенно значимо фоноскопическое исследование языковой интерференции в условиях интенсивных миграционных потоков в Россию, так как позволяет выявить комплекс диагностических признаков родного языка инофона у участников международных преступных групп. В частности, по данным Министерства внутренних дел РФ, в 2025 году на территории Российский Федерации количество находившихся иностранных граждан составило 5,7 миллионов человек (по сравнению с 2024 годом сократилось на 8,6 %)[1], которым в силу пребывания в русскоязычном окружении в целях успешной коммуникации и благоприятного сосуществования в социуме необходимо владеть, помимо родного языка, нормами русского языка. Вследствие этого в русскую речь инофонов проникают паттерны родного языка, формируя у инофонов уникальные для каждого языка признаки языковой интерференции.

Актуальность исследования обусловлена в том числе ростом количества преступлений, совершённых международными группами. Так, по данным Следственного комитета РФ, в 2025 году было зафиксировано 41 103 преступления, совершённых мигрантами, что увеличило на 7 % показатели предыдущего года[2]. Отметим, что рост произошёл несмотря на общее сокращение численности мигрантов в стране. Преступления, совершаемые мигрантами, правоохранительные органы раскрывают, используя в качестве доказательств результаты проведения фоноскопической экспертизы, которая диагностирует вероятный родной язык личности по голосу и речи, если подозреваемым является лицо, для которого русский язык неродной. Решение данных задач имеет доказательственное значение. Результаты экспертизы служат ценным ориентиром для следствия и судебной системы, позволяющим значительно сузить круг подозреваемых лиц.

Отличительные черты русско-киргизского двуязычия. С точки зрения генетической классификации, киргизский и русский языки принадлежат к разным семьям – алтайской и индоевропейской, а наличие тюркизмов в русском языке не свидетельствует об их родстве [2]. Генетическая неродственность языков обусловливает глубокие структурные различия на всех уровнях языковой системы.

Отличительными чертами киргизского языка являются: обширная система аффиксов, участвующих как в словообразовании, так и в словоизменении, грамматическая однозначность каждого аффикса, а также отсутствие чередований в корне слова. При проведении фоноскопического исследования эксперту необходимо иметь в виду выявленные нами на основе проведённого контрастивного анализа систем киргизского и русского языков следующие ключевые различия.

На лексическом уровне в киргизском языке преобладает тюркская лексика с заимствованиями из монгольского, иранского, арабского, русского языков; а в

[1] Миграционная ситуация [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ: сайт. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya (дата обращения: 28.04.2026).

[2] Бастрыкин: число преступлений мигрантов выросло на 7 % за год [Электронный ресурс] // Ведомости: сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/03/03/1180412-prestuplenii-migrantov (дата обращения: 25.04.2026).

русском языке – исконно русская лексика с греческими, латинскими, церковнославянскими, тюркскими, английскими заимствованиями.

Основной особенностью морфологии киргизского языка является его аглютинативный характер: аффикс выражает одно конкретное грамматическое значение и присоединяется к основе слова последовательно. Например, слово «каттарымдын» (моих писем) имеет следующую структуру: корень «кат» (письмо), аффикс множественного числа «-тар», аффикс принадлежности первого лица «-ым», аффикс родительного падежа «-дын». Каждый аффикс имеет несколько фонетических вариантов, которые прикрепляются к слову согласно закону сингармонизма. Русский язык – флективный: одна флексия выражает несколько грамматических значений. Наряду с этим, в киргизском языке отсутствует категория рода; отличается от русского языка система падежей, а глагол способен выражать различные временные значения через контекст, сохраняя при этом неизменную форму.

На синтаксическом уровне в киргизском языке используется структура подлежащее-дополнение-сказуемое [3, с. 46]. Например, предложение «мен кат жазам», что в переводе на русский дословно означает «я письмо пишу». Русскому языку свойственна следующая структура нейтрального порядка слов в предложении: подлежащее-сказуемое-дополнение. Функцию предлогов в киргизском языке выполняют послелоги, которые находятся в конце управляемого слова («кат столдо жатат» («письмо лежит на столе»), где аффикс «-до» обозначает послелог «на»). В русском предлоги занимают препозицию.

На фонетическом уровне в киргизском языке ударение является фиксированным, в большинстве случаев падает на последний слог, интонация носит вспомогательный характер: основные значения выражаются именно аффиксами. В русском языке ударение является свободным и подвижным, интонация отличается широким диапазоном тона (на это указывает интонационная система, описанная Е.А. Брызгуновой [4, с. 152–156]) и способностью различить тип высказывания без опоры на грамматические показатели.

На уровне звука главными отличиями вокализма киргизского языка от русского являются закон сингармонизма, согласно которому в слове используются гласные одного подъёма и признака огубленности, слабая редукция, смыслоразличительная долгота гласных (например, «сото» (кукурузный початок) – «соттоо» (судить) – «сооттоо» (бронировать)), специфические фонемы [ө], [ү]. Консонантизм киргизского языка отличается несмыслоразличительной палатализацией, основанной на принципе сингармонизма, специфическими фонемами – увулярные [қ], [ғ] и носовой [ң]. Спорными являются фонемы [в], [ж], [ф], [х], [ц], [щ] как заимствованные из иноязычных слов (в основном русских) [5, с. 7]. Вследствие влияния фонетических норм киргизского языка на русский на спектральной картине формант наблюдаются смещения эталонных для русского языка их значений.

Таким образом, в рамках типологической классификации киргизский язык определяется как аглютинативный. Русский язык относится к флективному ти-

пу, при котором грамматические значения выражаются внутри слова с помощью флексий, имеющих несколько грамматических значений, и изменения основы.

Языковая интерференция в русско-киргизском двуязычии. У. Вайнрайх теоретически обосновал понятие интерференции, интерпретировав его как «переустройство моделей, являющееся результатом введения иноязычных элементов в те области языка, которые отличаются более высокой структурной организацией, например, ядро системы фонем, большая часть морфологии и синтаксиса, некоторые области словаря» [6, с. 22]. Для фоноскопического исследования данное определение подразумевает необходимость учитывать возможные изменения заимствованных элементов, поскольку речевые навыки инофона формируются под комплексным влиянием двух языковых систем. Внедрение иностранных элементов может привести к появлению новых сочетаний фонем, изменению характерных артикуляций, а также к адаптации произносительных моделей, что важно учитывать при лингвистическом и акустическом анализе фонограмм в рамках фоноскопического исследования.

С точки зрения фоноскопического исследования утверждение Т.С. Балиашвили о том, что «языковая интерференция может существовать лишь при условии контакта двух языковых систем» [7, с. 70], является фундаментальным, поскольку интерференция представляет собой систематическое, предсказуемое и повторяющееся отклонение от норм целевого языка, обусловленное влиянием правил родного. Только при условии контакта двух систем можно отличить интерференцию от случайной ошибки и сделать корректный вывод о языковом происхождении диктора.

В отличие от них В.Ю. Розенцвейг [8, с. 28], М.В. Дьячков [9, с. 86], Н.Б. Мечковская [10, с. 172] рассматривают проявление интерференции как отклонение от норм одного языка под влиянием другого. На наш взгляд, такие отклонения предсказуемы, поскольку в языковом сознании инофона доминантная система родного языка выступает в роли своеобразного эталона, на который носитель ориентируется при построении высказывания на неродном языке.

Параллельное функционирование двух языков является предпосылкой возникновения языковой интерференции. В Кыргызской Республике продолжительное время сосуществуют два языка с различным генетическим и типологическим строем. Согласно ст. 13 Конституции Кыргызской Республики киргизский язык имеет статус государственного языка, а русский – официального[3]. По данным исследований языковой ситуации в стране киргизским языком владеют 76 % населения, русским – около 50 % [11]. Асимметричная языковая среда создаёт благоприятную почву для взаимопроникновения лексических, морфологических, синтаксических и фонетических элементов, особенно у билингвов, выросших в смешанных семьях или получивших образование на двух язы-

[3] Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Кыргызской Республики: сайт. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru?anchor=r3 (дата обращения: 26.04.2026).

ках. В меньшей степени языковая интерференция проявляется у мигрантов – инофонов, приехавших в Россию и слабо владеющих русским языком.

В контексте русско-киргизского двуязычия языковая интерференция в той или иной степени проявляется на всех уровнях языка (за основу данного утверждения возьмём классификацию М.В. Дьякова, в рамках которой он выделяет фонетическую, морфологическую, лексическую и синтаксическую интерференцию [9, с. 85]). Зонами потенциальной интерференции для носителей киргизского языка в русской речи являются: вкрапление лексики киргизского языка, перенос порядка слов (подлежащее-дополнение-сказуемое), ошибочное употребление рода, пропуск или неверное употребление предлогов, ошибки в падежных окончаниях, отсутствие редукции гласных и более твёрдое произношение палатализованных в русском языке согласных звуков.

Ход исследования и полученные результаты. Для установления лингвистических признаков при производстве фоноскопической экспертизы необходимо провести исследование фонограмм, то есть выполнить лингвистический и акустический анализ согласно алгоритму проведения фоноскопической экспертизы.

При проведении исследования была записана женская речь в виде монолога носителей киргизского языка длительностью от пяти до шести с половиной минут с помощью приложения «Диктофон» на мобильный телефон Poco F5. Длительность записи определялась согласно правилам пригодности фонограммы для фоноскопических исследований [12, с. 63]. Предварительно формат записи был установлен на WAV-формат с высоким качеством звука, в котором нет искажений, свойственных сжатым файлам MP3.

Запись фонограмм проводилась в следующих условиях: комната площадью приблизительно одиннадцать квадратных метров с мебелью (стол и стулья), с окном без выхода на проезжую часть при искусственном освещении. Тема разговора – жизнь и работа – была определена списком вопросов, на которые дикторы отвечали в процессе своего монолога. Со списком вопросов дикторы были ознакомлены непосредственно перед записью фонограммы, чтобы их монолог получился свободным и неподготовленным. Таким образом обеспечивалась спонтанность речи и выявление в ней характерных особенностей речевых признаков каждого диктора.

После установления пригодности фонограмм и расшифровки дословного содержания образцов голоса и речи дикторов (знаки препинания расставлены по принципу разделения синтагм в звучащей речи, а не по грамматическим правилам) был проведён лингвистический анализ голоса и речи каждого диктора. Он выполнялся в соответствии с единицами структурных уровней звучащей речи – речевым потоком, фразой и словом, отдельным звуком – с соблюдением методики проведения фоноскопической экспертизы.

Учитывая уникальность голосовых и речевых характеристик каждого диктора, для выявления интерферентных признаков были выбраны те особенности, которые являются общими для говорящих. Выявленные признаки в примерах выделены полужирным начертанием.

В ходе анализа речевого потока нами были установлены следующие общие признаки.

Отмечены женские типы голоса средней высоты, с силой голоса ниже среднего уровня. Артикуляция имеет признаки смазанности (наблюдаются фрагменты с нечётким произнесением слов и размытым произнесением окончаний). Темп речи является переменным (в основном, ниже среднего, однако есть фрагменты с более быстрым темпом). Речевое дыхание соответствует норме. Паузы хезитации распределены равномерно и часто совпадают с грамматическими паузами. Преобладают длинные паузы, как незаполненные, так и заполненные нефонологическими образованиями (типа [а], [э], [м]), растянутыми сегментами слов («я хоч**у-у**», «**я-а-а**, как, нигд**е-**э») и вставными конструкциями («м-м, **как сказать**, не любишь»). Сбои речепорождения представлены запинками и самоперебивами («я **зд-** занимаюсь работа», «в **рес-** ресторане»). В речи дикторов присутствуют эпентезы («я-а **ф** э **ф** жила-а», «банкетный д**и-**ни»). Интонационная структура характеризуется средним мелодическим диапазоном. Интонация представлена средним мелодическим диапазоном речи. Частота основного тона (F0) распределена преимущественно в среднем регистре, значения F0 на кепстрограмме изменяются незначительно и плавно, однако наблюдается повышение тона в конце вопросительных предложений. В речи присутствуют случаи ненормативной постановки ударения в словах «пац**а**ны», «не х**о**тят», «мол**и**мся», «колл**е**ктив», «пасм**у**рно».

На уровне речевого потока как наиболее значимые выявлены признаки интонации и артикуляции, присутствия эпентезы для облегчения произношения, поскольку остальные являются достаточно общими и могут наблюдаться у обширного круга лиц независимо от влияния языка.

Анализ уровня фразы и слова у дикторов выявил ряд общих характеристик.

Особенности синтаксических конструкций состоят в употреблении простых, сложносочинённых, сложноподчинённых и бессоюзных конструкций. Длина предложений варьируется от коротких до длинных с мало оформленными конструкциями. Преобладает прямой порядок слов с вариативной длиной предложений, часто с прямым порядком слов, иногда с инверсией («экономист я закончила», «я **из Кыргызстана** приходила»). Установлено содержание в речи эллиптических («и третий сын уже третий класс, а самый младший, пять годик», «у меня-а, м-м, утро, нормально»), уточняющих («массажистом работала потом и маникюром, **маникюр тоже делала раньше**»), вводных конструкций («например», «короче», «как сказать»), парцелляции («Нравится. И природа тоже хорошая, у нас жарко, например. Вот»), вопросно-ответной формы («Ещё что? М-м, а-а, где там я работаю у нас много банкеты будет», «Что мне н- не нравятся банкета? В банкета по-моему, мне всё нравится») и преобладание

простого отрицания (частица «не»). Повторы встречаются часто («только **работа дома, работа дома**», «**мне своё родина нравится**, **мне** всегда **мне свои родина нравится**»). Используются лексема «вот» как маркер смысловой завершённости («у меня мечта только-а быть там. **Во-от**») и указательно-усилительная частица («**вот** эта традиция мне понравилась»), частица «да» («девятый класс закончили **да**»). В речи дикторов наблюдается разговорная («братишка», «ваще», «светленько») и незнаменательная лексика («типа», «ну»), тюркизмы («намаз», «бешбармак», «самсе»). Выявлены грамматические нарушения в употреблении глаголов (использование будущего времени с помощью глагола «будет» вместо глагола «быть» настоящего времени: «у нас слишком жарко **будет** там» (регулярная погода, а не погода в будущем); «где там я работаю у нас много банкеты **будет**» (банкеты проходят постоянно, а не в будущем)). Также встречаются нарушения употребления частеречной принадлежности («экономист я закончила», «я иногда устаёшь **работу**»), числительных («мы **четверы**», «**двое** брата есть»), падежей («а когда **банкет** нету», «**у меня** тридцать один **лет**»), предлогов («**в** банкета», «и учи-ила университете», «просто курс ходила»). Нарушения норм согласования подлежащего и сказуемого («**все живёт** с семьей», «**я** иногда **устаёшь** работу»), рода («**свой** работа», «я всегда **уставший**», «**самый младший** я…» (женщина о себе говорит в мужском роде)), числа («**мальчик** украли**»**, «**свои** родина»). Отмечаются случаи неверного словообразования («беспонятная», «после замужа»).

На уровне звука было проведено два вида анализа: акустический микроанализ (определение с помощью технических средств формантных характеристик гласных звуков) и аудитивно-лингвистический (установление особенностей звукового произношения на основе слухового восприятия).

Акустический микроанализ представляет из себя определение значения формант гласных звуков. Форманта – области усиленных частот в спектре звука. Эталонные показатели формант русских гласных звуков установил в своих исследованиях Г. Фант [13, с. 266]. Микроанализ проводился на фонетически сопоставимых ударных звуках, то есть предварительно в дословном содержании были найдены одинаковые триады (последовательность из трёх звуков, в центре которых находится исследуемый звук) в речи всех дикторов, которые выделены в следующих словах:

1) в образцах диктора-1: кыргызс**тан**а, н**рав**ится, **там**, ра**бот**ала, **нов**городу, м**ног**о, **лет**, з**дес**ь, **нет**у, т**риц**ать (тридцать), **ниж**нему, тра**диц**ия;

2) в образцах диктора-2: кыргызс**тан**, н**рав**ится, **там**, ра**бот**аю, **нов**городе, м**ног**о, **лет**, з**дес**ь, **нет**, т**риц**ать (тридцать), **ниж**нем, тра**диц**ий.

Наглядно в качестве примера значения установленных формант представлены в виде таблицы анализы формант двух дикторов (Таблица 1). Косой чертой в триадах указана мягкость согласного звука.

Таблица 1. Установленные значения формант гласных звуков в образцах голоса и речи дикторов-киргизов на русском языке с женским типом голоса.

Триада	Гласный звук	Диктор-1 / Диктор-2			
		F1	F2	F3	F4
тан	[а]	613 / 650	1682 / 1849	2699 / 2676	3920 / 4166
рав/		670 / 714	1677 / 1778	2712 / 2629	4016 / 4194
там		615 / 644	1782 / 1657	2530 / 2646	4046 / 4043
бот	[о]	476 / 454	1380 / 1423	2519 / 2595	4022 / 4105
нов		493 / 461	1314 / 1207	2536 / 2558	3943 / 4035
ног		459 / 445	1330 / 1092	2452 / 2294	4060 / 4034
л/ет	[э]	426 / 443	2036 / 2119	2667 / 2945	3970 / 3931
д/ес/		482 / 430	2105 / 2232	2684 / 3049	4033 / 4126
н/ет		493 / 423	1829 / 2140	2791 / 2957	3931 / 3714
р/иц	[и]	343 / 356	1920 / 2030	2740 / 2807	3948 / 3995
н/иж		362 / 317	2125 / 2154	2706 / 2721	3992 / 3945
д/иц		336 / 327	2190 / 2123	3093 / 3278	4123 / 3994

Исследование формант гласных звуков у носителей киргизского языка выявило отличия от русских эталонных значений, что обусловлено влиянием норм фонетического строя киргизского языка в речи инофонов. В частности, более высокие характеристики F1 и более низкие характеристики F2 гласного [и] свидетельствуют о более низком подъёме и более задней по ряду артикуляции данного звука у носителей киргизского языка по сравнению с примерными значениями русского языка (F1 – 220–240 Гц; F2 – 2220–2250 Гц). Наряду с этим, более высокие показатели F2 гласного [о] (примерные значения русского языка F2 – 780–900 Гц). Также, более высокие значения F2 для гласного [о] (в сравнении с русскими 780–900 Гц) указывают на более переднее положение языка при его произношении, что делает звук менее огубленным (менее лабиализованным).

Аудитивно-лингвистическим анализом установлены следующие особенности произношения отдельных звуков.

У дикторов установлены такие признаки вокализма как акцентированное затягивание фонации ударных гласных в словах, на которые падает логическое ударение, менее лабиализованный звук [о] («раб**о**таю», «раб**о**тать п**о**варом»), частое использование более открытого и отодвинутого назад звука [и], похожего на [ы] («тр**и**дцать семь», «люб**и**мый город», «тр**и**дцать од**и**н»). Отмечаются случаи недостаточной качественной и количественной редукции безударных гласных, находящихся в первой («у м**е**ня м**е**чта», «вс**е**гда б**е**ссонный будет») и

второй безударной позиции («в р**е**с- р**е**сторане», «у меня мам**е**», стяжения гласных звуков в один слог («эту традиц**ию**», «у нас традиц**ии**»).

Консонантизм зафиксирован в виде произнесения одноударного звука [р] («хо**р**ошее наст**р**оение», «п**р**осто ку**р**с ходила»), увулярного звука [х] («**х**очет не **х**очет они», «с утра при**х**- при**х**ожу-у»). Отмечаются случаи употребления смычного согласного [т] вместо аффрикаты [ч] («не хо**ч**ешь замуж», «вну**ч**ки есть»), употребления мягкого смычного [т'] («тради**ц**ии у нас») или мягкого щелевого [с'] («шесть меся**ц**ев») вместо аффрикаты [ц], согласного [ш] вместо [щ] («все **сч**астливы», «только жен**щ**ину»), апикального звука [н] вместо дорсального в позиции абсолютного конца слова («третий сы**н**», «Нурха**н**»). Наблюдаются случаи выпадения звука [в] в словоформах лексемы «нравиться», отдельные случаи выпадения звука [т'] в слове «есть», звука [д'] в слове «здесь».

Установлены такие фонетические процессы как недостаточная палатализация согласных звуков («в Моск**в**е-э», «я родила**сь**», «тр**и**дцать семь»), чрезмерное увеличение длительности согласных [т], [с] в позиции абсолютного конца слова («тридцать семь ле**т**», «но-о у на**с**», «и потом начала**с**ь»). Характерны случаи отсутствия ассимиляции по звонкости («**в** [ф] России», «надо **с**делать»), и по глухости («подру**ж**ка была»), неоглушения звонкого согласного на конце слова («коллекти**в** очень хороший», «вышла заму**ж»**), упрощение фонетического состава частотных слов: «щас», «ваще-то», «нельзя» (упущение «ль»).

Заключение. Авторы пришли к выводу, что диагностически значимым является комплекс признаков, включающий:

– отличие формантных характеристик гласных ([и] – более задний, [о] – менее огубленный);

– специфический консонантизм (одноударный [р], увулярный [х], замена аффрикат);

– недостаточная редукция гласных и эпентезы;

– грамматические нарушения согласования, падежей, предлогов, времени глаголов;

– наличие тюркизмов.

Выявленные в результате анализа на основе экспериментальных фонограмм устной спонтанной монологической речи дикторов-инофонов признаки русско-киргизского двуязычия могут встречаться у любого диктора-инофона, речевые навыки которого сформировались. Для более точного установления источника формирования речевых навыков необходимо рассматривать выявленные нами признаки в совокупности. Именно комплекс признаков служит маркером влияния киргизского языка на русскую устную речь у инофонов. Наличие системы маркеров при проведении диагностики языкового происхождения диктора по признакам его звучащей речи экспертом имеет практическое значение. Диагностический комплекс поможет установить источники формирования речевых навыков диктора при производстве фоноскопической экспертизы, выводы которой будут служить ориентиром для правоохранительных органов и судебной системы.

Список источников

1. Кенжебаева Ж.Е. Переключение кода: основные направления исследования / Ж.Е. Кенжебаева // Colloquium-Journal. – 2020. – № 19 (71). – С. 22–25. – DOI 10.24411/2520-6990-2020-12067.

2. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 584 с.

3. Хулхачиева-Байтерекова Ж.С. Киргизский язык без репетитора: самоучитель киргизского языка / Ж.С. Хулхачиева-Байтерекова. – М.: Издательство АСТ, 2025. – 320 с.

4. Князев С.В. Современный русский язык. Фонетика: учебник для вузов / С.В. Князев, С.К. Пожарицкая. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 380 с.

5. Биялиев К.А. Справочник по грамматике кыргызского языка / К.А. Биялиев. – Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет, 2013. – 128 с.

6. Вайнрайх У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев: Вища школа, 1979. – 343 с.

7. Балиашвили Т.С. Интерференция как проблема двуязычия / Т.С. Балиашвили. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1988. – 213 с.

8. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика / В.Ю. Розенцвейг. – Ленинград: Наука, 1972. – 80 с.

9. Дьячков М.В. Проблемы двуязычия (многоязычия) и образования / М.В. Дьячков. – М.: Ин-т нац. проблем образования МО РСФСР, 1991. – 104 с.

10. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев: 2-е изд., испр. / Н.Б. Мечковская. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.

11. Чехляева С.С., Павлов А.С. Русский язык в Киргизии: реалии и перспективы / С.С. Чехляева, А.С. Павлов // Международные отношения. – 2023. – № 4. – С. 95–111. – DOI 10.7256/2454-0641.2023.4.43557.

12. Захаров Р.И., Павличенко Г.В. Речеведческие экспертизы: учебное наглядное пособие / Р.И. Захаров, Г.В. Павличенко; под ред. Т.Б. Радбиля. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2024. – 93 с.

13. Каганов А.Ш. Звучащая речь как объект криминалистической экспертизы: учебное пособие для вузов / А.Ш. Каганов. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 270 с.

References

1. Kenzhebaeva Zh.E. Switching the Code: Main Directions of Research. *Colloquium Journal*, 2020, no. 19 (71), pp. 22–25. (In Russian).

2. Shaposhnikov A.K. (comp.). Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. Moscow, Flinta, Nauka, 2010. 584 p. (In Russian).

3. Khulkhachieva-Bayterekova Zh.S. Kyrgyz Language Without a Tutor: A Self-Study Guide to the Kyrgyz Language. Moscow, AST Publ. House, 2025. 320 p. (In Russian).

4. Knyazev S.V., Pozharitskaya S.K. Modern Russian Language. Phonetics: A Textbook for Universities. Moscow, Yurait Publ., 2024. 380 p. (In Russian).

5. Biyaliev K.A. Reference Book on the Grammar of the Kyrgyz Language. Bishkek, Kyrgyz-Russian Slavic University, 2013. 128 p. (In Russian).

6. Weinreich U. Languages in Contact. Kiev, Vishcha shkola, 1979. 343 p. (In Russian).

7. Baliashvili T.S. Interference as a Problem of Bilingualism. Tbilisi, Tbilisi University Publ. House, 1988. 213 p. (In Russian).

8. Rozentsveyg V.Yu. Language Contacts: Linguistic Issues. Leningrad, Nauka, 1972. 80 p. (In Russian).

9. Dyachkov M.V. Problems of Bilingualism (Multilingualism) and Education. Moscow, Institute of National Problems of the Ministry of Education of the RSFSR, 1991. 104 p. (In Russian).

10. Mechkovskaya N.B. Social Linguistics: A Textbook for Students of Humanities and Lyceum Pupils. Moscow, Aspekt Press, 2000. 207 p. (In Russian).

11. Chekhlyaeva S.S., Pavlov A.S. The Russian Language in Kyrgyzstan: Realities and Prospects. *International Relations,* 2023, no. 4, pp. 95–111. (In Russian).

12. Zakharov R.I., Pavlichenko G.V. Forensic Speech Expertise: An Educational Visual Aid. Ed. by T.B. Radbil. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University, 2024. 93 p. (In Russian).

13. Kaganov A.Sh. Sounding Speech as an Object of Forensic Expertise: A Textbook for Universities. Moscow, Yurait Publ., 2025. 270 p. (In Russian).

Информация об авторах

Новосёлова Антонина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы

Лияскина Евгения Сергеевна – студентка 5 курса кафедры судебной экспертизы

Information about the Authors

Novoselova Antonina Nikolaevna – *Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Forensic Science Department;*

Liaskina Evgeniya Sergeevna – *Fifth-Year Student, Forensic Science Department*

Статья поступила в редакцию 11.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 23.07.2026 г.; принята к публикации 24.07.2026 г.

The article was submitted 11.06.2026; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 24.07.2026.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.26

Полещук Максим Сергеевич
Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия,
poleshchuk_maksim@internet.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Аннотация. Организационная и познавательная сложность производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего предполагает обязательное осуществление комплекса подготовительных мероприятий. Их научная систематизация способствует повышению эффективности практической реализации, экономии времени и материальных ресурсов, доступных следователю. Целью настоящей статьи является выявление основных элементов подготовительного этапа производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего и определение его содержания. Методы исследования: методы анализа, синтеза, описания, моделирования, системно-структурный метод. Результаты: проведённое исследование подтверждает важность подготовительного этапа производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего. Основными подготовительными мероприятиями к производству данного следственного действия с участием несовершеннолетнего являются: допрос несовершеннолетнего опознающего; подбор объектов для предъявления; подбор участников следственного действия; выбор места производства следственного действия; выбор времени производства следственного действия; обеспечение безопасности участников следственного действия; подготовка технических средств и иных материалов; составление письменного плана следственного действия.

Ключевые слова: предъявление для опознания, несовершеннолетний, подготовка, криминалистическая тактика, следственное действие, криминалистика.

Для цитирования: Полещук М.С. Особенности подготовительного этапа производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего / М.С. Полещук. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.26 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 338–346.

© Полещук М.С., 2026

Original article

Poleshchuk Maxim Sergeevich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
poleshchuk_maksim@internet.ru

SPECIFICS OF THE PREPARATORY STAGE FOR CONDUCTING A LINEUP INVOLVING A MINOR

Abstract. The organizational and cognitive complexity of conducting a lineup involving minors requires a comprehensive set of preparatory measures. Systematizing these measures scientifically enhances the efficiency of their practical implementation and optimizes the investigator's use of time and material resources. The purpose of this article is to identify the main elements of the preparatory stage for conducting a lineup involving a minor and to define its content. Research methods include analysis, synthesis, description, modeling and the systems-structural method. Results: the study confirms the importance of the preparatory stage for conducting a lineup involving a minor. The main preparatory measures for this investigative action involving a minor include: interrogation a minor making the identification, selecting the objects to be presented, selecting the participants, choosing the location and time for the procedure, ensuring the safety of the participants, preparing technical equipment and other materials and drafting a written plan for the investigative action.

Keywords: lineup, minor, preparation, forensic tactics, investigative action, forensics

For citation: Poleshchuk M.S. Specifics of the Preparatory Stage for Conducting a Lineup Involving a Minor. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 338–346. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.26

Введение. Производство предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего немыслимо без планомерного осуществления подготовительных мероприятий. Как справедливо замечает И.П. Можаева, повышение результативности работы следователя достигается, в том числе, путём повышения качества организационно-подготовительных мероприятий [1, с. 131].

Учитывая оригинальную познавательную природу предъявления для опознания и специфику несовершеннолетнего участника следственного действия, обусловленную возрастными особенностями развития, требуется подробнее рассмотреть структуру и содержание подготовительного этапа производства предъявления для опознания с его участием.

Допрос несовершеннолетнего опознающего. Взаимосвязь между предъявлением для опознания и предшествующим допросом диктует необходимость установления места последнего в структуре подготовительных мероприятий.

Р.А. Варфоломеевым в рамках исследования особенностей производства проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего сделан вывод о том, что допрос не является подготовительным мероприятием к производству последующего следственного действия. Автор полагает, что каждое из рассмотренных следственных действий преследует достижение своей собственной цели и решение соответствующих задач [2, с. 262]. На наш взгляд, допрос является неотъемлемой частью подготовки к предъявлению для опознания. Связано это с тем, что именно в ходе допроса происходит диагностирование первичной информации, влияющей на формирование следственной ситуации предъявления для опознания, а также осуществляется уточнение признаков искомого объекта.

Первичное диагностирование следственной ситуации, свидетельствующей о необходимости производства предъявления для опознания, предполагает выяснение в ходе допроса несовершеннолетнего следующих обстоятельств:

1. Возможность сопоставления описываемого образа объекта с тем, который предполагается проверить в ходе опознания.
2. Причины, препятствующие несовершеннолетнему в осуществлении индивидуализации описываемого объекта.
3. Обстоятельства, при которых несовершеннолетним осуществлялось восприятие объекта.
4. Возможность восприятия несовершеннолетним объекта вне связи с совершённым преступлением.
5. Позиция несовершеннолетнего по отношению к расследуемому уголовному делу.
6. Степень воздействия законного представителя и старших по возрасту лиц на психоэмоциональное состояние и поведение несовершеннолетнего.
7. Свойства, характеризующие личность несовершеннолетнего допрашиваемого.

Информация о характеризующих искомый объект свойствах также получается при производстве допроса. Такие возрастные особенности детей как небольшой словарный запас, недостаточная сформированность абстрактного мышления существенно затрудняют данный процесс. Е.Ю. Самолаева предлагает в качестве оказания помощи предъявлять лицу средства наглядной демонстрации. К ним автор относит композиционные портреты, изображения черт лица, цветовые таблицы [3, с. 41]. По нашему мнению, недопустимо предъявлять несовершеннолетнему готовый композиционный портрет в связи с тем, что объект, запечатлённый на данном средстве демонстрации, трансформируется в сознание несовершеннолетнего как целостный образ, что может поставить под сомнение объективность результата предъявления для опознания в силу ложного узнавания. В качестве альтернативы данного приёма предлагаем самостоятельное составление несовершеннолетним композиционного портрета на основе предложенных следователем отдельных черт лица.

Подбор объектов для предъявления. Принятие решения о производстве рассматриваемого следственного действия предполагает заблаговременный

подбор объектов, которые предполагается предъявить несовершеннолетнему. Основывается выбор на сходстве опознаваемых признаков объектов [4, с. 512].

Для предъявления для опознания живых лиц необходимо обеспечить участие не менее двух статистов. Учитывая тот факт, что данные лица не должны быть ранее знакомы несовершеннолетнему, на подготовительном этапе требуется ознакомиться с их биографией.

По мнению Ю.Н. Михайловой предъявлять для опознания необходимо 7–9 объектов. Обосновывается это автором ссылкой на «закон миллеровской семёрки», который говорит о возможности человека одновременного сосредоточения внимания на данном количестве объектов [5, с. 115]. Учитывая затруднения несовершеннолетних в распределении и концентрации внимания, значительное число предъявленных объектов, на наш взгляд, не будет способствовать повышению эффективности выделения искомого объекта из группы предъявленных. Исходя из этого, предлагаем ориентироваться на минимально допустимое уголовно-процессуальным законодательством количество объектов, то есть три.

Подбор участников следственного действия. Существенную роль при подготовке к производству предъявления для опознания играет подбор участников. Отличительной чертой их состава при производстве предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего, в ряде случаев, является необходимость привлечения к участию психолога.

По справедливому замечанию Р.А. Варфоломеева, потребность в его привлечении к участию в следственном действии может быть вызвана характером расследуемого деяния, в ходе которого производится следственное действие (оно вызывает у ребёнка чувство стеснения или стыда), и наличием у несовершеннолетнего психических аномалий [6, с. 127–128]. Психолог способен оказать следователю содействие в диагностировании поведенческих реакций ребёнка, определении уровня его психического развития, а также в формулировании вопросов как в ходе предшествующего допроса, так и непосредственно в процессе рабочего этапа предъявления для опознания.

Присутствие при производстве предъявления для опознания законного представителя несовершеннолетнего – важная гарантия защиты прав и интересов ребёнка. Согласно ч. 1 ст. 191 УПК РФ при производстве предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля вправе участвовать его законный представитель[1]. Анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что законные представители несовершеннолетних опознающих в ходе производства следственного действия, как правило, ведут себя пассивно и не оказывают негативного воздействия на несовершеннолетнего. Указанный факт подтверждается проведённым нами опросом следователей.

Выбор места производства следственного действия. Познавательная сущность предъявления для опознания в сочетании с психологическими осо-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации: офиц. сайт. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026).

бенностями несовершеннолетних диктует необходимость обращения особого внимания на условия производства данного следственного действия.

В ранее проведённых исследованиях высказывались суждения о необходимости выделения помещения для производства предъявления для опознания [7, с. 200]. На наш взгляд, в данном помещении должна быть предусмотрена возможность производства следственного действия как в условиях, исключающих визуальное восприятие опознающего опознаваемым, так и без такового. В одной части данного помещения (где располагаются объекты, предъявленные для опознания) требуется размещение стационарного видеозаписывающего устройства, в другой (где располагается несовершеннолетний опознающий) – применяется портативная видеокамера. Указанный порядок обеспечивает, с одной стороны, максимальный охват всего помещения, с другой стороны – позволяет акцентировать внимание на сообщённой несовершеннолетним информации и его поведении.

В криминалистике сформировалось достаточно распространённое мнение о том, что условия производства предъявления для опознания должны максимально соответствовать обстановке первоначального восприятия объекта. Например, А.Я. Гинзбург указывает, что «нельзя достичь полного сходства в обстановке для нового восприятия, но аналогичные условия создать можно» [8, с. 29].

По нашему мнению, воссоздание схожих неблагоприятных условий в ходе производства данного следственного действия не обусловлено его познавательной сущностью и может негативно сказаться на результативности следственного действия. Производить данное следственное действие необходимо в наиболее благоприятных условиях оборудованного для этих целей помещения.

Выбор времени производства следственного действия. В рамках осуществления подготовительных к предъявлению для опознания мероприятий необходимо обращать внимание на выбор времени производства следственного действия. В криминалистической литературе рекомендуется производить следственное действие сразу после обнаружения объекта, который предполагается предъявить для опознания. Объясняется это возможностью забывания ранее воспринятого образа [9, с. 414]. По нашему мнению, принимая решение о производстве предъявления для опознания, нужно руководствоваться не только временным фактором, но и принимать во внимание характер сложившейся следственной ситуации и необходимость реализации внушительного перечня подготовительных мероприятий.

Полагаем, что вопрос выбора времени производства предъявления для опознания необходимо рассматривать с точки зрения продуктивности деятельности ребёнка. В этой связи подлежат учёту особенности активности мыслительных процессов несовершеннолетнего исходя из времени суток. Стабилизация уровня работоспособности у детей наступает в течение полутора – двух часов после достижения его пика в промежутке между девятью и десятью часами утра. После чего наблюдаются признаки утомления [10, с. 69]. Исходя из этого,

наиболее оптимальным временем производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего предлагаем считать период с 10 до 12 часов.

Познавательная специфика предъявления для опознания предполагает недопустимость визуального контакта опознающего с опознаваемым и статистами. В тактических целях рекомендуется планировать разное время прибытия указанных лиц. Их сопровождение осуществляется сотрудниками оперативно-разыскных подразделений раздельно, предпочтительно разными маршрутами.

Обеспечение безопасности участников следственного действия. Принятие мер по обеспечению безопасности прежде всего направлено на пресечение возможного нападения на несовершеннолетнего опознающего. Чаще всего для этого достаточно привлечения к участию в следственном действии сотрудников оперативно-розыскных подразделений. При наличии объективных данных, свидетельствующих о риске психологического или физического воздействия (например, агрессивное поведение в ходе предшествующих процессуальных действий), предъявление для опознания целесообразно проводить в условиях, исключающих визуальное восприятие опознающего опознаваемым. Указанные условия, сами по себе, создают барьер для любого воздействия на несовершеннолетнего со стороны опознаваемого.

Подготовка технических средств и иных материалов. Данная деятельность обычно заключается в подборе средств фиксации хода и результатов следственного действия. Также подлежат подготовке и использованию вспомогательные визуализирующие материалы, изготовленные в ходе допроса несовершеннолетнего. При этом они используются в процессе предъявления для опознания следователем с целью сопоставления характерных свойств искомого объекта, сообщённых несовершеннолетним на допросе и в ходе опознания. Демонстрация данных материалов самому несовершеннолетнему недопустима в силу сохранения требований объективности следственного действия.

Составление письменного плана следственного действия. Планирование следственного действия охватывает весь подготовительный этап и завершается составлением письменного плана, включающего следующие элементы:

- цель и задачи следственного действия;
- место производства предъявления для опознания;
- время начала и ориентировочная продолжительность производства предъявления для опознания;
- перечень участников следственного действия с указанием их функций;
- технические средства, подлежащие применению;
- алгоритм действий следователя на рабочем этапе предъявления для опознания;
- свойства объекта, о которых несовершеннолетний сообщил на допросе;
- основные отличительные черты каждого из группы предъявляемых объектов;
- тактические приёмы, подлежащие применению в ходе рабочего этапа.

Заключение. Проведённое исследование особенностей подготовительного этапа производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего позволяет сформулировать следующие выводы.

Последовательная реализация подготовительных мероприятий является одним из ключевых элементов организации следственного действия, существенно влияющим на эффективность предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего.

В числе основных подготовительных мероприятий производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего выделяются:

1. Допрос несовершеннолетнего опознающего;
2. Подбор объектов для предъявления;
3. Подбор участников следственного действия;
4. Выбор места производства следственного действия;
5. Выбор времени производства следственного действия;
6. Обеспечение безопасности участников следственного действия;
7. Подготовка технических средств и иных материалов;
8. Составление письменного плана следственного действия.

В завершение отметим, что в рамках настоящей статьи нами рассмотрена лишь отдельная часть подготовительных мероприятий, которые наиболее ярко отражают особенности данного этапа предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего.

Список источников

1. Можаева И.П. Научная организация деятельности следователя: понятие и сущность / И.П. Можаева // Информационная безопасность регионов. – 2011. – № 1 (8). – С. 129–134.

2. Варфоломеев Р.А. Допрос как информационная основа принятия решения о производстве проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего / Р.А. Варфоломеев // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 4. – С. 260–269.

3. Самолаева Е.Ю. Теория и практика предъявления для опознания людей: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.Ю. Самолаева. – М., 2004. – 205 с.

4. Центров Е.Е. Руководство по следственной тактике: монография / Е.Е. Центров. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. – 576 с.

5. Михайлова Ю.Н. Информационная сущность предъявления для опознания и его тактические основы: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.Н. Михайлова. – Саратов, 2000. – 216 с.

6. Варфоломеев Р.А. Криминалистические особенности проведения проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4 / Р.А. Варфоломеев. – Уфа, 2025. – 242 с.

7. Свечникова Е.И. Процессуальные, технические и тактические проблемы предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, как уголовно-процессуальная мера безопасности, применяемая в отношении свидетеля / Е.И. Свечникова // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Том 3. – № 4. – С. 199–205.

8. Гинзбург А.Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике: учебно-практическое пособие / А.Я. Гинзбург; под ред. Р.С. Белкина; Ассоц. работников правоохранительных органов РФ. – М., 1996. – 128 с.

9. Криминалистическая тактика: учебник / под ред. А.С. Сорочкина. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 728 с.

10. Галимханов А.Б. Особенности тактики допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого / А.Б. Галимханов // Криминалистика как наука и учебная дисциплина: история, настоящее и перспективы развития: доклады Международной науч.-практич. конференции, посвящённой 35-летию кафедры криминалистики Института права БашГУ (Уфа, 27–28 сентября 2017 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 67–72.

References

1. Mozhaeva I.P. Scientific Organization of the Investigator’s Activities: Concept and Essence. *Information Security of the Regions*, 2011, no. 1 (8), pp. 129–134. (In Russian).

2. Varfolomeev R.A. Interrogation as a Basis for Decision–Making to Verify Evidence on the Scene with Minor Participation. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 4, pp. 260–269. (In Russian).

3. Samolaeva E.Yu. Theory and Practice of Presenting People for Lineup. *Cand. Dis.* Moscow, 2004. 205 p. (In Russian).

4. Tsentrov E.E. Guide to Investigative Tactics: Monograph. Moscow, Norma, INFRA–M, 2026. 576 p. (In Russian).

5. Mikhailova Yu.N. Informational Essence for Lineup and Its Tactical Foundations. *Cand. Dis*. Saratov, 2000. 216 p. (In Russian).

6. Varfolomeev R.A. Forensic Features of Conducting an On-Site Testimony Verification with a Minor Participation. *Cand. Dis*. Ufa, 2025. 242 p. (In Russian).

7. Svechnikova V.I. The Procedural, Technical and Tactical Problems of Personal Identification in Conditions of Witness Invisibility for Lineup as Security Measure in Criminal Procedure. *Juridical Journal of Samara University*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 199–205. (In Russian).

8. Ginzburg A.Ya. Identification in Investigative, Operational and Search, and Expert Practice: Practical Manual. Moscow, 1996. 128 p. (In Russian).

9. Sorochkin A.S. (ed.). Forensic Tactics: Textbook. Moscow, Yurlitinform, 2013. 728 p. (In Russian).

10. Galimkhanov A.B. The Features of Tactics of Interrogation of a Minor Suspect and Accused. *Forensic Science as a Science and Academic Discipline: History, Present and Development Prospects. Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 35th Anniversary of the Department of Criminalistics, Institute of Law, BashSU, Ufa, September 27–28, 2017.* Ufa, Editorial and Publishing Center of the Bashkir State University, 2017, pp. 67–72. (In Russian).

Информация об авторе

Полещук Максим Сергеевич – *аспирант кафедры криминалистики, Институт права*

Information about the Author

Poleshchuk Maxim Sergeevich – *Postgraduate Student of the Department of Criminalistics, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 03.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 12.06.2026 г.; принята к публикации 15.06.2026 г.

The article was submitted 03.05.2026; approved after reviewing 12.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.